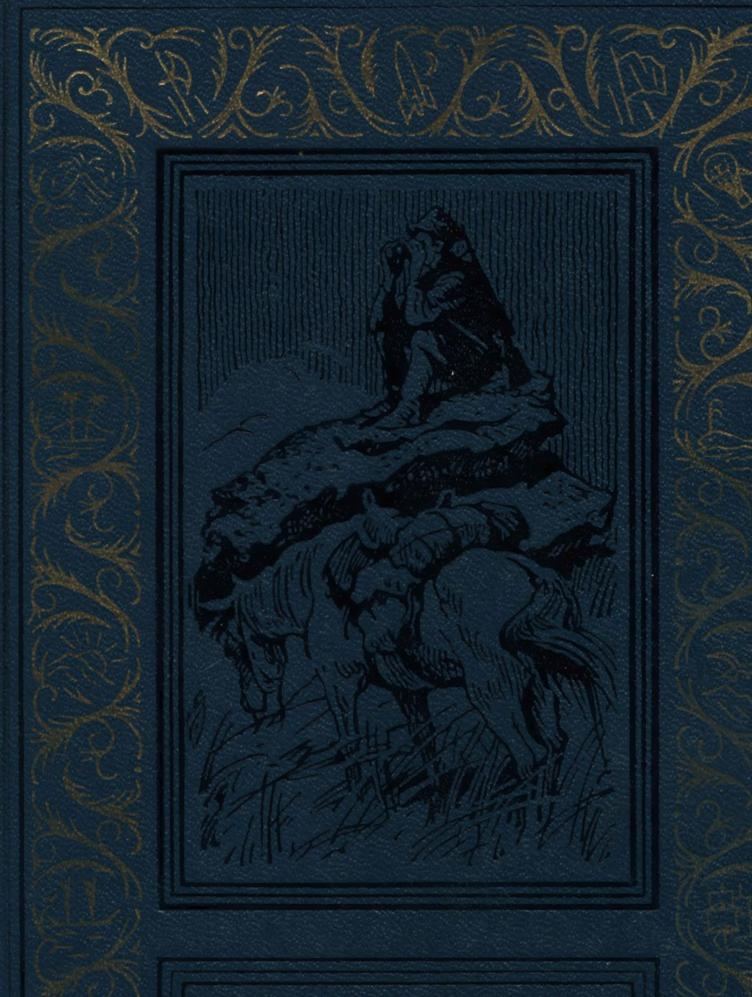
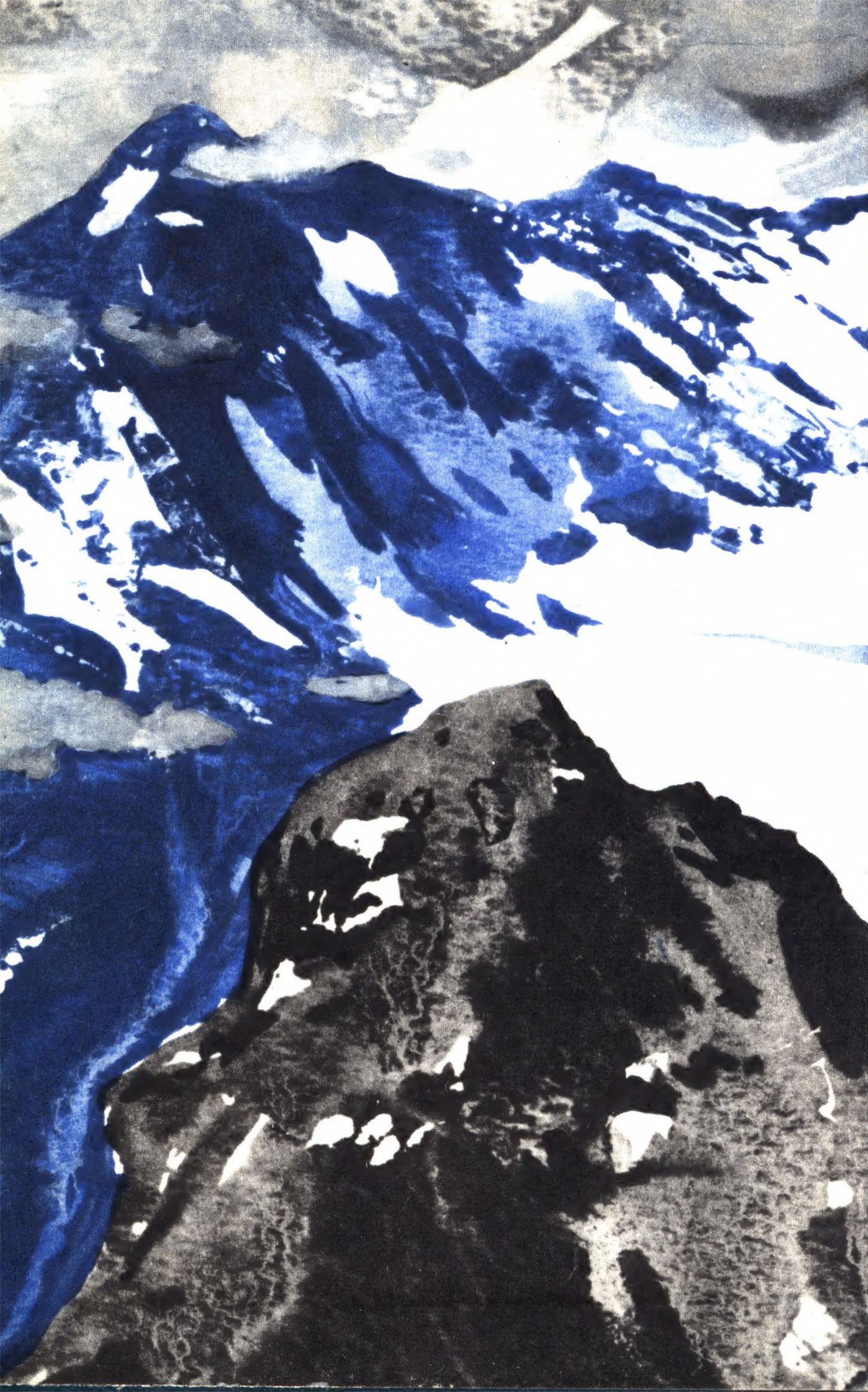

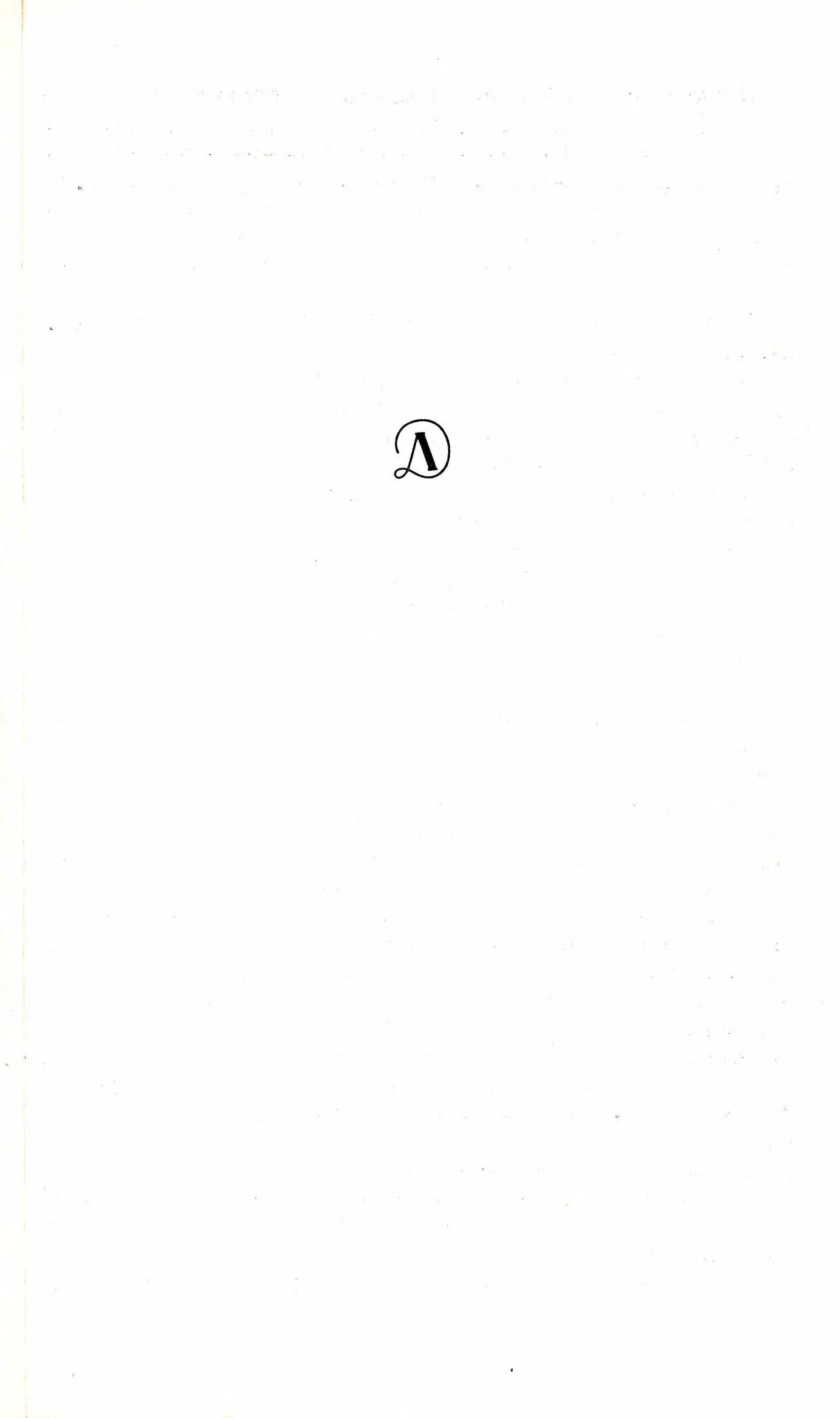
ВЯЧЕСЛАВ ПАЛЬМАН

ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1982

ВЯЧЕСЛАВ ПАЛЬМАН

ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

РОМАН

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Р2
П14

Судьба зубров, самых крупных зверей на континенте Европы, очень трагична. Эти могучие быки появились на Земле миллионы лет назад. Современники саблезубых тигров, мамонтов и пещерных медведей, они оказались пластичнее этих вымерших зверей, перенесли тысячелетние оледенения на западе Европы и на Восточно-Европейской равнине. Еще десять веков назад бесчисленные стада их паслись на просторе от верхней Волги до Кавказа, в бассейнах Вислы, Дуная и Рейна.

Перемены, связанные с деятельностью людей, вырубка лесов, ограничивали среду обитания зубров. В начале прошлого века их насчитывали всего несколько тысяч. В начале нашего — только сотни.

Первая мировая война, потом гражданская нанесли последний удар по зубрам. Их истребили повсюду. Исключение составили десятки зубров в зоопарках и зверинцах разных стран. И ученые России предприняли попытку спасти, воссоздать утраченный вид.

История эта полна самых драматических событий. Вторая мировая война вновь захватила последние ареалы расселения зубров...

В книге повествуется о событиях, ставших историей, о людях — реальных и созданных воображением автора,— чья воля и труд привели к возрождению вида и расселению зубра по старым и новым местам обитания.

Сюжет романа динамичен, в нем много приключений, горестных утрат и счастливых свершений. Главные действия романа происходят на Западном Кавказе, на территории нынешнего Кавказского заповедника.

РИСУНКИ Г. АКУЛОВА

Пальман В. И.

П14 Зеленые листы из Красной книги: Роман/ Рис. Г. Акулова.— М.: Дет. лит., 1982.— 320 с., ил.

В пер.: 75 к.

Эта книга является продолжением приключенческого романа В. Пальмана «По следам дикого зубра», вышедшего в издательстве «Детская литература» в 1978 году. Роман повествует об истории восстановления поголовья зубров в заповеднике на Кавказе.

П $\frac{4802020000-403}{М101(03)82}$ 507—82 **Р2**

Памяти добрых людей, кто волей, трудом и ценой жизни своей защищали зеленую колыбель нашу — Природу и все живое в этой колыбели. Нынешним защитникам Природы, перед которыми преклоняюсь.

Автор

ОТ АВТОРА

Представление действующих лиц и некоторых событий минувших лет, весьма необходимых для нашего исторического повествования

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗАРЕЦКИЙ — хранитель диких зубров великокняжеской охоты на Кавказе, затем егерь Народной охоты после гражданской войны и один из руководителей Кавказского заповедника на этой территории. Родился в Псебае, в семье отставного штабс-капитана. Учился в Лесном институте в Санкт-Петербурге. Замечен хозяином охоты — великим князем и, как отменный стрелок и джигит, оставлен на Кавказе. Страстный поклонник природы, посвятил себя охране зубров, судьба которых с первой мировой войны все более беспокоила ученых России.

К началу нашего повествования ему двадцать пять лет. С первого дня мировой войны 1914 года он на фронте, в чине хорунжего командует казачьей сотней. В этой сотне — казаки родной станицы, много егерей охоты, друзья Зарецкого. Молод, ловок и силен, с лицом чистым и голубоглазым. Издавна ведет записи событий. Одна тетрадь в синем переплете с такими записями использована автором в этой книге.

ДАНУТА ФРАНЦЕВНА ЗАРЕЦКАЯ — жена Андрея Михайловича. Дочь бывшего управляющего дореволюционной охотой — чеха Франца Носке, учительница, соседка Зарецких; она встретилась с Андреем, тогда еще студентом. Молодые люди полюбили друг друга. Казенный лесничий Керим Улагай, считавший Дануту своей невестой, стал врагом Андрея. Улагай продолжал преследовать девушку. Опасаясь беды, она тайно уехала в столицу, поступила на Высшие женские агрономические курсы. Вернулась в Псебай. Вышла замуж за Зарецкого. В 1914 году, перед войной, у них родился сын Михаил. Жила с родителями мужа.

КЕРИМ УЛАГАЙ — князь черкесского рода, один из братьев Сергея Улагая, известного по истории гражданской войны на юге: Сергей Улагай командовал дивизией у Врангеля, возглавлял белый десант на Кубани. Керим жесток, умен и высокомерен. Из чувства мести организовал покушение на жизнь Андрея и его близких. После окончания гражданской войны стал командиром белых банд на Кавказе. Бывший егерь охоты Семен Чебурнов, еще до войны 1914 года изгнанный Зарецким из охраны, является подручным Улагая. И тоже мстит хранителю зубров за свое унижение, за подстреленного брата — браконьера Ивана, по прозвищу Колченогий.

Друзья Андрея Зарецкого:

АЛЕКСЕЙ ВЛАСОВИЧ ТЕЛЕУСОВ, егерь Кубанской охоты. Пожилой человек, песенник. Острая бородка и усы делают его похожим на мушкетера. Опытный следопыт, страстный любитель природы, до конца верный товарищ. В 1909 году он поймал живого зубренка и назвал его Кавказом. По велению хозяина охоты Телеусов и Зарецкий повезли зубренка в Гатчину напоказ царю, после чего отвезли его в Беловежскую пущу. В этом царском заказнике они знакомятся с врачом Врублевским и местным егерем Андросовым. Во время войны эти друзья помогли сотне Зарецкого выйти из немецких тылов к своим.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЖЕВНИКОВ, егерь Кубанской охоты. Старше своего друга Телеусова. Богатырского склада человек, с лицом, обросшим густой бородой. Характера простодушного и прямого, знаток леса и зверя. Немногословен, хорошо разбирается в людях. Очень заботится о зубрах, любит этого исчезающего зверя и хорошо знает его.

АЛЕКСАНДР КУХАРЕВИЧ, сын казачьего офицера, однокурсник Зарецкого по институту и уже тогда — член РСДРП. После института работал в Новороссийске и продолжал работу в партии. Бежал от преследований, укрылся у Зарецкого в качестве егеря на дальнем кордоне. Там, вместе с женой, Кухаревич организует подпольную типографию. И там же Зарецкий знакомится с партийным связным Суреном. Как работник охоты Кухаревич сделал немало для сохранения зубров и до революции, и после. Он обладает разносторонними способностями, у него острая реакция, быстрая речь, прочная вера в справедливость и правду. Высокий, худощавый, слабого здоровья человек. С августа 1914 года — на фронте мировой войны.

КАТЯ КУХАРЕВИЧ — жена Александра Кухаревича, фельдшер по специальности, член РСДРП. Проста, умна и терпелива. Партийную работу ведет строго и осторожно. Приятельница Дануты Зарецкой. По решению партии большевиков в 1917 году с фронта едет на юг, где генералы готовят гражданскую войну.

ХРИСТИАН ГЕОРГИЕВИЧ ШАПОШНИКОВ, образованный зоолог, учился в Берлинском университете, еще до мировой войны много поездил по свету. Живет и работает в Майкопе. Весь во власти одного желания: создать на месте Кубанской охоты заповедник для зубров. В 1907—1909 годах составляет проект создания заповедника, императорская Академия наук одобряет его, но высшие инстанции не утверждают. Знаком с передовыми учеными России, поддерживает Зарецкого в его трудах. Человек смелый, решительный. Смуглолиц и черноволос. Войну провел на турецком фронте.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ и СОФЬЯ ПАВЛОВНА ЗАРЕЦКИЕ, отец и мать Андрея, старые люди, живут в Псебае, у границы лесного Кавказа. Почитают порядок, не любят суетных перемен. Глубоко честные люди, они желают видеть сына счастливым, честным и уважаемым в обществе.

Дни и годы революции, гражданской войны, неустройства. Кавказ, оставленный без охраны. Там зубры, которых все меньше. В предгорные станицы возвращаются казаки, усиливается браконьерство. Егери прибывают в Псебай, чтобы заняться своим делом: охранять зубров и других зверей, природу и красу Кавказа...

Часть первая

ТЕТРАДЬ В СИНЕМ ПЕРЕПЛЕТЕ

(Из дневников А. Зарецкого)

Запись первая

События семнадцатого года. Последние бои. Мы едем на юг. В Новочеркасске. Решение казаков. Освобождение Катерины Кухаревич. Бой у моста через Кубань. В родном доме

1

Осень шестнадцатого года выдалась холодной и злой. Сражения на фронтах мировой войны поутихли. Наш кавалерийский полк отвели под Сарны.

Непривычная тишина стояла здесь. Казаки несли караульную службу, собирались куренями, говорили и спорили о войне, откровенно скучали по дому. Никто не видел конца затянувшейся бойне. Будущее не угадывалось

и потому пугало. Просыпаясь среди ночи, я подолгу лежал с открытыми глазами и, чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, возвращался в недавнее прошлое. Чаще всего вспоминал минувшую осень, когда в разгар немецкого наступления мы оказались на положении партизан в районе Беловежской пущи. Кругом были немцы. Зубры хоронились в глухих лесах. Где-то здесь находился и выросший теперь зубренок по кличке Кавказ, которого мы вывезли из своих краев. Уцелел он или погиб? Мой знакомый Врублевский тогда сказывал, будто отправили его в Гамбург, в зоосад знаменитого Карла Гагенбека[1]. Лучше бы так. Все равно зубры в оккупированной немцами Беловежской пуще не уцелеют. А у нас?..

Все егери на войне. Кубанской охоты не существует. Кавказ с лесами и зверями открыт. Мы хоть и с винтовками, но далеко. Только в моей сотне десять егерей, среди них самые опытные и честные — Алексей Телеусов и Василий Кожевников. А наш ученый руководитель Христиан Шапошников, более всех сделавший для сохранения зверя на Кавказе, тот и вовсе на турецком фронте. Жив, нет ли? Кто защитит дикого зубра, когда в горы пойдут оголодавшие люди из станиц? От одного этого становится не по себе. А если война придет на Кавказ? Ведь немцы уже в пределах Украины.

В гнетущей бездеятельности проходили недели мрачной осени. Мы все стояли, чего-то ожидая. Офицеры не вылезали из клуба. Там дым коромыслом. Я не ходил, чтобы не встретиться с Улагаем: говорили, что его полк тоже в Сарнах. Лучше бы в бой, чем это прозябание, тем более что враг стоит на русской земле.

2

В конце ноября нас подняли в поход. Пошли на Мозырь. Там постояли шесть дней. Снова приказ, и по знакомой дороге весь кавалерийский корпус направился к Могилеву, где мы уже были в начале осени.

Расположились, окружив город с трех сторон. «Дикая

[1] Карл Гагенбек (1844—1913) — немецкий зоолог, основатель Гамбургского зоопарка, создатель открытой системы содержания животных.

дивизия» из кавказских горцев, которая входила в наш корпус, оказалась в пригородах. С фронта туда прибыл батальон георгиевских кавалеров.

Декабрь прошел спокойно, на рождество проводились парады и молебны; мы надрывали горло в криках «ур-ра!». Потом сказывали, что в столице произошла смена министров в правительстве, а в феврале гвардейцы шептали, будто царь приехал к войскам.

И вот семнадцатый год. Тишина взорвалась.

В последний день февраля российский император специальным поездом хотел возвратиться в столицу. Но царский состав не добрался до Петрограда. Рабочие железных дорог закрыли проезд между станциями Дно и Бологое. Остался один путь — на Псков. Туда и прибыл его эшелон. Говорили, что в тот же день из Петрограда к царю приехали военный министр Гучков и член Временного комитета Думы Шульгин. Они предложили Николаю Второму немедленно отречься от престола. Ночью третьего марта царь подписал акт об отречении в пользу брата Михаила, а тот сразу же отказался от престола «на волю русского народа»...

Вскорости войскам прочитали короткое извещение о создании Временного правительства. Газеты появились с крупными заголовками. Запомнилась одна фраза: «Государственная власть вернулась к своему первоисточнику. Россия стала народоправством».

Все казачьи части, выстроившись в огромное каре, повторили слова новой присяги: «Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обещаюсь перед богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему отечеству».

Присяга присягой, а чувство неудовлетворения не исчезало. Правда, в глубине души затеплилась надежда на скорый конец войны. Так опостылела!

Журналы, газеты, речи наезжавших господ из Думы, новых министров были полны словами «свобода», «братство», «война до победного конца». Все чаще стали вспоминать великое прошлое Руси, времена Минина и Пожарского, а заодно и о займе «Свободы». «Власть на местах и поведение граждан,— как писали газеты,— регулируется врожденным чувством права, политического чутья и тактом».

В середине марта всем нам было уже не до митингов.

Немцы прорвали фронт у Стохода, как раз там, откуда мы недавно ушли. Они быстро двинулись в глубь России.

Вдруг оживились все фронты. Генерал Корнилов на юго-западе со своими полками неожиданно разрушил оборону врага и двинулся на Львов. Немцы южнее этого прорыва в свою очередь ринулись к Днестру. Раненые из тех мест рассказывали о случаях оставления окопов нашими солдатами даже там, где боев не было. Нас в огонь не бросали, видимо, придерживали для других целей. А немцы тем временем перешли Западную Двину, взяли Ригу и двинулись к Петрограду. Тогда «дикая дивизия» и некоторые другие части кавалерийского корпуса тоже пошли к столице. Но не против немцев, а на защиту генерала Корнилова, который хотел стать военным диктатором России. Временное правительство поспешило объявить его мятежным генералом. Корнилов был арестован. «Дикая дивизия» так и не дошла до столицы. Ее разагитировали большевики.

Наш полк только раз ударил по немцам, сдвинул их с позиций. В этом последнем бою моя сотня потеряла двадцать два человека, среди них лучшего егеря охоты Никиту Щербакова. Удержаться нам не удалось. Соседи-пехотинцы, закинув винтовки за спину, стали покидать окопы.

В конце октября 1917 года в полк прискакали три незнакомых казака, и от них мы впервые услышали, что власть в Петрограде перешла в руки Советов.

Слова «Декрет о мире», «Декрет о земле», «Совет Народных Комиссаров», «Владимир Ильич Ленин» зазвучали в речах, со страниц листовок и газет, напечатанных на грубой, серой бумаге. Войска гудели, как потревоженный улей. Все это и радовало, и пугало. Стихийно возникали собрания, переизбирали командиров. Наша сотня на своем собрании постановила оставить командиром меня.

И тут я вспомнил Сашу Кухаревича, своего студенческого друга, большевика, который перед войной жил у меня на кордоне вместе со своей женой Катей. Где они сегодня? Какова их судьба? Живы ли? И если живы, то они, конечно, отстаивают Советы.

Кавалерийская дивизия, куда входил наш полк, после боев с немцами отошла к Минску. Здесь мы узнали, что Корнилов и другие генералы, намеревавшиеся создать

в России военную диктатуру, бежали из тюрьмы. Офицеры-корниловцы, ранее изгнанные из дивизии, появились вновь. Что-то назревало.

Возле Минска мы пробыли недолго. Однажды прозвучал сигнал «сбор», полк выстроился, и вернувшийся к нам старый полковник объявил, что «в интересах отечества» дивизия получила приказ готовиться в дорогу. Куда? Митинговать не дозволили.

Ранним утром мы подошли к небольшой станции. Там стояли три эшелона, поодаль кое-как были свалены тюки сена, мешки с зерном, продовольствие. Грузились молча, спешно. Алексей Телеусов недоуменно и даже с опаской смотрел по сторонам, задумчиво теребил бородку. Василий Кожевников, как всегда, работал без оглядки: заводил в вагоны коней, грузил фураж, таскал воду.

К полудню первый эшелон был готов в дорогу. Штаб полка поместился в обычном вагоне рядом с нашим. На крыше его установили два станковых пулемета.

Тронулись тихо, без гудков, без предупреждения. Редкие местные жители да ребятишки наблюдали за нами издалека.

Выглянуло солнце. Засверкал снег. Поезд пошел полным ходом. Мы натопили печь и приоткрыли дверь, чтобы проветрить крепкий конский дух. Телеусов посмотрел на солнце, на мелькавшие поля, на перелески и вдруг сказал:

— Хлопцы, а ведь нас на восток везут. По приметам вижу. Значит, дальше от фронта. Куда же это?

На одной из недолгих стоянок я подошел к знакомому штабному офицеру, спросил, куда мы едем.

— На место, определенное штабом.

— Куда «на место», если не секрет?

— Куда удастся. В общем, на Дон. Нам известно, что красные недавно захватывали Новочеркасск. Какие-такие красные?.. Я сам не понимаю. Их удалось выбить, но не разбить. Если эшелоны не задержат в пути, пойдем в Ростов.

Где-то около станции Елец, миновав с ходу Брянск и Орел, эшелоны остановились. Объявили готовность номер один. Прошел слух, что рабочие на железной дороге отказались пропустить казаков дальше. Полковник пригрозил разнести городишко. Там уже была Советская власть. Казаки построились, изготовились, но ничего не случилось.

Через два часа порядок на дороге восстановился, эшелоны тронулись дальше, но теперь уже не на восток, а через Касторную прямо на юг. И опять мы стояли у приоткрытой двери, неотрывно смотрели на уходящие назад холмистые поля срединной России, слушали за спиной фырканье коней и стук подков.

Еще раз остановка случилась уже на подступах к Донбассу. Здесь мы услышали далекую пушечную пальбу. Кто воюет? С кем? Снова ехали, один раз даже назад, чтобы с какой-то станции повернуть, кажется, на Миллерово. И наконец остановились у безвестного разъезда. Послышалась команда «Выходи!», и мы поняли, что прибыли на место.

Загремели сходни, застучали топоры. Я спрыгнул, огляделся. Степь лежала вокруг ровная, со снежными косяками в понижениях. Было довольно тепло, но неуютно. На разъезде распоряжались щеголеватые донские офицеры. В степи маячили их разъезды. По железной дороге подходили еще два эшелона нашего полка.

Перейдя на другую сторону пути, я увидел вдали темнеющее крутобережье, а выше берега многокупольный, сказочной красоты собор с сияющими крестами.

— Что за город, братец? — спросил у проходившего молодого донца.

— Столица наша, господин хорунжий,— не без гордости ответил казак.— Новочеркасск.

3

Сладко защемило сердце.

Где-то там, за донской столицей, и далее, за Ростовом, за степью, синеют горы. Мой Кавказ. Моя семья, Псебай, родные... Почти четыре года вдали от них, все время рядом со смертью, пощадившей меня. Теперь будь что будет, но все-таки мы уже близко от дома, вдруг судьба станет милосердней, позволит преодолеть и это небольшое расстояние, чтобы в один расчудесный день осадить коня у своих ворот, соскочить с седла и обнять сына, жену...

В Новочеркасск шли строем, с полковым оркестром и расчехленным знаменем, подтянутые, овеянные славой закаленных воинов, с крестами на груди. Но думы были невеселые. Зачем привезли нас сюда? Что должны делать,

когда на фронте развал и немцы движутся по России? Против кого привезли воевать? Ехали понуро, никакой оркестр не был в силах оживить колонны.

Только издали Новочеркасск казался мирным городом в голубой дымке. Чем ближе мы подходили, тем явственнее слышали отголоски недавнего боя. За городом редко, словно бы устало, ухали трехдюймовки.

Положение прояснилось только к ночи, когда сотни вошли в город. Все здесь напоминало прифронтовую полосу. Вился ядовитый дым. Скакали казаки. На тачанках везли раненых. Битые стекла, почерневшие стены домов, на мостовой кучи стреляных гильз. А на площади... Лучше бы мы объехали эту площадь стороной! На площади стояли виселицы. Под шестью из них раскачивались вытянутые фигуры. Полк прошел мимо этого места, как проходят мимо кладбища. Ни слова. Только лошадиный храп...

Спешились в отведенном месте на окраине города, и вот тогда начались сперва несмелые, потом все более громкие разговоры. Оказывается, только вчера казаки выбили из города упорно обороняющихся красных. Этим непривычным для нас словом обозначали всех, кто воевал за Советы, за большевиков и за Ленина. А белые — все, кто против, кто за старую власть.

Нас торжественно приветствовали донцы-офицеры, генералы, духовенство. Речи ораторов показались нам путаными, все много говорили об угрозе междоусобицы. Впервые прозвучали слова о Добровольческой армии. Ее организатором называли генерала Алексеева. Он находился уже в Новочеркасске. И Краснов. И Каледин — на посту атамана Войска Донского. Корнилов, Эрдели, старший Улагай прибыли в Новочеркасск раньше и тайно от всех, в одежде крестьян-беженцев. Называли имена Деникина, Маркова, Лукомского. Словом, весь генералитет, бросив Западный фронт на произвол судьбы, вдруг оказался на юге. И потащил за собой полки и дивизии, офицерский корпус и, уж конечно, военное снаряжение.

Похоже, что начиналась гражданская война.

Выяснилось, что красные отошли от Новочеркасска недалеко, до Каменской, и сдаваться не собирались. К ним приходили и приходят иногородние[1], часть казаков с турец-

---

[1] Так называли на Дону и на Кубани крестьян, приехавших из центральных районов России.

кого фронта, из пределов Украины. Что в Екатеринодаре — непонятно. Прибывшая из Турции 39-я дивизия в полном составе перешла на сторону красных и заняла Тихорецк, через который доставлялось оружие из Царицына. Новороссийск в руках рабочих. Нам предстояло определить, чью сторону взять. И брать ли вообще.

— А вот что я скажу,— пробасил Кожевников, когда в столпившейся сотне пошел крупный разговор.— Кому охота воевать супротив своих, иди к добровольцам. Мне, например, неохота. Пущай генералы власть делят. Уходить надо, Андрей Михайлыч, да поскорей, пока военным судом не застращали.

— Куда уходить? Каким путем?

— А таким,— быстро, словно давно все обдумавши, вступил в разговор и Телеусов.— Ростов у кого? У белых? Слух прошел, что в Екатеринодаре генерал Покровский. Вот мы и пойдем вроде как помогать своим кубанцам. Голосуй, командир. Как хлопцы решат, так тому и быть!

Митинг возник стихийно, постепенно собралась чуть ли не половина полка. Представителей Дона и Добровольческой армии не допустили, сказали: решаем земляческие дела. Не более чем за час вынесли решение идти в Екатеринодар. Все понимали, что не к Покровскому, а по домам.

Приготовления к походу заняли два дня. За это время еще новости. В Новочеркасске объявились чуть ли не все министры Временного правительства и члены Думы. Каледин и Корнилов не пожелали их видеть, отказались принять: генералы припомнили свой неудавшийся мятеж, распоряжение Керенского об аресте Корнилова. Что происходило в генералитете, никто не знал, но что-то очень драматическое. В день выхода нашей сотни налегке из Новочеркасска застрелился Каледин. Донским атаманом тут же избрали Краснова. Суматоха в верхах помогла нашему бегству.

Новый атаман призвал «верное казачество хранить свято присягу и клятву казачью в борьбе с кучкой людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма». Так он называл большевиков. А тем временем из штаба Краснова поползли слухи о том, что атаман сам обратился к Вильгельму с просьбой прислать немецких солдат для борьбы с большевиками.

Мы снялись с бивака ранним утром, оставив обоз и пулеметы. Полк как боевая единица перестал существо-

вать. Часть офицеров и старых казаков остались в Добровольческой армии, но помехи нам не чинили. Боялись.

Решили не идти через Ростов, взяли восточнее, вышли к Дону у станицы Богаевской, паромом переправились через рано вскрывшуюся реку и под взглядами удивленных станичников проследовали в обход Батайска проселочной дорогой на хутор Татарский.

К счастью, установилась теплая и солнечная погода, совсем не похожая на зимнюю. Небольшой снег почти всюду сошел, южный ветер успел подсушить землю, а на склонах и выгревах даже позеленело от молоденькой травы. Настроение поднялось. Вокруг меня сбились все псебайские хлопцы, да и вообще колонна как-то незаметно разбилась на землячества и все они обособились. Вольная

волюшка. Пели песни, коней не понукали. Родная сторона все ближе, Кавказ манил, война осталась где-то далеко-далеко. Тихая и теплая степь с голосами ранних жаворонков окружила и околдовала нас.

В хутор Татарский мы вошли стройно, с песней. Из крайних хат повыбежали дети, женщины. Широкая грязноватая улица наполнилась голосами. Кто такие приехали? Откуда? Не видели ли наших?..

В центре хутора густо толпился народ, в толпе были казаки с винтовками. Оседланные кони стояли у коновязей. Толпа гудела грозно и страшно. На корявый тополь полез казачина с веревкой в руках. Сразу вспомнилась сумеречная, страшная площадь Новочеркасска. Самосуд? Над кем? Ненависть и презрение к жестоким хуторянам заставила меня скомандовать:

— Приготовьсь!..

Черные бурки — а нас было около сотни — взяли толпу в кольцо.

— Что происходит? — строго крикнул я.

Расталкивая земляков, к самой морде моей нервной Куницы просунулся высокий урядник с глазами фанатика. Кобылка прижала уши, и он тут же отскочил, чертыхнувшись и держась за плечо: изловчилась куснуть. Сморщившись от боли, урядник крикнул:

— Эка зверюга у вашего благородия!..

— Не суйся под морду! — небрежно бросил я.— Что происходит? Короче!

— Агитаторшу словили, господин хорунжий. Вот тута, в степу. Она к красным пробиралась. Листки подметные у ей за пазухой.

И протянул мне мятый лист бумаги. Прокламация, призыв к казакам не вступать в Добровольческую армию.

Я тронул Куницу. Толпа расступилась. На голой земле, бессильно опустив голову, сидела женщина в порванном черном полушубке. Сапоги у нее уже стащили, воротник отодрали. Веревка с петлей раскачивалась на тополином суку. Из толпы неслись проклятия, истошно кричали хуторские бабы.

«Агитаторша» медленно и трудно подняла голову. С рассеченного лба стекала струйка крови. Глянула, увидела перед собой офицера в бурке и, не узнав меня, вновь уронила голову. Но я-то узнал!

Передо мной сидела Катя, жена Кухаревича. Мы корот-

ко переглянулись с Кожевниковым. У него задергалась щека: разволновался. Решение пришло мгновенно.

— Взять преступницу! — коротко приказал я.

Телеусов и Кожевников свалились с коней, растолкали толпу, рывком подняли на ноги маленькую, истерзанную женщину. Подвели запасного коня; Катю, видимо потерявшую сознание, взвалили поперек седла, Алексей Власович запрыгнул на круп, тронул повод и ловко выбрался из толпы опешивших хуторян за спины своих.

Казаки завопили, словно их обокрали. Кто-то клацнул затвором. Мои псебайцы вскинули винтовки.

— Ти-ха! — рявкнул огромный Кожевников и грудью пошел на урядника, толкнув его так, что тот чуть не свалился.— Приказ командира сотни сполнять без разговоров!..

Поутихло. Я проследил за Телеусовым. Он уже отъезжал в окружении десятка хлопцев. Тогда я поднялся на стременах и громко сказал:

— Казаки-хуторяне! От имени вольного Дона благодарю за честную службу. Вы арестовали опасную преступницу. Мы доставим ее в штаб на допрос, а уж потом будем судить военно-полевым судом. Будьте уверены, она все расскажет и получит по заслугам. Еще раз благодарю!

Развернув на месте Куницу, прямо через толпу, с рукой на расстегнутой кобуре, я пришпорил свою лошадку. Сотня поскакала следом.

Все произошло так быстро и так стремительно, что бравые судьи не успели сообразить, что к чему.

Не-ет, мы не остановились и на выезде из растянувшегося в длину хутора. Мы рысью проскакали еще версты четыре, потом по гребле[1], разбитой колесами, перешли топкий Кагарлык и только там, у одинокого стога сена на луговой низине, спешились, чтобы стать лагерем.

— Разойдись! — прикрикнул Василий Васильевич на хлопцев, с любопытством сгрудившихся вокруг Телеусова и Кати.— А ну, ребята, займись делами, пока мы тута сами...

Катю сняли с седла, положили у стога. Она постанывала. Лицо бледное, без кровинки. Глаз не открывала.

Алексей Власович налил в кружку немного водки, разбавил водой и, приподняв Катину голову, влил ей в рот.

---

[1] Гребля — земляная плотина.

Она закашляла и глубоко вздохнула. Взгляд ее сделался осмысленным, она осмотрелась, увидела бородатого Кожевникова, меня. И быстро, по-девчоночьи, зажмурилась.

— Не сон, Катя, это мы, мы...— Я погладил ее по плечу.

Еще раз оглядев нас, лагерь, коней, себя, она прежде всего запахнула на груди полы рваного полушубка, поджала ноги в мокрых чулках. И только тогда неуверенно сказала: «Андрей!» Слезы покатились по ее щекам. Сперва плакала тихо, потом навзрыд. Запоздавшая реакция.

Стемнело. Загорелись костры. Погони мы уже не боялись. До проклятого Татарского, как и до Мечетинской, отсюда верст пять или шесть. Да и постоять за себя мы могли.

Катя выслушала, как мы на нее наткнулись и, можно сказать, выхватили из смерти.

— Нету покоя людям и в этих степях, Катерина,— пробасил Кожевников.— Что в Рассее делается, мильёны людей мечутся с места на место. И ты туда же, малявая. Считай, повезло тебе, раз мы вовремя подскочили. Опоздай на полчаса, и быть тебе...

— Не вспоминайте, ради бога! — Она закрыла лицо ладонями.— Не могу представить...

Телеусов принес от большого костра котелок с кулешом; подбросили в огонь веток тальника и старого сена из уполовиненного стога. Вскипятили чай. Катя встала, прошлась. Вижу, шатает ее из стороны в сторону. И все ощупывает себя, морщится. Видно, били ее. Уже после чая сказала:

— Они схватили меня в хуторе. Я от самой Каменской на лошади пробиралась в одиночку. Конечно, в Екатеринодар. Все было хорошо, а тут не повезло.

— Саша где? — спросил я.

— Должен быть там, в Екатеринодаре. С фронта мы уезжали вдвоем, а потом начались бои за Новочеркасск, белые одолели. Саша с бойцами пробился на юг, а я с обозом раненых отошла к Каменской. Лишь потом, когда поместила раненых в лазарет, поехала тоже на юг, в обход Ростова. Глупая. Надо же додуматься — по пути раздавать листовки этим...

Оказывается, они вместе с Сашей воевали недалеко от нас, на Западном фронте, только южнее Бреста. Катя была военным фельдшером. Полк, где они служили, ушел с

фронта раньше, чем наш, там было много иногородних донцов. Вот и подались домой.

— А вы-то?! — Она посмотрела на меня.

— В Псебай. Своим делом заниматься. Зубров и леса охранять.

— Ох, Андрей, Андрей, боюсь, не удастся вам. Зубры, леса... Тут такое начинается!— И она вздохнула.

Мы стали определять, как идти дальше, Катя сказала:

— Точно знаю: красные полки Сорокина готовятся наступать на Екатеринодар. Они в Тихорецкой. Армавир и Кавказская тоже у наших...

И осеклась, с беспокойством поглядывая на бешметы с Георгиевскими крестами, на мои погоны.

— Наши, ваши... Не поймешь, кто и где, с кем и за что. Ты сама-то разобралась?

Она кивнула: лишний вопрос!

— Едем в Псебай,— предложил я.— Отдохнешь, потом вместе поищем Сашу. Как он? Не ранен, здоров?

— С первого дня на фронте. Крест заслужил. Уважение. При Керенском офицеров разоружал. Потом сам едва от смерти ушел, под арестом сидел, но бежал. Всего хватило.

В эту ночь мы почти не спали. Катя лежала, завернувшись в мою бурку. И все время постанывала. Бедная женщина, что она перенесла! И опять торопится в самое пекло гражданской войны.

Утром, когда прозвучала команда «На конь!» и сотня построилась, я сказал, чтобы рассеять всякие домыслы у хлопцев:

— Спасенная нами женщина ни в чем не виновата. Мы ее хорошо знаем. До войны она с мужем жила на кордоне в Гузерипле, он был егерем Кубанской охоты. Берем землячку под защиту?

— Берем! — недружным хором ответили казаки.

— Ну, а теперь, хлопцы, о дороге к дому. Стало известно, что из Тихорецкой на Екатеринодар вот-вот двинется одна из армий Советской власти. А к западу отсюда, в Ольгинской, стоит Корнилов с батальоном офицеров. Если мы не хотим попасть к Покровскому или Корнилову, путь остается один: спешно пройти степными дорогами на Кореновскую и выйти к реке Кубани, чтобы переправиться через нее возле Усть-Лабинской, где был мост. Других планов нет? Нет! Конь для Катерины Кухаревич готов? Револьвер

возьми, Катя. Алексей Власович, помоги-ка! Короче стремя подтяни. Вот так. Трогаем!

Надо непременно успеть до схватки, которая разгорится на полпути к дому. А тут еще погода. Зима опять собралась с силами, резко захолодало, подморозило. По хрусткой стерне, по пашням, минуя главные дороги, где можно было встретить кого угодно, мы прошли за день верст восемьдесят.

Не только наша сотня шла в эти дни на юг. Нас постоянно догоняли и обходили группы каких-то всадников, мы сами обходили других, более уставших. Со всех фронтов к родным местам шли казаки и солдаты, вооруженные, обросшие, с горячечными глазами, на все готовые. Все торопились домой, чтобы хоть на какое-то время почувствовать себя хлеборобами, да и понять, наконец, что происходит вокруг, где правда, за которую можно и нужно постоять.

Одна из таких групп — казаки из Темиргоевской, почти земляки, числом более полусотни — догнала нас, и командир, пожилой урядник, узнав кого-то из псебайцев, доверительно сказал мне:

— А немцы, понимаешь ли, возля самого Ростова. По пятам идут. Ландверная дивизия. То ли Краснову в помочь, то ли сама по себе. Мы прямо через город проскочили.

Земляки шли вместе с нами, потом ускакали вперед. У них был пулемет на вьюке и добрый запас продовольствия.

На подходе к станции Динской, куда из близкого Екатеринодара, как сказывали в хуторах, подтягивались белогвардейские отряды Покровского, одного из генералов деникинской армии, человека крайне жестокого, Катя сказала:

— Теперь распрощаемся, Андрей.

— Опасно, Катя. Лучше бы ты с нами.

— Нет. Мне очень надо. Буду хитрей и осторожней. Листовок при мне нет, скажу, что иду с фронта к мужу. Сашу надо найти, хочу быть вместе с ним, а то такое начнется!..

— Ты думаешь?..

— Война, Андрей. Теперь уже классовая война, гражданская. В казачьем крае создается центр контрреволюции. Вот почему Корнилов, Деникин, Алексеев прибыли сюда. В Екатеринодаре, насколько мне известно, недавно

было две власти: Кубанская рада и подпольный ревком. И два войска: Покровский с офицерами, а с другой стороны — вооруженные рабочие, иногородние, артиллерийский дивизион.

Я поймал ее взгляд, спросил:

— Не осуждаешь меня? Вместо того чтобы в борьбу...

Она покачала головой, серьезно сказала:

— Нет. Очень рада, что ты не пристал к Корнилову. И кроме того, у тебя есть важное дело: твои зубры, заповедный лес. Они тоже нуждаются в защите.

— Кому сейчас до зубров дело? Вот ты говоришь, два правительства в городе. К кому идти за поддержкой? Кого интересует зверь? Смотри, сколько людей с винтовками несется в предгорья! Отдышатся — и на охоту. Не смешно ли мы выглядим, что в такое время толкуем о сохранности природы?

— Нет,— спокойно возразила она.— Не смешно. Ты хочешь сохранить народное достояние. Вот тебе ответ, к кому идти. Рано или поздно народная власть победит. И тогда мы все займемся устройством новой жизни. Поверь, в этой жизни нам многое потребуется. И зубры тоже. Если, конечно, их удастся сохранить. А это уже во многом зависит от тебя и твоих друзей. Ты согласен с мной?

Катя понимала, что этот спор я затеял только для того, чтобы уверить себя, подбодрить своих: Телеусов и Кожевников слушали нас серьезно и молча. Хорошо она сказала!

На окраине хутора Кочеты, когда мы без осложнений миновали железную дорогу, Катя попрощалась с нами. В широкой бурке, в кубанке, с револьвером за поясом, она в последний раз белозубо улыбнулась, пропустила сотню и шагом поехала вдоль речки направо, к страшному сегодня Екатеринодару. Семнадцать верст. Будь удачлива, Катя!

4

Мы угадали выйти на восточный край станицы Усть-Лабинской.

Спустившись по крутому, оврагами изрытому берегу в приречные луга, наша разведка опять наткнулась на темиргоевский взвод. Земляки сгрудились под укрытием заиндевевших ветел и горячо о чем-то спорили. Два казака лежали на бурках. Раненые. Один, с винтовочной пулей в животе, казался безнадежным.

— Где, кто, почему?..— загомонили мои хлопцы.

Тот же урядник, растерянный и злой, стал рассказывать, размахивая руками:

— На мост, понимаешь, не пущают. Велено иттить в город на подмогу к этому самому Покровскому. Мы сунулись было — и вот...— Он указал на раненых.

— Много их там, у моста?

— Полусотня. И пулемет на входе. Черкесы, понимаешь, из «дикой», что ли. А-ла-ла по-своему. Приказ. Всех, кто до дому идет,— возвертать. Видит бог, не хотели мы никакой войны. Но ежели такое дело, ежели нам стали поперек дороги... Пособите, хлопцы.

Мы тоже не хотели войны.

Пошептавшись с Кожевниковым и оставив его за себя, я с двумя казаками не спеша поехал к мосту. Только нас увидели, как грохнул предупредительный выстрел. Мы остановились, подняли руки. Потом сошли с коней и тихомирно двинулись дальше. Навстречу нам пошел маленький чернявый подъесаул.

— Что вам угодно? — чисто, без акцента, спросил он.

— Перейти на левый берег. Мы едем домой. С фронта.

— У меня приказ генерала Покровского. Вы обязаны явиться к начальнику гарнизона города. В его распоряжение.

Офицер говорил резко и непреклонно. У моста толпились и прислушивались десятка два увешанных оружием черкесов. Пулеметное рыльце торчало из кругового окопчика, отрытого справа от моста на этом берегу.

— Мы отвоевались. Настаиваем на пропуске.— Теперь и я говорил жестко.

— Господин хорунжий, я исполняю приказ. Если я пропущу вас, меня повесят. Дальнейшие переговоры излишни. Честь имею!..

Четко повернувшись, он пошел прочь.

Темнело. В Усть-Лабинской, на высоком берегу, редко постреливали. Видно, и там не все спокойно. Есть ли в станице отряды Покровского? Или эта полусотня — весь здешний гарнизон?

Мы возвращались берегом реки. Кубань катилась мутная, темная и холодная. Можно и вплавь. Но не всем.

Кожевников стоял на берегу.

— Приказ сполнили,— коротко доложил он.— Четверо уплыли. С конями. Вот жду.— И, помолчав, тихо доба-

вил: — А того сейчас ребята хоронят, скончался, бедняга, не доехал до дому.

Заплескалась вода, показалась лошадиная голова и человек сбоку. Они осиливали течение. Хлопца вытащили, мигом раздели, дали сухое. Коня гоняли вдоль берега, чтобы согрелся.

— Ну что? — Василий Васильевич протянул смельчаку водку.

— Там остались, караулят пленных. Порядок. Наряд у черкесов как раз сменился — и в хату, а-ля-ля, ба-ля-ля, пятое-десятое. Там тоже пулемет. Мы их повязали всех, уложили, а я сюда. Ночь темная. Как мы отседова ударим, хода им через мост не будет.

Стали готовиться к атаке. Казаки по-пластунски поползли к мосту, приблизились шагов на сто и залегли. Охрана не спала. Послышалась команда. На узком мосту удалось разглядеть трех караульных: шли на ту сторону моста. Смена. Сейчас их тоже... Лишь бы без шума.

Прошло минут двадцать. Ничто не нарушило тишину ночи. На мосту опять послышались шаги, с той стороны шли спокойно. Уже наши. Они остановились посредине. Голос подъесаула произнес какое-то приветствие. Хлопнула дверь: он ушел в помещение. Еще полминуты ожидания, потом короткий вскрик, два, еще один выстрел, возня у пулемета. Казаки дружно бросились вперед.

Начальник караула лежал на пороге домика с револьвером в руке. Отвоевался. Остальные охранники сидели на корточках, раздетые, более удивленные, чем испуганные. Бой вышел короткий, но и у нас было четверо раненых.

Пленных повязали, оружие отобрали. Подошли ездовые с конями. Подковы зацокали по доскам. К пленным присоединили шестерых взятых на той стороне. Вели их за собой почти всю ночь. А утром развязали всем руки и уже на виду Темиргоевской приказали топать назад.

Последнее право оставаться вне войны добыли не без жертв. И впервые столкнулись с теми, кто назывался белыми, пролили их кровь.

В Темиргоевской сказали, что станица Курганинская — на пути к Псебаю — воюет. Война уже придвинулась к нашим домам. Что же в Лабинске?..

— Обойдите его,— посоветовали темиргоевцы.

Обмелевшая Лаба без особых трудностей пропустила нас на левый, лесистый берег. Проводник из Темиргоев-

ской, в знак благодарности за помощь землякам, повел нас по речкам Чохрак и Фарс через Боракаевский аул, и там мы простились с ним. Отсюда дорогу знали.

В эти дни облака наплывали густо и низко, сыпало снегом и дождем. Ночевали в леске. Ранним утром, как только рассеялся густой туман и пахнуло горной свежестью, я глянул от костра на юг и замер. Скалистый хребет рельефно, все более ярко выдвигался из белой мглы, черный от леса, величавый и загадочный, как стена волшебного царства.

Телеусов воздел руки к небу. Вдруг все опустились на колени. Родной наш край, к тебе через тысячи верст, одолев все опасности и самою смерть...

Три часа ходу до Псебая, по каменистым тропам, через знакомый лес, в гору, в гору! Тут мы обнялись и расстались с Алексеем Власовичем, с жителями из Даховской и Хамышков. Еще семнадцать человек пошли на восток, в Каладжинскую.

Всадники повернули к Псебаю и в соседние с ним поселки.

— Ры-ысью! — скомандовал я, наверное, в последний раз.

Куница загремела удилами и, взыграв, крупно пошла вперед, будто чуяла, что дальней дороге приходит конец. Звякали стремена, постукивали ножны шашек, бились у ноги зачехленные винтовки. Гривы развевались от быстрого бега. Вот и огороды, подъем к церкви, вот и наша улица. Мы прощались на ходу, отряд рассеивался, и, когда я увидел дом родителей, возле меня никого не было.

Куница бежала ровно и скоро. Что это за фигурка под окнами нашего дома? Тепло одетый мальчуган стоял, держась одной рукой за рейку палисадной ограды, палец другой — во рту, и весь внимание. У меня зачастило сердце. Неужели он, мой сын?.. Куница, разбежавшись, вдруг словно бы села на задние ноги и, задрав красивую голову, встала как вкопанная в пяти шагах от него.

Мальчуган не отступил, не побежал. Он удивленно, немного сурово наблюдал за шалостью незнакомого человека с лошадью, и эти сдвинутые бровки под большим лбом так походили на дедушкины, что я вскрикнул от охватившего меня счастья:

— Мишанька!..

В ту же секунду он оказался у меня на груди,

неузнаваемо-большой, тяжелый и серьезный. Щетина плохо выбритого подбородка уколола его, он тронул мои щеки, чуть отодвинулся и сказал недоверчиво и удивленно:

— Па-па?..

Я прижимал его к себе, смеялся и плакал. Сын молча разглядывал меня, Куницу, которая беспризорно переступала у забора, просясь во двор, откуда пахло стойлом и сеном.

Хлопнула дверь. Мама пошатнулась, взялась за сердце. Я подхватил ее. А в дверях, на ходу надевая теплый жакет, уже стоял отец, руки у него дрожали, он никак не мог попасть в рукава, сердился, и это до боли знакомое выражение его лица — осунувшегося, с обвислыми желтоватыми усами — едва не заставило меня зарыдать. Белая-белая голова делала его не похожим на прежнего, довоенного.

Всей группой мы протиснулись в дом, где пахло валерианой, адонисом и полузабытой чистой теплотой.

— Данута! — закричал я.

— На работе, на работе,— торопливо сказала мама, маленькая, ссохшаяся, с беспокойными покрасневшими глазами. Она все еще не верила, что это я. Из ада кромешного жив-невредим...

Резко хлопнула дверь. Или кто-то сказал Данута, что видели меня, или кто-нибудь из всадников проехал мимо — и она, гонимая предчувствием, помчалась домой. Розовощекая с холоду, полная, добрая, она бросилась ко мне, зацеловала и, ослабев, опустилась на диванчик.

— Есть справедливость на земле,— вдруг почему-то по-чешски сказала она и прошептала имя своей матери.

— А там конь,— хозяйственно сказал Мишанька, возвращая нас к реальности.

Отец поднялся, засуетился.

— Не подпустит,— остановил я его.— Очень норовистая.

— И меня? — удивилась Данута и вдруг потянула за собой.

Куница все топталась на тротуаре, соседи уже пробовали завести ее во двор! Куда там! Она скалилась и злобно фыркала. Лишь увидев меня, как-то смешно подпрыгнула одними передними ногами и затихла.

А далее произошло необыкновенное. Не я, а Данута первой протянула к ней руку. И Куница доверчиво ткнулась теплыми губами в ладонь. Далась погладить! Данута

повела ее. Уже во дворе лошадь привычно наклонила голову, приглашая снять уздечку, совсем смирно пошла за женой к сараю, возле которого я, наконец, стащил с ее потной спины сумы и седло.

В сарае заржал конь. Я глянул на Дануту.

— Это мой,— сказала она не без гордости.— Куна́к. Они подружатся, вот увидишь.

В боковом стойле топтался гнедой конь с белыми чулками на передних ногах, высокий, худошеий, похоже, орловских кровей. Куница прижала уши. Кунак с достоинством посторонился и тихо заржал. Куница по-хозяйски сунула голову в ясли и с хрустом принялась за сено.

Уже за столом, где шумел самовар, а передо мной стояла старая, склеенная чашка из моего детства, наговорившись обо всем, я рискнул спросить у отца:

— Какая в Лабинской власть?

Он пожал плечами.

— Вчера она называлась советом комиссаров. Фамилия у комиссара Безверхий. Выше его нету. Ну, а кто сегодня — не знаю.

— А в Псебае?

— Никакой власти. Живем по велению совести.

— Послушай меня, Андрюша...— Данута вскинула голову.— В Армавире действительно комиссар Безверхий. Только что почта принесла его приказ. Там сказано, чтобы бумаги, подписанные атаманами и старшинами, считать незаконными. Но прискакали двое псебайцев и сказали, что у станции Энем Покровский разбил отряды новой власти и в Екатеринодаре все по-старому. Ничего понять нельзя.

— Ты спроси ее, спроси,— перебил отец,— кого она лечит своими травами?

— Всех, кто болеет,— тотчас ответила Данута.— Вчера приехали из Армавира, просят лекарства для армии Сорокина. Понятия не имею, что за армия. Отдала три мешка разных трав. Кто-то у них страдает, как не помочь? Ведь люди. Люди!

— А конь у тебя не из той армии?

— Это тоже целая история. Он сам заявился. И знаешь где? У моста через Черную речку. Бежал через лес с верховьев Белой. Там, говорят, скрываются казаки бывшего атамана Данилова, их выгнали из Майкопа части Красной Армии. Кунак, по-видимому, отбился от бежавших каза-

ков, а мы с девочками как раз домой собрались, после сезона сбора трав. Он так доверчиво подошел ко мне! Взяли, и с тех пор у меня.

— Что делается с отечеством, что делается! — Отец зажал голову в ладонях.— Немцы на Дону. Они взяли Киев, Крым... А мы друг друга бьем. И сказывают, что Краснов любезничает с германцами. Какой позор! Какое несчастье!

Мне удалось рассказать о Кате Кухаревич. Мама и Данута заплакали, Мишанька заревел из солидарности с ними.

— Надо отдать должное Катиной храбрости,— сказала Данута.— Саша и она — оба преданы своему идеалу. Если у новой власти все люди такие, то я не завидую белым.

Отец сурово посмотрел на нее, но ничего не сказал. Наверное, подумал: таких бы людей, да против германцев... У него был один враг. И ничего другого старый воин не хотел понимать.

Вечером все мы пошли на могилу родителей Дануты. Возвращались успокоенные. Война отодвинулась куда-то далеко-далеко. Вернулись, истопили баню, после чего весело ужинали, меня заставляли рассказывать о войне, я придумывал какие-то байки, чтобы не растравлять себя и родных страстями и бедами.

Мишанька так и уснул у меня на коленях. Я вытащил у него из-за пояска разряженный немецкий браунинг, который он выклянчил, и отнес сына, сникшего от множества впечатлений, в его кроватку.

Запись вторая

Что происходило на Кубани. Смута. Деятельный Шапошников. За помощью — к Советам. Мы создаем охоту. Подсчет зубров. На Кише. Поручик Задоров. Вести от Кухаревича. Налет на дом родителей

1

Проснувшись, я увидел рядом с собой Мишаньку. Одетый, умытый, он бочком сидел на кровати и разглядывал меня серьезно и пытливо. Перехватив мой взгляд, покраснел, зачем-то начал рассматривать свои руки, совсем смутился, и тут же бросился на меня, обнял, завозился.

— Мама где?

— На кухне. А дедушка чистит лошадей и ругает твою Куницу. Такая непослушная! А на улице снег, и тебе велели спать, сколько хочешь. Только сперва дай мне револьвер.

Я посмотрел в окно. Шел густой, неторопливый снег. При полном безветрии он нехотя ложился пухлым одеялом на землю, крыши, скамейки и кусты. Кажется, даже в комнату проникал его влажный запах,— чистый, холодный, живо напомнивший санную дорогу и засыпанные пихты в горах. А по календарю начинался март. Какая поздняя зима! Она особенно трудна для зверей в лесу.

Одеваясь, я уже думал о зубрах! И был уверен, что Алексей Телеусов и старики егеря, которые без нас четыре года несли посильную охрану зубра, тоже смотрят сейчас на снег и думают о зверях.

Данута лишь на один час сбегала на свою работу. В одном из вдовьих домов она соорудила «аптеку»: там готовили из трав, кореньев и цвета самые простые настойки и отвары. Эти лекарства разбирали охотно, поскольку ничего другого для больных не было.

Вернувшись со свежими новостями, она принесла также пачку разных газет за минувший 1917 и нынешний 1918 годы. Тут оказалась «Прикубанская правда» — орган рабочих Советов и «Вольная Кубань», которую издавало войсковое правительство, учрежденное Керенским. Комиссар этого «правительства» Бардиж в первой своей статье писал: «Новое правительство будет уважать права казачьего самоуправления; право, которое завоевано кровью наших предков. Казачество самолюбиво, но оно знает, где кончается свобода и начинается анархия. Казачество всегда будет оплотом законности и порядка».

Если нам обращаться за помощью, то непременно к этому комиссару, который пишет так туманно и красиво. Какая ни на есть, а власть!

Но в другой газете минувшего года сообщалось о летних демонстрациях рабочих в Екатеринодаре. «Долой Бардижа!» — кричали тогда на Соборной площади города. Это действовал Совет рабочих, казацких и солдатских депутатов. У Советов имелись свои лидеры: Ян Полуян, Вишнякова, о которой я еще до войны слышал от Кати и Саши Кухаревичей.

Может быть, именно Совет решит затянувшуюся кани-

тель с заповедником? Конечно, если у Советов имеется реальная власть.

Газеты первых месяцев этого года сообщали о такой же власти в Новороссийске, Тихорецке, Кавказской, Армавире. И о новом войсковом атамане полковнике генерального штаба Филимонове, о частях «дикой дивизии» в Екатеринодаре. На город наступали революционные армии, бои шли у Пластуновской, в тридцати верстах от Екатеринодара. Ростов оставался в руках Советов. А генералы Алексеев и Корнилов продолжали создавать и усиливать Добровольческую армию. Корнилов с боями шел по Кубани на Екатеринодар. О каком заповеднике разговор?

В тот же час я вспомнил о грустной обязанности, которую должен был исполнить. Среди погибших в моей сотне были псебайский старшина Павлов и егерь Щербаков... Собрал в два пакета документы, мелкие вещи, папахи погибших и пошел к их родным.

Как вестник бедствия заявился я в дом бывшего псебайского старшины, поклонился с порога и молча положил на стол пакет. Семья уже знала о смерти хозяина, отплакала свое, но, когда развернули пакет с крестами за отвагу, с письмами, когда увидели папаху с потеками крови, опять ударились в голос, да так, что дрожь по спине. Карту с крестиком, обозначавшим могилу на берегу Бобровицкого озера в Белоруссии, я оставил вдове.

И в семью Никиты Ивановича Щербакова уже пришла недобрая весть. Могила у Пинска... И там были слезы и рыдания.

Вернувшись, увидел у ворот сани, запряженные парой, и верхового коня. Гости.

В большой комнате отец вел неторопливый разговор с егерями. Какова же была моя радость, когда я увидел Христиана Георгиевича Шапошникова!

— С возвращением, Андрей Михайлович,— сказал он.— Вот и свиделись, благодарение судьбе!

Его потемневшее на солнце и ветрах лицо с энергичными складками по щекам, его черные усы и густейшие волосы с едва заметной проседью создавали впечатление воли и жизненной закалки. Вот на кого надежда!

Василий Васильевич Кожевников сидел на корточках в углу. Его одногодок Седов, добровольный егерь из Сохрая, и наш сосед по улице пожилой Коротченко поцеловались со мной и сели. Мама накрывала стол к чаю.

— Не стерпел я, Андрей Михайлович,— начал Шапошников и похлопал ладонью по бумагам на столе.— Ты уж прости, что и отдохнуть тебе не дали. Такие срочные дела...

— Они по первотропу зубров уже посчитали,— гулко заговорил Кожевников.— Четыреста двадцать три всехнавсех. А на Молчепе только восемь. Провоевали мы зверя.

Вот он, первый удар. Если верить подсчету, на Кавказе уже потеряна треть стада. Треть! Что ожидает нас весной, когда в ход пойдут тысячи винтовок, привезенных казаками с германского и турецкого фронтов?

— Бумаги ты поглядишь потом,— сказал Шапошников.— Я тут на свой страх и риск чего только не делал, куда не ходил и кому не писал!

— У Бардижа были?

— Сразу после смены власти. В этой папке и его грамота есть. Что толку? А до этого у генерала Бабыча приема добился. Тоже грамотку унес. Цена этим грамотам сегодня грош.

— Кто же творил беду? Кто стрелял зубров?

— Не все мужики на войну отбыли. Промышляли куницу, шкурки в цене. А между делом и по зубру стреляли, мясо для капканов — самая хорошая приманка. Я тоже ошибку допустил, разговоры о зубровом заповеднике надо было в тайне держать, а я по легкомыслию на всех углах шумел. Ну и дошумелся.

— Не понимаю,— признался я.— Чего таить?

— В станицах и аулах слух прошел: «Ага, зубров решили сберечь? Для них пастбища в горах отнимаете? А много ли тех быков в горах? Шесть или семь сотен. Ну, а если их не останется вовсе? Тогда и заповедник не нужен? И пастбища для нашей скотины останутся, так? Возьмемся за зубров, перебьем — и концы. Луга останутся у нас, у станичников».

— Да разве об одних зубрах речь!

— То не в счет. А все разговоры о зубрах. Вот почему прежде всего повыбили зубров на Молчепе, там домашнего скота более всего. Нету зубров — и луга свободны, паси скотину. Но это только одна из причин. Со стороны Загдана браконьеров много. Вот Седов дрался с ними, знает. Пулю до сих пор в ноге носит.

Старик покачал головой, тронул бедро. Не на войне, а смерть была рядом.

Когда гости собрались уходить, я спросил:

— О Чебурнове что-нибудь известно, о злодее нашем?

— О Семене? Сказывали, что с Керимом Улагаем в его ауле находится. Сюда носу не кажет. А Ванятка, его брат колченогий, здесь торгует зубриными шкурами. И через него браконьеры сбывают. В Майкопе шкура идет по сорок целковых. Завтра суббота? Ну, так на воскресный базар как раз завтра и поедет.

Проводив гостей, я сел разбирать бумаги, оставленные Шапошниковым.

Знал о деятельной натуре Христиана Георгиевича, но, право же, не предполагал, что он так много успел сделать, чтобы уберечь заповедного зверя. Оказывается, уже в 1907 году писал о необходимости заповедования Кавказа. Состоял в межведомственной комиссии Академии наук. Наметил границы, правила охраны, определил судьбу леса, лугов, зверя. И всюду писал слова: «зубры», «зубровый», «для зубров». Понимал ценность диких быков, но не догадался, что именно на этих его словах сыграют недалекие и корыстные люди.

Читаю любопытный документ: статью академика Ивана Парфентьевича Бородина о заповедниках, написанную еще до войны. Шапошников был знаком с ним, они встречались, кажется, в Берлине, где учился Христиан Георгиевич.

«Россия не может не примкнуть к этому широкому движению, охватившему Западную Европу, это наш нравственный долг перед Родиной, человечеством и наукой. Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины; пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из этих памятников являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь и действовали наши предки. Раскинувшись на огромных пространствах в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля,— уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности».

Бородин тогда же прислал статью Шапошникову. И он сохранил ее. А рядом — выписка из решения Постоянной природоохранительной комиссии Русского географического общества.

«Императорское Русское географическое общество,

изучая уже более шестидесяти лет наше отечество, неоднократно констатировало в своих научных трудах те большие изменения в его природе, которыя происходят под влиянием культуры...»

Ученые все подготовили для организации Кавказского заповедника. Подали документы в правительство. Вот-вот должно было последовать высочайшее решение. Но наместник Кавказа отверг предложение ученых. А потом началась война, умер наместник, его преемником стал командующий войсками, брат царя, и уже никто не вспоминал о зубрах и сохранении природы.

Сразу же после образования Временного правительства Шапошников поехал в Екатеринодар и попал на прием к атаману Войска Кубанского генералу Бабычу. Тот еще держал власть в своих руках, но с каждым днем все более понимал, что время безраздельного самоуправления уходит. Тогда и он принял обличие демократа, всем улыбался и ни в чем не отказывал. Шапошников удостоился пожатия руки, генерал заговорил о событиях в Петрограде, вздохнул и, сказавши негромко: «Страшен сон, да милостив бог», выслушал дело Шапошникова. Тут же вызвал писаря и продиктовал: «Временно, до установления истинного хозяина в бывшей великого князя Сергея Михайловича охоте, канцелярия наказного атамана учреждает охрану лесов и дикого зверя и поручает лесничему Христиану Шапошникову наблюдение за порядком в границах Кубанской охоты».

Не успел Шапошников вернуться в Майкоп, как узнал, что генерал лишился своих полномочий. На его место пришел член Государственной думы Кондрат Бардиж, «народный избранник», комиссар Временного правительства на Кубани.

В апреле 1917 года настойчивый Христиан Георгиевич поехал в город еще раз. Он попал туда в дни манифестаций. Гремели оркестры, толпа кричала «ура!», Бардиж, явно перенявший у Керенского адвокатское краснословие, выступал на разных собраниях и митингах по пять раз на день. И когда лесничий прорвался, наконец, к нему, Бардиж, не глядя на посетителя, пожал руку, пробежал глазами прошение и процитировал свои же слова из только что произнесенной речи:

— «Общинные земли станиц и хуторов, леса и угодья составляют общее достояние казачества...» — А потом уже

добавил: — Не время говорить о сохранении великокняжеской охоты...

— Но зубры, доисторические звери... Их перестреляют!

— Проявите самодеятельность, согласуйте с казачьим кругом в предгорных станицах. Не станем подрывать только что рожденную демократию!

Бардиж уже не мог говорить просто. Только высокими фразами. И все же Христиан Георгиевич добыл в новой канцелярии бумагу, уполномочивающую «лесничего Шапошникова, в пределах дозволенного обстановкой, продолжать охрану лесов и дикого зверя в бывшей Кубанской охоте».

Эта бумага лежала теперь на столе. Что она значила? Мы только что узнали: 14 марта в Екатеринодар вошли революционные войска, власть перешла в руки ревкома. Упоминались новые фамилии: Кравченко, Автономов, Полуян, Ивницкий. Все члены Кубанской рады, Кондрат Бардиж и отряды генерала Покровского покинули город и укрылись в лесах у Горячего Ключа.

2

Ночью вызвездило и прояснилось. Свежевыпавший снег нестерпимо заблестел. На солнце быстро оттаивали стволы дубов и сосен. Лес у Псебая грелся под мартовскими лучами, стоял тихий и умиротворенный. С деревьев падали пласты снега, ветки взмывали вверх. Этот шорох, уханье снега, солнце, детские голоса на улице, синее небо — все говорило о весне.

Я вывел Куницу и Кунака, они побегали, поиграли и пристроились на солнцепеке, забыв о сене и хозяине. Даже зажмурились.

За воротами послышались голоса. Шапошников крикнул через забор:

— Седлай, Михайлович, надо успеть!

Ах, да! Ванятка Чебурнов. Сегодня суббота, он поедет в Лабинскую. И нужно успеть перехватить его. Новая война...

Сказавши матери, что скоро вернусь, я сунул за пояс револьвер, и мы четверо — с нами еще Кожевников и Коротченко — рысью пошли вниз по разъезженной дороге, уже заметно потемневшей.

...Чебурнов ехал барином. Хорошая сбруя, черно-красная дуга, расписная кошевка на подрезах[1]. Конь бежал неспешной рысью.

Как же он испугался, когда четыре всадника остановили выезд! Закрылся руками и затих. Думал — конец.

— Слезай! — приказал Шапошников.

Ванятка перевел дух. Узнал голос и открылся.

— Слава те...—Он перекрестился.— Я ведь подумал: красные... Ты чо, Христиан, напужать задумал?

---

[1] Кошевка на подрезах — легкие санки, окованные по низу, чтобы не скатывались по льду в сторону.

— Слезай — и в сторону. Проверим, что везешь.

— А по какому такому праву? — Чебурнов прищурился.— От какой власти? Чью, спрашиваю, власть сполняете?

— Свою власть,— нетерпеливо бросил Шапошников.— Ну-ка, живей!

И сам соскочил с седла. Мы все спешились. Вылез наконец и колченогий, скинул тулуп. Сказал без зла:

— Да это что ж? Седни вы обкрадете меня, как банда. Завтрева я вас со своими суседями встрену. Самоуправство, граждане казаки, получается.

Василий Васильевич молча сгреб в сторону сено из кошевки, вытряхнул тяжелые мешки. Две шкуры зубров пали на снег. В третьем мешке были легонькие шкурки куницы.

— Ну, вот,— Шапошников глянул на меня.— У кого взял, Ванька?

— У того взял, кто стре́лил. Тебе-то что? — Чебурнов наглел с каждой минутой, он понимал, что прав у нас никаких нет.

— Конфискуем,— сказал Шапошников.

— В свою, значит, пользу? Это называется грабеж середь бела дня. В суд подам, комиссару Безверхому. А он и шлепнуть могет, особливо ваше благородие.

И оглядел меня злыми, жестокими глазами. Вспомнил, кто ему на браконьерской охоте ногу прострелил.

— Как же это выходит, господа княжеские управители? Кому ноне служите? — Он нагло глядел на нас.

— Народу, глупец,— крикнул Шапошников, раздражаясь.— Ты скажешь, у кого взял шкуры?

— И не подумаю. Ничо ты мне не сделаешь, Христиан. А ну отойди от возка! Свое добро везу, не краденое.

— Вези, Ванятка, вези. Только вот шкуры мы конфискуем, это краденое. И дальше будем так поступать, понял? Зубров бить запрещено, так и скажи своим приятелям. Их не словим, так тебя, перекупщика, побеспокоим. Любая власть зубра бить не позволит. Мы перед обществом в ответе за зверя. Грузи на вьюк, Васильевич.

Чебурнова мы и пальцем не тронули. Погрузили шкуры, вскочили в седла и повернули на Псебай.

Колченогий долго стоял на дороге, раздумывал над случившимся, гадал, куда теперь ехать — возвращаться или в Лабинскую. Все-таки поехал дальше. Куниц продавать. И жаловаться, если найдет кому.

А мы ехали и скрывали смущение. Действительно, кто мы? Как нам действовать? Даже не могли решить, что делать со шкурами, пока Кожевников не предложил:

— Свезем их к станичному шорнику. Пущай на сбрую пустит, не пропадать же добру. И за работу себе чего-то оставит. А сбрую мы заберем. Будут егеря — раздадим, всё не покупать.

Именно в этот день у нас зародилась еще неясная, не до конца продуманная мысль: а не создать ли нам свою охоту, раз нет никакого другого хозяина? Кликнуть по окрестным станицам: так и так, кто желает записаться, может готовить для себя дрова, щепу, сено, даже охотиться на мелкого зверя. Но чтобы следили за порядком, охраняли зубров, оленей, туров...

События между тем развивались своим чередом.

Из Армавира к Дануте приезжали за лекарственными травами, привезли известие, что большевики создали там областной Совет. Вся степная Кубань воевала. Революционная армия медленно продвигалась с северо-востока к городу, а белая армия Корнилова сделала рывок на юг и через Кореновскую и Усть-Лабинскую — почти тем же путем, каким мы шли домой,— прорвалась в предгорную станицу Калужскую, где и соединилась с войсками Покровского, оставившего Екатеринодар.

Кто-то привез из Екатеринодара газету «Известия областного исполнительного комитета Советов», она вышла в субботу 30 марта. Я читал ее. Крупными буквами под заголовком было напечатано: «Вся власть Советам!» А за лозунгом шла статья: «К населению Кубанской области» — призыв поддерживать Советы, бороться с контрреволюцией. Подписал воззвание комиссар Волик. На другой день пришел слух, его передавали почему-то шепотком, даже испуганно: убит Корнилов...

Весна вплотную подступила к горам. Зазеленели верба и тальник по берегам Лабёнка. В светлом пока лесу прорезались первые цикламены. Данута хлопотала с утра до ночи, готовила свой женский отряд в первый поход за цветами, корнями и почками. Когда мы говорили о ее работе, она так и сыпала названиями — одно другого мудреней: скополия корниолийская, литрум, золототысячник, ботрихиум, петров крест... Всюду льется кровь и страдают люди. Кто облегчит эти страдания?

Комиссар лабинского отдела Безверхий вдруг прислал

мне и Шапошникову предписание: 3 апреля к одиннадцати ноль-ноль явиться в Армавир по заявлению гражданина Чебурнова. Торгаш все же написал донос!

Мы поехали на дрожках Шапошникова, прибыли к одиннадцати ноль-ноль и нашли в доме станичного атамана такую сутолоку, столько народу, что добрых два часа безуспешно проискали Безверхого, которого никто почему-то не знал. Лишь один бравый хлопец, весь увешанный оружием и набитыми сумами, на наш вопрос ответил голосом, привыкшим кричать «ура» и «даешь!»:

— Безверхий? Ха! Деж ему быть, как не на фронте! У Екатеринодара контру добивает.

Возвращаясь домой, мы всю дорогу проговорили о зверях и бывшей охоте. Шапошников признался, что давно думал организовать общественную, Народную охоту, чтобы взять леса под строгий контроль. Еще при Временном правительстве он высказывался на областном съезде лесников, но съезд отверг его мысль: покушение на права станичников...

— Теперь область советская,— сказал я.— Новые взгляды.

— А что, можно предложить. Но я, Андрей Михайлович, сейчас не могу. Честно скажу: устал, боюсь сорваться и загубить идею. Переговоры лучше вести тебе.

— Почему не попробовать?

И тут же я вспомнил о Кухаревиче. Вдруг отыщу? Уж он-то поможет! Непременно.

— Есть знакомые в городе?

— Есть. Помните егеря в Гузерипле и его жену? Правда, не знаю, где они сейчас, но поищу. Они подскажут, куда обратиться.

— Дам на всякий случай еще адресок. Коня поставишь, переночевать можно. Поезжай. А мы тем временем возьмем под контроль лесные дороги. Уговорю старых егерей. И по станицам проеду, беседу проведу.

В середине апреля я верхом выехал в Екатеринодар — снова через Усть-Лабинскую, потому что все другие дороги были у белых и очень опасны. Выбитые из города отряды Покровского кружили за Кубанью. Ехал только днем и все время настороже. Моя егерская форма со знаками лесничего была своего рода защитой от нападения.

Дорога оказалась забитой народом. Одни возвращались в город, другие бежали из города. Никто меня не оста-

новил, не спросил документов, которых, впрочем, у меня и не было, если не считать, конечно, диплома Лесного института.

Он меня и выручил, когда, долго путаясь по коридорам областного Совета, я показался кому-то подозрительной личностью.

— Оружие есть? — Охранник в полувоенной форме взял меня за руку.

Я вытащил и отдал револьвер. Теперь меня держали крепче. Повели к коменданту.

Комендант, пожилой человек, с виду рабочий, недоверчиво повертел мой диплом, изучающе уставился в лицо. Револьвер лежал перед ним на столе. Спросил:

— Почему не сдали согласно приказа?

— Не знал приказа, оружие всегда при мне. Такая работа. В лесу, как на фронте.

— Что вы ищете в здании Совета?

Пришлось рассказать о беде с зубрами, о нашем желании взять охрану бывшей княжеской охоты в свои руки.

Пожалуй, он не поверил. Революция, смерть, разруха, а этот ненормальный о зверях думает. Или за нос водит.

— Проводите его в лесной отдел,— сурово решил он.— И смотрите... Оружие останется у меня. Придете сюда, тогда и решим.

Меня повели в здание на Гимназической улице. Здесь тоже суетились люди, бегали из двери в дверь, громко говорили в телефон.

Принял меня ладного вида человек, крупный, широкогрудый, с лицом интеллигента. Представился:

— Постников, лесничий. Садитесь.

Я покосился на охранника и сел. Постников молча слушал минут пять, кивал, умные глаза его оттаяли, смотрели все более сочувственно. После моих слов: «до зубра, до заповедника никому, видать, нет дела» — сказал:

— Это не совсем так. Вы плохо информированы, коллега.— Тут Постников порылся в столе, полистал журнал, бумаги.— Вот послушайте. Немногим более месяца назад петроградский ученый Шеллингер ходатайствовал перед Народным комиссариатом просвещения РСФСР о необходимости учредить Государственный комитет охраны памятников природы и отдел охраны природы. Его предложение принято. Готовится декрет о заповедниках. Почетный академик Бородин вместе с заведующим Зоологическим

музеем Московского университета Кожевниковым и профессором Шокальским организовали в Петрограде совещание при Постоянной природоохранительной комиссии Географического общества, и это совещание наметило заповедники первой очереди, в том числе Астраханский, Ильменский и Кавказский. В условиях гражданской войны, немецкой оккупации ряда областей! Как видите, о природе Советская власть не забывает. Скажите, что вы предлагаете?

— Объединить несколько десятков или сотен людей в лесных станицах, рассказать им о заповедности, дать возможность получать какую-нибудь выгоду, которая не противоречит охране природы, и обязать хранить зубров, других зверей, сам лес до более счастливого часа.

— Кооперация? — Он произнес незнакомое мне слово с некоторой надеждой.— В этом есть резон. Объединить охотников в добровольный союз, поручить охрану. Что вместо жалованья?..

— Лицензии на отстрел серны, медведя, куницы,— быстро сказал я.— Отлов и отстрел волков. Лес для хозяйственных нужд.

Постников еще раз заглянул в мой диплом, потом с любопытством уставился на меня.

— Постойте-ка. Вы служили в Кубанской охоте?

— Служил.

— Кто-то мне о вас рассказывал...— Он погладил двумя пальцами белый высокий лоб.— Да, да...

И, подвинув телефон, завертел ручкой «Эриксона». Сказал в трубку:

— Товарищ Вишнякова? Здравствуйте. Постников из лесного отдела. По-моему, у нас в Совете есть кто-то близко знакомый с бывшей охотой великого князя. Как?..

Он слушал и все более дружески смотрел на меня. Что-то записал. Сказал спасибо, попрощался и положил трубку.

— Я говорил с заместителем председателя областного исполкома Вишняковой. Вам знакомо имя Екатерины Кухаревич?

— Кати? Ну как же!

— Так вот, мы сейчас попробуем отыскать ее.

— Знаете,— я даже встал от волнения.— Ведь я и в город поехал с надеждой увидеть именно Катю и ее мужа. Нам так много нужно сказать друг другу!

Минут через сорок мы с провожатым шагали по Красной улице, вошли в парадный подъезд городской больницы, товарищ пошел искать Катю, я стал у стенки; увидел длинный коридор с койками в три ряда, услышал стоны. Меня мутило от запаха карболки и хлороформа. Вдруг из этого ада выплыла Катя с измученным, постаревшим и серьезным лицом. Она была в стареньком тяжелом платье, в красной косынке, какая-то незнакомая. Увидев меня, просияла. Мы обнялись, поцеловались.

— Гора с горой не сходится...— сказала она, стараясь не заплакать при людях.— Как вы там?

— Саша? — спросил я.— Где он, что с ним?

— В Новороссийске. Недавно был здесь, помогал отвоевывать город. Опять ускакал. А у меня заботы свои. Тиф у нас.

Она выглядела страшно уставшей, занятой. Как после выяснилось, Катя занимала пост заместителя заведующего — или начальника — отдела здравоохранения в Совете. Мы договорились встретиться вечером, Катя дала свой адрес. Подумала, сдвинув брови, сказала:

— Нет, не так, вечером тебе нельзя выходить. В городе опасно. Знаешь, всякие элементы, грабители, потом этот подпольный «Круг спасения Кубани» из офицеров. Да и наш главком Сорокин, кажется, очень склонен к авантюрам. Иди сейчас к Постникову, он выпишет тебе мандат. А завтра... Ну, часов в шесть утра?

Около нас уже стояли люди, все они ожидали Катю. Она протянула мне руку. От дверей я видел ее еще с минуту, как шла и на ходу читала бумаги, отдавала распоряжения, и была в ней, маленькой, измученной, такая воля и энергия, что я и пожалел ее и залюбовался ею.

Постников встретил меня совсем дружески, заставил подробно рассказать о плане кооперации, сам посоветовал, как создать организацию из надежных лиц, выработать устав, права и обязанности ее членов.

Мандаты он выписал на Шапошникова, которого знал, и на меня.

— Вам еще надо договориться о праве ношения оружия. Сейчас строго. Вот вам адрес и моя записка в военный отдел. Патроны у нас на вес золота. Не сможем выдать. Перед отъездом заходите, еще поговорим.

До конца дня я пробыл в военном отделе и после недолгих переговоров получил десять подписанных, но не запол-

ненных бланков на право иметь винтовку. Комиссар Волик, принявший меня на пять минут, ворчливо сказал:

— Знаю о вас по рассказам товарища Кати. Иначе бы... Прошу не забывать, что в ваших лесах могут появиться бело-зеленые. Да и Покровский. Понимаете?.. Надеюсь, вы не протянете им руки.

Револьвер мне вернули. И даже посоветовали быть настороже, если окажусь ночью на улицах города. Я поспешил к знакомым Шапошникова и только с рассветом пошел в центр, где на Екатерининской улице, рядом с кинотеатром со старым названием «Мон-Плезир», квартировала Катя. Весь этот дом занимали работники Совета, у входивших проверяли документы.

Катя жила в небольшой комнате. Она уже встала, приготовила чай, усадила меня за стол. И начала рассказывать. Тогда от речки Кочеты, где мы расстались, она проехала спокойно до самого Екатеринодара, но первый же патруль белых на улице остановил ее и арестовал. Три дня провела она в тюрьме. Выпустили. Ее спасли документы военфельдшера.

— И очень вовремя,— без улыбки сказала она.— Наши как раз подступили к городу, белые при отходе расстреляли всех узников без разбора, тридцать заложников увели с собой. Ну, а вскоре я отыскала Сашу. Он был в первой колонне наших войск, которые наступали со стороны Крымской. Худой — ужас! Одни глаза да нос. Мы всего два дня пробыли вместе. Умчался в Новороссийск.

— В Новороссийск?..

— Да.— И, понизив голос, добавила: — Там сложнейшая обстановка! И чтобы не забыть: твой недруг Керим Улагай объявился.

— Где он?

— Отсиживается в ауле Суворово-Черкесском, а когда наши пошли на город от Новороссийска, поднял восстание. Его молодчики вырезали в окружающих селениях всех, кто сочувствовал Советской власти, и ушли в горы у Горячего Ключа. Имей это в виду. Горные тропы Улагай знает!

— А его брат?

— Старший? Командует дивизией у Деникина. Вернее, командовал. В последних боях ранен в живот, отлеживается в госпитале. О, этот еще более опасен. Вообще, Андрей, большие испытания впереди! Мы, в сущности, окружены. Деникинцы заметно набирают силу. А в наших рядах не

очень многолюдно. Потери огромны. И тебе, Андрей, пора выбрать, с кем ты и против кого.

— Я выбрал, Катя.

— Зубров?

— И новую власть.

— Вот это ответ! — Она обрадованно встала.— Очень хорошо! Да, чтобы не забыть.. На днях будет объявлена всеобщая мобилизация. И твои планы могут рухнуть без тебя и твоих друзей. Хотя бы пятерым егерям надо остаться для охраны Кавказа. Иначе никакой надежды на заповедник. Я постараюсь договориться в военном отделе. А теперь поведай, как у тебя. Что Данута? Отец, мать?

Она радостно удивилась, когда узнала, чем занимается Данута.

— И ты молчал? Такая удача! Мы будем забирать все ее травы. Так и скажи. Даже платить сможем, хотя... Ты знаешь, мы работаем без всякого жалованья, поэтому вряд ли сможем. Ты видел, что твориться в больнице? Ничего нет. Врачи сбежали. Всё, Андрей. Идем. Сделаем доброе дело для твоих зубров.

Вместе с ней я вновь оказался у комиссара Волика.

— Фамилии ваших егерей? — Комиссар даже не глянул на меня.

— Телеусов, Кожевников, Шапошников...

— И Зарецкий,— подсказала Катя. Через стол взяла из-под рук комиссара подписанные бумаги.— Ты сделал добро для Кавказа, товарищ Волик, спасибо. Кавказские егеря — с нами.

Подталкивая меня к двери, она вышла.

— Бери. Это освобождение от мобилизации. Работайте спокойно. Ты слышал, что я сказала комиссару?

— Слышал. Так и будет.

— Успеха тебе и Дануте. Будем надеяться, что не в последний раз видимся.

Через пять дней я приехал в Псебай.

Весна здесь позеленила и украсила улицы. Горы звенели птичьими голосами. Запах свежести плыл от леса.

3

Данута с женщинами из аптечного отряда ушла в горы. От Шапошникова меня ждала весточка. В записке сказывал: «Вдвоем с Коротченкой выехали по Лабёнку. Осмот-

рим дорогу и мосты. Задержимся на Умпыре, если сумеем проехать. Телеусов с племянником отправились на Гузерипль и Молчепу, Кожевников и Седов обещали провести работу в Сохрае и Даховской, видимо, заглянут на Кишу. Ждем на Умпыре с новостями».

За два вечера я встретился с десятком знакомых псебайцев. Разговор шел о Народной охоте, о кооперативе. Я уже знал, что в Псебае все спокойно, передела земли никто не требовал, все осталось, как было. Спокойствие в Псебае помогало моему предприятию. Почему бы не заняться кооперативом? Но что-то мешало, это я почувствовал сразу. Земляки мои слушали и помалкивали, вздыхали.

— Власть-то разрешила? — спросил один.

Я показал мандат.

— А если она упадет, эта власть? — задали вопрос.

Вот в чем дело! Если Советы не удержатся, то за кооператив — порождение Советов — придется нести ответ. Боялись. Не верили, что пришла настоящая власть. Вдруг Кубанская рада, тот же Деникин... И — к стенке.

Словом, на первых собраниях охотники согласия не дали. Без результатов.

Тогда я строго объявил:

— Предупреждаю: в лес с винтовкой не ходить! Нас хоть и мало, но зверя в обиду не дадим.

Лишь на третьем собрании в кооператив согласились вступить четверо. Среди них — молодые братья Никотины, два лесных следопыта. Они тут же получили карту с участком для охраны по левому берегу Уруштена и лицензию на право охоты и отстрела за сезон трех косуль и медведя, конечно, за границей бывшей Кубанской охоты.

Слух об этом прошел по Псебаю, и вскоре ко мне домой пришли сразу семь человек. «Правление» вроде бы обрастало людьми. Хоть и небольшая, а все же помощь.

Прошла первая неделя мая. Данута вернулась. Она ласкала Мишаньку, вздыхала и гасила улыбку.

Дома спросила:

— Ты собираешься в горы?

— Через день-два.

— Я поеду с тобой. Проводишь до моих аптекарей, они работают за эстонским поселком. Эстонки давно знают толк в травах, но у них все это с мистикой, с тайнами, как волшебство. Есть, например, наговор в путь-дорогу с одолень-травой...— И, сдвинув брови, она произнесла на-

распев и вполголоса: — «Одолень-трава! Одолей ты злых людей, лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили. Одолей мне горы высокия, долы низкия, озера синия, берега крутыя, леса темныя...» Ты знаешь, что это за одолень? Кувшинки озерные, по-нашему — лилии.

Вот тут-то я и вспомнил, что Улагай близко. Но Дануте не сказал, не растревожил. Провожу и все тропы осмотрю.

— Найду кувшинку, положу тебе лепестки в кармашек, и никакие злые люди моего мужа не тронут,— задумчиво произнесла Данута.

Читает она мои мысли!..

Выехали, как ездят на фронте: Василий Никотин сажен на двести впереди, с винтовкой на руке, потом мы с Данутой, ловко сидевшей на Кунице (мы все-таки поменялись лошадьми, Кунак для нее немного высоковат), а сзади, как охрана, ехал Саша Никотин и еще один егерь.

Ночевали недалеко, на лесопильне, собрание провели, мужиков тут осталось всего одиннадцать. Они согласились вступить в охотничий кооператив, только патронов и пороху запросили.

И в эстонском поселке, где Дануту хорошо знали и привечали, состоялся разговор о кооперативе и о возможности проникновения в заповедник белых. В аптекарской караулке, куда прибыли на другой день, я потолковал с двумя старыми казаками, которые охраняли женщин, попросил быть настороже и только после этого отправился с братьями Никотиными обследовать тропы выше Уруштена, чтобы убедиться, нет ли поблизости чужих.

В горах лес едва зазеленел, хорошо просматривался. Вскоре мы убедились, что ни одного человеческого следа поблизости нет. Никотины остались наверху искать себе место под лагерь, а я вернулся к женщинам и Дануте, чтобы оттуда поехать на Умпырь, где меня ждал Шапошников.

«Команда» Дануты работала. Под навесом уже сушились травы, разные стебли-корневища. Данута шутила, охала, что нигде нет одолень-травы, выглядела спокойной, сильной. На поясе носила браунинг — мой подарок.

Я отправился по знакомой тропе к Балканам.

Чаще всего егеря бывали здесь, у висячего моста через Лабёнок, яростно бившийся о каменные берега ущелья. Наша обжитая тропа.

Мостик висел ржавый, почерневший. Под ним грохотала река. Рядом чистая тропа. А на ней след двух подкованных лошадей. След Шапошникова и Коротченко.

Я спешился, пустил Кунака на зеленый бережок, хотел было пройти по мостику на ту сторону, но остерегся: прогнили доски, опасно. Обернулся, глянул на коня и тотчас сбросил со спины винтовку: Кунак стоял, выставив уши, и глядел на тропу, назад. Река приглушала все звуки, но конь-то почуял! Я стал за камень. И не напрасно. Показался один всадник, за ним второй. Ехали беспечно, бросив поводья. Вот они уже близко. Остроконечная бородка, веселое лицо. Телеусов!..

Он упал с седла в мои объятия. Друг любезный!..

— Откуда вы?

— С самого Гузерипля, почитай. Прошлись немного по Кише, там есть тропа, ну и наскочили на ребят Никотиных, они сказали о тебе. Как не повидаться! Вышли напрямки, через перевальчик, благо, снега там немного. Ты живой-здоровый?

Завечерело. Ущелье затянуло туманом. Не сговариваясь, расседлали коней, нашли свое старое пепелище и поставили костер. Племянник Телеусова увел коней на лужок, замеченный саженях в полтораста.

Мостик мы сильно раскачали. Вроде ничего. Скрипит, но держится. Власович обвязался веревкой, хотел идти. Только ступил, как вниз полетела доска. Нет, нельзя. И мы вернулись назад.

Уселись у костра, погрелись, взялись за чай, особенно вкусный после жесткой солонины, стали вспоминать довоенное время. Я рассказал об Улагае, Семене Чебурнове и его брате — Колченогом. Телеусов кивал, смотрел задумчиво, вздыхал. Нету покоя на Кавказе! А с врагами, что ж... Привычные. Встретим, если надо.

Сделалось морозно и темно. Накинули бурки. Костер разгорелся. Так и уснули у огня, привалясь друг к другу. А с рассветом ополоснулись в ручье, поели горячего, оглянулись на мостик слева и потянулись к перевалу. Знакомые, дорогие места. За вторым перевалом — кордон Умпырь.

Шапошникова с Коротченко на кордоне не оказалось, но по всем приметам они жили тут не один день. Дом протоплен, еда приготовлена. Куда-то отъехали.

Мы отдали коней хлопцу, и он повел их на выгревы, где

зеленела трава. А сами прошли шагов триста на гору и поднялись на вышку, устроенную еще до войны на старой огромной сосне.

Эко нам повезло! Сразу увидели зубров. Два стада отдыхало за рекой в редком грушовнике. Еще одно — левей, на спуске Сергеева гая. Лежали, пригретые солнцем. Снизу из долины хорошо видать все горные склоны. Взялись считать. Один, другой, третий. Сошлись на том, что зубров здесь сто одиннадцать. При довоенном подсчете было сто семьдесят девять. Мрачноватая статистика.

Вот тогда Алексей Власович и сказал:

— Слышь-ка, на Молчепе я нашел только одно стадо. Семь штук, из них один теленок.

При Кухаревичах там паслось тридцать девять.

Главное дело нашей жизни заметно шло к закату. Война. Все та же война. Она уже закрывала небо над Кавказом, но и до того успела уполовинить зубриное стадо. Что дальше? Как сохранить зверя?..

Подавленные, мы молча возвращались на кордон. В чащу леса, откуда вдруг донеслись голоса, звон стремян, вошли скрытно и тихо. Не двое там... Сняв с плеча винтовки, мы осторожно шли от дуба к дубу. И, лишь увидев на крыльце черноволосого Шапошникова, вздохнули свободно и пошли полным шагом.

Шапошников присел на крыльцо, закурил. Заметив нас, обрадованно взмахнул руками.

— Где вы пропадали? Заждались...

В сенцах стояли сложенные снопом винтовки. Семь или восемь. Как на фронте.

— Было дело? — спросил я.

— Еще какое! Казаки устроили гай[1] на зубров по реке Бескесу, вот до чего обнаглели! Из Преградной, с Урупа собрались. Сперва выследили быков, потом собрали человек до двадцати и пошли на них. Всю охоту мы не видели, да и не хотели видеть, куда нам с такой оравой биться. А восьмерых застукали в засидке[2]. «Руки вверх!» — оружие и коней поотобрали, и валяй топай из пределов Народной охоты.

Я представил себе Шапошникова и Коротченко в лесу

---

[1] Гай — один из способов охоты, когда охотники окружают зверей и гонят стадо на других охотников.

[2] Засидка — засада.

против жадных до крови, озверевших восьмерых. Смело действовали!..

— Зубры пострадали?

— Двух они успели завалить. А в гай попало семнадцать, их гнали на выстрелы. Не подскочи мы, могли уполовинить стадо. Ой, беда, Михайлович! Идти в Преградную агитировать нам нельзя. Озлили казаков. Но и они поостерегутся за Большую Лабу ходить.

4

Теплый май пришел и на высоты в верхнем течении реки Шиша, что впадает в Кишу. Дубовые и грабовые рощи стояли тут полупрозрачные, юно-оголенные, но на южных покатостях деревья уже бросали густую тень, а травы поднялись на добрую четверть. Всюду запахло весной, цветами, устойчивым теплом. Везде журчала вода. Глубокий покой стоял в этой глухомани. Казалось, весь мир радуется солнцу, все в улыбке и нет места ни злу, ни беде.

На стоянке у Козликиной поляны Шапошников пошел было к реке, но вернулся и поманил нас. Шагов за сто крикнул:

— Вы только гляньте, что они тут наделали!

Через редкий лес и поляну шла крепко утоптанная дорога аршина[1] в три шириной, уже подсохшая и довольно ровная. Это натоптали зубры. Сколько же их прошагало здесь?

— К солонцу.— Телеусов показал на ручей, окрасивший камни в ржавый цвет. Ручей вкатывался в речную извилину, возле которой и обрывалась дорога.— Гляньте, тут и свежие следы. Весной им такая водичка особливо по душе: трава молодая, сладкая, да и матки вот-вот разрешатся, соль дюже нужна им в это время.

За три дня ходу по тропам скального района мы увидели довольно много оленей и серн, туров на каменных хребтах. Раза четыре в бинокль ловили вдалеке черные силуэты зубров то на опушке леса, то в молодом папоротнике. Уже за княжеским балаганом подняли стадо голов в пятнадцать — все зубрицы с однолетками. А к исходу дня заметили и дымок над кордоном.

---

[1] Аршин — русская мера длины, равная 0,711 метра, применявшаяся до введения метрической системы.

Василий Васильевич Кожевников в расстегнутой телогрее, разморенный теплом, сидел на крыльце, а рядом, скорым шагом ходил туда-сюда неизвестный нам человек в военном кителе без погон, в сапогах, коренастый, широкоплечий и, судя по его движениям, очень нервный. Он непрестанно говорил, помогая себе жестами, забрасывал руки за спину, прижимал к лицу. Что за добрый молодец заявился к нам?

Увидев караван, Кожевников бодро поднялся, захватил огромными ладонями бороду и протащил ее через ладони, спрямляя и причесывая. Незнакомец резко повернулся, по губам его я увидел, как спросил нетерпеливо: кто такие?

Кожевников что-то коротко ответил ему и двинулся навстречу.

— Знал, что возвернетесь сюда,— прогудел он.— И сюрприз для того случая приготовил. Да и вы — смотрю и не верю,— будто с войны идете. Вона, сколь у вас коней, оружия! Пушки еще не хватает.

Незнакомец стоял рядом. Перехватив мой взгляд, щелкнул каблуками.

— Задоров, Борис Артамонович. Честь имею!

— Вы офицер?

— Бывший прапорщик. Одиннадцатая Новгородская стрелковая дивизия.

— Почему же бывший? Офицерский корпус еще существует. У Деникина.

— С ними покончено. По крайней мере, для меня. Нет прапорщика. Перед вами просто человек, ищущий покоя и труда.

— Все мы ищем и то и другое.

Тем временем расседлали коней, сняли вьюки, занесли в помещение винтовки. Загон с молодой травой манил уставших лошадей. Они так и кинулись к широкому проему в жердевой ограде.

— Чем порадуешь? — спросил я Кожевникова.

— А сколь ты хочешь? — в свою очередь спросил он, зная, о чем речь.

— Чтобы побольше ста... Помню, было девяносто шесть.

— Нет, Михайлович, этого не обещаю. Чего нет, того нет. Размножались, конечно, и без нас. Но такие годы, сам знаешь. Вчерась пошел в сторону Сохрая, два шкилета

белеют в лесу. Прошлого, видать, году. В общем, чтобы не дразнить тебя, скажу. Насчитал я зверей всего семьдесят семь. Може, и не всех узрел, но мы вдвоях считали, у Бориса Артамоновича глаза моложе, подправлял.

Итак, можно подводить черту.

Всего на заповедной территории к лету 1918 года осталось двести двенадцать зубров, менее половины того стада, которое мы опекали до 1914 года. Мы ожидали, что зубры без защиты не расплодятся, станут добычей браконьеров. Но чтобы так... Больно и тяжело.

Немного позже, уже в помещении кордона за чаем, Василий Васильевич сказал:

— Да послухай ты мово помощника, Михайлович! Сидит как на иголках, так и ест тебя глазами!

— Как вы попали сюда? — спросил я новичка.

Он вскочил, стиснул ладони. Красивый крепкий хлопец, похоже, из северной Руси — такой румяный и светлоглазый, волосы мягкие, русые. Добрыня Никитич. Но очень порывистый, издерганный.

— Четыре года я воевал. Почти четыре. В Пруссии. У Брусилова. Потом пятился перед немцами по Украине, ходил в атаки по крымским степям, позже — в Добровольческой, перешел к Автономову, сиречь к красным, угадал в плен к Деникину, был, можно сказать, расстрелян, чудом остался жив. И вот тогда сказал себе: довольно! Не пролью больше ничьей крови. Не для того рожден! Неужели на свете не осталось места, где можно жить спокойно, работать, пахать землю, пилить дрова, улыбаться детским шалостям? Пошел куда глаза глядят. Вы не представляете, как я крался по Кубани, избегая встреч с людьми. Не буду об этом. Оказался здесь в горах, дней десять бродил по чаще, оглушенный тишиной, спал на голой земле, что ел — не помню. И понял: вот она, мирная земля.

— А ведь пропал бы ты в этой благодати, если б я не нашел...— Кожевников со смешком огладил свою бороду.

— Да, это так. Я двое суток тогда ничего не ел, ослабел и едва тащился с горы на гору. Боялся заглянуть на сутки вперед.

— Он тащился, а я за им двигался,— пояснил егерь.— Думаю, что за фигура такая, чего здеся ищет?

— Вот и оказался на кордоне, понял, что такое доброта, не исчезла она. На коленях просить буду: возьмите

в охранку, в лесники, просто в работники, но чтобы здесь, подальше от злого, страшного мира...

Он и впрямь мог упасть в ноги — так издерганы были его нервы.

— У вас есть специальность? Кроме военной?

— Взят на фронт из Петроградского университета. Историк.

«Не много»,— подумал я и переглянулся с Шапошниковым. Тот улыбался. Задоров и мне понравился. Понять его состояние было не трудно. Все мы временами испытывали нечто подобное. Смятение, неустроенность в потрясенном мире, полная беспомощность...

— А что, давай оставим Артамоныча,— предложил Кожевников.— Пущай живет тута, на Кише. И мне есть с кем слово промолвить. И охрана все же, винтовку знает, только еще не понял, что и винтовка могет на доброе дело сработать.

— Ни жалованья, ни одежды,— сказал я.

— Ничего не прошу! Огород здесь есть, руки у меня есть, с голода не умру. Лишь бы дело какое. И тишина.

— Хорошо, Задоров. Лечитесь тишиной, постарайтесь выбросить все плохое из памяти. Но мы сами не уверены в своей судьбе, как и в судьбе зубров. Очень может быть, что придется защищать зверя и себя с оружием в руках.

— Готов!!!

И столько в слове этом, в тоне, каким он произнес его, было молодой отваги, что все улыбнулись.

Назавтра Телеусов с племянником поехали домой за продуктами, решили пригнать сюда корову из дома и заняться привычным делом: посеять брюкву, свеклу, картошку для себя и для подкормки зубров зимой, накосить травы на сено, наблюдать за стадами. А мы занялись другой работой: стали поправлять изгороди на двух загонах, мостики через реки и тропы, здание кордона.

Новичок — ему было немногим более двадцати — трудился с таким подъемом, что любо-дорого, до поту. Он снимал китель и застиранную рубаху и работал не разгибая спины. Даже комары ему были нипочем. А по вечерам лежал на топчане за кордоном, где ветерок, разглядывал темное звездное небо, что-то шептал, похоже, стихи.

Телеусов вернулся через неделю, какой-то пришибленный, угрюмый. Привел корову, двух коней с вьюками.

Знаком подозвал Задорова, сунул ему постельное белье, подушку, одеяло, смену исподнего, даже шапку не забыл.

— Благодарствую! — коротко произнес Борис, явно смущенный вниманием.— Отработаю...

— Ишшо чего! — недовольно буркнул Алексей Власович и вышел, поманив меня за собой.— Кланяться велела. Письмо вот.

— Ты побывал у наших?

— Ну а как же! Услышать это не то что увидеть. А разговоров кругом!.. Твои все живы-здоровы. Читай, опосля поговорим.

Данута писала, что вернулись они из лесу в Псебай и уже на другой день подводой отправили в Екатеринодар все лечебные травы, какие заготовили. Мишанька весел, здоров, все спрашивает обо мне. Как же: заявился папаня и сразу исчез... Отец и мама меня обнимают, очень хотели бы видеть. Но просят меня остаться в горах хотя бы на месяц, потому что здесь безопаснее, чем в любом другом месте. Все чаще видят они чужих всадников возле станицы, все настойчивей эти люди ищут чего-то по дорогам. Псебайские жители побаиваются непрошеных гостей, отпора дать не могут, все только и заняты своими домами да огородами, как в крепостях сидят. Говорят, что дорога на Лабинскую уже травой заросла... А отец приписал о других новостях. В Лабинской у ревкома нет сил поддерживать порядок, в иных местах и ревкомов нет, новая власть только в городах, но и там порядка немного. Белые кружат возле Екатеринодара, их полно в лесах за Кубанью. Что-то страшное назревает.

В Ростове немцы. Добровольческая армия растет, штаб ее в Таганроге, но нацелена армия на Тихорецкую, которая связывает Кубань с Царицыном; оттуда поступает вооружение для полков Советской власти.

На Тамани — восстания по станицам под руководством офицеров, этот огонь перебросился туда из-за Кубани, раздувал его наш недруг Керим Улагай. Где этот бравый полковник появится завтра — сказать трудно. Старший его брат снова командует дивизией у Деникина. Выздоровел...

Как я догадался, осведомленность моих родных исходила от Кати. Она писала Дануте, благодарила ее и всех женщин за лекарства. Тот же курьер из Лабинска привез все эти подробности в Псебай.

Кубань полыхала в боях. Трудно было понять, где фронт и существует ли он в том понятии, какой придают ему военные. Слоеный пирог... Пошли слухи, что деникинцы взяли Тихорецкую. В самом Екатеринодаре голод. Страшное время!

Второе письмо, запечатанное, вложенное в первое, адресовалось лично мне. На конверте Катя так и написала: «А. М. Зарецкому». Что это означало?

Разорвав конверт, я понял: она просто пересылала мне письмо Саши к ней из Новороссийска, на страничках которого он рассказывал о положении в Черноморской области.

Тоже вести малоутешительные. Саша откровенно признавался, что Новороссийск почти отрезан от Екатеринодара, Таманская красная армия заперта в Славянской и приняла решение, обходя мятежную Кубань, пробиваться берегом моря в Туапсе, а оттуда в Майкоп, Армавирскую и далее на восток к своим.

«Не исключено,— писал Саша,— что и мы отойдем в горы, организовав Черноморскую партизанскую группу. Знание этого района и горных троп через перевал может пригодиться. И хотя центр партизан намечен в другом месте, думаю, что смогу побывать и у того кордона. Дай знать Андрею».

«Тот кордон» — это, конечно, Гузерипль, где когда-то жили Саша и Катя.

Письма заставили подумать!

Война в горах расширяется. Если план Саши удастся, он со своими отрядами окажется в пределах заповедной охоты, вернее, на ее западной границе. Плохо или хорошо? Сказать трудно. Но партизаны все же заслонят одну сторону от улагаевцев. Чтобы найти связь с Кухаревичем или его командирами, нам надо изредка наведываться в Гузерипль.

Обо всем этом я рассказал своим егерям.

Однажды всем гуртом, хорошо вооруженные, мы заявились в поселок Сохрай. Собрали угрюмых, замкнутых казаков. Христиан Георгиевич объявил, что к ним прибыл один из летучих отрядов по охране зубров, который просит граждан казаков не охотиться на зверя, не заходить в пределы Народной охоты, которая организована, чтобы сохранить зверя.

— Вопросы будут? — спросил он под конец.

Толпа молчала, казаки нещадно курили, выглядели растерянными. Наконец бородатый старик спросил:

— Я извиняюсь, конешно, но для какой же такой власти вы готовы в казаков стрелять, чтобы зверя охранить? Кому тех зубров доставляете, ежели так можно спросить?

— Не доставляем, а сохраняем, старина. Для нашей с тобой отчизны, для России.

— Дак России-то вроде уже немае. Объявились две власти зараз. В Екатеринодаре она прозывается Северо-Кавказская, а ишшо и Советская Республика, ежели, конешно, я не перепутал. А до того Кубанская рада. У нас есть казаки, которые в этой раде. А есть мужики, которые в Республике. Вчерась вон Тихон из Армавирской прибыл и сказывал, что Совет оттудова уже убрался аж на станцию Овечка. И рады что-то не видать. Кому же зубры, объясни ты мне?

Шапошников, а потом и я долго рассказывали о ценности зубров, о национальной гордости России, сохранившей этого зверя, о нашей роли в охране природы, но слова и доводы будто уносил ветер. Не тем головы заняты... Лица слушателей выражали либо сомнение, либо насмешку. Только угроза возмездия могла в это лихое время остановить желающих поохотиться.

С тем мы и отъехали.

В начале августа я собрался тайно поехать в Псебай. Но Кожевников не отпустил меня одного. Ни слова не говоря, он оделся, седло на конь, винтовку за спину и прежде меня выехал на тропу.

Шли малоизвестной дорожкой западнее горы Тхач, минуя Богаевскую, спали в густом лесу, осторожно ехали весь день и загадали пробраться прямо к задам своего огорода на нашей улице. Прибыли уже потемну. Василий Васильевич отошел на разведку, а я с Кунаком и его конем в поводу тихо прошел через огород к себе во двор, осмотрелся и постучал в окно спальни.

Голос Дануты тотчас спросил из-за ставни:

— Кто?

Видно, она не спала.

Узнала меня, загремела запором. Бросилась с крыльца, зашептала, зацеловала. И пока я устраивал коней, не отходила ни на шаг. Здесь же топтался отец, запрятавший револьвер за борт мехового жакета.

— Семен Чебурнов в станице,— сказал он.— Поостережемся. Не будем зажигать огня.

— Что слышно еще?

— Говорят, бои у самого Екатеринодара. И у Тихорецка. Почти вся Кубань под Деникиным. Так что твои мандаты и прочее... Чебурнов снует взад-вперед, все тобой интересуется.

Днем Данута сходила к Кожевникову на соседнюю улицу. Бородач колол дрова у сарая. Воткнул в колоду топор, прошел с ней в дом. Сказал тихонько:

— Жена Ваньки Колченогого заходила, спрашивала, где молодой Зарецкий. Я ответствовал, что он вроде у добровольцев воюет. С тем и ушла. Семен делает вид, что к войне непричастный, но от дружка — Улагая — к нему гости приезжают. А зачем?.. Так вот зачем: слышал я, что есть будто бы приказ генерала Покровского. Он приговорил Андрея к смерти, повелел разыскать его и исполнить приказ. За что? А за стычку возля Усть-Лабинского моста, где мы троих евонных вояк уложили. Да ты не бойся, не бледней, все уляжется. Что он нам, этот генерал? Какая ишшо власть? Но я так думаю: ему здеся нельзя оставаться. В лес, от греха долой. Поторопитесь, одним словом. Там спокойней, сам себе хозяин. Да и мы рядом с ним. Не один все же.

Договорились уезжать через два дня.

В тот же вечер к нам требовательно застучали. И пока отец вел разговор через закрытую дверь, я вышел во двор, взял Кунака и тихо ушел в лес за огородом. Вернулся только в полночь, у нас, конечно, не спали, возбужденные визитом двух офицеров. Отец открыл им дверь, провел в комнаты. Капитан и прапорщик из Добровольческой армии вели себя учтиво, сказали, что хотят видеть хорунжего Зарецкого, и выразили удивление словам отца и жены, когда те ответили, что два месяца семья не имеет от него вестей. Они, видите ли, желали заполучить боевого офицера в свои ряды. Теперь, когда предстоит историческая миссия разгрома Совдепии и поход на Москву...

Вот как! На Москву... О приговоре Покровского, конечно, ни слова.

Под утро на улице совсем рядом захлопали винтовочные выстрелы. В нашей зале посыпалось битое стекло. Две пули, пробив ставни, впились в стену и в буфетную дверцу. Отвечать? Но тогда в опасности уже вся семья!

Мы с отцом сдержались. Еще пять или шесть пуль тупо ударились в стены снаружи. Ржали кони, слышалась команда. Это уже не те учтивые деникинцы, что приходили накануне, хотя связь их была несомненной.

Как раз тогда мы и решили, что Дануте с Мишанькой оставаться дома тоже опасно. Мама соглашалась и плакала. Она собирала вещи так, словно мы уезжали навсегда.

Перед рассветом, по холодку пришел Кожевников. Сказал, что и его дом обстреляли. Отряд белых казаков еще с вечера появился во дворе у Чебурнова. На дорогах караулы. Потом отряд куда-то исчез.

Две лошади Василия Васильевича уже стояли в лесу. Он же вывел оседланных Кунака и Куницу. Уложили вьюки. Подняли сонного Мишаньку, одели. Мальчик ничего не понимал,— ни этих тихих и спешных сборов, ни бабушкиных слез, ни бормотания растерянного деда, когда тот целовал его и прощался с нами.

Если казаки караулили, то не на тех дорогах.

Чуть рассвело, а мы уже были высоко над Псебаем. Сын дремал у меня на руках, я с трудом успевал отводить от него ветки, тяжело повисшие над тропой.

Запись третья

Наш второй дом — Киша. Вести из Беловежской пущи. Рассказ Федора Ивановича. Поездка в Гузерипль. Никотины в плену у банды. Пулемет на кордоне. Командир красных партизан. Миссия Шапошникова

1

...Живем в состоянии неуверенности и — если откровенно — в страхе. Внешне все спокойно. Тишина. Зелень. Задумчивые горы. Пасутся и фыркают кони, перекликаются иволги. Кордон просыпается рано, не залеживается даже Мишанька. Он выходит на крыльцо сонный, всласть зевает, но стоит ему осмысленно глянуть вокруг — на горы в клочьях тумана, на холодный ручей, где он вчера ловил форель со мной, как сонливость слетает и он уже не знает, с чего начать. Так много любопытного, требующего действия!

В семь на кордоне остаются только Мишанька с матерью и кто-нибудь из егерей. Дни стоят яркие, сухие, дороги в заповедник свободны, и все мы наблюдаем за ними, а иной раз и схватываемся с браконьерами.

Мы разделились на два летучих отряда и патрулировали подступы на Кишу с севера и запада, а к Умпырю — с севера и востока, наведываясь и к Большой Лабе. Заслонили главные зубриные места.

Случилось три серьезные стычки. Отобрали шесть винтовок и два револьвера. Боевое крещение получил и Борис Артамонович: его ранили в левую руку ниже локтя. Не опасно, но повязку он носил две недели. Кожевников подшучивал: «Нашел тихое убежище...»

Телеусов в неделю раз посылал своего шустрого племянника в Хамышки. Через него мы получали то старую газету, то журнал, но чаще устные вести. Одна другой хуже.

Судя по этим вестям, Кубань нивы свои забросила, не сеяла, не убирала. В станицах не прекращались шумные сходки. В конце августа довелось получить зачитанную газету «Утро юга», изданную в Екатеринодаре. Слухи о взятии города Деникиным подтвердились. Главком Красной Армии Сорокин отступил. Другая армия — Таманская — где-то между Новороссийском и Темрюком. Судьба ее оставалась неясной. Майкоп и Армавирская переходили из рук в руки. В Лабинской установилась власть белых. В нашем Псебае никаких перемен. И никакой власти.

Сможем ли мы в такое время сохранить зубра? Какое дело людям до всех на свете зубров и оленей, когда льется человеческая кровь и решается будущее страны? С трудом удавалось убедить себя, что война — явление преходящее. Рано или поздно стрельба затихнет. Если сейчас не позаботиться о звере, он исчезнет навсегда.

На Кишу вдруг пожаловал незнакомый бородатый казак,— большой, задумчивого вида, сморенный дальней дорогой. Борис Артамонович встретил его далеко на тропе и обошелся с ним не слишком ласково. Даже когда казак сказал, что идет ко мне с поручением, Задоров не опустил винтовку, привел, как пленного.

Казак снял фуражку, поздоровался со мной. Сколько я ни вглядывался, знакомого в нем не признал. Но не успел и рта раскрыть, как в дверь заглянула Данута и, радостно ахнув, подбежала к гостю.

— Федор Иванович, какими судьбами?..

Он чинно поклонился, обнял ее и вдруг всхлипнул:

— Гора с горой не сходятся... Искал вас, Данута Францевна, и хозяина вашего. Папаша ихний пытали-пытали меня, пока убедились, что надоть нам увидеться. Ну, все ж таки дали адресок. Так я пешки сюда и заявился. С вестями, значит.

Данута обернулась ко мне:

— Ты не помнишь? Я у них квартировала в Лабинской, рассказывала тебе. Крячко Федор Иванович!

Тогда вспомнил и я: еще будучи моей невестой, Данута квартировала у них в Лабинской, где учительствовала в школе.

Федор Иванович говорил степенно. Фуражку держал по-уставному, на руке, сам только раз позволил себе спросить, кивнув на Мишаньку, который терся возле моих ног:

— Ваш? Вот время-то бегит! Лицом похожий... Такие, значит, дела, Андрей Михайлович. Власть у нас обратно казачья, а изверг вашенский, который Керимом Улагаем прозывается, под знаменами его превосходительства генерала Деникина воюет с красными возля Батайска. И ладно, что на Дону, а не здеся. Иначе бы достал он вас, уж так охотился!

Неужели Крячко протопал восемьдесят верст только для того, чтобы сообщить мне эту, в общем-то, известную новость?

Но я ошибся.

— Письмо у меня для вас.— И он достал из-за пазухи порядком замусоленный желтый пакет с крупно написанной моей фамилией.

— Хучь и поздно, а надобно рассказать вам. Ведь я из плену явился, от немцев. Не сказать чтобы бежал, вроде бы они сами бежали, ну и мы тогда решили не мешкать. Было это в самой что ни на есть Беловежской пуще, где и объявился мне ваш знакомец.

— Врублевский? — Я тотчас вспомнил ветеринарного доктора пущи.

— Угадали.

— Он все еще там? С зубрами?

— Нету там зубров. На консервы поистратили их.

— Как так?

— Побили. Сперва, конечно, немцы, они даже завод

поставили, чтобы мясо в банках готовить, я на том заводе месяца два отработал с мадьярами вместе, нагляделся, как возили и зубра, и оленя. Ну, а потом кто только не стрелял! Голодно жить по деревням стало. Лесники били. Егеря тож. Из деревень народ с ружьишками. Вы письмо-то читайте, там непременно об этом самом...

— Вы сказали, что немцы бежали. Наши войска подходили к пуще?

— Не-е, наши куда как далеко отошли. Подо Псков. Вот там они и дрались, сказывают, с немцем-только уже назывались наши Красной Армией или гвардией, я уж не припомню, армия эта новую власть от немцев, обороняла. И Петроград. Да германцы и сами воевать отказались, это уж недавно. Бросали винтовки, домой уходили. Как у нас в семнадцатом. Вильгельма свово спихнули.

— Но они всю Украину взяли, у Ростова стоят...

— Точно, стоят. Однако, по всему видно, не долго простоят. В Германии своя революция, уйдут. Али погонят их красные. Там тоже сила собралась сильная.

— Бои на Западном фронте все идут?

— Фронтов тех — тьма. Ни единого тихого места в России нету. А теперь вот еще Деникин за Дон пошел.

— Как же вы ехали через такую беду?

— Так и ехал. Кукушкой. Из Бреста в Питер, там ой как голодно! Из Питера в Москву, значит, поехали, а оттудова на юг повернули. Бог сохранил и от бандитов, и от голоду. Седой только сделался. Дома помаленьку оклемался, впервой за столько-то лет ситного хлеба поел. И вовремя. Вечером стучатся прикладами. Белые, значит, из Отрадной, от его превосходительства полковника Шкуро. Давай, говорят, батя, пшеницу для нашего войска. И револьвер ко лбу.

— Какого еще войска?

— Называются они бело-зелеными, сидели в Баталпашинске, на Большой Лабе и по Урупу. Красных из-за угла постреливали. Теперь это войско с Деникиным на север отправилось, в горах потише будет. А хлебушек весь забрали, который нашли, так что покедова мы тоже без ситного.

Он вздохнул и умолк, этот седой, много переживший казак.

2

Я осторожно разрезал пакет.

«Уважаемый друг,— писал Врублевский.— Только что поговорил с пленным казаком, и — удивительное дело! — он оказался земляком вашим, знаком с вашей супругой. Собрался в дорогу, на Кавказ. Не могу пропустить такой удачи, пишу вам с болью в сердце о нашей общей заботе — о зубрах. Их уже нет. В глухих уголках Старинской и Гайновской стражи осталось несколько десятков зверей, но по их следам ходят люди с винтовками. Павшие не встают.

После вашего отъезда пущу наводнили войска. Немецкая администрация пыталась охранять зубров, разумеется, для отлова и вывоза их. Отправили в Германию около тридцати зубров, несколько экземпляров в Берлинский зоопарк, но для сохранности других не оказалось ни средств, ни власти. Полагаю, что в Европе скоро останется вольно живущим только одно кавказское стадо. Ваша ответственность за этот вид неизмеримо возрастает.

Имею случай уведомить вас, коллега, что тридцать шесть гатчинских зубров, в разное время вывезенных из пущи, застрелены в прошлом году на потребу самой охраны. По имению Аскания-Нова, где находится стадо зубробизонов, тоже прокатилась волна оккупации, и сегодня там кипят гражданские битвы. Боюсь, что гибриды пострадают. В Пилявинском парке зубры исчезли. Судьба беловежских зубров в имении князя Плесса, что в Верхней Силезии[1], мне неизвестна.

Все это страшно. Человечество, вовлеченное в самую долгую войну, походя уничтожает одного из крупнейших и древнейших млекопитающих — зубров.

Не уверен, что письмо дойдет до вас, хотя мой добровольный курьер Крячко клятвенно подтвердил свое желание доставить его во что бы то ни стало.

Немецкая администрация пущи все больше теряет возможность управлять. Мы вполне открыто создаем свою польскую администрацию, в нее вошли гг. Вагнер, обер-егери Рек и Сафирняк, г. Неверли, знакомый вам по 1909 году, и ваш покорный слуга. Все, что мы можем сделать,— это отпугивать небольшой охраной в 25 человек разных мародеров, которые проникают в пущу со всех сторон.

[1] На территории Польши.

С ужасом наблюдаю, как гибнут не только звери, но и лес, дающий зверям пищу и приют. В первые месяцы оккупации Беловежского заказника немцы приступили к рубке леса. Согнали сюда пленных, через резерват построили узкоколейную железную дорогу, пилили, грузили и везли в Германию сосну, не пощадили и старые, многовековые боры, которые вы видели у нас. Говорят, что на запад отправили более четырех миллионов кубических метров самой ценной древесины. Не трудно представить, как эти перемены отразятся на жизни зверей, которые еще удержались в глуши: понижается способность к размножению, появились болезни вырождения. Не могу не вспомнить слова Чарлза Дарвина, записавшего у себя в книге: «Редкость формы есть предвестник вымирания ее».

Пишу обо всем этом, чтобы поднять значимость вашего высокого призвания. Пожалуйста, берегите, охраняйте кавказское стадо, мой друг. Все, кто в России и Польше озабочен судьбой животных, надеются на вас. Желаю вам и вашей семье полного успеха в жизни».

Прочитав письмо, я долго молчал, не в силах объять картину беды, нарисованную Врублевским. «Все надеются на вас»... Лишь вчера я сомневался, правомерно ли ныне охранять зверя на Кавказе? Экая слабость воли!

За дверью фыркала лошадь. Это приехал Шапошников. Он вошел уставший, отяжелевший, но, увидев гостя, улыбнулся и с чувством пожал руку Федора Ивановича. Оказывается, они знакомы много лет. Оглядели друг друга, покачали головами. Стареем? Да, стареем...

Я протянул письмо Христиану Георгиевичу. Не раздеваясь, он уселся поближе к лампе и углубился в чтение.

— Что же осталось в пуще? — спросил я у Крячко.

— Пеньки. Они ведь, немцы то есть, брали только баланы[1], все прочее оставалось. Хламу на лесосеках — ни пройти ни проехать. Спешили, им не до уборки. По узкоколейкам гнали, по воде. Ну, потом меня на консервную фабрику работать перевели, совсем я ослабел в лесу. Кормили по-научному, лишь бы ноги тащил. А с июля и того хужее: ихние командиры велели солдатам доставать продовольствие на месте. Чего же на месте? Опять зубра да оленя. Перед зарей каждый божий день, слышим,

[1] Б а л а н ы *(местн.)* — чистые стволы.

лопочут, винтовки разбирают. И в лес, продовольствие доставать. Ваш знакомый ходит, руки ломает, белый с лица сделается, а что он может? Сила на чьей стороне?..

Шапошников кончил читать. И решительно сказал:

— Поеду в город. Надо что-то делать!

— Выходит, к Деникину на поклон?

— Антону Ивановичу, генералу Деникину, сейчас не до Кубани,— сказал Крячко.— Воевать Советы пошел. С песнями. Каждый пятый — офицер, вот так. А на Кубани рада оставлена, к ним и надоть по этому делу.

— Так тому и быть. Поеду. А ты, Федор Иванович, оставайся у нас, помогать будешь. В стражу запишем.

— Нельзя, Христиан, детишки оголодают без меня. Да и соскучился я по земле, вот как соскучился — силы нету! Взялся на той неделе за косу, сена корове накосить, так, веришь ли, заплакал. Отвык от косы. Сижу и плачу. Убивать наловчился за войну, а дело отцовское забыл. Вы уж сами тут, кто помоложе. А я хлебушком займусь. Голод в России. Кому землей-то заниматься?

Краем глаза я следил за Данутой. Она ходила по комнате и... собиралась! Слова Федора Ивановича об Улагае, уехавшем на фронт, послужили для нее пропуском в Псебай. Опасность отступила. Дануту ждал огород, который прокормит семью даже в голодную пору. Корова, за которой трудно ухаживать моим старикам. Наконец, Мишанька, которому семь — время подготовки в школу.

Здесь он проходит совсем другую школу — возмужания, если так можно говорить о мальчике его возраста. У него есть закадычный друг — жеребенок Казбич от Куницы; гоняются целыми днями, даже отдыхают на траве рядышком, и ревнивая Куница с одинаковой лаской обнюхивает обоих и даже облизывает. Мишанька ловит мамину лошадь, подводит ее к толстому бревну, вскакивает на спину норовистой, но с мальчиком удивительно спокойной Куницы, и без седла, откинувшись корпусом — по-казацки — назад, несется вскачь, а жеребенок с тонким ржанием бросается вдогонку...

И все-таки скоро школа, нужно бабушкино внимание, нужны сверстники — всего этого Мишаньке не хватает на суровом кордоне. Я понял Дануту. У нее все взвешено и продумано.

— Когда едем? — спрашиваю ее и встречаю благодарящий взгляд.

Да, конечно, вместе. Одну ее в такую дальнюю дорогу отпустить нельзя.

— Завтра. Если ты сможешь.

— Я с вами.— Христиан Георгиевич подымается и скидывает, наконец, куртку.— И Федор Иванович поедет. Так-то гурьбой будет спокойней. За старшего оставим тут Кожевникова. Алексей Власович тем временем хотел на Умпырь податься, посмотреть, как там и что. Вот Гузерипль только...— Он смотрел на меня.

— Поеду туда из Псебая,— сказал я.— Действительно, пора проведать Никотиных.

— А Новороссийск у белых,— сказал Крячко.— Его превосходительство генерал Покровский, сказывали, резню там устроил перед тем, как за Деникиным податься. В газете было пропечатано про банкет, где он, генерал то есть, держал речь об том, что все они, кто стрелял красных, уже вошли в историю, терять им вроде нечего.

— А насчет Таманской армии?

— Известно. Через горы пошла, к Туапсе, там отбросила заслоны белых грузинов, пробилась в Белореченск, потом вроде Майкоп взяла, но ее выбили, и кто живой остался, тот к востоку ушел. Только мало кто ушел. Тиф у них.

Если судьба сберегла Кухаревичей, то они уже в горах. Вспомнят ли о Гузерипле?!

3

Хотя дни стоят жаркие, сухие, но, как только солнце заходит за гору, сразу накатывает холод. Осень. Обильная и тяжелая роса укладывает траву наземь. Ночью заморозки.

Если в Псебае выпадала роса, то в Гузерипле осенними ночами все белело, а как вставало солнце и теплело, так с ясеней и кленов начинал опадать лист. Лениво, неслышно покрутившись в воздухе, листья касались земли и лежали невесомо, приподняв сухие края. Пробегала мышь — и даже тогда шуршало во всеуслышание.

На огороде все поднялось и поспело. Яблоки светились в темной листве, просились в погреб. Отцвела и поникла картофельная ботва.

Дома встретили нас так, словно мы с того света верну-

лись. Ужасались моей худобе, буйству крепенького Мишаньки, который въехал во двор на коне и прямо с седла свалился на бабушку.

Утром всей семьей мы уже работали на огороде, в саду. После обеда солили капусту, сушили картошку. Через несколько дней уборка подошла к концу, и тогда я сказал Данутe:

— Теперь мне можно в горы.

— Один?

— Кухаревичи где-то там. Да братья Никотины со мной.

— Будь осторожен, Андрюша! Такое время, такая жестокость!..

И она заплакала.

Ранним-ранним утром, когда белесый туман так плотно укутал станицу и горы, что в трех шагах ничего не замечалось и даже звуки глохли рядом, я выехал из дому. Одетый по-зимнему — в рыжий полушубок, шапку и крепкие сапоги,— я не ощущал холода, лишь пальцы, перевитые поводком, покраснели от влажного утренника.

Путь я выбрал такой, чтобы на Уруштене прежде всего отыскать Никотиных. Мы вместе сделаем инспекторский объезд.

Ни одна живая душа не встретилась туманным утром. Длинная тропа открылась впереди только к одиннадцати, когда солнце осилило испарения земли и съело туман. Быстро теплело. При солнце сильнее чувствовалась осень — и в позолоте кленов, и в красноте боярышника. Горьковатый запах старых дубов перебивал все другие запахи. При остановках я слышал дробный стук падающих желудей. Время откорма зверя.

Ночевал высоко в горах, где довольно скоро нашел добротно сложенный, но пустой шалаш наших егерей. Ни один из братьев не пришел и к ночи. Судя по остывшему пеплу в кострище, они отсутствовали не первый день.

Прождав до полудня, я покинул этот неуютный ночлег Следы коней повели на запад. В низинах, кроме конских следов, я заметил отпечатки сапог. Почему хлопцы не в седлах?.. Приглядевшись, понял: здесь прошло не менее шести человек. И четыре лошади. Предчувствие опасности закралось в сердце. След вилял по лесу. Я пошел по следу, вверх, вниз, из распадка в распадок, так до ночи — и только на второй день понял, что кружусь на одном месте, как

и следы. Они просматривались все более свежо. Никотины хорошо знали свой район, запутаться не могли. Что же тогда? Водят кого-то, не желая указать дороги? Иного объяснения не находилось. В плену у браконьеров?..

Я повел Кунака на поводу, удвоил осторожность, тем более что пихтовый лес стоял сомкнуто, далеко не усмотришь. След шел то по одному берегу ручья, то по другому, потом назад. Вскоре впереди посветлело, распадок выходил в долинку. И вот тут низовой ветер донес запах неумело сложенного костра, который много дымит.

Стемнело. Пристроив Кунака в укромном месте, я сбросил полушубок и с винтовкой наперевес пошел вперед. Отволгший лист не шуршал под ногами. Ветер загудел в кронах пихты. Ползком подобрался я к можжевелевой заросли, приподнялся и увидел ниже по склону костер.

Пять заросших, неопрятных лиц склонились над огнем. Ужинали. Пламя едва освещало их. Незнакомые, нездешние. Один седой, с породистым лицом. У троих — винтовки меж ног. Никотины сидели в стороне, связанные чуть ли не спина к спине, и молча неотрывно смотрели на жующих людей. Так могут смотреть очень голодные люди.

Я пополз к ним. Помогла упавшая старая пихта. Еще не увядшей своей вершиной она почти достигала того места, где сидели пленники. Маскировка отличная. Тем временем у костра поужинали, сидели и курили. В трех шагах от Василия — он сидел вполуоборот ко мне — я зашептал:

— Спокойно, ребята. Не оборачиваться.— И, опасаясь, что не узнают голоса, добавил: — Зарецкий, Зарецкий...

Василий вскинул голову и тут же опустил ее. По его губам я видел, что шепчет: понял и передавал мои слова брату.

До них оставалось два шага, один, еще ближе. Я вжимался в землю. Высунул из веток руку с кинжалом, достал кончиком до веревки на запястьях Александра, не без труда перепилил. Веревка упала. Он чуть шевельнул свободными руками, но позы не переменил. Кулаки его несколько раз сжались, разжались,— видно, руки затекли,— и вот уже требовательная ладонь обернулась ко мне. Рукояткой вперед я подал кинжал, отполз и огляделся. Как только они освободят руки, я встану, и тогда...

Один из пятерых поднялся, взял кусок вареного мяса, нож и подошел к пленникам.

— Чтоб ноги ходили,— сурово сказал он.— Подставляй рот.

Ребята молчали. Руки их, свободные от пут, все так же прятались за спиной.

— Завтра у вас последний день. Кормлю тоже в последний раз. Не сумеете вывести из гор до вечера — повесим, чтобы патронов не тратить.

Здоровый мужик! Из-под грязного бушлата выглядывал морской китель без пуговиц. На голове — шапка Василия. Он стоял перед Никотиными и, отрезая куски мяса, прямо с ножа совал им в рот. Саша и Василий покорно жевали, но, когда «кормилец» засунул нож в карман, Василий коротким толчком сбил его с ног. Еще секунда — и он сидел верхом на мужике. Приподняв его голову уже без шапки, Василий ударил ею о камни.

— Руки!..— И, чтобы не подумали, что это игра, я выстрелил в костер.

Брызнули искры, сидевшие у огня отпрянули, на какое-то мгновение я увидел черную дырочку маузера, направленного мне в лицо, но не успел даже испугаться. Саша через костер прыгнул на человека и яростно, со всей силой ухватил его за горло. Еще один, волоча винтовку, полез от костра за кусты. Того достала моя пуля. Остальные так и остались сидеть, подняв над головой руки. Они смотрели не на меня, а на винтовочный ствол.

Как ловко, с каким проворством братья повязали той же веревкой своих мучителей! Они сопротивлялись, но под дулом винтовки быстро сникли.

Четырех связанных мы усадили к костру, лицом к свету.

Никотины прежде всего забрали у истязателей свою одежду и обувку. Привели коней. Я сходил за Кунаком. В костер подбросили сучьев. Теперь — допрос.

— Вы кто и как сюда попали? — Я начал с человека, который успел поднять на меня маузер.

— А вы по какому праву?..— начал было другой, но вдруг умолк и стал часто икать. Не пересилил страха.

— Бандиты, которые нападают на егерей, не могут говорить о праве. Отвечайте, кто вы?

Упоминание о егерях, кажется, успокоило их.

— Мы отбились от своей армии,— последовал ответ.— Мы требуем вывести нас из леса.

— Они просились в Сочи,— сказал Василий.— Вынь и выложь им Сочи. Чего они туда хотели?

— Обыщите их, ребята.

Немного бумажных денег царского времени, десяток золотых монет, курево. А в поясном карманчике у одного — воззвание Украинской рады, подписанное гетманом Скоропадским. И никаких документов.

— От какой армии вы отбились?

— Таманской.

— Значит, вы из Красной Армии. А почему у вас это воззвание? Где взяли? Кто командовал армией?

Молчание. Потом наглое:

— Хватит вопросов! Егерь, ну и занимайтесь своим делом!

— Ладно,— сказал я.— Зубриное мясо в котелке. Убили зубра?

— С этого и началось,— подхватил Василий.— Изрешетили зверя. Мы на выстрелы и пошли.

— Зверь напал на нас,— сказал тот, что в морском кителе.— Мы защищались.

— Почему вы хотели в Сочи? Там же белые!

Молчание.

— Вы офицер?

— Я мичман,— гордо ответил пленный.

— С какого корабля?

— Мой корабль на дне морском. Вместе со всем флотом.

— Хватит! — это опять рявкнул седоголовый и с ненавистью уставился на меня. По властному тону, по возрасту, он, несомненно, был старшим в чине.— Развяжите, и мы уйдем без вашей помощи. Куда нам надо.

Все ясно. В Псебае уже говорили о событиях на кораблях в Новороссийске. Это моряки, покинувшие корабль, когда пришел приказ взорвать его. Возможно, националисты из тех, что хотели увести русский флот к немцам, лишь бы не оставлять кораблей у русской революции. Им пришлось вместе со всеми матросами идти в поход с Таманской армией. При первой же возможности они сбежали в горы, заблудились и одичали, а потом пленили Никотиных. Как их передать властям? Найдем ли красных партизан? А если не найдем — выведем за реку Белую, и пусть сами ищут дорогу в горах. Лишь бы подальше от заповедника.

— Сколько отсюда до Гузерипля? — спросил я у братьев, когда мы отошли посоветоваться.

— Верст двадцать пять. Туда поведем?

— Не отпускать же молодчиков! И убивать нельзя. Мы не суд.

Утром вышли с бивака в другом порядке: трое на своих лошадях, а четверо связанных пешком, между лошадей. Седой коротко спросил:

— Куда?

Я ответил, что выведем на дорогу и куда глаза глядят... Это их успокоило.

4

Отыскалась знакомая тропа на Гузерипль, и еще засветло мы достигли егерской караулки. Пленных заперли в сарае, по очереди дежурили у дверей. В караулке затопили печь и приготовили ужин.

Около полуночи Василия сменил на дежурстве Саша, мы легли спать, но не успели еще задремать, как услышали выстрел, второй, окрик Саши, а далее — уж совсем непонятную для глухомани близкую и короткую пулеметную очередь. Над караулкой взвизгнули пули. Потом все затихло.

Первым к выходу бросился Василий. Снаружи тотчас раздался повелительный окрик:

— Не выходить! Стреляю без предупреждения!..

В замешательстве мы прижались к стенке. Неужели еще одна банда?..

От сарая слышались громкие голоса, крик, там засветился огонь, похоже, самодельные факелы, раздалась команда: «По одному!» и «Руки назад!». Возглас Саши: «Отдай винтовку, черт!» Василий приоткрыл было дверь, и сразу же стукнул револьверный выстрел. От доски над дверью полетели щепки.

— А была не была! — шепнул Василий.— Сиганем в темноту к тому дольмену[1], что левей дороги, авось промажут! — И он, крепче нахлобучив шапку, отошел, чтобы с разбегу высадить дверь и выбежать.

Но дверь распахнулась сама. Из темноты приказали:

— Выходи! Оружие на порог. Быстро!

За дверью двигалось множество неясных теней. Вот попались!

---

[1] Дольмен — постройка из каменных плит древних людей на Кавказе.

Я оттиснул Василия и вышел первым. Крепкие руки обхватили меня, ощупали и повели в сторону. Точно так же поступили с Василием. Нас усадили на землю. Между караулкой и сараем ходило десятка три фигур.

В караулку вошли двое, потом еще трое, засветили фонарь. От порога сказали:

— Вводи, кто там первый?

Меня подняли под мышки и потянули в помещение.

Свет от фонаря не больно хорошо разводил темень, но все же лица сидевших за столом прояснились. И первый, кого я увидел,— в кубанке, длинноносый, худой и какой-то черный с лица — был так знаком, так радостен мне!

— Здравствуй, Саша,— спокойно сказал я, расплываясь в улыбке.

Все тревоги мгновенно исчезли. За столом сидел Кухаревич.

Он плохо видел меня, но голос, тон, дружеские слова подняли его с лавки. Загремел стол, фонарь качнулся и чуть не упал. Длинный, в долгой шинели, Саша шагнул ближе, схватил за плечи, всмотрелся.

— Ты?! Ну, знаешь!..

Мы крепко обнялись и целую минуту тискали друг друга. Бойцы набились в караулку, все разом говорили, улыбались. А он, не отпуская меня, заорал:

— Отставить арест! Свои хлопцы, свои!

— Осторожней, Саша. В сарае четверо бандитов. Не упустить бы...

— Ты привел? А ну, хлопцы, быстренько сюда тех, из сарая! И освободите караулку, дышать же нечем.

— Как ты ко времени, Саша! Мы пришли сюда с надеждой найти тебя или топать к перевалу.

— Моя разведка тут уже несколько дней.

— И никаких следов... Или я разучился наблюдать?

— Военная предосторожность. Мы за мостом устроились. Я подъехал вчера, и вчера же ребята увидели вас. До ночи не выходили, потом окружили, пулемет на позицию и вот...

В дверь втолкнули Александра Никотина — злого, решительного, готового кусаться, судя по его лицу.

— Это мой. Он караулил тех самых.

— Отпустить. Садись, как тебя там...

Удивленный, сразу остывший, егерь сел поближе ко мне, уставившись вопрошающим взглядом на Кухаревича.

Ввели четверых, понурых, потерявших надежду.

Минута молчания. Перегляды. Кухаревич оглядел одного, второго, третьего. Повернул за плечи седоголового так, чтобы лучше рассмотреть. Спросил, растягивая слова:

— Тимощенко? Попался, контра!

— Зубра промышлять надумал,— сказал Василий.

— Он специалист не только по зубрам. Он и по нашим людям ловко стреляет. Ну, теперь-то не стрельнет...— И, обратившись ко мне, объяснил: — Бывший заместитель командира седьмой колонны у Ковтюха. Поднял бунт, собственноручно застрелил Сергея Ефимова, командира, объявил себя сторонником Скоропадского и ушел из Хадыженской в сторону Сочи. Оттуда надеялся отбыть в Киев... Где же твои остальные люди? Ведь ты увел сотню, если не больше. Растерял? Ладно, мы их подберем. А тебя утром отправим в штаб. Там ты все расскажешь, там и военно-полевой суд. В сарай всех! И строгую охрану!

Кухаревич разволновался, заходил по караулке — пять шагов туда, пять обратно. Такая встреча! И необходимость быть жестоким. Без этого подлости не победить.

— Значит, ты здесь обосновался? — мягко спросил я.

— Ну и словили вы людишек! — Он никак не мог говорить о чем-то другом.— На их руках кровь прекрасных людей...

Наконец успокоился, приказал одному из командиров:

— Павел, поедешь начальником конвоя с этими предателями. Прямо к Казанскому, он сейчас со штабом на верхнем течении Афипса. Через Солох-аул, Туапсе, ты знаешь как. Отвечаешь головой!

— Есть! — Командир подтянулся, щелкнул каблуками сбитых сапог.

— Ты спросил, где обосновался? — Саша сел возле меня.— Нет, Андрей, мы сюда только наезжаем, чтобы проверить тылы. А стоим по ту сторону хребта, у моря. По берегу везде наша власть, хотя Туапсе и поселки у деникинцев. Но они носа не высовывают из своих укреплений. Даже в окрестностях Сочи. Посмотри, какое у наших ребят вооружение! Новенькое, английское. Это мы взяли в Архипке при налете. И пулеметы... Ну, в общем, живем, воюем. Ты расскажи, как здесь очутился?

Я рассказал. И о зубрах тоже, не скрывая своей тревоги из-за новой армии, что появилась в лесу. Люди с винтовками — всегда угроза зверю. Саша задумался.

— Ты прав, конечно. Война есть война. Ужасно неприятно, что остается все меньше зубров. В общем, так. Я помогу, долг бывшего егеря. Проведем работу среди населения в горных поселках, отрядим постоянные караулы. Считай, что южная и западная границы заповедника для зверей неопасны. Разве что банды, вроде нынешней... Слушай, ты ничего не рассказал о домашних. Данута, сын, родители?..

Мы еще поговорили, и тогда я спросил о Кате.

Саша вскочил и порывисто обнял меня.

— Я так благодарен тебе! Этот поступок на Дону.. Эта быстрота и натиск! У смерти отнял!

— Счастливый случай, Саша. Ведь мы могли пойти на юг и другой дорогой.

— Все случайности подчинены строжайшей необходимости,— с ученым видом парировал он.— Как и наша сегодняшняя встреча. Но за Катю... Она сейчас в Солох-ауле. Там штаб батальона, которым я командую. Поедем? Или нет... У тебя своих дел хватает. Деникинцы не тревожат? Я имею в виду заповедник.

Пришлось рассказать ему о мандатах Советской власти и о том, что Шапошников сейчас в Екатеринодаре.

— Пустая затея. Деникину нет резону беспокоиться о Кавказе, он переводит свой штаб в Ростов, идет на Москву. Кубанская рада очень довольна, что армия чужаков, как называют они Добровольческую, покидает Кубань. Дело в том, что этот состав рады — Рябовол, Быч, Калабухов и другие-прочие заигрывают с англичанами и французами, мечтают о самостийной Кубанской республике от Дона до Сухума, понимаешь? Но я не уверен, что у рады будет желание помочь вам с заповедником. Скорее, они призовут тебя и всех егерей в армию, которую спешно сколачивают.

— Выходит, что на Кубани уже три власти?

— Если бы три! Деникинцы, казачья рада, наши в Пятигорске, мы здесь воюем, вольные формирования по станицам — сиречь банды,— анархисты, меньшевики... Смута, Андрей! И ко всему прочему еще голод, тиф. Тебе будет очень трудно уберечь в таких условиях зверя.

— Мне не дает покоя одна мысль: я в стороне от борьбы,— тихо сказал я.— Никому не признался бы, только тебе.

— Все пройдет, дружище. Россия выйдет из войны обновленной, поверь мне. И эта новая Россия оценит по заслугам людей, которые сохранили красу и разнообразие природы.— Он вдруг засмеялся: — Думаешь, мы с Катей так и останемся навсегда в шинелях? Моя мечта знаешь какая? Жить и работать где-нибудь здесь, в лесу, в тишине и покое, с прочным сознанием своей причастности к вечному и святому — к природе. Учились-то мы для этого, правда? Мечтали об этом, не так ли?

Вокруг нас — на лавках, на полу — спали, похрапывали на все лады бойцы, обнявшись со своими маузерами и винчестерами. Спали братья Никотины, избежавшие смерти. Фонарь чадил, воздух в караулке сделался густым и тяжелым, время шло к рассвету, а мы все сидели и говорили — не могли наговориться.

Саша выглядел намного старше своих лет. И еще какая-то нездоровая серость лежала на его лице, а во взгляде все время проскальзывала то ли чрезмерная усталость, то ли страдание. И смех его звучал невесело. Словом, вызывал беспокойство; даже совестно делалось при моем-то крепком здоровье.

Мы уснули, положив головы на стол, и проспали разве что час или полтора.

На дворе едва посветлело, а уже послышались голоса, зазвенела сбруя, кто-то громко скомандовал: «Собирайсь!» Видимо, уводили по черкесской тропе группу Тимощенко.

Саша приподнял голову, мутным взглядом обвел караулку и опять повалился щекой на помятую кубанку.

Я встал, чтобы размять затекшую руку, посмотрел в сильно запотевшее окно, протер его: по ту сторону стен все побелело — деревья, земля, лужок перед караулкой. Падал тяжелый мокрый снег. Низкое небо цеплялось за верхушки пихт. Ранняя зима. Самое опасное время в горах.

5

Мы с егерями отправились в Хамышки.

Снегу навалило более чем на аршин. Уж на что Кунак старательно поднимал свои высокие ноги, а все равно скользил, спотыкался, едва не падал. Под снегом скрылись мокрые камни, хрупкие ветки, сама тропа. Не дорога — мучение. А сверху все сыпало, вдогонку нам тянуло холодным ветром. Зима подгоняла.

Но она принесла и успокоение. Теперь куда меньше любителей пострелять в горах. Киша отрезана. Умпырь тем более. Хорошо, что Данута с Мишанькой вовремя уехали.

Мои друзья егеря ехали молча, все еще переживая случившееся. Не могли простить себе, что сдались в плен.

— Ладно, что было, то прошло,— сказал я.— В другой раз не попадетесь. Что с зубрами? Вам удалось пересчитать их? И вообще, стадо видели?

— Шесть голов осталось,— неохотно произнес Василий Никотин.— Две семьи, по три зверя в каждой. Бык, корова, одногодок. Я раза три встречал, когда в засидку ходил. И Сашка тоже. Обе семьи ходят от верховьев Мол-

чепы к Холодной, потом через луга и к истокам Киши. Туда-обратно. Как маятник. Больно пуганые, чтобы новые тропы торить. Все к лесу жмутся. Я вот еду и думаю: где они в такой-то снег? Кормиться осиной, ольхой — так им надо ниже уходить, ближе к людям. Наверху смертушка от голода, внизу от людей. Тоже житуха...

Напрасно не сделали мы попытки перегнать этих немногих зверей на Кишу, к Сулиминой поляне хотя бы. Там и стожки сена мы успели поставить, и подлесок гуще. Не так голодно зимой. Сейчас их уже не перегнать по мокрому снегу.

Телеусова в Хамышках не застали. Передохнули в его доме и кружным путем, через Даховскую, заторопились в Псебай. Здесь снегу было поменьше, но шел он с дождем, река Белая прямо взбесилась, вобрав в свое русло мутную шальную воду с окрестных гор.

Дануту я увидел на горке, при въезде в Псебай. Стояла закутанная в теплую шаль поверх шубки и вглядывалась в дорогу. Увидела и села в изнеможении на скамейку. Измучилась, ожидаючи.

Как можно веселей я сказал:

— Вот и мы. Здравствуй!

Кончиками пальцев сняла она слезы со щек, поцеловала.

Я рассказал о встрече с Кухаревичем.

— А Катя? А он каков? Где живут? Детей нет ли? Как дальше думают? — И сердилась, когда я отвечал коротким «не знаю». Обо всем прочем я умолчал. Встретились — и все. Нашел, где и думал найти. Отдыхает Саша в Гузерипле. Какая там война? Глушь лесная.

— Христиан Георгиевич не появлялся? — спросил я.

— Ну как же! Ежедневно приходит. Мрачный, сердитый. Сидят с папой как сычи. Десять минут — одно слово. Неудача у него вышла в Екатеринодаре. Сам тебе расскажет.

Вечером пришел Шапошников. На энергичном, твердом лице его можно было заранее прочесть, какими мыслями полнилась душа.

— Будь прокляты эти самостийники, эти тупоголовые ироды, которые ухватились управлять Кубанью! — с сердцем выпалил он.

— Вы у кого были?

— Принял меня Макаренко, потом пришел Быч, один

из руководителей рады. Выслушали. Я упирал на ценность зубров, на сохранность леса в горах, говорил, что все может погибнуть от неумелого хозяйствования. Переглядывались, похоже, поняли. И тут Быч сказал, как ушат воды вылил: «Пихта сейчас в цене. Англичане готовы начать разработку и платить хорошие деньги. А французы просят каштан. Оказывается, у них самое хорошее вино созревает в бочках из каштановой клепки». Я на это ни слова. Вот что у них на уме! Не заповедник, а торговля! Высокая политика, дипломатия, а тут о каких-то зубрах и оленях... Спросили, что мне надо. Сказал напрямую: денег на охрану Кавказа, боеприпасы. «Если организуете отряды, чтобы бить в горах красных партизан,— пожалуйста. Пришлем офицеров-инструкторов, жалованье, оружие. Концессию с союзниками подпишем». Видишь, куда повернули? От прямого ответа я уклонился, высказал предложение о частной охоте на паях. «Пожалуйста, если будут желающие казаки. Но денег от нас не ждите. Казна пуста, драгоценности Войска Кубанского, как вам известно, исчезли, зарыты где-то в горах, а мы сейчас создаем свою армию, расходы большие». Ну и все такое. Вот дали бумагу.

Бланк был солидный, бумага не нашенская, плотная. Подпись Быча, печать, все чин чином. «Кубанское войсковое правительство не имеет возражений против организации частного общества со своим капиталом для аренды угодий бывшей великокняжеской охоты. Войсковое правительство обязывает общество к сохранению богатств Кавказа и к уплате в казну ежегодной суммы, каковую выплачивал до 1910 года великий князь С. М. Романов».

— А вы знаете, сколько он выплачивал?

— Как не знать! По тысяче золотых рублей в год аренды и пятнадцать тысяч на охрану. У тебя найдутся такие деньги?

— Если отыщем клад с драгоценностями Войска Кубанского...

— Вот именно. Шутка шуткой, а ты понятия не имеешь, где сегодня Семен Чебурнов живет-пропадает.

— Где же?

— Семен набрал шайку таких, как он сам, и все лето шарил по горам за Горячим Ключом. Этот самый клад ранил его в сердце. Такое богатство — и в камнях! Зима, а он все не показывается... Впрочем, не о кладоискателях разговор. Давай все же объявим об аренде, а? Насчет

оплаты в казну запамятуем, не вечная эта рада, без России она не продержится. А мы хоть охрану наладим.

Прошла неделя, вторая, третья... Шапошников успел побывать в четырех станицах, список арендаторов вырос у него до сотни, но собрать удалось жалких четыреста рублей. Однако и они пригодились: выплатили своим егерям, которые уже годами не получали никакого жалованья.

Дни летели чередой, зима стояла, и мне все более хотелось поехать к Телеусову, Кожевникову, Задорову, посидеть у печки на кордонах, походить по звериным тропам, попугать врагов. Беспокоили зубры. Снегу много. Это для зверя тяжело. Время бескормицы.

Данута учила псебайских детей. Ей платили натурой — мукой, яйцами. Тоже подспорье. Иной раз в школу, которую устроили в бывшем княжеском доме, ходил и Мишанька, хотя ему по возрасту и рановато было. Он уже знал буквы, хвастался перед дедушкой, складывал простые слова, считал на палочках до десяти. Но когда в январе девятнадцатого я стал собираться в горы, он ударился в такой рев, что поразил нас всех. Хочу с папой — и все! Так запало в его детскую душу минувшее лето, проведенное на Кише! Дедушка покачал головой, изрек:

— Ну, быть в нашем роду еще одному лесничему. Что мать, что отец...

Я уехал надолго, до весны. Была в том и другая необходимость: дважды приходили повестки, чтобы явился в Лабинскую. Но служить в армии рады я не хотел. Перебыть это время в горах. Все внимание Кише и Умпырю, где зимовали самые большие стада зубров, несчетные пока олени, серны, туры.

Мы много ходили на самодельных лыжах с Борисом Артамоновичем, который обрел жизнерадостность, свойственную его возрасту, и всей душой привязался к делу. Он любил природу и почти так же поклонялся красоте ее, как Алексей Власович. Нам удалось пробиться с Кожевниковым по опасным тропам на Умпырь, и там, в просторном и теплом доме, мы сидели по вечерам в компании с Телеусовым и его племянником, готовили капканы на волков, расплодившихся в горах до опасного предела, и пели песни старых егерей. В погожие дни уходили на охоту, стреляли волков, иной раз и кабана, чтобы не сидеть голодными. Зубров не выпускали из поля зрения, тем более что все

они сбились на зиму в долину, что довольно близко от кордона. Они не особенно боялись нас, признали, хоть и не подпускали близко.

Человеческих следов мы нигде не встретили. К счастью для зверя.

Беда нагрянула позже...

Запись четвертая

Девятнадцатый год. Тревожное время. Ящур. Помощь Шапошникова. Спасение раненых. Свирепый двадцатый год. Дневник обрывается. Страшные для Зарецкого события. Двойная игра Семена Чебурнова. Приезд Постникова

1

Сперва о зубрах.

К весне 1919 года нам удалось сохранить почти полностью всех зубров, попавших под перепись полтора года назад. Это вовсе не означает, что браконьерство пошло на убыль. Мы считали, что за прошедший год убито и пропало не менее сорока голов. Но приплод покрыл даже такую большую убыль. В умпырском и кишинском стадах молодняка стало заметно больше. Телеусов насчитал там четырнадцать зубрят в трех стадах. Кое-что сохранилось и на Загдане. Правда, настораживало одно обстоятельство: в стадах оказалось девять бычков. Что-то многовато при четырех зубрицах и всего одной молодой телке. Ждать серьезного прибавления на Загдане не приходилось.

В Гузерипль за зиму мы не пробрались. Слову Кухаревича я верил. Контроль над Армянским и другими перевалами в его руках.

Я просил Дануту сохранять все газеты и журналы, какие удастся заполучить в Лабинской, в Майкопе и по станицам. Дважды за зиму Телеусов посылал своего хлопца в Хамышки, тот наведывался и в Псебай. И вот в марте 1919 года он привез от Дануты увесистую сумку с журналами и газетами.

Чего только не писали тогда! Газета «Кубанская земля» вовсю славословила войсковое правительство рады и ее деятелей, пестрела объявлениями об английских и французских союзниках и концессионерах. Все, что отно-

силось к Добровольческой армии Деникина, подавалось в сдержанных тонах. Из станиц в Екатеринодар шли верноподданические реляции и короткие сообщения о казацких воинских формированиях рады, которые не торопились к Деникину. Армии Советской власти крепко держали Царицын, активно воевали в районе Пятигорска, в горах Кабарды и Осетии. Изредка появлялись сообщения о стычках с красными партизанами возле Туапсе, Сочи и Адлера.

Крайне интересными для меня были старые журналы «Природа», «Известия Кавказского отдела Географического общества». Ученые России не забывали о зубрах!

В «Природе» за 1916 год сообщалось, что с речью об охране природы выступили профессор Шокальский и академик Бородин. Они требовали назначения в области Российской империи правительственных комиссаров по охране природы. Московское общество охраны природы в конце 1917 года опубликовало доклады нашего знакомого зоолога Филатова о Кавказском заповеднике и Фальц-Фейна об Аскании-Нова. Судьба зубров занимала в докладах этих ученых много места.

Там же я прочитал хронику 1917 года: «Уже несколько лет тому назад начаты переговоры об устройстве заповедника на Кавказе, в Кубанской области, где еще сохранились зубры. В настоящее время, когда заповедник Беловежской пущи подвергся военному опустошению, необходимость сохранить по крайней мере тех зубров, которые имеются на Кавказе, особенно настоятельна. Между тем, вследствие аграрных движений, связанных с революцией, и высокой ценности мяса и кож, опасность истребления зубров чрезвычайно повысилась. Академия наук ходатайствует перед Временным правительством о скорейшем принятии необходимых мер для охраны».

Егеря слушали задумчиво, с ощущением собственной значимости.

И тут я вспомнил разговор о зубрах с комиссаром Постниковым, когда ездил за мандатами в Кубано-Черноморский Совет. Тот разговор был продолжением только что прочитанного. Временное правительство ничего не успело сделать в этой области. А Совет Народных Комиссаров РСФСР, едва получив власть, нашел время прислушаться к ученым.

К сожалению, власть эта пока не распространялась на Кубань.

Чтобы помочь своим семьям справиться с весенними работами, мы по очереди съездили домой — кто на пять, кто на семь дней. Я пробыл в Псебае восемь дней, и, когда уезжал в горы, Мишанька прямо изошелся — так просился со мной. Но Данута сказала решительное «нет».

Кажется, в мае мы узнали, что Деникин пошел на север, а его авангард — дивизии фанатичных Шкуро и Улагая — уже возле Курска и Воронежа. Газеты Кубанской рады торжествовали вдвойне. Прежде всего потому, что Советскую власть теснили. И потому, что по мере приближения Деникина к Москве положение рады обретало устойчивость. Не обходилось ни одной статьи без упоминания о самостийной Кубанской республике.

Обсуждая все эти крупные события, мы не подозревали о беде, которая уже вошла в заповедник.

Первым забил тревогу Борис Артамонович.

Задоров вообще проявлял исключительную наблюдательность. Он мог часами лежать в укрытии, не спуская глаз с зубров. Вся их скрытная жизнь оказалась записанной у него в тетради. Как едят, спят, играют. Для удобства он дал имя многим быкам и зубрицам, так и писал о них: «Задира», «Руслан», «Чудо», «Рыжий», «Бойкая», «Мамаша», «Лабица». Он знал все их солонцы по Кише, любимые чесальные горки и деревья, мог сказать, кто поранился или приболел и почему.

Явившись от границы зубрового парка у истоков реки Ходзь, Борис с тревогой сказал мне и Кожевникову:

— В стаде больные. Руслан всегда первым выходил на луг, ловчее его ни один зубр траву не стрижет, а тут, смотрю, плетется позади всех, вышел на луг, схватил лопухи раз, другой, пена изо рта, и все головой туда-сюда, будто больно ему жевать. Так и простоял свесив голову, пока в лес не вернулись. И почему-то хромает, Мамаша без аппетита. Больные, эт-уж точно.

— Станичные бычки поблизости случались?

— В начале сезона раза два домашний скот выходил на зубриные пастбища. Я разыскал пастухов, предупредил, даже границу им обозначил. Но, в общем, одну траву они какое-то время щипали.

Подозрения усиливались. Контакт с домашним скотом! Недоглядели!

На другое утро Кожевников, Задоров и я поехали к стаду. Успели к рассвету. Легли. И сразу заметили, что

две зубрицы ведут себя как-то странно, а Мамаши, старой коровы, среди вышедших на луга нет.

Начали поиск. У солонца, по тропам, на местах отдыха, известных Борису. Наткнулся на зубрицу Василий Васильевич. Мамаша лежала, подогнув ноги и уткнувшись носом в землю, словно хотела почесать морду, да так и осталась. Еще не остыла.

Мы не дотронулись до нее, не подпустили коней. Длинными шестами свалили на бок, ими же раздвинули рот. Язык, губы — все в язвах. Копыта тоже. Ящур, очень заразная болезнь...

Весь день рыли яму, столкнули туда зубрицу, зарыли, а на место захоронения натаскали хвороста и запалили.

В тот же вечер, впервые за много лет, рука моя поднялась, чтобы выстрелить в зубра Руслана, когда он, шатаясь, вышел на опушку леса. Смертельно раненный зверь вздрогнул, шагнул и упал. Я опустил винтовку. У Бориса от слез заблестели глаза. Его любимец. Красавец зубр! У нас был только один способ побороть заразу.

Звери исчезли в лесу. Руслана мы зарыли. Задоров получил приказ оставаться на лугу до утра и отогнать стадо на новое место, как можно дальше отсюда. Гоняться, стрелять в воздух, но угнать!

Я спешно поехал к Телеусову на Умпырь.

На кордон мой Кунак пришел, шатаясь от усталости. Гнал его без отдыха. И сам вымотался. В доме егерей не было. Вышел, сел на крыльцо. Может, подойдут?

Тихая, прохладная заря мягко завораживала горы. Ярко-розовым сиял ледник Цахвоа и снежники на других вершинах. Дубы у кордона, опушенные еще молодыми желтоватыми листочками, не шелохнулись. Пахло ожившим лесом, талой водой, весной, дикостью. И вот в этой тишине со склонов Алоуса неожиданно донеслось сразу два выстрела, потом затрещало много винтовок. И пауза. Снова выстрелы, теперь редкие, явно прицельные. Бой?..

Набросив на потного Кунака седло, я помчался темнеющим лесом вверх по берегу ручья.

Наверное, через полчаса, уже потемну, впереди с характерным звуком клацнул затвор.

— Свои! — крикнул я, сваливаясь с коня.

Алексей Власович и его племянник приблизились, узнали. Егерь возбужденно заговорил:

— Схватились с какой-то бандой. Мы, значит, с одной

стороны зубров смотрим, а они, вражины,— с другой. Я стрелил быка, племяш тоже вдарил в него, чтобы наверняка, вот тогда и они взялись бить по бегущему стаду. Ну что делать? Пули возля нас свистят, пугают, гады, вот я и выстрелил по огонькам. Тут недалеко пастухи черкесские как раз появились.

— Почему ты стрелял по зубрам?

Впрочем, я уже догадался.

— Больной бык, Андрей. Уже третий день глаз с него не спускаем. Все хужее делается. Решили убить. Завтра посвету разглядим.

— Твои зубры паслись с домашним скотом?

— Да рази усмотришь, Михайлович! У абхазов шесть кошей[1] на Алоусе. Все они за границей заповедника, но близко. То ихний скот сюда перейдет, то бык из зубриного стада залетит к телкам. Одну, словом, траву грызут.

— Ящур на Сохрае,— сказал я.

— Ну вот... Вот оно что... Этого нам не хватало.— И сел на землю.— Что делать станем?

— Прежде к твоему быку.

...На место вчерашней перестрелки ехали кружным путем, проверяли все подступы к зубриному пастбищу. Стадо теперь верст за десять отсюда. А вот где пастухи, это надо выяснить. Народ мстительный.

Забрались на высотку с редкой пихтой. Осмотрелись. И увидели недалекие коши. Три стада бычков, телок, овец паслись рядом с загонами. Лениво бродили собаки. А пастухов нет. Значит, караулят нас в засаде.

Все-таки у нас было перед ними преимущество: скрадывали путь к зубриному лугу с неожиданной для противника стороны, по их же следу. И первые заметили их — восемь вооруженных людей. Они пришли в редкий лес пешком и теперь стояли, совещались. Винтовки у всех за плечами.

В таких делах неожиданность, натиск — уже половина успеха. Они не успели скинуть ружей, как три ствола пригвоздили их к месту. В следующую минуту, повинуясь приказу, оружие полетело с плеч на землю. Телеусов спешился, стоял наготове. Я подошел ближе. Молодые ребята, злые лица, запрятанный испуг.

— Кто говорит по-русски?

---

[1] Коши — загоны для скота и постройки для пастухов.

Двое шагнули ко мне.

— Почему стреляли по зубрам?

— Другой стрелял, тогда и мы стреляли. Адомей[1] — зверь, бить можно. Ты сидел засаде? Ты стрелял? Тебе кровь будет!

Лекцию об исчезающем зубре читать в таком положении бесполезно. Не поймут. Оставалось одно: страх возмездия.

— Вы нарушили закон. Здесь казенная охота. Зубров в охоте охраняют, они все на счету. Кто из вас стрелял, будет наказан.

— Тебе зубра стрелять можно? Я — не можно? Зачем так?

— Мы стреляли больного зубра. Ящур, понимаешь? — и показал на рот, губы, изображая боль и язвы.— Очень заразный. Уводите скорей свое стадо, все бычки заболеют и падут. В кошах есть больные?

— Пять бычок сдох. Три больной, резить будем. От твоих адомей?

— Да, от зубра,— перевирая истину, ответил я.— Уходите в другое место, дальше отсюда. Трава плохая, больная трава.

— Ты доктор?

— Я доктор. Я знаю. Покажу. Идите за мной!

Они потянулись за винтовками. Э, нет! Наш хлопец успел сгрести оружие, связать. И даже забросил на свое седло.

— Потом, потом отдадим,— успокоил я пастухов.

Поехали через лес. Вышли на большую поляну. Черная туша убитого зубра лежала на лугу. В небе кружили грифы. Молнией уметнулась, прижавшись к земле, лисица.

— Не подходить, не трогать! — приказал я. И снова, как на Кише, орудуя палкой, показал пастухам изъязвленные губы и ноги, потом снял с седла лопату, кирку и велел рыть. Меняясь каждые четверть часа, притихшие пастухи быстро отрыли яму, сбросили тушу и закопали, а место обожгли костром. Болезни они боялись как огня.

Пожалуй, не мои слова, а то, что убившие зубра не взяли ни куска мяса, не сбили рогов, больше всего подействовало на пастухов. Они серьезно переговаривались, жестикулировали. Телеусов стоял в стороне с винтовкой в руке.

---

[1] Адомей — черкесское название зубров.

— Когда уйдете? — спросил я.

— Два-три день.

— Нет. Сегодня. Ящур, как туман, бежит по горам. Он убьет ваши стада. Сегодня. Сейчас уходите!

Опять загомонили, уже с тревогой в голосе. Кивнул один, второй. Потребовали вернуть оружие.

— Отвези винтовки к лесу,— крикнул я своему хлопцу.— Рысью! Завтра проверю! — крикнул я вслед пастухам.— Будет скот — расстреляем стадо на месте. Будут коши — сожжем!

Когда пастухи подошли к месту, где свалили их оружие, мы уже стояли в тени берез, готовые укрыться в низине. Станут стрелять или нет?

Обошлось. Но во всей этой истории радости было мало. Проникнув в стадо, болезнь будет косить зубров одного за другим. И ничего нельзя сделать.

Ни-че-го!

Страшная страница в истории кавказских зубров...

2

Отправив Шапошникову письмо о случившемся, мы с Телеусовым, Кожевниковым и Задоровым продолжили разведку по зубровым местам. От Лабёнка на Кишу, оттуда — к Белой. Летом зубры выходили и сюда. Выследив очередное стадо, мы смотрели, как ведут себя зубры, и, определив заболевшего, стреляли, чтобы тут же зарыть тушу. От наших рук уже пало восемь обреченных. Жалость не отпускала сердце. Столько лет охранять, чтобы самим уничтожить...

Мы не могли держать под контролем всю территорию бывшей княжеской охоты. Слишком нас мало. Не помню, как прошли две недели. Усталость и душевное опустошение валили с ног. Оказавшись снова на Умпыре, пустили на пастбище лошадей и сутки отсыпались, а потом, как сговорившись, еще сутки не упоминали о зубрах, словно на звере лежало строгое табу.

Примчался Христиан Георгиевич. И не один: с ним было пятнадцать всадников — добровольных егерей, а также ветеринарный врач из Майкопа. Целая экспедиция. В тот же день мы нашли стадо, и Шапошников сам убил больную зубрицу.

Врач только бегло осмотрел труп. Приговор был кратким:

— Вы не ошиблись. Ящур. Больные коровы есть в Сохрае, Хамышках, Курджиновской, Баговской, в станицах по Урупу. Широкая эпизоотия.

Шапошников увел меня к ручью. Мы сели на берегу.

— Еще одна неважная новость,— начал он.— Восточное стадо ушло. Отсюда с отрядом я еду на Большую Лабу, на Зеленчуки.

— Сами ушли?

Трудно поверить, зная привычку зубров к оседлости, к определенному месту.

— Браконьеры угнали. Собралось до пятидесяти охотников. Голодно по станицам, понимаешь? Война весь хлеб съедает. Рада берет. Деникин требует. Самим станичникам мясо нужно. По городам тиф. Люди бегут в глушь. А тут где возьмешь еду? Вот и решили скопом пойти на зубров. Стадо прорвалось и ушло. Видели их у Архыза, в Черкесии. Надо отыскать и пригнать обратно.

— Зубров с кнутом погоните? — насмешливо спросил я.— Не овцы все-таки.

— Вся надежда на их привязанность к родным местам. Только направить, а дальше сами потянутся, тропы запоминают.

— Братьев Никотиных берете?

— Непременно. Следопыты.

— Мы тоже пойдем!

— Э, нет! Вы здесь нужны. Отгородитесь построже от Сохрая и Даховской. От абхазов со стадами. От армян с Молчепы. Нужна полная изоляция зубров на заповедной территории.

На другой день Шапошников увел свою команду на восток. Ветеринар посоветовал перегнать зубров на новые, незараженные пастбища. Только этим мы и занимались.

Время между тем перевалило за середину года. Природа словно отдавала долги за минувшую морозную зиму. Чуть не каждый день на горы сваливался либо затяжной дождь, либо неистовая летняя гроза с ливнем, после которого реки выходили из берегов, страшно ревели, тащили деревья и камни, а то и ланку с олененком, волка, косулю— кого успевали захватить и утопить. От хлесткого грома звенело в ушах. Никакая одежда не спасала от воды. Со стоном падали под напором ветра высокие пихты. Угро-

жающе грохотали камнепады. После гроз горы становились неузнаваемы. Растрепанные дубы, ветровалы, размытые берега, натеки глины со склонов. Разбой...

Но проходило три — пять дней, и живая жизнь залечивала раны, возвращалась во всей своей красе. Быстрее всего тянулись вверх травы. Если находился свободный час, все брались за косы и готовили сено. На зиму сюда опять соберутся ускользнувшие от беды звери.

Когда я думал о тех нетронутых уголках природы, где жизнь била бы живым ключом, где не было бы разрушающего и созидающего влияния человека, как писал Аксаков, то прежде всего мне представлялась долина Умпыря. И конечно, бассейн Киши, куда уехали Василий Васильевич и Задоров.

Втроем мы продолжали упорно гонять зубров с их старых пастбищ. Явно больных зверей в последние дни не видели. Но стада поредели. Должно быть, немало трупов осталось лежать в темной кавказской глухомани.

Прошло еще две недели.

Однажды утром, открыв глаза, я услышал за окнами голос Бориса Артамоновича. Он... пел! Это казалось особенно удивительным, если вспомнить его устойчивую самоуглубленность в бедовые месяцы лета. И что пел! Я прислушался. Голос с хрипотцой выводил что-то смешливое, любовное. Но приехал-то он с Киши неспроста!

Алексей Власович лежал на своем топчане и улыбался.

Мы выглянули. Борис ворочал вилами сено. Конь стоял рядом, седло лежало потником вверх. Только-только приехал. И распелся. С чего бы это?

Хлопнула дверь. Борис Артамонович умолк. Поздоровались. Загорелое лицо Задорова, его смеющиеся глаза излучали ничем не скрываемую радость. Алексей Власович вместо приветствия строго спросил:

— Чего распелся, как на свадьбе?

— Какая свадьба? Просто хорошо на душе, эт-точно. Все в полном порядке. Ящура нет. Ни одного больного зубра на Кише, сколько ни высматривал.

— А в Сохрае?

— В селе есть. С пастбищ мы скотину турнули еще тогда, как заметили болезнь. Ездил проверять, Василь Васильевич посылал. А из Сохрая, когда услышал о происшествии, сбегал в Даховскую и Каменномостскую, чтобы из первых рук... Вот даже газету привез и листовку.

— Какое происшествие? — Телеусов подался вперед.

— А вот какое. Из лесу вышло много красных партизан, они тайно подошли к Майкопу и атакой взяли город. И Туапсе чуть не в тот же день. И в Лабинской бой навязали, забрали склад оружия и скрылись. Эт-точно! А из ставропольских степей пришел ихний командир Ковтюх и с налету взял Армавир. Такая дислокация получилась: новый сплошной фронт от Армавира на правом фланге до Туапсе на левом. И Лабинская, и мы с вами теперь уже в тылу нового фронта, на территории Советской власти.

— А Деникин? — воскликнул я.— Он же у Курска! На Москву идет.

— Он уже к Туле подошел,— уточнил Задоров.

— Ты не путаешь?

— Пожалуйте газетку,— Задоров протянул истертую по сгибам газету. Все та же «Кубанская земля». Сразу бросился в глаза крупный заголовок: «Бои у стен Тулы. До Москвы, столицы Совдепии, осталось менее двухсот верст. Идут тяжелые бои... Они осложняются постоянным натиском красных со стороны Волги на слабо прикрытый правый фланг Добровольческой армии...» А в уголке листа очень скупо и мелко о событиях в предгорьях, где «партизаны из остатков Таманской колонны совершили дерзкие налеты на Майкоп, Лабинскую и Армавир». И далее, крупным шрифтом, шел рассказ о том, как доблестно сражались защитники Лабинской, как лихо шли на врага казаки. И лихо, и доблестно, а партизаны все-таки удерживали города в своих руках несколько дней и только потом отошли в горы.

— А листовка? Ты говорил о листовке?

— Мне ее в Даховской сунули. Не заметил — кто и как.

На четвертушке желтой бумаги под строкой «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Революционный комитет Черноморья» шел текст обращения к гражданам предгорных станиц, хуторов и поселков, чей высокий долг,— как говорилось в обращении,— «оказать Красной Армии Черноморья всемерную поддержку. Час нашей победы близок!».

Листовка была подписана командующим красным Черноморским флотом. Это под его началом находился батальон Кухаревича, действующий на морском побережье.

Действительно важные новости. Мы поговорили о них, но тут Алексей Власович вернул нас всех к зубрам:

— Так-таки не нашли больных?

— Ни единого!

— И пересчитали живых?

— А как же! Семьдесят три. Значит, так: девять погибло, но прибавилось пять сеголеток. Семьдесят три. Эт-точно.

Мы сели завтракать, но мне уже не сиделось. Потянуло в Псебай. Если красные партизаны достигли Лабинской, значит, они проходили через наш поселок. Дома у нас должны быть вести от Кухаревича. Но прежде нам предстояло проверить еще раз умпырских зверей и посчитать их, сколь это возможно, в условиях пышного лета, когда все скрылось в густой листве.

Пять дней мы ездили по мокрой траве альпики, по размягшему от воды березовому высокогорью. От бинокля уставали глаза. Одежда наша не просыхала, дожди шли и шли, усложняя и без того трудную задачу. Может быть, как раз эти дожди и помогли природе так скоро управиться с заразной болезнью? Отмытые молодые травы, отмытая земля, камни. Вся грязь ушла мутными потоками вниз. Вселенская природная стирка... В четырех умпырских стадах мы не обнаружили больных зубров! Подсчету в такое время я не особенно доверял, но цифры настраивали на благодушие: девяносто два зубра, из них семь молодых. Ящур унес из стада более двух десятков зверей.

А что на востоке?..

Шапошников со своей дружиной все еще не возвращался. Впрочем, егеря могли миновать Умпырь и пройти назад прямиком на Псебай.

До Уруштена ехали вместе с Задоровым.

В караулке возле устья Уруштена кто-то ночевал. Теплая зола кучей лежала в печи. Пахло человеческим духом. Мы оглядели землю. Следы кованых копыт во множестве усеивали плешины в траве и уходили вверх на затяжную тропу к горе Джур.

— Я по ней к вам добирался,— сказал Борис.— Ничего такого не заметил. Поеду еще раз, выясню, кто такие.

— Нет,— твердо сказал я.— Не надо нарываться на опасность. Едем в Псебай, оттуда слетаешь на Хамышки, передашь письмо жене Алексея Власовича — и на Кишу.

Еще недоставало, чтобы Задоров столкнулся с бойцами Саши Кухаревича! Следы-то оставили они, когда отступали. Это ясно.

По изрытой дождями дороге мы пошли рысью.

Когда Борис Артамонович вырвался вперед, нельзя было не улыбнуться. Драный бушлат, видавшая виды шапка, засаленные штаны. Совсем обносился. За свой тяжкий труд он, как и все мы, не получал ни жалованья, ни довольствия. Ни разу никто из нас не услышал от него жалобы или упрека. Напротив, он постоянно искал дело потрудней и брался за любую работу.

Завидно цельный и красивый характер. Под стать его доброй и красивой внешности.

3

В простенке нашей большой комнаты снова висела карта европейской части России, и выбритый, чистый, немного помолодевший отец, мурлыкая что-то в прокуренные усы, всякий раз, как получал газету, подходил к этой карте и переставлял булавки с синим шнурочком, обозначавшим фронты.

Москва уже не находилась в кольце фронтов.

— Вот так-с,— произнес он торжественно, когда мы с Задоровым поздоровались и обнялись с ним, а Мишанька, уставший прыгать возле меня, занялся красивыми камешками, которые я привез ему с перевала Балканы.— Немцы изволили бежать из Украйны и других мест государства нашего. А господину Антону Ивановичу Деникину приходится отходить восвояси на юг. Похоже, Красная Армия сейчас единственная сила, способная отбросить и добровольцев, и немцев, и Колчака от матушки-Москвы! Поверьте старому офицеру: война идет на убыль. Пора, пора заняться обычными трудами...

Ни Дануты, ни мамы дома не оказалось. На мой вопрос, где они, отец ответил не сразу, как-то подозрительно оглядел из-под седых бровей Задорова и, только когда я повторил вопрос, тихо сказал:

— У нас тут, в некотором роде, госпиталь. Они там...

— Кто в госпитале? — Впрочем, я уже догадывался.

— Четверо бойцов твоего друга.

— А Саша?

— Был. Уехал. Тебе письмо. Сейчас дать?

Письмо написано в спешке, карандашом. «Жаль, не застал тебя. Мы на старом месте. Командование решило дать бой, упредив выступление офицерских рот. Мы шли через Даховскую. Мой батальон задачу выполнил, но удержаться не удалось. Отходили через Псебай, оставили раненых. Твоя жена — молодец! Мы еще встретимся!»

Его батальон... Трудно представить философа, пожирателя книг в роли командира батальона! Вот что делает с людьми война. Скажи я Саше такие слова, он немедленно поправил бы: «Классовая война».

Пока я читал, Задоров сидел на диване. Глянул на него — уже спит.

Тихонько сказал отцу:

— Подбери для Бориса одежду, обувь, белье. И не буди, пожалуйста. Пусть поспит, пока я схожу в госпиталь. Устроим баньку.

На нашей улице, почти в самом конце, стоял обветшалый дом. В нем жила одинокая, старая женщина, наша приятельница. Вот у нее-то на отшибе и положили раненых бойцов. Ухаживали за ними Данута с мамой, хозяйка дома и сосед по фамилии Терлецкий, пожилой человек, потерявший на войне двух сыновей.

Никто не удивился, когда я вошел в дом, уставленный топчанами, никто не выказал шумной радости, обычной при встречах. Слишком большая человеческая боль наполняла этот дом. Данута, осунувшаяся, скорбная, поцеловала меня сухими губами. Мама молчком вытерла слезы, погладила по плечам.

Два бойца казались безнадежными. Данута всматривалась в их желтые лица и тихо советовала женщинам, что делать и какое лекарство дать.

— Опасно им тут,— сказал я Дануте, когда мы вышли.

— А где еще? Где не опасно? Саша хотел везти их в горы, но как везти? И что там, в горах? Тут хоть покой. Кое-что из лекарств. По крайней мере, двое могут подняться.

— Ты измучилась?

Она не ответила. Только вздохнула. Такого строгого, озабоченного лица я еще не видел у нее.

Мы молчали. Вдруг она тряхнула головой, улыбнулась и спросила уже другим голосом:

— Сынок не хвастался, как он читает-пишет? Нет? Значит, просто не успел. А готовился!.. Он у нас очень,

очень способный! Скоро в школу, если ничего не произойдет.

Война ее беспокоила. Войны она боялась, как и все женщины. Только краем прошла война мимо Псебая, а сколько горя и крови!

— Шапошникова ты не видел? — вдруг спросила она.— Заходил третьего дня.

— Рассказывал что-нибудь? — Это известие принесло мне облегчение. Вернулся, значит, из восточных районов.

— Ни слова. Мрачный и замкнутый. Как тот раз.

— Похоже, что на той границе заповедника плохо. Иначе он разговорился бы.

По улице навстречу нам ехала-бренчала очень знакомая тележка. Серый конь пританцовывал, картинно выгибал шею на туго натянутых вожжах. Ванятка Чебурнов, колченогий. Проехал — и не глянул.

— Куда это он? — забеспокоилась Данута.

Она все время оглядывалась: остановится у того дома или проедет? Рука ее просто окаменела в моей руке. Вот Чебурнов уже против дома, смотрит на окна. Не остановился. Мы уже стояли у своих ворот, когда серый конь промчался мимо, возвращаясь из загадочной пробежки. И снова Ванятка даже бровью не повел. Плохо.

Борис Артамонович все еще спал, неловко свалившись на сторону. Перед ним лежала горка отглаженной одежды.

Мы с Данутой затопили баню. Теперь можно будить приятеля. Я только дотронулся до плеча Бориса, как он уже открыл глаза.

— В баню,— сказал я.— Бери белье, веники на месте. Пошли.

Смущенно посмотрел он на приготовленное белье, вздохнул, взял и, сказавши: «Я ваш должник», шагнул за мной.

Мы вернулись, сели ужинать. Отец выставил оплетенную бутыль с домашним вином, налил бокалы.

— За здоровье всех, кто пролил свою кровь! — сказала Данута.

Борис Артамонович удивленно оглядел нас, но расспрашивать не стал, выпил. И пока мы ужинали, он все посматривал то на меня, то на Дануту. Мы понимали отшельника: завидовал нашему семейному счастью и думал о своем одиночестве. В такие-то годы...

Шапошников все не шел. Тогда я отправился к нему.

Христиан Георгиевич уже ложился спать, был в одной рубахе, поглаживал рыжеватые волосы на могучей груди. Сели. Он уперся взглядом в мои глаза и добрые полминуты молчал. Сказал, наконец:

— Нету восточного стада. Погибли зубры.

— Ящур?

— Пули браконьеров. Был, конечно, и ящур. Но стадо угодило в зону военных действий, вот в чем дело. Казаки прочесывали горы, искали красных, будто бы отступивших туда из-под Невинки. Нарвались на стадо, второе. Началась стрельба. Им удалось загнать зверя в ущелье — и пошла потеха! Считаю, погибло десятка полтора. Мы подъехали, когда пир горой. Уж так довольны добычей, что и о красных забыли! Нас арестовали, я ихнего полковника и так и этак крестил, а им смешно. Не понимают. Зверь-то, говорят, дикий. Дикий! А я ругаюсь. Вроде ненормальный. Так со смехом отдали нам винтовки, коней — валяйте, мол, дурачки, на все четыре стороны! Ужасно обидно... Трех зубров всего нашли и с великим трудом пригнали за Лабу.

Я слушал и думал, что своим «упреждающим» налетом на Лабинскую, на Майкоп, Красная Армия, возможно, спасла Кишу и Умпырь от такой же участи.

— Где же те три зверя?

— Между Бескесом и Лабой.

— Наверное, лучше перегнать их на Умпырь. До зимы. А у нас хорошие вести. Кончился ящур! Все! Убытки подсчитали. Не так уж и много. Могло быть хуже.

— Ну и что? — спросил Христиан Георгиевич с бессильным отчаянием.— Война придет и сюда. Похлеще эпизоотии. Весь заповедник в кольце боев...

— И все-таки сто шестьдесят восемь голов. Ареал их расселения сузился. Осталось только междуречье Лабёнок — Киша. Ну, может быть, еще немного на Белой. Там было семь голов. Граница охраны короче, нам проще. А впереди зима. Зимой в горы никто не пойдет. Да и война, надо думать, кончается. Вот и условия для заповедования. С полуторасотенным стадом можно начать работу.

Я нарочно говорил с излишней приподнятостью — уж очень хотелось расшевелить Шапошникова.

Слушая меня, он хмуро молчал, почесывая грудь, и радужные мысли мои никак не развивал.

Уходил я от него огорченным. Конечно, есть отчего захандрить даже при таком железном характере.

Не знаю, долго ли я спал, но осторожный стук в окно разбудил меня первого. Во дворе стояла мама. Она делала знаки, чтобы я открыл окно. Подтянувшись ближе, зашептала:

— Бог призвал двоих раненых. Скончались. Пойдем, поможешь. Терлецкий готовит похороны, но одному трудно. Бориса тоже надо. Берите лопаты, кирку.

Холодок пополз по спине. Вот как просто: жизнь — смерть... Я разбудил Бориса, и мы пошли, ежась от сырого воздуха ночи.

...Уснуть так и не удалось.

Перед рассветом прибежала Данута, зашептала:

— Знакомый прислал мальчонку... У станичного правления десятка два казаков. Говорят, будет поголовный обыск. Ищут красных партизан. Что делать?

Отсюда до венгерской лесопильни верст семь. Поселочек, приткнувшийся к лесу. Там наши знакомые. Туда казаки побоятся идти. Партизанская зона.

— Готовьте раненых. Я сейчас приведу коней. Увезем в другое место.

Кунак и Куница, лошади Задорова и соседа составили пары для двух носилок из жердей и бурок. Вскоре мы стояли во дворе «госпиталя». Осторожно перенесли закутанных раненых в носилки.

Задами огородов, краем леса вывели караван. Только далеко за поселком решились свернуть на дорогу. Рассвело, но туман сонно покачивался в долине, зажатой горами. Слева приглушенно, как из ада, доносился грохот Лабёнка. Шли молча, раненые притихли, носилки колебались в такт лошадиной ступи. Через час были в поселке, вошли во двор к знакомым, я поговорил с хозяином, он понимающе кивнул и повел нас в амбар, укрытый малинником и высокими грушами. Именно то, что нам надо. Просторное и прохладное помещение с неистребимым запахом сушеных диких яблок. Удобное место. Отсюда два шага до густого леса на склоне.

— Железную печку поставлю. Вода во дворе. Жена приглядит,— сказал хозяин.

Данута осталась с ранеными. Мы собрались назад.

— Ради бога, не задирайся с этими! Будь осторожен. Я как знала: не к добру была прогулочка Чебурнова по нашей улице. Прослышал, вот и обыски.— Данута говорила быстро, шла рядом с седлом, держась за стремя.

Туман истаял, дорога открылась, мы ехали шагом, я приготовился к любой неожиданности, если придется говорить, откуда едем. Уже в виду Псебая заметили группу конных. Они на рысях шли в горы. Пришпорили коней и мы. Встречные увидели, замешкались, скинули винтовки. Прогремел предупредительный выстрел. Я поднял руку с зажатой кубанкой.

Сблизились. Нас окружили.

— Кто будете? Откуда? — Молодой урядник держал в руке наган.

— Егеря Кубанской охоты. Хорунжий Зарецкий,— ответил я.— Хорошо, что встретились, братцы. Поможете пробиться. Поехали было в горы, а перед поселком нас обстреляли красные, да еще в погоню пошли.

— Много их?

— Пожалуй, до взвода. Да что считать! Повернем и вместе ударим, господин урядник. Собьем хотя бы с дороги. Обнаглели!

Расчет был рискованный, но точный. Урядник совсем не горел желанием ввязываться в бой. Его казаки тоже.

— У меня нет такого приказа. Только разведка,— сказал он без особой уверенности.

— Дело ваше. А то могли бы лесопильню отбить. Но нам-то все равно проехать надо. Не сейчас, так ночью.

И тронул Кунака. Через сотню шагов оглянулся. Казаки двигались следом.

Мы остановились у бывшего госпиталя. Хозяйка дома металась во дворе, напуганная и жалкая.

— Весь дом перевернули,— тихонько сказала она.— И все допытывались, все грозили. Да что у меня допытываться!

Ладно, дело сделано, раненые укрыты.

Теперь нужно сказать Саше Кухаревичу, чтобы скорее забирал раненых. Белые в любое время могли нагрянуть и на лесопильню.

Пришлось послать Задорова в далекую глушь. Только он знает дорогу через Кишу на Гузерипль. Если предприятие удастся и егерь найдет партизан, чтобы передать письмо командиру, то сам он может остаться в районе Белой и пересчитать или хотя бы увидеть тамошних зубров. Шел сентябрь, зима находилась совсем недалеко от высокогорья. Вдруг в том районе зубры уцелели? Тогда нужно успеть перегнать их на Кишу. Задание серьезное.

Задоров с готовностью ускакал. Я томился неизвестностью. На лесопильню не ездил, чтобы не вызывать подозрений, но ни на минуту не забывал о скрытом госпитале. Данута все еще оставалась с ранеными. Кто же, если не она?..

Отец внимательно следил за ходом гражданской войны, как мог, старался помочь мне разобраться в запутанном клубке событий и нерешенных задач. Впрочем, он не скрывал, что не верит в успех нашей егерской деятельности. Говорил со вздохом:

— Боюсь, сын мой, что после такой войны и разрухи стране будет не до зубров и тем более не до заповедников. Сколько труда потребует восстановление земли и разрушенных городов!

В его словах я уловил не только горечь от моего заведомо обреченного труда, но и некую недосказанность: не пора ли тебе найти иное дело?..

Снова воскресли прошлые сомнения. Действительно... Что толку от всех наших стараний? Не лучше ли взять винтовку и уйти к своему другу Кухаревичу в партизанскую армию? Там все ясно: кто враг, кто наш. Вот и Христиан Георгиевич опустил голову. Не показывается, сычом сидит у псебайских родственников. Но и в свой Майкоп не уезжает. Не те ли сомнения одолевают его?

А что же зубры? Оставить их без охраны?..

Как только вспоминалось умпырское стадо на летних, дождями промытых пастбищах — эти молчаливые красавцы с могучим телом, быстрой реакцией и беспримерной живучестью, которая уже позволила им существовать миллионы лет на планете,— так словно чья-то рука до боли сжимала мне сердце. Кто защитит их в этом последнем убежище, которое нашлось на Кавказе? Менее двух сотен... И как мы посмотрим в глаза людям, если не сделаем все, что можно, для сбережения древнего зверя?

В один из ненастных, уже октябрьских дней вернулся Борис Артамонович.

— Ждут,— коротко сказал он.

Мы поехали на лесопильню.

— Как зубры? — спросил я по дороге.

— Видел пять быков. Кажется, это все, что там осталось.

В том самом замаскированном амбаре, в жарко натопленном высоком помещении, где осенью аппетитно и слад-

ко пахло яблоками, в неярком свете двух маленьких окошек навстречу мне поднялся худющий Саша и крепко обнял, прижавшись плохо выбритой щекой к моей щеке. Данута сидела рядом и плакала.

— Ну, друг мой хороший, ты снова отличился! — Голос у Саши срывался.— Как добрый волшебник: где опасность, тут и ты.

— Дануту и маму благодари. Это они.

— Ладно. Будь у меня самые высокие ордена на кителе — снял бы и нацепил вам всем. Как делал фельдмаршал Кутузов. Я верю в настоящую дружбу. Она — сама жизнь.

Саша очень походил на британского офицера из иллюстрированного журнала. На офицера, заблудившегося в джунглях. На нем висел — да, висел! — темно-зеленый френч в пятнах и погрызах. Такие же добротного материала брюки, давно утратившие складку и цвет, были заправлены в испачканные сапоги с тупыми носами. Коричневатая окраска сапог указывала на заморское происхождение. И даже маузер, оттянувший пояс, был английским.

Хлопцы, гремевшие у печки, скинули с плеч нарядные плащи. Их одежда выглядела смесью английского с нижегородским. В углу стояли карабины и военная новинка — ручной пулемет.

— Ну и союзники у вас! — не удержался я.— Как снабжают, а?

— Сами не моргаем,— Саша коротко засмеялся.— Увидим транспорт на подходе, соберемся, подождем, когда выгрузят и рассортируют, и на ура из лесов! У белых только пятки сверкают! Берем что надо и быстро уходим. Догонять боятся. Ты погляди, что наши больные кушают.

В кружках дымилось настоящее какао.

Когда мы сели к столу, появилось бренди и копченый бекон. Разговор пошел дальше не о войне, а о зубрах, и, с первых моих слов Саша прямо-таки взъерошился. Вскоре он уже кричал на меня.

— Скажите пожалуйста, он разочарован! Он не знает, куда приложить молодецкую силу! Замашки растерявшегося интеллигента! Да если ты оставишь последних зубров без защиты, то опозоришь себя перед революцией и потомками, перед собственным сыном, ты — не ведающий законов будущего! За что мы боремся и воюем? За счастье людей, за жизнь, полную радости освобожден-

ного труда. За красоту мира. Ты читал когда-нибудь Ленина, неуч? Где там! А Энгельса? Да что я спрашиваю! Конечно, нет. А ведь они особенно подчеркивают цельность и красоту социалистического общества, возрождение природы на высшем уровне, уважение ко всему живущему. Если мы, Гомо фабер, останемся на планете в гордом одиночестве, насколько скучнее станет дальнейшая жизнь! Все сохранить, все улучшить при коммунизме — вот приложение для творчества людей, которое уже началось. Зубры пришли с человеком в нынешний век из далекого прошлого. Неужели теперь мы отмахнемся от них, попавших в беду? Да будь я проклят, если позволю тебе оставить их на произвол судьбы!..

Он перевел дух, как-то сразу обмяк, вытер ладонью вспотевший лоб. Лицо его налилось прозрачной белизной.

И тут я увидел, как он нездоров. Мне сделалось вдвойне стыдно. А Данута сказала:

— Ты разволновался, Саша. Тебе нельзя. Посиди спокойно. И поговорите о чем-нибудь приятном. Я не думаю, чтобы у Андрея это всерьез. Ты ведь не бросишь свое дело, Андрей, правда? Ну, скажи. Сейчас же скажи! — Голос ее уже приказывал. Большие голубые глаза горели. Она прямо-таки гипнотизировала меня.

Я собрался с мыслями. И сказал, подбирая слова:

— Кажется, меня действительно занесло. Такие обстоятельства. Что не год, то потери. Руки опускаются. За пять лет две трети стада погибло, хотя мы делали все, что могли. Вот только что потеряли полтора десятка на Загдане. Как в Гузерипле — знаю. Тоже убыток. Тоже ящур. Но, пожалуй, ты все-таки прав. Бороться надо. Чем меньше зубров, тем больше ответственность за них. Тем строже защита. Я останусь. И давай забудем о моем малодушии.

— Слова не мальчика, но мужа.— Саша глубоко вздохнул. Бледность делала его лицо чужим.— Так, Андрей. Скоро я сброшу шинель и приду с Катей помогать вам. В зубровый заповедник.

Он поднялся, глянул на Дануту, сказал тоскливо:

— Я, пожалуй, выйду. Подышу свежим воздухом. Давит грудь.

— Сердце у него надорвано,— тихонько сказала Данута. И тоже вышла.

Через день раненые уехали в горы. Мы вернулись в

Псебай. Еще через три дня вместе с Задоровым я отправился на Кишу, чтобы прихватить там Василия Васильевича и общими усилиями попытаться перегнать уцелевших зубров с Белой в кишинское стадо.

Предприятие нам не удалось. Опередила зима.

Страшная непогода разразилась внезапно. Холодный, злой астраханец притащил с востока толстые облака, полные всяких зимних припасов. Над Кавказом они столкнулись с теплыми черноморскими ветрами. Полился дождь. Загрохотало, засвистело, заварилась такая каша, что лес и горы просто стонали. Повалил снег, и дикая метель сплошной, жуткой непроглядностью завесила горы. Небо и земля исчезли. Только белая муть. И так — целую неделю.

К счастью, до вселенского шторма мы успели перебраться на кишинский кордон. Уставшие, притихшие сидели возле печки, благодарили свою судьбу и с уважением смотрели на поленницу дров, заранее приготовленную Борисом Артамоновичем.

4

В Кишинской долине снегу навалило аршина на полтора, а местами и больше. Не пышного, не легкого, а уже переметенного ветрами, уплотненного сыростью. Проваливаешься по пояс, а внизу мокреть, прилипчивый холод.

Ладно, есть дрова и кое-какие продукты. Можно отсидеться. А вот при мысли об Алексее Власовиче делалось тревожно. Где он со своим племянником? Успели дойти до кордона или буря застала их на дороге? Не узнать. От Киши на Умпырь не пройти. От Псебая тем более. А ведь дома у меня тоже беспокоятся: пропал...

Лес как вымер. Стоит нахохлившийся от лохмотьев снега на каждой пихте, на дубах, не успевших сбросить бурый лист. Подлесок чуть не до земли согнулся под тяжестью снега. Ловушки с пустотами внизу подстерегали неосторожного на каждом шагу.

Всему зверю плохо. Под таким снегом никакой травы не найдешь. Выдувов тоже нет, разве только в скальном районе, где шквал мотовал сильнее и мог обнажить какие-то склоны. Но эта зона для туров и серн. Ни зубры, ни олени наверх не пойдут. Их дом — лес и луга.

Стожков сена, заготовленных близ кордона, не видно. Турнепс и свеклу в кучах на огороде вовсе не отыскать. Не догадались вешками обозначить места, где оставили это добро.

Сидеть без дела мы все-таки не могли. Оголодавшему зверю надо помогать.

На чердаке у Василия Васильевича лежало пять пар коротких и широких лыж специально для такой зимы. Мы приладили их к сапогам. Ничего. На версту-другую сил хватит, хоть и проминается снежный целик очень глубоко.

Достали лопаты и побрели от стога к стогу, посбрасывали с них тяжелый завал. Окопали, сделали видными до новой метели. Огород разыскали по кольям ограды, палками нащупали кучи корнеплодов и раскрыли семь или восемь буртов. Осмелев, пошли выше в горы, там тоже разгребли стожки. И впервые увидели зубров, сперва не их самих, они в дневные часы лежали темными глыбами под пихтами, а следы странствий — этакие окопы с желтоватыми краями. Сильный зверь ходил по снегу и лбом, грудью, боками разваливал наметь чуть не до земли. Сил отдавал много, пищи добывал мало. Если набредал на ожину, вытягивал ее плеть за плетью, обрабатывая чуть не целую десятину. Добывал как-то и старую траву — ветошь.

Погрызы на коре осин и грабов натолкнули нас на новую мысль. Пила и топоры имелись. Вдоль ручьев, по долинкам мы свалили за несколько дней с полсотни деревьев. Кора их едва ли не главное питание зубра зимой. Высоко он не достанет, а сваленный ствол весь обгрызет.

Скоро увидели: зубры пользуются нашей поддержкой, не боятся следов и запаха егерей. Олени и косули приходили к стожкам. Этим нежным животным снег особенно досаждал.

Мы натоптали множество троп. Их заносило, мы снова ходили, уже верст за шесть, а когда хорошо подморозило, топали по своим же следам и без снегоходов. Вечерами у огня стали думать о дороге к Белой, на Хамышки. Надо же дать весточку о себе. Главное, успеть пройти дорогу за день, чтобы ночь не настигла под открытым небом. На лошадей надежда слабая. Если и дойдут до Белой, все равно река на тот берег не пропустит, а по висячему мостику их не провести.

Начали ходить в сторону Белой так: до полдня туда, до вечера — обратно. Верст пять пробили, утоптали, изготовились тропить дальше. А ночью свалился с высот ветер, пошла лютая поземка и нашу тропу сравняло, чуткая собака и та не сыщет.

В таких трудах и заботах прошел месяц или около того.

Сидим как-то поздно вечером, чаюем, слушаем, как воет в трубе, и думаем: опять заметет. Вдруг Задоров вскакивает.

— Голоса...

Слух у него отличный.

Схватил шапку, бушлат — и в дверь. Кожевников фонарь засветил, я винтовку снял. Вышли, а Борис саженях в семидесяти уже разговор ведет. Видим двоих. Мешки на горбах. Я подумал, что Шапошников, но ошибся. Прибыли Алексей Власович и Саша Никотин.

— Не с Умпыря ли? — спросил Телеусова.

— Что ты, Михайлыч! Балканы стоят стеной, а уж снегу там! Мы чутьем, что ли, угадали буран. Никотины как раз подошли, у нас отдыхали. Быстро собрались, дождик захватил уже по другую сторону перевала, за версту или две от караулки на Уруштене. Ну, мы ж на конях, пустили в рысь, кто кого обгонит — снег нас или мы его. В полную метель на виду Псебая оказались, сразу к вашим. Там, конечно, ох-ах, где хозяин? Я прикинул время, догадался, что ты успел на Кишу, успокоил. А сам в Псебае застрял, ждал, пока пробивали дорогу до Даховской переправы. Подождал, полуэскадрон казаков из Псебая ушел, вслед за ими подался. От Даховской я ползком могу до дому доползти. А уж с Сашей вдвоях как-нибудь... Брательник его пособил, так в Хамышки пробились, Христиана уважили: он хочет до Умпыря добраться, зверю помочь.

— Расшевелил его, Власович? У него хандра затяжная...

— Если по правде, так он меня и подтолкнул, а не я его. Заявился в Псебай сумной, как Иван Грозный, и прямо с порога так: «Долго у печки сидеть намерен? Зубров помнишь? О товарищах своих не забыл?..» И все вот так-то. А еще до этого твоя Данута урок дала. В самую, значит, метель захожу, а она во дворе Куницу готовит, сама в брюках, валенках, старые возле нее вьются, молят, а она никого не слушает. В сенцах, замечаю, два вьюка

готовые. В общем, в дорогу. Глянула исподлобья и говорит через плечо: «В одиночку пробьюсь...» Мы с твоими родителями до ночи отговаривали ее. Расстроила всех: ну кто ж в такую страсть по горам ходит! Уговорили. А потом Христиан явился, да я и сам... Как видишь, благополучно. Вы тут никого из своих не съели по причине голодухи? — И засмеялся, довольный.

Алексей Власович привез муки, соли, даже сахару добыл. Задоров и Кожевников здесь останутся, разживутся мясом на месте, медвежьи берлоги знают. А я могу ехать проведать своих. Что дальше — видно будет.

Благополучно добрались мы с Телеусовым до Хамышков. Я взял у него коня и с Сашей Никотиным отправился к станице Даховской. Как сейчас помню, было это 3 декабря.

Станица выглядела неспокойно. По горбатым улицам скакали казаки, кучно толпились у дома урядника, громко спорили. Возле каждого крыльца перешептывались женщины. Что-то произошло.

Саша повел меня к знакомым. Они все знали.

— Эт-та опять Деникин! — с нескрываемой злостью крикнул хозяин.— Ишь что творит! На казацкую раду меч поднял! Вот рада и кликнула нас, чтобы поддержали. Завтрева едем в Майкоп, а оттелева в Екатеринодар. Пущай попробует тронуть! Всеми станицами навалимся. Мало его красные били, теперича и нашей шашки отведает.

Постепенно события получили ясность. Еще одна война.

У Деникина уже случались неприятности с радой. Он не хотел считаться с тягой верхушки казачества к самостоятельности, повел себя как диктатор. Издавал приказы, подчинял себе казачьи части. Пока дела в Добровольческой армии шли хорошо, руководители войскового правительства на Кубани если и роптали, то тихонько, про себя. Но вот план захвата Москвы провалился, деникинцы покатились назад, с востока усилилось давление армии Советов, она сумела подойти к Белой Глине — всего двести верст от Екатеринодара. Черноморская красная армия осаждала Адлер и Сочи, отрезав последний путь отхода белым на юг. Неожиданно для рады Деникин включил Кубань в армейский район Кавказской армии Врангеля. Чаша терпения войскового правительства, уже мнившего себя самостоятельным, переполнилась. Оскорб-

ленная Кубанская рада на заседании в начале декабря объявила Деникина вне закона, приказа его не выполнила и начала стягивать свои части в Екатеринодар. Рассвирепевший генерал арестовал члена рады Макаренко, осудил военно-полевым судом другого члена рады, Калабухова, и приказал повесить его. Вот тут и началось!

Конечно, деникинская авантюра и без того была обречена на разгром. Конец всех диктаторов, которые затевают войну против собственного народа, неизбежен. Но открытая междоусобная вражда двух белых сил, несомненно, ускорила крах Деникина.

Не стал бы и вспоминать об этой странице истории, не будь она тесно связана с судьбой нашего заповедника. Ведь только мирная жизнь способна обеспечить сохранность природы. А мир мог прийти с победой Красной Армии. Этого мы ждали. События ускорили бег истории.

Надо сказать, что зима в горах и в новом, двадцатом году осталась такой же свирепой, как в октябре — ноябре. Валил снег, штормовые ветры перегоняли с места на место сугробы. Псебай, засыпанный белым валом, как бы врос в землю. Дома казались низенькими, улицы безлюдными. Как потом выяснилось, школа, где учила хлопцев Данута, работала с перебоями. Заносы то и дело прерывали сообщение с Лабинской.

Мое появление сразу внесло покой и умиротворение. Улыбка Дануты озарила дом. Мишанька так и висел на мне, даже в конюшню не отпускал одного. Отец страдал от того, что не знал всех событий. Меня он расспрашивал с великим пристрастием.

Прошло несколько спокойных дней.

Злой и взъерошенный вдруг заявился Шапошников. Не пробился он с хлопцами на Умпырь, проторчали на Уруштене и под Балканами больше недели, поистратили силы и продукты, но прохода не нашли. Перевал остался неодолимым.

— Конец умпырским зубрам,— мрачно заявил он.— Теперь от голода перемрут. Не болезнь, так бескормица.

— Не такой уж беспомощный этот зверь,— возразил я.— Разве в долгой их жизни подобных зим не случалось? Переносили...

— Когда их считали на тысячи и десятки тысяч,— продолжал Шапошников,— тогда даже большой отсев оставался незамеченным, он только улучшал зверя. Естест-

венный отбор. Выживали сильнейшие. Но когда их всего-навсего десятки... Тут надо беречь каждого, Андрей. Не успокаивай себя.

С доводами ученого не поспоришь. Наша помощь умпырскому стаду была бы сейчас бесценной. Но стихия буйствовала, и горы оставались недоступными.

В середине февраля мы с Христианом Георгиевичем пробились в Лабинскую, чтобы купить хотя бы муки. С продуктами становилось хуже и хуже. Знаменитого лабинского базара, собственно, уже не было. Все занимались войной, а не хлебом. Станица была полна вооруженными казаками — и своими, и привалившими с севера. Очень много офицеров высокого ранга. Прямо на улице стояли заснеженные, грязные трехдюймовки — свидетельства панического отступления.

На заборах, на стенах домов белели листовки, расклеенные ночью отчаянными агитаторами. Это было обращение Северо-Кавказского комитета РКП(б) к офицерам: прекратить службу у Деникина. Листовки срывала команда юнцов, но читали их многие. Шли разговоры о возможном прорыве красных, об отступлении в горы, о партизанской армии — теперь уже офицерской, белой! Страшные разговоры! Если так случится, то война захватит зубровый район целиком.

После сильного боя у Белой Глины, Красная Армия прорвала фронт. Она наступала на Тихорецкую и Армавир, а значит, и на Лабинскую.

Здесь мы, к удивлению своему, узнали от знакомых, что бывший егерь и прислужник Улагая Семен Чебурнов уже месяца три как подался в Невинномысск и записался в Красную Армию.

— Ловкач! — угрюмо заметил Шапошников.— Его корабль тонет, так он заблаговременно перебрался на другой.

Нам лишь по случаю удалось купить немного муки и соли; с этим добром и вернулись в Псебай.

Неожиданно пробилось солнце и дохнуло теплом. Ветер утих. Можно попробовать и на Умпырь. Христиан Георгиевич послал за Никотиными, чтобы идти с ними вместе.

— А ты, Андрей Михайлович,— сказал он,— обожди дома деньков пять-шесть. Если мы не возвратимся, значит, пробились. Тогда подавайся на Кишу, а то наши там вовсе одичают. И толкнитесь с той стороны к нам.

Март оказался богатым на события. В середине месяца Красная Армия овладела Тихорецкой и Кавказской, затем пал Армавир, а семнадцатого марта пришла весть об освобождении от белых Екатеринодара. Кубанская казачья армия частью сдалась, самые отпетые белогвардейцы вместе с членами рады ушли за Кубань. Поговаривали, что генерал Шкуро и полковник Букретов собирают новые отряды для партизанской войны. Восточнее нашего заповедного района. Об Улагае никаких слухов. Но он тоже где-то в горах. Его брат все еще командовал дивизией у Врангеля в Крыму.

Двадцать первого марта Красная Армия с боем взяла Лабинскую. Среди пленных, как говорили, оказалось более пятисот офицеров.

На другой день сдался гарнизон Майкопа.

Фронты стягивались, уплотнялись, войска двигались к Новороссийску, из которого эвакуировались на судах английско-французской эскадры остатки армии Деникина и бесчисленные беженцы. Английский линкор «Император Индии» и французский крейсер «Вольдек Руссо» своими орудиями прикрывали отступление белых в Крым.

А когда до Псебая дошла весть, что Черноморская красная армия взяла Сочи, а потом и Туапсе, мы поняли, что Кубань освобождена.

Мир тебе, Кавказ!

5

Шапошников с егерями Никотиными в Псебай не вернулись. Значит, им удалось добраться до Умпыря. Хорошее начало!

Весна торопилась. Ей предстояло много работы. Толстый слой снега укрывал горы. Но уже ухали, сваливались с веток отяжелевшие пласты, снег под деревьями оседал, делался зернистым. Я стал готовиться в поход.

— Надолго? — Данута сидела на стуле, как-то очень горестно бросив руки на колени, и смотрела на меня долгим прощальным взглядом. Удивительное состояние для нее — всегда деятельной, неунывающей.

— Как снег сойдет, так и вернусь,— ответил я, стараясь не утратить оптимизма под ее взглядом.— Посчитаем зверя, сведем погуще стада и станем смотреть да смотреть за ними.

— Что-то грустно мне,— сказала она вдруг очень тихо и заплакала.

Как мог, я успокоил Дануту. Но и сам встревожился: всегда провожала меня спокойно, а тут вдруг... Что случилось? Да и родители мои выглядели не радостно. Мама плакала. Отец хмурился и молчал.

— Не забывай моих друзей,— попросил я жену.— Если будет весточка от Кати или Саши, постарайся переслать мне на Кишу.

Выехал я на Кунице, пообещав вернуть лошадку с первым нашим связным. Тяжелые вьюки бугрились за седлом. Два ящика одних патронов.

Данута и Мишанька проводили меня до спуска на лабинский тракт и долго стояли, смотрели, пока я не повернул на свою лесную дорогу...

* * *

Этой фразой неожиданно обрывается последовательная событийная запись Зарецкого в тетради с синим переплетом. Следующая запись в этой книге другими чернилами, обозначена только концом 1920 года. Автор дневника не нашел нужным объяснять этот перерыв в записях, хотя, казалось бы, только писать и писать...

После довольно длительных поисков, расспросов сведущих лиц и сопоставления различных свидетельств осталось сделать такой вывод: Андрей Михайлович Зарецкий не упоминает о весне и лете 1920 года и о зубрах по причине весьма уважительной: до Киши он так и не доехал.

Все случившееся с ним за это полугодие настолько неожиданно и страшно, что напоминает суровый детектив.

Слов из песни, как известно, не выкинешь. Происшествие сказалось не только на судьбе самого Зарецкого и его близких, но отразилось и на положении зубров бывшей Кубанской охоты.

Попробуем восстановить истинные события тех дней.

* * *

Тяжело, еще по зимнему, одетый — в шапке, полушубке, сапогах, с неразлучной винтовкой за плечами, с тяжеленным английским маузером в деревянной кобуре у пояса, Андрей Михайлович привычно осматривал с седла

неезженую дорогу, стараясь отыскать тропу, где меньше снега. Куница иной раз мотала головой, прося повод, и тогда шла, опустив голову, выбирая дорогу по-своему. Она словно принюхивалась к запахам отмокшей просеки, к горьковатому запаху дубравы.

Зарецкий в ту пору выглядел крепким, мужественным, уже зрелым человеком. Лицо его потеряло юношескую полноту и беспричинную улыбчивость, взгляд голубых глаз приобрел ясность и твердость. Заметные складки, пролегшие от носа к уголкам рта, придавали выражению лица всегдашнюю решимость. В нем чувствовался воин, командир, привыкший к суровой жизни. За этой привычкой угадывались воля и рассудительность. Его коренастая, сильная фигура и открытое лицо вызывали у людей уважение.

...Неожиданно Куница забеспокоилась. Она все чаще подымала голову. Уши стали торчком. Задумавшийся всадник почувствовал эту тревогу, осмотрелся, на всякий случай снял винтовку. Тишину голого, просторного леса не нарушал никакой посторонний звук. В чем дело? Оглянувшись еще раз перед поворотом дороги, Зарецкий озабоченно свел брови. В полуверсте позади перебивчивой рысью его догонял конный отряд из двух десятков всадников. Он вскинул бинокль: красноармейцы. Длинные шинели приподнимались в такт рыси. Два всадника в черных кожанках немного вырвались вперед. Остановиться и подождать? Возможно, попутчики в Даховскую? Он натянул повод, забросил за плечо винтовку. Куница попятилась в сторону.

Отряд приближался осторожно, с винтовками наперевес. Его, что ли, боятся?

Зарецкий дружески поднял руку.

— В Даховскую? — спросил он, когда всадники поравнялись с ним.

Все дальнейшее произошло так быстро и было так непостижимо для благодушно настроенного Зарецкого, что он и слова не успел произнести.

Пять или шесть винтовок уставились ему в грудь. Раздался приказ:

— Оружие!..

Он потянул руку, чтобы снять винтовку. Его схватили за руки, сбросили с седла. Куница, остановленная сильным рывком, пыталась подняться на дыбы, заржала, кого-то

укусила, на ней повисли сразу трое, всадника стащили на землю.

В одну минуту Зарецкого обезоружили, связали за спиной руки, тщательно обыскали. И только тут он увидел Чебурнова. В долгополой шинели и шлеме, Семен стоял несколько в стороне, руки в карманах, и улыбался загадочно и насмешливо.

— Этот? — спросил у него человек в черной тужурке.

— Так точно, товарищ командир! — отчеканил Семен.— Самого главного заарканили. С успехом вас!

— Зарецкий? — Командир жестко смотрел на пленника.— Хорунжий Зарецкий? Куда путь держим?

— На Кишу.

— Значит, логово вашего отряда там? Или где?

— Там кордон зубрового парка.

— Ваше благородие, здеся этот номер не пройдет, зубрами не заслонишься,— сказал Семен со смешком.— Признавайся откровенно, пока зубы целы: банда твоя тама? Али брехать про зубров будешь?

Командир разбирал вещи, взятые при обыске.

— Маузер откуда? — Он вертел в руках большой пистолет.

— Подарок друга. Командира Кухаревича из Черноморской красной армии.

— Не знаю такого. Английская марка... Значит, уже связались с интервентами?

— Не понимаю вас.

— Кому патроны везете?

— Егерям.

— Егеря не стреляют. Они охраняют животных.

— Стреляют. Когда в лесу такие мерзавцы, как Чебурнов.

Семен подскочил к нему, схватил за грудки:

— Но-но, ты, гидра! Чебурнова не трожь! Чебурнов когда ишшо требовал новой власти, чтоб трудовой человек мог поохотиться! Вот теперича она самая и пришла, а ты, Зарецкий, есть гидра и классовый враг!

Командир предостерегающе поднял руку. Семен осекся.

— Боец Чебурнов,— приподнято сказал он.— За точные сведения об организаторе бело-зеленой банды, за разведку и смелые действия в летучем отряде по борьбе с офицерскими бандами награждаю тебя трофейным маузером! Бей врагов революции беспощадно!

— Премного благодарен! — Чебурнов стоял по стойке «смирно» и, приняв оружие, гордо глянул на Зарецкого, но тотчас вспыхнул, как от пощечины.

Андрей Михайлович, оправившись от первого потрясения, открыто улыбался.

— Смотри, он еще лыбится, гад! — закричал Чебурнов.— Товарищ командир, дозвольте, я его на месте стукну, как главного контру! Брательника мово, который шепнул, когда классовый враг пойдет, инвалидом на всю жизню сделал, да ишшо ограбил по дороге, гад!

И решительно защелкал затвором маузера.

— Сколько людей на вашей базе? — Командир просто отмахнулся от Чебурнова.

— Двое или трое. Фамилии нужны? — Зарецкий держался спокойно и с достоинством.

— Офицеры?

— Один бывший прапорщик. Это проверенные, честные егеря.

— Значит, на Кише? — Командир глянул на Семена.

— Без разведки туда невозможно.— Семен понял, о чем он думает.— Дорога дальняя, могёт быть засада. Леса глухие, и вообще...

— Ладно, в ЧК разберутся. Вы арестованы, Зарецкий.

— Почему, позвольте узнать?

— Мы настигли вас на пути к офицерской контрреволюционной базе. Продукты, патроны, собственное признание уличают вас в принадлежности к бело-зеленым.

— Но я вам сказал...

— Рассказывать будете в ЧК. По коням!..

Этот молоденький хлопец в кожаной куртке действовал так уверенно, словно обладал исключительным даром безошибочных решений. Конечно, опыта он не имел и вряд ли понимал всю сложность событий. Худое, нездорового цвета лицо, нервные губы, горячечные глаза могли означать, что он лишь недавно из госпиталя. Или побывал в плену у белых, испытал всякое и полон решимости мстить. Жалости к офицерам по этой причине не ведал. Более того, сам вид Зарецкого, его здоровье, его воспитанность, уверенность, и все, что ставило арестованного выше, чем он сам, вызывало у командира отряда только чувство ненависти. Офицер, значит, враг.

Зарецкий тоже понял, что разговор с этим человеком не получится. Все подстроил Чебурнов. Его брат Иван

выследил, сообщил Семену. Теперь Зарецкому предстояло доказывать свою непричастность к бандам в горах. Факты против него. Ехал на базу? Да, есть база. Ну, а раз есть...

Его подсадили на смирную старую лошадку. Куницу забрал боец, явно не привыкший к седлу. Она то и дело рвалась, ржала. Зарецкому вдруг очень захотелось, чтобы Куница убежала. Тогда узнали бы дома о его беде и бросились бы на поиски.

В Лабинскую приехали ночью. Полушубок и шапку отобрали, еще раз обыскали. Сунули в какую-то предварилку, где тесно сидели и лежали люди. Что за народ? Кто уже спал, кто перешептывался. Ночь. Чужие. Тоска.

С рассветом арестованные завозились, заговорили. Под низкими сводами кирпичного лабаза вздыхали, кашляли, тосковали о куреве. Слышались приглушенные обращения: «ваше высокоблагородие», «ваше превосходительство». Зарецкий находился среди офицеров, плененных во время боя за станицу.

— Вызывают на допрос? — спросил он соседа с красными от недосыпания глазами.

— Каждого десятого,— усмехнулся тот.— Некогда. Уж скорей бы...

— Что скорей? — не понял Андрей Михайлович.

Сосед отвернулся. Страх ледяной струей прокатился по телу Зарецкого. В такой обстановке нетрудно пропасть. Где там разбираться!

Прошел день, второй, пятый, седьмой. Каждый вечер вызывали и уводили человек по двадцать. Андрей Михайлович пробовал говорить с чекистами, которые приходили за арестованными. Ответ был короток: «Ждите». Чего ждать? Будь ты проклят, Чебурнов!

Более месяца прошло в унылом, страшном ожидании. Зарецкого уже трудно было узнать. Он похудел, ссутулился, зарос щетиной и выглядел намного старше. Отчаяние и какое-то мерзкое равнодушие все более опутывало его. Иной раз казалось, что все кончено. И лишь память о семье, товарищах, о зеленом рае Кавказа придавала силу. Не-ет, он выйдет! Разберутся! Не все кончено!

Их выводили партиями на прогулку во двор, оцепленный колючей проволокой. Стоял теплый апрель. Зацветала белая акация, аромат ее проникал повсюду. Андрей Михайлович ходил, руки назад, вдыхал желанный воздух воли, видел лабинскую улицу и не без горечи думал:

какое это счастье — ходить там, по этим улицам. Редкие прохожие оглядывались на арестантов. И вдруг один из этих прохожих остановился, пораженный, потом повернул назад, дождался, когда цепочка гуляющих снова окажется у ограды. Ищущий взгляд его поймал лицо Андрея Михайловича. Зарецкий не узнал любопытного бородача. Но после прогулки он вдруг признался себе, что человек, увидевший его, не кто иной, как Федор Иванович Крячко, привозивший письмо от Врублевского! Признал он его или нет? Если чудо произошло, Данута и Шапошников немедленно приедут сюда.

Он дожидался новой прогулки, как великого праздника. Но на этот раз Крячко не приходил. Вечером Зарецкого вызвали на первый допрос.

Следователь ЧК, уставший, измотанный человек, прочитал ему донос Чебурнова и протокол ареста на дороге. Из обвинения явствовало, что хорунжий Зарецкий является участником одной из белых банд, действующих в горах.

— Признаете себя виновным?

— Чушь! — коротко отрезал Зарецкий.— Рукой Чебурнова водила личная неприязнь, желание мести. Присмотритесь к нему. Он агент и подручный Улагая.

— Даже так? — Следователь устало улыбнулся.— Не хватает еще, чтобы в ЧК служили люди Улагая. Вы что-то уж очень замахнулись.

— Позвольте, я объясню,— начал было Зарецкий, но следователь выставил перед собой ладонь.

— Очень коротко. Прошу понять: я не решаю ваших судеб. Мое дело рассортировать арестованных. Значит, не признаетесь?

— Никогда и ни при каких обстоятельствах,— горячо начал Зарецкий. И минут десять говорил о себе, а следователь слушал все более заинтересованно.

— Ладно,— сказал он.— Отправим вас повыше, там разберутся.

Едва ли не в тот самый день, когда псебайцы из дома в дом передавали слух об аресте молодого Зарецкого, а на Кишу и Умпырь помчались связные, Данута кое-как успокоила стариков и поехала в Лабинскую,— да, как раз в тот день из купеческого лабаза вывели человек тридцать, окружили конвоем и повели пешим ходом по дороге на Чамлыкскую. Значит, в Армавир. Ничего хорошего большинству арестованных это не предвещало.

Напрасно Данута металась по Лабинской от одного военного к другому. Никто ничего не знал. Наконец, ей сказали, что Зарецкого увезли, но куда — неизвестно. Может быть, в Пятигорск, а может, в Екатеринодар. Она поняла, что для спасения мужа нужно прежде всего отыскать Кухаревича.

И помчалась в Екатеринодар. Теперь он назывался Краснодаром.

А Зарецкий прижился в Армавире. Дело его где-то застряло, о нем самом забыли. Вокруг происходила суетливая, непонятная деятельность, арестованные приходили, уходили, менялись, время шло, и жизнь шла, в ней продолжала теплиться только надежда.

Данута искала Кухаревичей в Краснодаре, где хаос, разруха, учиненные бегством белых, наступлением Красной Армии, затаившимся офицерским подпольем,— вся эта зыбкая картина была на виду, на улицах и в каждом доме. Шли повальные обыски, по ночам стреляли, одни скрывались, другие пытались устроиться, третьи налаживали снабжение и работу новых учреждений. Ей называли членов Кубанского ревкома, но пробиться к ним с таким делом просто не представлялось возможным. Где Катя и Саша — никто толком не знал, пока случай не свел ее с медиками из бывшей Черноморской армии Казанского.

— Простите, вы о Екатерине Кухаревич? Так она с мужем в Геленджике,— сказали ей.— Сам он очень болен. Что-то с сердцем. Жена не без основания опасается...

Поездка в Геленджик... Вспоминая потом об этих днях, Данута содрогалась. Она не помнит, как попала в Новороссийск, где только что кончились бои, дымились сгоревшие дома и суда в порту, а на улицах еще не вылиняла черная кровь. Сколько раз ее останавливали, требовали документы, водили в какие-то комендатуры, приказывали покинуть город! Но Данута проявила волю. Она пешком отправилась в Геленджик. На ее счастье, подвернулся попутный обоз с ранеными, Данута взялась помогать как сиделка и добралась, наконец, до места.

Никаких больниц в поселке не было, Данута просто ходила из дома в дом, пока, наконец, во дворе большой дачи на Толстом мысе не увидела Катю, склонившуюся над корытом с бельем. Успела крикнуть:

— Катя!..

И свалилась на каменистую землю.

Ее подняли, уложили в тень, напоили сладким чаем. Еще не поднявшись, то и дело вытирая обильные слезы, Данута поведала о своем горе.

— За что арестовали? — осторожно спросила Катя.— И главное, кто арестовал?

— Не знаю. Его случайно увидел среди арестованных один знакомый человек в Лабинской.

— Лежи,— приказала Катя.— Я сейчас.

Она вошла в дом, побыла там немного и вернулась с лицом строгим и тревожным.

— Ты можешь сама рассказать Саше? Он хочет услышать от тебя.

Данута едва узнала Сашу в этом источенном хворью человеке с лицом прозрачно-белым и страдальческим.

— Здравствуй,— просто сказал он.— И говори все, что ты знаешь. Обстоятельства, место, фамилии.

Она рассказала то немногое, что было известно ей. И о последнем прощании с Андреем.

— До Киши он, видимо, не доехал?

— Нет. Иначе оттуда сообщили бы.

— Значит, его взяли на дороге? Взяли, разумеется, как бело-зеленого, как офицера. Это опасно, Данута. Где он теперь?..

В тот же день Данута выехала на старом катерке с двумя военными в Новороссийск. Катя, провожая ее, шепнула:

— У Саши три сердечных приступа за последние две недели. Я очень боюсь... И все же надеюсь на лучшее. Торопись, милая. И для тебя дорог каждый час.

Теперь Данута знала, куда обращаться. У нее были письма. До Краснодара удалось доехать поездом за одну ночь. Утром ее принял председатель Северо-Кавказского ЧК и, выслушав, приказал разыскать в местах заключения А. М. Зарецкого. Неожиданно спросил:

— Улагая не знаете?

— Знаю.— Данута даже покраснела.— Старшего брата встречала в Петербурге. Другого, есаула Керима Улагая, знаю лучше. Когда-то он предлагал мне быть его женой. А я выбрала Зарецкого. Студента Зарецкого.

— Ну, и?..

— Не ошиблась. Была счастлива. До этого страшного дня...

— Вероятно, они враги — ваш муж и Улагай?

Она кивнула и закусила губы, чтобы не расплакаться.

— Этим делом займемся немедленно. Ждите извещения. Поиск будет проходить несколько дней. Не забудьте оставить свой адрес в приемной.

А тем временем Зарецкий трясся в зарешеченном товарном вагоне по пути в Краснодар. Распоряжение из Северо-Кавказского ЧК не застало его в Армавире, но после очередного допроса его и так решили отправить в центр, поскольку выявилось уж очень много противоречий. Да и личность Чебурнова все более вызывала сомнения у чекистов. Опасность отступала от Андрея Михайловича.

В один из летних — уже июньских или июльских — дней арестованного Зарецкого вызвали из Краснодарской тюрьмы на допрос.

Андрея Михайловича провели по пустынным улицам, он долго сидел в узкой комнате, наблюдая в маленькое окошко летнее небо. Потом его повели наверх. Зарецкий вошел в небольшой кабинет, где над столом склонился черноголовый следователь. Не глядя, он сказал: «Садитесь», отпустил конвоира, а через минуту, еще не отрываясь от бумаг, произнес:

— А теперь займемся вами.

И глянул, наконец, в лицо арестанту. Густые брови его двинулись вверх, глаза удивленно округлились. Казалось, он лишился дара речи — так был удивлен. Сказал, подымаясь:

— Если вас побрить и постричь, да хорошенько накормить и одеть в егерскую форму, то вы станете моим знакомым по фамилии Зарецкий. Или мне изменила память?..

Следователь говорил с легким акцентом. Андрей Михайлович натянуто улыбнулся.

— А если вас немного омолодить, дать в руки револьвер и пачку свежих прокламаций, то вас нетрудно было бы назвать Суреном, тем самым связным, что приезжал в Гузерипль, к егерю Кухаревичу.

— Слушайте, так это вы? И в таком положении не потерять чувство юмора! Завидное самообладание.— Сурен белозубо засмеялся.— Давайте сюда, ближе. Ну, здравствуйте! И не будем терять времени. Рассказывайте.

Зарецкий говорил около часа. Впервые так подробно.

Сурен, партийный друг Кати и Саши, которого он давным-давно застал на кордоне с пачкой прокламаций, слушал, не сводя с Андрея Михайловича глубоких, черных глаз. Потом вскочил, одернул гимнастерку.

— Подожди здесь, друг.

Отсутствовал он довольно долго. А вернулся не один — с Шапошниковым, который так и бросился к Андрею, прижал его, обессиленного, к себе. Губы у него дрожали. Голос плохо повиновался от волнения.

— Наконец-то нашелся, пропащая душа!

— Вы давно здесь? — спросил Зарецкий.

— Я отсюда не вылезаю. Околачиваюсь по всем учреждениям.

— А Данута? Что с моими, где она?

— Данута тоже в городе. Она побывала у председателя ЧК.

Вошли еще трое чекистов. Андрея очень долго расспрашивали, уточняли. В Лабинскую пошла шифровка: арестовать Семена Чебурнова, срочно препроводить в Краснодар.

Часа через два в приемной Сурена появилась Данута. Села в уголке, руки бросила на колени, как тогда, при последнем расставании, и уставилась на дверь. Вышел Сурен, пожал руку, сказал:

— Только спокойно, ладно?

Она не поняла, хотела что-то спросить, но тут из-за спины Сурена вышел Зарецкий — чисто выбритый, неузнаваемо худой, с горящими от возбуждения глазами.

— Андрей! — Данута сорвалась на крик: — Андрей, Андрюша!..

Данута не заметила ни Шапошникова, ни других людей. Все они тихо вышли из приемной. Пусть отведут душу, успокоятся.

Из здания ЧК шли уже втроем: Зарецкий с женой и Христиан Георгиевич. Постояли на тротуаре, поглядели на беломраморный собор, освещенный щедрым солнцем, и неторопливо двинулись на квартиру к знакомым, где остановилась Данута.

Здесь Шапошников посидел недолго. И рассказал только о главном, что произошло в городе и дома, ни разу не упомянув о зубрах. Но Зарецкий спросил:

— А в горах что? Зубры как?

— Пока я искал тебя, удалось прояснить и с заповедником. О тебе я все время твердил как о главном хранителе

зубров. Кое-что стронулось в Майкопе. Я был там, еще не ведая твоей судьбы, считал, что ты на Кише. Крячко прискакал позже. Ты спросишь, при чем тут Майкоп? Теперь там ставка уполномоченного Реввоенсовета. Был обстоятельный разговор о положении на территории охоты. Нас поддержали. Как же фамилия комиссара?..— Христиан Георгиевич порылся в записной книжке.— Вот, Штейнгаузен, латыш или эстонец, не знаю. Он предложил составить проект и докладную о заповеднике, наложил резолюцию. С этим я и приехал в Краснодар. Но сперва заглянул в Псебай и там узнал о тебе. Пропал... Дануты уже нет, умчалась. Я следом. Она как-то сумела прорваться к самому председателю ЧК. Мне сказали, что меры приняты, остается ждать. А время дорого. Сейчас я иду в Кубанский ревком с нашим общим делом. Направили на согласование... Отдел народного образования не против. Но предлагает свои границы для заповедника. Лесной отдел тоже не возражает, но границы дает свои. Спорам конца не видно. И это не пустяк. Речь идет о высокогорных лугах — где им быть.

— Кто в лесном отделе? — перебил Зарецкий.

— У меня где-то записано. Вот: Постников.

— Я его знаю. Умный человек.

— Он собирается в горы, чтобы лично посмотреть, что делается в заповеднике, и установить его границы.

— Вот это ни к чему.— Андрей нахмурился.— Без наших хлопцев ему нельзя туда ехать. Там такое... Наслушался предостаточно от соседей по тюрьме.

— Ну, это, как говорится, его личное дело. Предупредим, конечно. Так вот, я тем временем изготовил проект постановления и сдал в ревком. Обещали рассмотреть в самом срочном порядке. Сколько тебе оставаться здесь?

— Пока не привезут моего злодея.

— Тогда так. Я покину вас, пойду по этим самым делам. Забегу сказать о результатах. И домой. Надо твоих успокоить, самому прийти в себя, а дальше уже думать о горах. Главное, ты на свободе, камень с души... Можем действовать вместе. Будет заповедник!

Данута во время разговора сидела молча, уставившись в окно. Андрей с возрастающим беспокойством поглядывал на нее.

Шапошников решительно нахлобучил кожаную фуражку, ушел.

И только тогда Данута дала волю слезам. Все, что накопилось у нее на сердце за тревожные месяцы, вся боль за мужа, страшное пережитое,— все вылилось в нескончаемых рыданиях, почти в истерике. И Андрей, и напуганная хозяйка, как могли, успокаивали ее, уложили в постель, но Данута никак не могла справиться с нервным потрясением. Ей удалось уснуть лишь после того, как приняла большую дозу брома.

В тот день и в последующие дни она почти не вставала. Это была не быстротечная истерика, а серьезная нервная болезнь. Нашли доктора. Он прописал лекарства и покой. Андрей почти не отлучался от жены. Всякий раз, когда он выходил из спальни, Данута впадала в состояние, близкое к новому приступу,— так боялась за него.

Наконец, кризис миновал. По расчетам Зарецких, Христиан Георгиевич был уже в Псебае, успокоил родителей, Мишаньку.

Утром пришел Сурен и просто сказал:

— Пошли. Чебурнова привезли.

— Подождите,— Данута поднялась.— Я с вами.

Мужчины переглянулись. Сурен сказал было:

— Совсем вы напрасно...

Но, глянув на Андрея, умолк и сел на край стула.

— Не торопись...— Андрей говорил с женой спокойно и тихо, как говорят с ребенком.

Шли медленно. Лицо Дануты было сосредоточенно, даже угрюмо, губы решительно сжаты. Всю дорогу молчала.

Все так же молча поднялись на второй этаж. Сурен открыл дверь кабинета, сказал, пропуская Дануту:

— Прошу...

— Я подожду здесь.— Она оглядела приемную, где за столом сидел один военный, и уселась на стул в уголке.— Пожалуйста, вы с ним сами.

Сурен и Андрей опять переглянулись и закрыли за собой дверь.

Минут через двадцать в коридоре застучали сапоги. Дверь распахнулась. Вошел конвоир. За ним Чебурнов, в солдатской рубахе без ремня, без фуражки. Сзади его подталкивал второй красноармеец.

Увидев шагнувшую к нему Дануту, Семен испугался лишь в первую секунду. И тут же овладел собой. Самоуверенно протянул:

— Скажи на милость! Госпожа офицерша...

Пощечину она нанесла с такой силой, что голова Чебурнова почти легла на плечо. И второй удар был не менее хлестким. Всю ненависть, все презрение к мерзавцу вложила в эти пощечины. За тем и пришла.

Конвоиры удержали ее, усадили. Выбежал Сурен, за ним Андрей. Данута старательно поправляла юбку, лишь бледность выдавала, что переживает она.

Семен хватал воздух открытым ртом.

— Ну, госпожа Зарецкая, это тебе вспомнится...

Конвоиры втолкнули его в кабинет.

— Зачем ты?..— укоризненно спрашивал Андрей.— Я понимаю, но тебе же нельзя волноваться!

— Ты ступай. Я подожду здесь. Все хорошо, не беспокойся...— с трудом произнесла она.— Я не волнуюсь. Напротив, совсем спокойна. Удо-влет-во-ре-на,— по слогам произнесла она.

Семен Чебурнов уже стоял в кабинете. На Зарецкого он глядел с вызовом. Нагловатое лицо его горело. Заработал...

— Чего не поздоровался, чекист? — громко спросил Сурен.— Или вы не знакомы?

— Непонятно мне, товарищ комиссар, как вот этот...— он кивнул в сторону Андрея.— Не ждал не ведал, что встрену. Пощадили, выходит, живым оставили их благородие? А пошто не шлепнули?

— Свидетель нужный, вот и не шлепнули. Много знает.

— Супротив кого же свидетель, позвольте спросить?

— Здесь вопросы задаю я, Чебурнов. Первый вопрос: где сегодня обретается твой хозяин полковник Улагай?

— У меня хозяев немае. Я сам себе хозяин. Что касаемо Улагая, знать не знаю и не хочу об ём говорить. Контра. Одна шайка-лавочка вот с этим.

— Но ты служил у этой контры? Сперва в Лабинской. Потом в Суворово-Черкесском. И на фронте. Так где же он сейчас?

— Не могу знать. Все мы служили их благородиям. Под нагайкой. А ноне наше время, мы сами подвиги делаем.

— Ну, твои подвиги, Чебурнов, у меня записаны. Вот один из них: в июне 1918 года ты вместе с Улагаем расстрелял в хуторе Шабановском семерых активистов Советской власти. Их фамилии...

О, как мгновенно изменился в лице Чебурнов! Ноги не удержали его, сел. Лоб покрылся крупными каплями пота. Давно забытое, считал.

— Далее.— Сурен посмотрел на него.— Во время поиска казацких сокровищ в Фанагорийской ты зарубил на глазах семьи красного казака Бережного. Свидетели живы, я их уже вызвал для опознания. И наконец, ты оклеветал Зарецкого. Ты боялся его. Он знал о твоей тесной связи с Улагаем. Так?

— Наговоры все. Вранье,— хрипло выговорил вконец раздавленный Чебурнов.— А ты... Не в последний раз встретились! — И с ненавистью глянул на Зарецкого.

Сурен кивнул конвоирам, и Семена увели.

— Каков? Тут у меня лишь немногое из того, что наделал этот мерзавец. Но он получит свое. А ретивый командир, что пошел на поводу у Чебурнова, разжалован и уволен из ЧК. Так легко поддаться на провокацию!..

Андрей Михайлович молчал. Сурен подошел к нему, обнял за плечи.

— Поезжайте-ка вы домой, Андрей Михайлович, и беритесь за свое благородное дело. Все в прошлом... Если будут осложнения, немедленно сообщите мне. Все, что я узнаю о Кате и Саше, тотчас передам вам. Слово друга!

Андрей пожал ему руку и шагнул к двери.

Через несколько дней Зарецкие уехали в Псебай.

Возле армавирского вокзала их встретил Шапошников.

— Звонил твой друг Сурен. Сказал, что вы поехали. Ну вот я... У меня отличный экипаж. Идемте. Так-то веселей, когда вместе.

В тележке Христиана Георгиевича под сеном лежали две винтовки. Одну он протянул Андрею:

— Узнаешь?

Это была старая винтовка Зарецкого.

— Между прочим, отыскали и Куницу. Она стоит у вас в конюшне. А вот новость не очень приятная: Семка сбежал...

— Чебурнов?! — Андрей Михайлович даже отшатнулся.

— В местном ЧК только что депешу получили. Его вели ночью с очередного допроса на Дубинку. У карасунского перехода изловчился ударить конвоира, выхватил винтовку и заколол другого. Бежал в парк, оттуда к реке, переплыл Кубань, ну а дальше — ищи-свищи. Лес!

Данута презрительно сощурилась. Андрей промолчал. Понял, почему Шапошников прихватил с собой винтовки.

— Ладно,— сказал он как можно спокойнее.— Нам к неожиданностям не привыкать. Что с нашими делами по заповеднику?

— Кажется, удалось. Есть постановление ревкома.— И победно посмотрел на Зарецкого.

— А Постников?

— Скоро приедет к нам. Так сказал при встрече, когда я отговаривал его от этой поездки. Куда там!..

6

Здесь нам нужно привести несколько строчек, которые Андрей Михайлович написал, видимо, в первые дни по возвращении домой. Конечно, он сразу же встретился со своими друзьями по охране зубров — Телеусовым, Кожевниковым и другими. Они рассказали не только о зубрах, но и о положении на Кубани.

Гражданская война подходила к концу, белые войска оставались лишь в Крыму.

Но зато на Кавказе контрреволюция не утихала. И в предгорьях, и в степной Кубани, где генералы терпели полное поражение в открытом бою, началась борьба тайная, еще более жестокая и изуверская. Об этой войне Зарецкий довольно скупо рассказал в своей синей тетради, отметив только самые важные события, так или иначе связанные с судьбой заповедника и зубров в нем.

Вот одна из таких важных записей, которая одновременно свидетельствует об упадке духа у всегда боевого и решительного человека.

«Зубров удалось насчитать всего шестьдесят шесть голов. Пусть не все попали на глаза егерям. Но так мало!.. У нас осталось лишь два стада, которые бродят теперь между Кишей и Лабёнком. Именно бродят. Они не в силах остановиться подольше на излюбленном пастбище. Повсюду их стерегут винтовки. Они в осаде. И нам очень трудно сберечь это сокровище природы.

Тяжелая зима унесла весь молодняк. Он погиб от бескормицы, переходов по глубокому снегу, через коварные реки и перевалы. А весной в горы нахлынули вооруженные браконьеры из голодных станиц. Более того, леса на Урупе

и Большой Лабе оказались под контролем бело-зеленых банд. Зубров там уже нет. И хода туда для нас нет. Шкуро, Улагай и Козликин владеют заповедными местами к востоку от Псебая.

Итак, в центре намеченного заповедника осталось только шестьдесят шесть зубров. Убережем ли?!»

Теперь о событиях конца двадцатого года и далее. Прежде всего о Зарецком.

Сказать, что он, вернувшись к семье, остался таким же, каким был в драматический день отъезда на Кишу, значило бы сказать неправду.

Последующие события сильно повлияли на него.

Андрей Михайлович поразил домашних своей сосредоточенной молчаливостью, чрезмерной сдержанностью. Он мог и час и два сидеть, слушать милую болтовню сына и не вымолвить ни слова. На вопросы Мишаньки не отвечал, лишь поглаживал его по мягким русым волосам или осторожно касался губами лба, щеки и задумчиво, еле заметно улыбался. В такие минуты глаза его влажнели. Свидетельница подобных сцен бабушка Софья Павловна тихо уходила, прижимая платок к глазам.

Андрей Михайлович недобро сводил брови, если его просили рассказать о подробностях. Он старался уйти от любопытных, всякое многословие его раздражало. Полюбил одиночество. Данута, не сводившая с него глаз, однажды видела, как он остановился у старого дуба, осторожно погладил его корявую кору и прижался щекой к теплому стволу. Так и стоял, греясь у вечного дерева. Походив по лесу за огородом, возвращался и молча брался за топор, рубанок, поправлял изгородь, сарай — все обстоятельно, с мужицкой неторопливостью и с неотвязной какой-то думой.

Просыпаясь ночью, Данута могла увидеть его лежащим с открытыми глазами, устремленными в пустоту.

И Шапошников, и Телеусов, частенько навещавшие Псебай, своими рассказами лишь на короткое время выводили Зарецкого из угрюмой замкнутости. Он задавал два-три вопроса, но не загорался, как прежде, не сопереживал. Лишь редко и глубоко вздыхал.

Шел ему тогда тридцать четвертый год. Время наибольшего расцвета личности.

Впервые он вышел из этого состояния, когда на псебайской улице встретил жену Семки Чебурнова. Возле нее семенила пятилетняя дочка.

Крупная, растолстевшая женщина сжала губы и церемонно поклонилась. Зарецкий остановился. Все вспомнилось...

— И деж это мово хозяина подевали?..— плачущим голосом завела было Чебурнова, но, глянув на егеря, осеклась. Он смотрел на девочку, та, открыв рот, на него — доверчиво и любопытно, синие глаза ее ждали добрых слов, ласки, игры.

— Как тебя зовут? — тихо спросил Андрей Михайлович.

— Ксю-уша,— протянула девочка.— А тебя?

Он ответно улыбнулся, просто и хорошо, как улыбаются друзьям. Готовая удариться в голос, Чебурнова растерялась. Она собиралась обрушить на Зарецкого всю свою бабью злость, но эта добрая улыбка «вражины» погасила даже ее боевитость. Слезы потекли у нее по щекам. А он погладил девочку по голове и пошел дальше, не погасив своей улыбки. Вдруг что-то сдвинулось в его сердце, тяжесть свалилась. Миром правит добро, а не зло. Что общего у злодея Семена с этой ясноглазой девочкой? Ей принадлежит будущее!

В тот день старший Зарецкий спросил Андрея:

— Как жить думаешь, сынок?

— Как и прежде,— спокойно ответил он.— В горы поеду, к своим зверям, если они еще остались.

— Ну и добро. И хорошо, с товарищами-друзьями. А то ведь они без тебя растерялись. Думают, бросил ты общее дело.

— Знаешь, папа,— сказал Андрей раздумчиво,— я все размышлял, где мера подлости и зла, где их предел? И вдруг понял: нет у зла корней. Зло — как заразиха в поле. Отсеки ее, и поля очистятся. Только добро вечно, а зло лишь на время приходит и уходит. Словно змеи в сыром лесу.

— Слава всевышнему! — Отец поднял глаза к небу.— Ты становишься прежним человеком, сынок. Мы так боялись...

За вечерним чаем Андрей Михайлович разговаривал охотно, даже шутил. Данута, враз помолодевшая, с пылающими щеками, тормошила его и Мишаньку, смеялась.

Всем было хорошо. Впервые в этом году счастье осветило дом, в котором побывала беда.

Через неделю в Псебай приехал лесничий Постников с группой специалистов и большой охраной, которую возглавлял Сурен.

Пожимая руку Андрею, он сказал:

— А я, как видите, напросился в экспедицию. Соскучился по родным горам. Катя и Саша просили передать сердечный привет. Весной обещали быть у вас.

— Рады дорогим гостям.

— Не гостями приедут, Андрей Михайлович. Они получили назначение в ревком. На постоянную работу в Майкоп.

— О-о! Тем лучше. Власть на местах. Рассказывайте, как они, что? Что вообще в мире?

— Война,— коротко сказал Постников.

— Как война? — Андрей насторожился.— Или до нас не доходят вести? — И посмотрел на отца: уж он-то должен быть в курсе таких событий.

— Маленькая хитрость,— смущенно сказал Михаил Николаевич.— Ты не обижайся, Андрей. Мы просто оберегали тебя, чтобы не волновать. Ну-с, а теперь, когда наши друзья проговорились...

Постников серьезно, даже строго сказал:

— Улагай вторгся на Кубань. Не ваш знакомый полковник, а генерал Сергей Улагай, его брат. Отряды высадились в нескольких местах на Азовском побережье и пошли по станицам Кубани в сторону Краснодара. И сразу же активизировались банды по Большой Лабе и Пшише, кое-где в степях Кубани. Но к городу белые не прорвались. Десант разбит и отброшен за Керченский пролив. Однако война с подпольем продолжается. И не только в лесу. Против нас еще голод, разруха.

— Как же вы приехали, чтобы идти в лес? Такая опасность!

— Как видите, с охраной. Дело заповедования не ждет. Одни вы мало что сделаете. По нашим сведениям, в черте будущего заповедника бело-зеленых, кажется, нет.

— Вы всерьез говорите о заповеднике? — Андрей Михайлович сидел напряженно, на лице его возникла некоторая растерянность.— В такое время...

— Еще как верю! — весело воскликнул Постников.— Да будет вам известно, дорогой коллега, что Астрахан-

ский ревком в прошлом году обратился к Владимиру Ильичу Ленину с просьбой законодательно утвердить местный декрет о заповеднике в дельте Волги. В апреле минувшего года Ленин подписал декрет. А совсем недавно, в мае месяце, учрежден заповедник на Урале. Я надеюсь, что к концу года Кубано-Черноморский ревком вынесет окончательное постановление о Кавказском заповеднике. Проект Шапошникова удовлетворил все стороны. Молодчина Христиан Георгиевич! И вас надо отметить: вон сколько зверей сохранили! Даже зубры есть! Теперь попробуем определить границы заповедника. Нанесем на карту, остолбим, чтобы ни у кого не осталось сомнения: здесь запретная зона.

— Так за чем же дело стало, друзья! — воскликнул Зарецкий.— Ехать так ехать! И погода подходящая. А мы хоть сейчас.

— Хорошо сказано! — Постников с готовностью поднялся.— Намечайте маршрут. И в путь-дорогу.

Зарецкий прижал руки к груди.

— Я так ждал этого часа!

И вот снова страницы из синей тетради. Почерк Зарецкого, все более твердый и уверенный, хотя события драматичны не менее, чем несколько месяцев назад.

Запись пятая

Гибель Постникова. Исчезновение Задорова. Мы наблюдаем жизнь зубров. Бой в Умпырской долине. Постановление о заповеднике. Сложности с охраной. Снова вместе с Сашей и Катей Кухаревичами

1

Самой трудной, даже спорной оставалась восточная граница бывшей великокняжеской охоты. Ближние станицы по Большой Лабе постоянно оспаривали право на этот заповедный, богатый зверем участок.

Именно сюда и выехала экспедиция.

Как это случилось, сказать трудно, но слух опередил наш приезд. Первое столкновение произошло на стихийном сходе казаков из Преградной. Они хмуро выслушали начальника лесного отдела, потом стали кричать, что земля

по Урупу и Лабе издавна принадлежит казакам, что заповедник — это грабительство. Убедить их в необходимости сохранить зверя и всю природу никак не удавалось. Мне просто не дали говорить. Сошлись на том, что надо разделить леса и горы к обоюдной выгоде. Казаки неохотно выбрали своих представителей для поездки с экспедицией, но расходились с обидой в сердце.

Разделили отряд на две группы. Постников с частью охраны и пятью станичниками пошел к верховьям Зеленчука. Мы с Телеусовым и Задоровым и тоже с пятью казаками направились на северо-запад. Станичники и в походе не переставали говорить о своем праве на луга по Урупу и Лабе, где у нас всегда обитало большое стадо зубров.

Первый день прошел спокойно. Лишь в сумерках сквозь редколесье Алексей Власович углядел в бинокль каких-то всадников. За ними погнались было Задоров и три красноармейца, но те живо скрылись. Станичники перешептывались. А утром, сославшись на домашние дела, уехали. Один из них перед отъездом шепнул Задорову: «Поостерегайтесь, тут по лесу бродят...»

Ночью мы спали в стороне от костров, выставили дежурных. Перед рассветом сверху хлопнул одиночный выстрел, пуля подняла искры и пепел в костре. Тем и кончилось.

Нам удалось наметить на карте старую границу и в натуре пройти по ней. Закончив работу, поехали на верхний Уруп, чтобы сойтись с группой Постникова.

Отыскали своих удачно. Они стояли на биваке. Шел спор с казаками из-за границы по южной части, где всегда паслись зубры и были очень хорошие луга. Всласть поругавшись, станичники вскочили на коней и уехали. Плохо.

Экспедиция осталась в глухом и диком районе. Тропы мы здесь знавали не хуже местных пастухов.

— Чужие не тревожили? — спросил я у Сурена.

— Нет. А вас?

— Пробовали напугать.

— Не на пугливых напали, верно? — Он весело улыбался.

Отряд повел Телеусов, знаток лесных троп. За двумя хребтами лежала Умпырская долина. Повернули западнее, чтобы пройти по старой границе. Обнаруживали редкие каменные столбы или высоко спиленные деревья с затесами на пнях.

— Просеку надо,— говорил Постников, сверяясь с кар-

той.— Иначе граница не вызовет уважения. А что южная сторона, Андрей Михайлович? Где там граница?

Я сказал, что Главный Кавказ, перевал — естественный рубеж. Зубры редко выходят на южные склоны. Там другой климат, непривычная для них растительность.

Постников с уважением смотрел на чернозубые скалы в снегу. Здесь он был впервые. Горы казались ему полными тайн.

Отряд цепочкой следовал вдоль некрутого склона. Сурен подравнялся к Постникову и что-то со смехом рассказывал ему. Эта минута запомнилась мне, потому что все страшное произошло сразу же после того, как я оглянулся.

Постников вдруг стал неловко клониться к лошадиной гриве, лицо его странно бледнело. И лишь секундой позже донесся звук выстрелов. Пули достали цель прежде звука. Стреляли сбоку и сверху сразу из многих винтовок, целясь по нашему скученному центру. Сурен почти упал с седла и, перекатившись, ухватился за ногу. Лошадь его билась в агонии. Через мгновение все были на земле, за укрытиями. Началась ответная стрельба. Два красноармейца освободили Постникова из стремян, положили на жесткую щебенку. Недвижно лежали два бойца. Еще двое стонали, раненные. Телеусов шептал что-то неслышное и не сводил глаз с камней, где укрывалась засада. Винтовка его лежала на руке. Вот он уловил мгновение, приложился и выстрелил. Из-за скалы поднялась и упала черная — на фоне неба — фигура. Еще одна в предсмертном прыжке показалась и исчезла. Сурен сидя бил из маузера. Я стрелял с упора, посылая пулю за пулей в невидимого врага.

Вдруг бой оборвался. Все стихло. Банда снялась. Мы поднялись и побежали наверх, достигли засады немного раньше, чем бандиты успели укрыться в березняке. Теперь роли переменились. Трое из убегавших остались на лугу. Из березняка опять загремело. Продолжать погоню через открытый луг означало верную смерть.

— Ко мне, ребята! — крикнул Телеусов красноармейцам и пошел с ними левее, за крупные скалы, чтобы обстрелять банду на отходе.

Я вернулся. Сурен с непокрытой головой сидел возле Постникова поникший.

— Что с ним? — Я наклонился над лесничим.

Постников был мертв. Две пулевые раны в груди.

Сурена уже перевязали. У него было ранение в бедро, навылет. Он сидел боком, крепко сжав зубы. Боль невыносимая. А впереди дорога по горам...

— Вернемся в Преградную,— сказал я.— Это ближе. Там фельдшер.

— И банда...— Сурен процедил это слово сквозь зубы.— Какого человека потеряли! — И в отчаянии схватился за голову.— Ведь предупреждали его. Не послушал!..

Вернулся из погони Телеусов с охраной. Носилки мы уже приготовили, на них уложили Сурена. Наскоро сделали плетенки для убитых. Двое раненых держались в седлах.

Печальный караван только к ночи выехал на дорогу, а часа через три прибыл в станицу. Дома стояли словно нежилые. Утром подводы повезли раненых и погибших в далекий Невинномысск. По настоянию Сурена с ними уехал и Задоров: ему нужно было как-то определиться в сложных событиях тайной войны. Сурен обещал помочь.

— Андрей Михайлович, прошу вас, очень прошу не рисковать! Помните, что на вас огромная ответственность за будущий заповедник, за сохранение зубров...— вот что сказал Сурен на прощание.

Наш поредевший отряд возвращался через Ахметовскую в Псебай. Телеусов вздыхал, хмурился, помалкивал.

— Убитых не опознал? — спросил я его.

— Чужие, Андрей. Лица гладкие, одеты добре. Офицерская дружина. Опасно знаешь что? Умпырь рядом. Как бы они туда не проникли. Место для них больно подходящее. Жилье и все такое. А у нас никого там нету. Одни зубры, которых совсем мало.

В эти дни мы особенно ясно поняли, что бело-зеленые, закрепившись в горах, не только угроза нашим жизням, но еще бо́льшая угроза заповедному зверю. Просить ревком послать воинские части? В горах один человек с винтовкой уложит роту У тех же Балканов. Опасная, изнурительная война!

Вчера Сурен рассказывал мне о широко разветвленной организации, которую создал Керим Улагай на Кубани. Каждый отряд имел свой район действий. Все было готово для широкого восстания, если десант старшего Улагая и поход Врангеля на Ростов завершатся успешно. Поход и десант сорвались. И тогда отряды белых пошли в горы. Керим Улагай стоит где-то в районе Ильской. На Большой

Лабе действует полковник Ковалев, у Баталпашинска — другой полковник, Козликин. Генерал Шкуро обитает возле станицы Сторожевая. В горах укрывается и генерал Хвостиков.

Гибель Постникова, горячего сторонника Кавказского заповедника, несомненно, задержит создание заповедника. Кто теперь поддержит нас? Одна надежда на энтузиазм Христиана Георгиевича.

Он встретил меня в Псебае. Прямо на улице выслушал мой рассказ, разволновался, бросал суровые взгляды, словно я был в чем-то виноват. И тут же объявил, что едет в Краснодар. Я ничего не ответил. Слишком сильное потрясение пришлось пережить: Постников стоял перед глазами.

Дануте и родителям я не сказал о жертвах, просто сообщил, что экспедиция не удалась. Лежал среди ночи с открытыми глазами. Данута вдруг заплакала. Прошептала:

— И Постников?

— Да. Он первый.

Через день я уехал на Кишу.

2

Там в одиночестве трудился Василий Васильевич.

Меня он встретил вопросом:

— Бориса где утерял?

— А он не вернулся? — Я думал увидеть его здесь и теперь испугался уже за него.

Кожевников выслушал мой рассказ, когда мы сидели за чаем. Не дотронулся до кружки, не шелохнулся. Потом выругался, бросил в сердцах:

— Тоже додумались, ехать в Преградную, к черту на рога! И Бориса услать в Невинку! А зачем услали?

— Хлопец без документов. Наскочит летучий отряд чекистов и... Надо ему обрести право: паспорт или что там. Сурен обещал помочь. Вернется, заживет спокойно. А то вдруг так же будет, как со мной...

Утром мы поехали вверх от кордона.

Стояла поздняя осень, удивительно мягкая и чистая. Клены пожелтели, не спеша оголялись березы. В дубравах все время тихо стучало и шелестело: падали спелые желуди. Ветер забыл горы или обегал их стороной, часам к десяти

пригревало, и если не накатывались облака, то становилось жарко почти по-летнему. Редкая, благостная осень напоминала о себе только холодными, росистыми ночами да ленивым туманом по ущельям. В таком воздухе звонко слышался бег ручьев, кашель лисицы, гул далекой осыпи, крик сойки. Желто-коричневые и красные леса, черный пихтарник на скалах гляделись как нарисованные.

Зубры в эти дни кормились по дубравам и в речных долинках, где еще зеленела сочная трава. Видеть их удавалось издали в бинокль, подойти ближе мешал шуршащий сухой лист, обильно устилавший землю и камни. Стада были мельче, чем до войны, ходили семьями — бык, зубрица, два-три подростка. Чутьем они обладали отменным, все время настороженно принюхивались. Посчитать их не удалось.

— Пойдем, зрелище тебе покажу,— сказал как-то Кожевников.

Он повел меня по крутому боку горы, заросшему грабами и дубами, нашел место и, проверив ветер, улегся на мшистый камень, приглашая взглядом устраиваться поблизости. Показал в проем между деревьями:

— Видишь черноту? То чесальная горка зубриная. Скоро придут.

К месту «сухой бани» подходила тропа, звери трамбовали ее по сухой погоде, и, видно, не первое лето. Не прошло и часа, как внизу замелькали массивные тела. Семья шла тихо, даже сухим листом не шуршали. Увидев горку, ускорили шаг.

...Большой черно-коричневый бык высунулся из-за ствола толстого дуба, стоявшего на возвышении, спустил передние ноги по крутосклону и, шумно повздыхав, словно человек перед прыжком в воду, повалился на бок, потом на спину и юзом пополз вниз, взбрыкивая в воздухе ногами. В конце крутой горки еще раз перевалился, полежал, послушал лес и шустро, игриво помчался на горку, чтобы повторить маневр. Остальные стояли, смотрели. Второй раз бык прополз животом, смешно вытянув ноги вперед и назад. Потом катался боками, снова хребтиной, отряхивался, раскидывая в стороны сыпучий песок, и получал от всего этого огромное удовольствие.

Едва бык отошел в сторону, как на горку полезли оба погодка. Стукаясь боками, они почти рядом поползли вниз. Игра продолжалась долго и в полном молчании.

Не сдержалась и зубрица, тоже проехалась в свое удовольствие. Катались дотемна, потом ушли на луг.

— Как детишки,— сказал Василий Васильевич, подымаясь и разминая затекшую спину.— Может, и нам с тобой скатиться?

— Пыли много. Мы баню устроим.

— Всякой твари свое,— согласился Кожевников.— Медведи, к примеру, купаются. Холодно, жарко — все в речку. Волки в снегу катаются, шерсть моют. А туры сквозь колючие кусты продираются, бока чешут.

Мы вернулись на кордон с думой о Задорове. Ждем не дождемся.

Подъехал Телеусов. И тоже прежде всего спросил о Борисе. Спать ложились молчком.

Утром Алексей Власович мялся, мялся и вдруг предложил:

— Надоть Умпырь проведать. Пока погода. Как вы, мужики?

В самом деле, если не сейчас, то когда же? Опасно? Э-э, где наша не пропадала!

Переход прошел без помех. Более всего мы боялись непогоды, тут случались метели и в августе. Но распрекрасная осень будто хотела помочь нам. На третий день мы вышли к долине. Она красивым разноцветьем лежала внизу, как корзинка, полная осенних цветов.

Полчаса езды, и вот он, дом. Но мы имели достаточно оснований опасаться незваных гостей. Стали высматривать с горки и обнаружили жиденький дымок над кордоном. Кто? Возвращаться не собирались. Уж если пришли, то дело делать.

Стало темнеть. Коней спутали и перегнали на укрытую поляну. Спустились. Нашли старый брод в обмелевшем Лабёнке, разделись, перебрались на ту сторону. Пала тихая ночь.

Крались к своему кордону, как к вражескому окопу. На опушке леса, где начинались огород и луга, услышали фырканье коней. Телеусов пошел глянуть. Вернулся и зашептал:

— Сорок два. Цельная полусотня. Во наехало!..

Окна в доме желто светились. Кто-то вышел, вполголоса запел про «черную шаль», сгреб в поленнице охапку дров и вернулся в дом. По-хозяйски, видать, устроились. Что за отряд? Шкуро, Козликин? И как их отсюда выкурить?

Привести отряд из Лабинской нет времени, зима — вот она. Белые могли перекрыть караулом Балканы и жить в полной безопасности. Из долины одна дорога: та, по которой пришли мы, не в счет.

Что тогда станет с умпырскими зубрами?..

— Бог простит,— тихо сказал вдруг Телеусов.— Сам построил, сам и спалю. Со всеми этими... Только бы керосин остался в сарае. Был у меня жбанчик тама.

Из дому выходили люди, говорили громко, смеялись: «Вы где, Федор Гаврилович?», «Какая чернильная ночь, господа!», «Дров нам довольно?» Обычные разговоры спокойных людей перед сном.

Еще раз открылась дверь, вышли три человека с винтовками и зашагали по дороге на Балканы. Дозор. Перекрывают перевал.

Кожевников пошел ловить чужих лошадей. Решил увести подальше если не всех, то часть табуна, чтобы не сразу всадники в погоню пошли. Мы с Телеусовым ощупью собирали сухой хворост в лесу.

Вскоре на кордоне все затихло. Часовых не выставили. Лампы погасли. Алексей Власович прокрался в сарай, где знал каждую полочку. Нашел жбан с керосином, в нем плескалось. Посудину он поставил у крыльца.

Подождали Кожевникова. Он пришел запыхавшийся.

— Всех увел. Они дружка за дружкой сами потянулись. Не скоро отыщут; укрыл в ольховнике у реки, где самая чащоба.

Дверь мы подперли хорошим поленом. Принесли и свалили хворост, облили керосином.

— Отходите,— прошептал Телеусов.— Дверь и окна на мушку...

Как мы забыли, что дозор на Балканах должен меняться! Прямо из памяти вон! Эта забывчивость чуть не сорвала задуманное. Кожевников только отошел от крыльца, как нос к носу столкнулся с тремя вооруженными людьми.

— Кто? — подозрительно спросил передний и потянулся к Василию Васильевичу. Кулак егеря молотом опустился на его голову. Бандит рухнул, Кожевников сбил с ног двух оставшихся.

Телеусов как раз чиркнул спичкой, пламя побежало по куче хвороста, крыльцо осветилось, кто-то из сбитых успел выстрелить, я тоже выстрелил в темноту. И началось!..

Мы бросились в спасительную темень. Крыльцо горело.

Дозорные слали вслед нам пулю за пулей. В доме стучали, рвали подпертую дверь. Зазвенели стекла, из окон прыгали в исподнем, но с винтовками, револьверами, палили кто во что горазд. Ну, и мы не стояли молча, тем более что огонь освещал чужаков.

Пришлось уходить. Погони не было: белые боялись засады. Но пожар они потушили. Над долиной взвились две ракеты: дали знать дозору, чтобы смотрел в оба.

А мы уже шли знакомой тропой к броду и ругали себя на чем свет стоит. Такая операция сорвалась! Могли всю банду обезвредить...

С горы над Умпырем не ушли и утром. Наблюдали за кордоном. Там царило возбуждение. Хватились лошадей. Группами по пять-шесть человек прочесывали лес, ходили вдоль реки. Лишь после полудня крики возвестили, что табун обнаружен.

Часа через три, к великому нашему удовольствию, отряд белых числом более двадцати, да столько же вьючных коней потянулись вверх по Лабёнку, откуда, наверное, и пришли. Скатертью дорога!

Вот так даже неудача обернулась победой. Зубровые угодья и сами звери на время остались в покое. А впереди зима.

— Ну что, назад, братья? — спросил Телеусов.

Он еще утром с опаской поглядывал на небо. Голубизна над горами как-то поблекла, небо затянуло вуалькой. Ощущался свежий ветер именно с той стороны, куда нам идти добрых три дня.

— А не лучше ли через Балканы,— сказал Кожевников.— Там все ж таки караулка на Черноречье и за ней имеется жилье. Потом дорога на Псебай. А тут ну-ко застигнет буря — куда свернешь? Хотя, с другой стороны, на Балканах можно встренуть белых.

И все же мы решили идти через Балканы.

Уже не таясь подъехали к кордону. Из-под крыльца метнулась лисица. Спешились, вошли в дом.

Боже мой, какой разор! Большая кирпичная печь — гордость Алексея Власовича — развалена до подпечья. Рамы и стекла выбиты. На полу нагажено, двери сорваны. Вот на что белые обратили свою злобу!

— Ладно, поправим.— Телеусов огладил мушкетерскую бородку.— Лишь бы не возвернулись. Ну, а ноне нам некогда. В дорогу!..

К перевалу подходили опасливо, с оглядкой на каждый камень. Миновали еще тлеющий костер, повеселели. Значит, дозорные ушли со всеми. Далее повели уставших коней в поводу, все круче и круче, а поднявшись, увидели сверху, как хмара затянула полнеба.

Короткую остановку, как всегда, сделали у висячего моста. И пошли дальше.

Тропа вилась у самой воды. Мы торопились, иной раз переходили на рысь. До вечера, миновав шалаши на Третьей роте, подошли к чернореченской караулке. И стали как вкопанные: из железной трубы шел дым, но не вверх, а пластался над крышей, как бывает перед ненастьем.

Укрылись, нацелили бинокли, ждем. В серых сумерках появился человек, потянулся. Мы вздохнули свободней.

— Эй, бродяга! — крикнул Телеусов.

Того как ветром сдуло. И тут же выскочил с винтовкой, за ним еще один, пали на лужок за камни.

— Сашка! — крикнул Кожевников.— Не играй с оружием, свои! — И поднялся во весь рост, бородищу выставил.

Никотины вскочили и бегом к нам. Добрая встреча!

Они тоже шли в Псебай. Увидели зиму издали, снялись с места, где провели лето, и с тремя навьюченными конями успели спуститься по Уруштену.

— Что у вас на западе? — спросил я.— Чужие не бродят?

— Два раза пугнули каких-то, хоть их и много было. Залпом в небо, чтобы грому побольше. Убрались.

— А зубры?

— На западной стороне Бамбака видели, но это кишинские. У Белой двух наблюдали. И все.

Каждый из нас понимал, что западного стада уже могло и не быть. Сколько стрельбы на Белой! И красные партизаны, и улагаевцы, и бродячие разные с оружием. Не место для дикого зверя.

Ночью над караулкой выло, кони под навесом беспокоились, стучали копытами. К утру усилился шквалистый ветер. Когда мы выезжали, пошел дождь.

К лесопильне подъезжали в снежном смерче. Колючая белая пыль залпами подхлестывала коней. Небо опустилось. Мы шли кучно, чтобы не потеряться. Выглядели как белые призраки: одежду, конские спины залепило ледяной крупкой. Панцирь не стаивал.

3

Смотрю из окна родительского дома на улицу, вижу, как сползают с крыши хвосты снега, как вьется у забора морозная поземка, и с запоздалым страхом вспоминаю последние часы нашего похода.

Все вокруг закутано снегом: станица, лес, горы. Полно снега и в самом воздухе. Метель не утихает уже неделю.

В доме тишина. Мама стряпает на кухне, отец читает, отставив книгу далеко от глаз. Данута и Мишанька в школе. Она по-прежнему ведет классы в княжеском охотничьем домике, признана Лабинским Советом, который даже платит ей жалованье. Я у жены на иждивении. Ведь мы давно служим бесплатно. Впрочем, это не служба. Это призвание, никуда от него не денешься. Призвание, а на душе горестно: зубров все меньше и меньше...

Тревожно и за Бориса Задорова: неужели пропал в войне?..

Письмо от Сурена ожидало меня дома. Он поправляется, уже в Краснодаре и тоже спрашивал о Задорове. Оказывается, по дороге на Невинку Борису стало плохо, поднялась высокая температура, и его пришлось оставить в Отрядной: сыпной тиф. Сурен писал и в Отрадную, фельдшер ответил, что больного вместе с другими тифозными увезли в Армавир. Там следы терялись.

Шапошников задержался в Краснодаре. Что он там делает? После потери нашего друга Постникова трудно верить, что заповедник получит быстрое законодательное оформление.

Читаю газету «Красное знамя». В ней пишут о положении в станицах, о продразверстке, о первых шагах Советов в восстановлении порядка. Тут и призыв к бело-зеленым сложить оружие и воспользоваться амнистией. Война в горах уже сильно беспокоит всю Кубань.

Слышу, хлопнула дверь, слышу веселый голос Дануты. Пришли из школы. Иду к ним.

А через час вдруг объявляется Христиан Георгиевич. Вошел с дороги весь белый, скинул полушубок, оборвал с черных усов сосульки и прямо в горницу. Глаза светятся, возбужден, голос прерывается. Достал из внутреннего кармана бумаги и хлоп их на стол.

— Читай, Андрей Михайлович!

Я и потянуться к столу не успел, как отец уже взял газе-

ту, которая поверх бумаг легла, поискал по страницам, загорелся.

— Вот оно, здесь смотрите,— подсказывает Шапошников.

Теперь и я вижу через плечо отца: «Красное знамя», 3 декабря 1920 года. Постановление Кубано-Черноморского ревкома «О Кубанском высокогорном заповеднике». Почти в границах бывшей великокняжеской охоты!

Победа!

Мы обнялись. Отец поздравил нас. Накрыли стол. Мишанька запрыгал по комнате, не понимая, отчего мы радуемся.

— Мир не без добрых людей,— начал Шапошников.— Отыскался наш старый проект. Согласились с мнением покойного Постникова, и вот... Заметь: высокогорный! Без упоминания о зубрах, чтобы не навлекать на них лишней беды. Объектов заповедования множество: сто шестьдесят видов древесных пород, семьдесят реликтов третичных лесов, двести пятьдесят эндемиков на альпийских лугах. Копытные, а среди них наши возлюбленные зубры. Геологическая терра-инкогнита, реки, ледники, озера. Непочатый край работы для биологов, научный зал под открытым небом. Изучить влияние леса и гор на климат всей степной Кубани — значит обогатить науку!

Христиан Георгиевич поднял бокал, пригубил. И как-то особенно глянул на меня.

— А вот и новости личного плана. На пост директора Кавказского заповедника рекомендован небезызвестный вам Х. Г. Шапошников. Что же касается научной стороны, на которую особенно уповает новый директор, то кандидатов на место руководителя нам искать не надо: вот он сидит, научный руководитель. И лес, и зверь ему подвластны...— И Христиан Георгиевич жестом Цезаря указал на меня.

— Сейчас не наука на первом месте — охрана,— осмелился заметить я.

— Будет и охрана. Все зависит от нашей настойчивости. С таким документом найдем и оружие, и охрану!

Наш гость еще раз рассказал о Краснодаре, расспросил о том, что делается в горах, нахмурился, узнав о белозеленых на Умпыре. Соседство преопаснейшее!..

4

Двадцать первый год пришел с жестокими морозами, с завалами снега, со слухами о голоде и неустройстве, с выстрелами из-за угла в станицах, из-за дерева в лесу.

Советская власть держала экзамен: выдержит или сломится под тяжестью войны и неустройства? Суровая действительность окружала каждый Совет и ревком.

У нас на Кубани война шла с врагом тайным и коварным — с бело-зелеными, числа которых никто не знал. Из Армавира, Пятигорска, Лабинска в горы ходили карательные отряды ЧОНа[1] и Красной Армии. Бело-зеленые умело уклонялись от прямых столкновений, прятались по хуторам и укромным лесным приютам, появлялись там, где их не ожидали. У них было общее командование, но обнаружить этот тайный штаб никак не удавалось.

В таких сложных условиях нам предстояло создавать охрану, не спускать глаз со своих зверей.

Всю зиму нечего было и думать о походах в горы. Кордоны пустовали. Что на Кише, Умпыре, в Гузерипле?.. Браконьерство зимой поутихло, а тревога росла. Вдруг в район зубровых зимовок опять пришли банды?

Возможности для контроля у нас не было. А тут еще и само постановление о заповеднике вскоре подверглось нападкам сперва со стороны лесного отдела в Краснодаре, где работали новые люди, а потом и со стороны адыгейских общин, которые боялись за свои высокогорные пастбища. Правда, недовольство пока выражалось в устных заявлениях, но к весне оно могло сказаться иначе: погонят станичные стада на заповедные пастбища. И снова ящур.

Христиан Георгиевич показал мне ведомость на заработную плату: три охранника и мы с ним, два администратора. В охранники мы зачислили Телеусова, Кожевникова и старшего Никотина.

В феврале Данута получила весточку из Майкопа. Туда прибыли Саша и Катя, оба на должность начальников отделов в ревкоме — народного просвещения и здравоохранения. Заповедник входил в зону их действия: при отделе народного просвещения находился комитет по охране памятников природы, садов и парков. Кухаревичи собирались приехать к нам.

[1] ЧОН — части особого назначения.

Друзья появились в начале марта. Широкие сани, добрые, массивные кони промчались по улице. Их сопровождали пять конвоиров в седлах. Мы с отцом встретили поезд у ворот. После двухлетнего перерыва я увидел Сашу.

Трудно было узнать в этом бледном и худом человеке с извиняющейся улыбкой на лице прежнего решительного, даже отчаянного бунтаря, а потом командира. Он сильно сдал, обрел старческую осторожность движений. Часто посматривал на Катю, словно без ее советов уже не мог обходиться. Когда мы обнялись, я почувствовал, как слабы его руки.

К счастью, Катя сохранила прежнюю энергичность, ее действия отличались добрыми порывами, легкостью, жизнь просто кипела в ее небольшой, ладной фигурке.

Она затискала, заиграла Мишаньку, который застенчиво краснел и отбивался. Саша с тихой завистью смотрел на нашего сына.

— В каком он классе, Данута? — спросила Катя.

— В третьем уже. Учится хорошо, очень прилежный.

— А что тебе больше нравится — арифметика или русский язык?

— Когда мы идем в лес...

— Подумайте, а! Сын лесничего... Ты кем хочешь быть, хороший мой? Лесником, агрономом, доктором?

— Как папа...

— Ну вот. Слышал, Саша? Как папа. Династия...

После двухчасового сидения за столом мы с Сашей уединились и еще раз оглядели друг друга.

— Постарел я? — спросил он.

— Да,— честно ответил я.

— А ты мало изменился. Даже после того страшного лета. Пожалуй, строже стал. Тень раздумий... Заботы?

— Повременим о заботах, Саша. Скажи, ты-то как?

— Победа, исполнение желаний. Если бы не сердце!.. Никогда я не думал об опасности с этой стороны. А так хочется работать! Еще усилие, год-другой — и страна заживет мирной жизнью. Мы начнем наращивать производство, богатства целиком пойдут на благо людей.

— Увы, рядом с нами все еще война.

— Знаю, дорогой. Большая опасность, хотя противник и обречен. Мы дважды обращались к бело-зеленым с предложением полной амнистии, если сложат оружие. Пришли десятки. Остались в лесах сотни и сотни. Это

люди, которым уже нечего терять, вроде Улагая, Хвостикова и вашего Чебурнова. Они будут до конца против. Прежде всего помешают твоему делу.

— Теперь это и твое дело тоже.

Виновато улыбнувшись, признался:

— Я ведь сам напросился в Майкоп. Тянет лесной Кавказ. Отказался от места в Москве. Привык к лесам. Добрые воспоминания, друзья...

Мы вспомнили студенческие годы. Войну на побережье, Сурена. Оказывается, он сейчас в Армавире, командует отрядами ЧОНа. Просил узнать о Семене Чебурнове.

— Его здесь нет,— сказал я.— Семья живет. А брат Иван недавно исчез. Видно, боится людей.

— Арестован. Его допрашивают.

На другой день мы вчетвером походили по станице, выбрали пустующий дом под фельдшерский пункт, Катя пообещала прислать в Псебай медика. Сидели на уроке Дануты, провели собрание родителей.

Вскоре они уехали в сторону Лабинска. Несколько дней в нашем доме только и говорили о друзьях, которые жили и работали бок о бок с нами.

Запись шестая

Встречи в Майкопе. Час грозных событий. Нападение. Последнее письмо матери. Признание раненого. У балагана в альпике. Засада на высокогорье. Отмщение. Смелый поступок Шапошникова. Зубров все меньше...

1

В дни весеннего половодья мне удалось побывать в Майкопе.

Над крылечком дома на улице Гоголя, где жил Христиан Георгиевич, бросалась в глаза вывеска. Белилами по черному железу на ней значилось:

РСФСР

Кубано-Черноморский ревком

Отдел народного просвещения

Управление Кавказского высокогорного заповедника

Большая комната в доме Шапошникова напоминала скорее кабинет ученого, чем горницу жилого помещения. Шкафы с книгами, шкафы с коллекциями бабочек, чучела птиц, голова оленя, картины горного Кавказа, недурно исполненные самим хозяином дома, письменный стол. И бумаги, рукописи, письма. Недоставало только телефона.

Шапошников помог раздеться, взял у меня винтовку.

— Не расстаешься?

— Как же можно! Шалят на дорогах.

— Здесь тоже. В Даховской убили троих и скрылись.

Порывшись в папках, он протянул мне список из десяти фамилий.

— Добровольные егеря. Половина из них служила еще в старой охоте. Согласились работать в заповеднике. Тропы еще не стали?

— Кожевников собирается проверять. Я хочу поехать к Телеусову, договоримся, когда можно в обход.

— Буду попутчиком до Хамышков. Проберусь на Гузерипль. Если дорога позволит. Посчитаем зубров. Ну, и оленей высмотрим, туров и все прочее. Волки меня беспокоят, развелось более чем достаточно. И браконьеры. Поползут теперь. Если уже не опередили нас.

О бандах ни слова. Не хотел говорить о самом опасном. И все же банды сейчас самое опасное и для нас, и для заповедника.

Оставив коня у Шапошникова, я пошел навестить своих друзей.

Кухаревичи жили на втором этаже двухэтажного дома у самого парка. Весь нижний этаж служил помещением для бойцов охраны. Я подумал о Сурене: вдруг удастся его увидеть? Может, что знает о Задорове?

Дверь открыла Катя, радостно ахнула.

— Гость ко двору! Здравствуй и проходи. Мы сидим за чаем.

Саша вышел в прихожую. Мы обнялись. Не отпуская меня, он подтолкнул в комнату. За столом сидел Сурен.

— Вот тебе и начальник зубров,— произнес Саша.— Ему тоже надо знать... Повтори, дорогой, все, что сказал нам.

Я взял из рук Кати чашку с чаем, посмотрел на блестящий медный самовар, такой уютный со своими медалями, с тихим шумом. Сурен согнулся и, засунув ладони меж колен, значительно посмотрел на меня.

— Вот какая ситуация. Мы только что навалились на станицу Ильскую и окрестные горы. По сообщениям разведки, именно там находился штаб улагаевского партизанского полка, как они себя называют. Был очень упорный бой. Белые сунулись на юг, однако дорогу на Архипку заранее перекрыли. Тогда они отступили к станице Крепостной и пошли в обход Горячего Ключа. Там их встретили огнем. Прошли через железную дорогу южнее Хадыженской, по пути разгромили ревком и рассеялись в горах вдоль реки Пшехи. Отходят к востоку отдельными отрядами. Много коней. Есть пулемет. Словом, достаточно организованное войско. Куда отходят? Вот тут мнения разделяются. Могут осесть по аулам и станицам, исчезнуть на время, пока наши не отойдут. Могут пройти между Главным и Скалистым хребтами далеко на восток, чтобы соединиться с отрядами Шкуро, Козликина и Хвостикова уже на Зеленчуках и восточнее. Знатоки горных троп у них отыщутся.

И выжидающе посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом.

— Значит, район Гузерипля, Киша и Умпырь — зона их продвижения? Никак не минуют.

— Вот именно. Это я и хотел сказать. А вы собрались ехать к волку в пасть.

— А вы? — Теперь я смотрел на него с ожиданием.

— Мы завтра выступаем в Даховскую. Одна сотня из Лабинска попробует оседлать Большую Лабу и пробиться в Преградную. Там тоже сборище бело-зеленых. Но что такое одна сотня! Бело-зеленым совсем не трудно просочиться сквозь такое реденькое заграждение.

— Как я понимаю, война в самом заповеднике? Вокруг нас?

— Слушай, Андрей,— сказал вдруг Саша.— Почему бы Данутe с Мишанькой не пересидеть у нас это тревожное время?

— Неужели в Псебае им опасно?

— А ты как думаешь? Вспомни Чебурнова.

Я вспомнил. И пощечины, что дала ему Данута, тоже вспомнил. Но оставить родителей одних, наше хозяйство, корову, огород, сад — все, что позволяет нам жить безбедно в это голодное и тревожное время?! Весна, самая работа. И все же... Подумав, я сказал:

— Хорошо, она приедет. Через неделю. Мы успеем

посадить огород, кукурузу, привезем старое сено с лугов. Я ведь отсюда собрался было в горы!

— А поедешь домой,— твердо сказала Катя,— и привезешь жену и сына сюда. Тогда — в горы или куда там... Тебе ясно?

— Да, Катя. Еду домой. Скажу Шапошникову, чтобы и он не торопился в Гузерипль.

Теперь мне было не до чая. Уже прощаясь, я спросил Сурена:

— Наш Борис Задоров... Никаких известий?

— Из тифозного корпуса армавирской больницы его выписали. И вместе с другими выздоравливающими отправили в Пятигорск. Там формировались части на фронт. Похоже, ушел и он.

И виновато посмотрел на меня.

Бурный водоворот событий, в которых человек — песчинка, затянул нашего Бориса. Надежда на его скорое возвращение не оправдалась.

От Кухаревичей я отправился к Шапошникову.

Христиан Георгиевич мрачно выслушал меня. Сел и задумался.

— Быть по сему,— заявил он.— Гузерипль отпадает А вот Умпырь... Я поеду с тобой. Наше главное стадо на Умпыре. Собираемся. И скорее в Псебай! Там решим, как действовать дальше.

К концу второго дня мы были в Псебае.

Кожевников слонялся по нашему двору. Винтовка его стояла у входа в сарай.

— Вчерась Семку Чебурнова видели здеся,— сказал он, прежде чем поздороваться.— И чужих людей в лесу Дело опасное, Андрей.

Мы с Шапошниковым переглянулись.

— Я поночую у вас,— еще сказал Василий Васильевич.

Данута уже два дня не выходила на улицу Выглядела она необычайно собранно. Но взгляд выдавал и ее растерянность. Уж очень грозные события! Боялась за сына, за всех нас.

2

Отец решительно позвал меня в спальню. Мама устало привалилась к подушке. Лицо ее тревожно подергивалось.

— Тебе, Дануте и внуку надо немедленно уезжать отсюда,— сказал отец и посмотрел на маму

— Да, Андрюша. Сегодня, прямо вот сейчас,— быстро проговорила она.— Этот ненавистник что-то готовит против вас. Их много. И откуда только взялись на нашу голову!

— А вы? Как оставить вас?

— Нас не тронут. Кому мы нужны?

— Но огород, хозяйство? Я хотел помочь, а уж потом...

— Положись на нас, сынок. Пройдет гроза, и мы потихонечку... Да и вы скоро вернетесь. А нет, так соседи помогут. Уезжайте, ради бога! Так неспокойно на душе. Ну что ты смотришь на меня! — Отец вдруг прикрикнул: — Василий Васильевич сам предложил, он больше знает. Час на сборы! Все! Разговор окончен!

Никогда не прощу себе, что дался на уговор, что не увез за собой всех! Понимаю, в тот день родительский приказ оказался спасительным для Дануты, сына, может быть, и для меня. Но все, что произошло дальше... Никогда не забудется!

Часов в одиннадцать, в полной темноте, от нашего двора отъехала коляска. Молчаливая и замкнутая Данута придерживала на коленях головку уснувшего Мишаньки. За коляской верхами следовали пятеро с винтовками наготове: двое Никотиных, мы с директором заповедника и Кожевников. Кони тихо миновали станицу и рысью пошли с горки на Лабинск.

Утром были в городе, но не остановились. Коням дали передышку только в укрытой степной долине Чохрака, а к вечеру уже находились в Майкопе.

Данута облегченно вздохнула. В стенах двухэтажного дома, рядом с Катей, она не боялась за сына.

Обратно мы с Шапошниковым решили ехать утром. Ночь казалась невероятно долгой. Я словно предчувствовал, какая эта страшная ночь... Чуть свет оседлали коней, попрощались с Данутой, Катей — и в путь. Очень спешили. Кони прямо стелились по дороге, им давали самый короткий отдых. В Псебай прибыли часа в три пополудни. У бывшего княжеского дома нас остановил знакомый.

— Беда, Андрей Михайлович,— сказал он.— Поспешайте.

Холодный пот выступил на лбу. Мы пришпорили уставших коней.

Возле нашего дома стояли люди, вполголоса переговаривались. Немногие заходили во двор, подымались на

крыльцо. Жуткое ощущение непоправимости сдавило сердце.

Я соскочил с коня. Люди расступились. Ноги отказывались идти в дом. И первое, что я увидел,— кровь на полу горницы. Отец и мать лежали рядом...

Шапошников поддержал меня, усадил. На моих глазах родителей накрыли простынями.

Свершилось самое страшное...

Уже позже я нашел на полу листок, на нем несколько слов, написанных карандашом. Дрожащая рука мамы вывела: «Сынок, они стреляют из сада, со двора. Отец с винтовкой у окна, он стреляет в сад. Кричат, чтобы открыли. Отец опять стреляет. Они ломают дверь, они сломали ставню. Отец стреляет, там кричат... Прощай, Андрюша, прощайте, милые...»

— Кто? Кто? Кто? — настойчиво спрашивал я у людей. Все отводили глаза. Или не знали, или боялись. Только Кожевников глядел на меня открыто.

— Чего ты их пытаешь? Тебя искали, жену твою. Все знают кто.

Немного совладав с собой, я попытался понять, как развивались события. Ночью бандиты проникли в сад из лесу, обложили дом и бросились к дверям и окнам. Если бы отец не отстреливался... Но он не мог не защищаться. А нападающие подумали, что стреляю я. Трава и кустарник под окнами окраплены кровью. Видимо, отец хорошо стрелял. Ожесточившиеся бандиты не пощадили старость. Они не пощадили бы никого.

Искали нас с Данутой на чердаке, в подполье. Все поломали, растоптали даже семейные портреты. Охапки соломы валялись у стен, на веранде: собирались сжечь дом, чтобы замести следы убийства. Помешали соседи. Оробевшие поначалу, они все-таки собрались на улице, видимо, уже под утро и упрашивали белую орду, угрожали. С ними находился и милиционер. Этот молодой хлопец лежал сейчас через три дома. На столе, с головой укрытый простыней...

Свершив черное дело, два десятка бандитов умчались на восток. Командовал налетчиками Семен Чебурнов.

Кто и когда слетал с вестью о бандитском налете в Лабинск, не знаю. Но вскоре к нам прибыл отряд чоновцев, начальник милиции. Я оставался в доме с родителями. Приехали Данута с сыном и Катя, Сурен с отрядом.

...Хоронили отца и маму скорбно-торжественно. Весь Псебай вышел на улицы. Колокольный звон больно отдавался в сердце.

Позже и Катя, и Шапошников заявили, что оставаться в Псебае нам уже нельзя. Данута, враз осунувшаяся, заплаканная, смотрела на дом с нескрываемым страхом. Жить в нем после всего этого...

В мае 1921 года мы покинули родную станицу, все еще уверяя себя, что вернемся. Поселились в Майкопе. На прощание посадили у могилы родителей две березки. На каменную плиту в церковной ограде легли цветы. В эти дни распустились цикламены — вестники тепла.

Перед самым отъездом Василий Васильевич подозвал меня и повел на свой порядок, к чужому дому.

— Тут такое дело,— начал он нерешительно.— Ну, как бы тебе сказать, один из тех... Он приехал с ними, только был раненый и порешил отойти от злого дела, остался дома. Сам он псебайский, мой дальний родич. Ежели ты смогёшь без злости и чтоб никто больше не знал... Расскажет тебе кое-чего. Я уговорил. Ты не серчай, он в этом деле неповинный.

Мы шли по нижней улице. Вот и дом. На кровати за печью лежал казак с неопрятной рыжеватой бородой, уже в годах и очень больной. Грязные бинты запеленали его грудь.

Подавляя гнев, я спросил:

— Где тебя?..

— У Хадыженска. Уходили в лес, а пуля нашла.

— Кто командир?

— Сотник Чебурнов. Семен. А шли мы в Баталпашинский отдел. На соединение. Семен упросил полковника зайти в Псебай. Тебе понятно зачем?

— По наши души?

— Да. Они величали тебя предателем и опасным человеком, потому как ты знаешь все тайные тропы в горах.

— Кто это они?

— Чебурнов и полковник Улагай. Ну, полковник и дал приказ сотне свернуть. Я тогда сказал, что не ходок, далее Псебая не пойду. Семка предупредил: ежели расскажу про отряд, считай — уже покойник. Хотел отмолчаться, да вот дядя Василий... Я ни при чем в злом деле, ты понять должон... И не воин уже. Вот поднимусь, если судьба, сам в ЧК приду. Сыт по горло.

— Куда ушел Чебурнов с бандой?

— На хутор Тегинь. Там Улагай встретится с Хвостиковым и со всеми прочими.

— Сколько всадников в отряде Улагая?

— Не знаю, хорунжий. Сотня Чебурнова, еще три или четыре сотни. И джигиты. Много.

— В горах по Лабёнку остались люди Улагая?

— Сказывали, остались. Тайники с оружием и продуктами делали. Ты уж прости меня, христа ради. Ни при чем я, да и рана моя...

Он всхлипнул и отвернулся.

Какой там мир!.. Война и война. Сколько еще жизней унесет она, скольких людей искалечит, как вот этого,— никто не знает!

В Майкопе нас приютил Христиан Георгиевич. Через неделю отыскали приличный дом на улице с новым названием Советская, договорились об аренде и вскоре перебрались в него со всем хозяйством, заботами и тяжкими думами о невозвратном — потерянном.

Псебай остался где-то далеко-далеко. Но от этого он не стал менее родным. Вспоминать его было и радостно, и горько. Там я нашел Дануту, там родился сын. И там же могилы наших добрых родителей.

3

В конце мая мы выехали в горы по маршрутам, намеченным раньше.

Чернотроп, иначе говоря — оголенный лес, мы надеялись застать только на высотах. Здесь же, в Майкопе и предгорьях, вовсю буйствовала теплая, зеленая и цветастая весна. В городском парке распевали соловьи. Скворцы щебетали у каждого скворечника и в нашем маленьком садике. Данута и Мишанька деловито вскапывали углы огорода, куда не добрался мой плужок.

До Хамышков по Блокгаузному ущелью ехали вчетвером, а после отдыха в доме Телеусова расстались: Шапошников с Василием Васильевичем поехали в Гузерипль, а мы с Телеусовым переправились через Белую и по запущенной тропе пошли на Кишинский кордон. Цель у всех одна: увидеть зубров после зимовки, посчитать и, если удастся, встретиться всем на Умпыре. Братья Никотины решили за

это же время поправить тропу от Уруштена до Балканов и на самом перевале.

И вот мы за Белой, в глухом лесу.

Нас обступили грабы и дубы, едва начавшие зеленеть. Тропа мокрая, на склонах уже повылезал молодой папоротник, его скрученные головки распрямились, открылись резные листья. Выше тропы черно от молчаливых пихт, оттуда тянет холодом. В лесу неуютно и странно тихо. Таимся и мы, едем краем тропы, не разговариваем, винтовки на руке. Лесная глухомань не чарует, скорее, пугает. Вот что значит война! Чудится и там, где ее нет.

К кордону подходить не спешим, разглядываем черный дом сквозь редкие стволы. Прислушиваемся. На крыльце, где тень, еще лежит горка потемневшего снега. Скрипит какая-то доска или дверь; скучно, мокро, необжито. Лишь убедившись, что человеческих примет не видно, подъезжаем ближе.

Через час настывшая комната прогревается, мы сидим, как сиживали много раз, видим на гвозде старую шапку Бориса Артамоновича и вспоминаем пропавшего без вести.

Под вечер выходим наружу. Разморенные теплом, мы особенно остро ощущаем влажный и холодный воздух высокогорья. Подымаемся на знакомый останец. Скалы, как два пальца, воткнутые в лес, возвышаются над волнистыми джунглями, отсюда далекий обзор. Уместившись, подымаем бинокли. Осматриваем одну за другой долинки, поляны, урочища.

— Вот они,— говорит, наконец, Алексей Власович.

Семь зубров цепочкой движутся к ручью, останавливаются, выгрызают молодую зелень. Поваленную осину переступают, не трогая коры. Травы хоть и мало, но она уже отбила охоту жевать горьковатую древесину. Звери худые, выглядят неряшливо, шерсть клочьями, бока испачканы в глине. Ни одного подростка с ними!

— А что ты хочешь,— улавливая мою мысль, говорит Телеусов.— Опосля такой-то зимы... Молодь первая помирает. Скрозь снега не докопается до ветоши, слабеет, и все. Теперича надежда на новый приплод. Глядишь, и народятся. Ай нет?

Молчу. Боюсь, что нет. Зубрицы тоже слабые. Да и неспокойны. В таких условиях они бесплодны.

Темнеет. Мы возвращаемся в дом. И долго лежим, переговариваемся в темноте. Опять вспоминаем Задорова.

Утром вершины гор ослепительно сияют. Зубья горы Бамбак стоят розовые, словно нагретый металл в печи. От загоревшихся снегов все на земле источает лучи. Прозелень лесная ярче, луговины картинно хороши, зеркально отсвечивает река. И лес уже не пугает. Мы торопливо завтракаем и едем в сторону Сулиминой поляны.

Издали замечаем еще одно небольшое стадо и среди быков — одного второгодка. Потом видим еще четырех быков; голов не подымают от травы. Но нас чуют за версту и торопливо уходят.

Весь день шастаем по знакомым тропам, узнаем старые места, радуемся встрече со зверем, находим оленей, шустрых серн, маленьких ланей. Живет заповедник!

Солнце пригрело, мы забыли о времени и только на закате поворачиваем обратно, но едем недолго: решаем заночевать на месте. Все равно темнота прихватит на полдороге. Спускаемся к реке и обнаруживаем впереди черный прорез глубокого ущелья. Неужели добрались до Холодной? Гузерипль отсюда близко.

— Давай проедем в тот березнячок,— предлагает Телеусов, и я понимаю, зачем ему березняк: там проходит тропа, а чуть выше — забытый балаган перед Тыбгой. Можно провести ночь под крышей.

Кони идут неохотно, они навострились домой. Понукаем, ведем их по крутому подъему в поводу. Сюда весна еще не добралась, повсюду длинные полосы снега.

В просвете меж бугров усматриваем балаган и... трех лошадей под седлами возле него. Кони незнакомые, дыму из железной трубы не видать.

— Нечисто дело, Андрей,— шепчет Телеусов.— Отведи-ка ты лошадок за каменья, а я подлезу и высмотрю...

Я увожу коней, привязываю их к березе, а сам подымаюсь выше, чтобы страховать егеря. Тревожно. Вот балаган передо мной. Кладу поудобнее винтовку, затаиваюсь. Мне видно, как крадется Алексей Власович.

Скрипит дверь. Чуждый звук в вечерней тишине альпики слышен далеко. Выходят трое, подтягивают подпруги и вскакивают в седла. Все в черных полушубках, ремни крест-накрест, башлыки, винтовки. Отъезжают немного, оборачиваются и кому-то машут руками. Теперь вижу еще двоих, они у балагана.

Темнеет. Отряхивая мокрый снег, подходит Телеусов. С минуту мы молчим, смотрим друг на друга.

— Знаешь, поди, кто? — говорит Телеусов.— Думаю, те самые, из бело-зеленых.

— Что они делают здесь?

Наверное, вопрос мой звучит наивно.

— Не иначе, база у них поблизости, вишь, темноты не испужались, поехали. А эти двое сторожат тропу, а может, и продукты и все прочее. Где-нибудь упрятано. В сторону Уруштена подались. А там Сашка и Василий проживают ноне. Эти двое тоже опасны. Вдруг углядят Шапошникова и Кожевникова, ежели те подымутся на пастбища? Повезло нам, что на гнездо нарвались. Давай думать, как дальше. Снять мы их могём запросто. А не лучше погодить? Через них всю банду выловить можно. В самой середке заповедника поселились, гады!

Планы круто менялись. Придется не только зубров считать.

Решили высмотреть, куда ходят эти двое. И по следу узнать о трех конниках, уехавших на восток. Лишь с этими сведениями мы можем спуститься к Гузериплю, чтобы предупредить друзей и обдумать, как действовать.

Ночевали без костра. Застыли до того, что под утро не выдержали и вскипятили себе чай на крохотном огне. Немного согрелись. Кони обошлись скупой порцией овса из седельных сум.

До рассвета подобрались к обрывчику возле самого балагана. Тут и залегли, усмотрев впереди тропу, по которой спускаются за водой. Как рассвело, слышим, дверь запела, ведро звякнуло. Вдавились в камни, смотрим в оба. Спускается... Сонный, зевает, полушубок наброшен на плечи, бородат. Молчком зачерпнул воды, стал было подниматься, но вдруг поставил ведро — и к нам. Мы носы в землю, замерли. Слышим, остановился, сапоги заскрипели по камню, полез на обрывчик. Что такое? Глянули, ноги видим, а сам в дыру под берегом уткнулся, шарит, сопит. Пещера. Вылез, в руках мешок, а в мешке угловатая поклажа. И к своему ведру, а потом в балаган.

Переглянулись мы. Тайник-то вот он! Подобрались, нашли пещерку, киркой выбитую под берегом на сажень выше от ручья. А в самой пещере битком набито: ящики, мешки, винтовки.

Больше нам ничего и не надо, все ясно. Скорее вниз, и пусть чоновцы с Суреном начнут выковыривать отсюда бандитов. Мы поможем.

— Разделимся для скорости,— предложил Телеусов.— Давай так: ты подавайся через Кишу и Хамышки в Майкоп за подмогой. А я возьму лесом левей и выйду на Гузерипль предупредить наших. Не ведая беды, под пулю выйдут! И сами пострадают, и дело сорвут. Отряд веди до Хамышков, я встрену и проведу дальше.

4

Я подвязал покороче хвост Кунаку, осмотрел сбрую, винтовку за спину и — в седло.

— Ну, Кунак!..

Он словно понимал, что придется выложить все силы, пошел прытко, где можно — рысью. Тропа каменистая, снег в тени, грязь в низинах. Лошадиные бока и круп скоро покрылись ошметками грязи, сапоги и полушубок тоже. На подъемах я соскакивал, бежал сзади, опять запрыгивал в седло — и рысью, рысью. Пора сражения, час войны... Через два часа хода Кунак дышал загнанно, бока его взмокли, да и мне все время хотелось скинуть одежду.

На виду кордона я устроил винтовку поудобней, но безлюдье было очевидным. Желна стучала прямо над домом. Остановился на несколько минут, дал Кунаку остыть, и дальше, теперь уже низом, по черной, засасывающей тропе.

Ночь — вот она, мы оба дышим с трудом, Кунак пошатывается, но минуты очень дороги, и река уже близко, надо дотемна непременно перейти ее, потому что ночью это во сто раз трудней.

На берегу я срезал длинный шест и, когда вошли в брод, держась чуть выше по течению, этим шестом упирался, чтобы Кунак не скользил. Вода лизала стремя, страшно гудела, но все обошлось.

К дому Телеусова едва шел, ведя за собой Кунака, опустившего голову чуть не до земли. Здесь ночуем, а завтра марш на семьдесят верст.

Вдруг на дороге двое с винтовками.

— Стой!

Руки так и опустились. Вот что значит на минуту потерять осторожность! Ни взад ни вперед.

— Кто такой? Откуда? — И винтовки в грудь.

— С охоты. Тутошний я,— отвечаю первое, что пришло в голову, а сам лихорадочно соображаю, как вывернуться. Темно, не разглядишь, что за люди. Неужто бело-зеленые проникли и сюда?..

— Топай вперед! И винтовку со спины не цапай, слышь, охотник!

Пошли по улице, они чуть сзади, по сторонам. Ноги едва идут. Страшно. И досадно. Вот положение!

У одного дома вижу коновязь, много лошадей, ходят люди, цигарки светятся. Остановили, взяли коня, винтовку. Слышу:

— Товарищ командир, неизвестного привели!

Гора с плеч! То был передовой отряд Сурена.

Мы с ним обменялись едва ли десятком слов. Тотчас прозвучала команда, по крыльцу застучали сапогами, все быстро, бегом. Предлагаю подождать утра, но Сурен уже решил по-своему: половина бойцов под его командой выходила на тропу в Гузерипль, с остальными приказал мне идти утром через Кишинский кордон до балагана.

— Вас встретит Телеусов, без него на луга не выходите, заплутаете,— сказал я Сурену.

Он кивнул. Мы отошли в сторону, я еще раз подробно рассказал о встрече. Сурен слушал спокойно, но даже в темноте глаза его поблескивали от волнения. Он присел, устроил тетрадь на колено, боец посветил ему зажигалкой. Исписал листок и, подозвав трех бойцов, приказал:

— В Майкоп. Как можно скорей. Оперуполномоченному Евдокимову. И ни в коем случае по дороге не зевать. Если опасность, депешу уничтожить. Ну, учить вас не надо, сами понимаете.

Мне он сказал:

— Из Майкопа или Лабинска сегодня-завтра должен выйти второй отряд. Отрежем Улагаю путь к другим полковникам. Я написал, что надо закрыть дорогу Преградная — Ахметовская.

Не помню, спал я в эту ночь или не ложился. Предстояла переправа через Белую. Что могли егеря на привычных лошадях, то было не по силам многим бойцам. Мы отыскали два каната саженей по семьдесят и укрепили их на обоих берегах.

Когда занялся рассвет, уже были натянуты канаты, и часть всадников пошли бродом меж канатов, держась за них, как за перила. Белая прибавилась за ночь, выгля-

дела страшно. Кони храпели, скользили по каменистому дну. Операция прошла благополучно.

День в пути, бивак в пихтовом лесу, снова тяжелая тропа в сплошном тумане, наконец, выход за полосу ненастья, и вот мы у цели, на опушке березового криволесья. С высотки, куда забрались с командиром, смотрим на балаган. Труба дымит. Значит, улагаевцы на месте.

Снизу донесся настойчивый крик сойки: так кричит не птица, а егерь. Спускаемся. Телеусов и Сурен стоят с конями, оба в грязи, лица усталые, а кони... Смотреть жалко.

— Такая мысль,— предлагает Сурен.— Сторожей взять живыми, они могут рассказать... И ждать приезда разводящих. Окружим балаган. И чтобы ни одного выстрела.

Коней увели, оставили с ними пятерых бойцов, все остальные пошли со мной замыкать кольцо. Развел их по двое, по трое на самых выгодных высотках.

Мы с Телеусовым и еще два бойца сняли верхнюю одежду и налегке прошли оврагом к самому балагану. Пахло вареным мясом, там готовили ужин. Осмелев, я подобрался к стенке балагана. Бандиты говорили громко, весело. Я услышал отчетливо произнесенные слова:

— Завтра сходим на номер первый, а к вечеру вернемся, как раз и сотник подъедет, смену привезет.

— Плохо нам тут, а? — сказал второй.

— Скука, Сергеич. Там хоть в картишки душу отведем.

Не будем мы брать их ночью! Пусть отправляются на «номер первый», пусть сотник найдет их на месте. Сотник?! Уж не Семен ли у этой банды заводилой?

Вернувшись в овраг, я рассказал Телеусову о новом плане.

— Значит, у них не одна потайка. Где вторая? Не на востоке, откуда ждут сотника! Только в сторону Молчепы. Ну и ладно, там тропа уже под надзором, Шапошников караулит.

Утром сторожа с винтовками и заплечными мешками отправились на запад. Их провожали десятки глаз. А мы преспокойно вошли в пустой балаган.

Вечером приготовились. Ждем. Улагаевцы возвращались беспечно, у стен балагана сняли с плеч винтовки, поговорили, покурили на лавочке и вошли... Четверо на двоих, что они могли сделать? Только моргали испуганно. Пять минут — и они сидят, крепко повязанные.

— Фамилия вашего сотника? — спросил я.

— Чебурнов из Псебая.

— Где стоит со своей сотней?

— Возле Умпырской долины.

— А Улагай?

— Не знаем. Никто не знает. Он живет скрытно.

Итак, командование бело-зеленых отдало центр заповедника бывшему егерю, знатоку троп. Пропадет наш зверь! Тревожно и за Никотиных, от них нет вестей.

Одежду с пленных сняли, два бойца примерили их полушубки. Вот они и встретят сотника. Убийцу моих родителей.

В ту ночь я опять не мог уснуть. Сидел, выходил из балагана, открытым ртом хватал холодный воздух. Такое волнение!..

Сурен сжал мне локоть.

— Понимаю ваши чувства. Но Чебурнов нужен нам живым. Живым! Надо узнать об Улагае. Будьте сдержанны, Андрей Михайлович.

Мы ушли из балагана, оставив там двух переодетых. Кольцо окружения уплотнилось.

...Четыре всадника замаячили вдали у леса. Было далеко за полдень. Влажная тишина стояла на взгорье. Сотник ехал осторожно — один всадник впереди, двое поотстали. Издалека посвистели. Из балагана вышли, помахали. Но те не торопились. Двое отделились, поскакали по лугу вправо, влево, потом рысью поехали к балагану, спрыгнули; встречавшие их засуетились, но отворачивались и помалкивали.

Едва один из приезжих зашел за угол балагана, как получил такой удар по челюсти, что свалился, даже не ахнув. Его приятель привязал коня и тоже шагнул за стену. Короткая борьба — и он на земле.

Остальные двое покрутились на месте, подъехали и соскочили с седел.

— Как ночевали, хлопцы? — громко спросил Семен.

— А ни чо,— ответил боец и схватил с земли винтовку.— Руки на голову, ну!

Семен как раз ослаблял подпругу у коня. Словно дикая ласка, скользнул он под брюхо лошади, в руке у него оказался наган. Не целясь, выстрелил в бойца, и тот свалился. Винтовочные выстрелы затрещали со всех сторон, к балагану бросились три десятка бойцов. Сотник,

как затравленный зверь, стрелял, вертясь на месте, израненный конь его ржал, запутался, упал, а Семен разрядил барабан и сунул руку в карман. Тускло блеснула граната, трое бросились на сотника, граната выпала, ее мгновенно отбросили в овраг. Взрыв потряс воздух.

Все. Борьба окончена.

Я подошел к связанному Семену.

Приходилось мне видеть глаза рыси в капкане. Помнил взгляд немецких драгун в рукопашном бою — страшные, звериные глаза. Семен неотступно буравил меня именно таким ненавидящим, испепеляющим взглядом. Что сделал бы он со мной, попади я в его руки!..

Рядом стоял Сурен, глаза его возбужденно поблескивали. Дело сделано. Сотника усадили прямо на землю.

— Говорить можешь? — спросил Сурен.— Или язык от страха проглотил?

— Развяжи руки-ноги, я те покажу, испужался али нет. Пляши, ваша взяла! Но ишшо не конец, ишшо не все.

— За что убил моих стариков? — вдруг спросил я.

— Подвернулись, дурни. Не за ими приходил, за тобой, изменник, да за твоей...— Тут он сказал грязное слово.— Пощечинки ее припомнил, расплатиться надумал. Успели вы сбежать...

Сурен взглядом остановил меня.

— Испить бы,— попросил Семен. Губы у него ссохлись.

Принесли воды. Он выпил и повалился на спину.

— Ну что,— насмешливо спросил он.— Стреляй, чекист, пока я не убег еще раз. Не отвернусь.

— Повременим,— спокойно ответил Сурен.— Нас интересует Улагай, твой начальник. Где он?

— Далеко, отселева не достанешь. А будет ишшо дальше.

— Не скажешь?

— Дурака сыскал.

К Сурену наклонился его помощник, прошептал что-то на ухо.

— Твои хлопцы куда умней, жизнь себе выкупают. Уже сказали, где Улагай. Считай, что твоей сотни уже нет.

Лицо Семена исказилось, он завертелся, тяжело задышал.

— Сколько бойцов имеет Улагай? — спокойно спросил Сурен.

— Иди ты...

Семен играл ва-банк. Терять ему было нечего. Все содеянное им слишком весомо. Сурен встал и пошел допрашивать других.

Я сидел перед поверженным врагом, а видел белое, уже заострившееся лицо покойной матери, ее торопливую записку. «Прощай, Андрюша, прощайте». Рука тянулась к нагану.

— Кто их убил?

— Я за тобой шел, да за твоей... Вот бы отыгрался!..

— Ну, меня ладно, старые счеты. А женщину, сына?

— Скажу, пожалуй. Господин полковник потому и разрешил мне дать крюку на Псебай, чтобы привез я к ему твою красотку супружницу. Понадобилась. Може, с собой увезти захотел...

— Куда увезти? — Я не узнал собственного голоса.

— Этта тебе не узнать. А вот покамест я вез бы ее до господина полковника, она десять разов пожелать своей смерти захотела бы. И передал бы живую, да тольки... Ох, не вышло!

Не помню, какую картину я представил себе, не помню, как револьвер очутился в руке, как щелкнул взведенный курок, но тут сильная рука перехватила мне запястье. Револьвер выпал. Семен смеялся, закинув голову. Да, смеялся каким-то истерическим смехом, визгливо и страшно. Он и рассчитывал на это: не сдержусь, убью. И все для него кончится в одно мгновение.

Когда темная ярость прошла, я увидел Шапошникова. Он подбрасывал на ладони мой наган.

Семен отсмеялся. Свесил голову и сделался серым, жалким. Христиан Георгиевич спросил его:

— Скажи, блудливый егерь, много зубров твои люди побили?

— Не считал,— сухо ответил он.— Не с зубрами воюем, с комиссарами.

— А мы вот за зубров воюем, и как видишь, не одни.

— Продались комиссарам...

— Недалекий ты человек, Семен,— спокойно возразил Шапошников.— На природу восстал, она же тебя и повергла.

Меня позвали к Сурену. Он допрашивал в балагане нервного, чернявого, совершенно раскисшего урядника.

— Послушайте. Повтори, Лучинин, или как тебя там.

Тот послушно заговорил:

— Полковник живет отдельно от полка. Двадцать охранников при нем. А полк устроился в лесу. Землянки понарыли, человек четыреста, много офицеров, при оружии, больше английском. Место выбрали в верхнем течении Тягини южнее Ахметовской, а сам где-то на Большой Лабе. Хочет передавать командование Козликину, тот у Баталпашинской

— Почему передает?

— Едет в Турцию, так говорят. Там сборный пункт объединенного совета Дона, Кубани и Терека. Руководят генерал Алексеев и полковник Гамалей.

— Как поедет?

— Через Санчарский перевал, Гудаут и морем. А точно никто не знает. Совет этот у озера Деркос, по ту сторону границы.

Шапошников опять спросил о зубрах, теперь у этого урядника.

— А что делать, чем кормиться? — Урядник говорил дрожащим голосом.— Охотимся за оленем, за зубром, бьем, вялим мясо впрок.

— На Умпыре?

— Я там не был. Не знаю. Там другие.

«Там другие»... От таких слов дрожь по телу. Последнее убежище заповедного зверя — и «там другие».

Мы вышли из балагана, вдохнули свежего воздуха. Отряд собирался в путь-дорогу. Комендант деловито переписывал мешки и ящики, извлеченные из тайника. В другом тайнике нашли винтовки, гранаты, боеприпасы.

— Не прознает ли Улагай о разгроме своих глубинных баз? — спросил я Сурена.

— Отсюда никто не вырвался. Люди Чебурнова скрываются где-то близко. Может быть, на Умпыре. Вот отправим пленных, займемся ими. С вашей помощью. Вы знаете все подходы, а это уже немало. Надо освобождать зубриные места.

— Единственная возможность спасти уцелевших зверей.

— Если бы сработала чоновская засада на Большой Лабе! — задумчиво произнес Сурен.— Как облегчилась бы наша атака! С двух сторон!

Отряд, вьючные кони, крепко связанные пленные пошли через луга и лес к Гузериплю. Повел их Телеусов. Мы

с Шапошниковым остались на месте — вдруг кто-то из чебурновской сотни заявится узнать, где командир! Егеря вернутся, и мы вчетвером отправимся верхней тропой к Умпырю, чтобы подготовить атаку. По пути узнаем, что с Никотиными. Отряд Сурена подойдет нижней дорогой к перевалу Балканы, а оттуда и в долину.

Все затихло на Тыбге. Мы выспались. Сидели со своими думами да поглядывали на дальний лес, откуда могли появиться белые.

Весна творила свое дело в горах. Березки у балагана позеленели. На склоне горы запестрели желтые лютики и купальницы, розово зацвел горлец, открылись фиолетовые буквицы. Тугие головки темной чемерицы пробили землю. Ветер принес снизу горьковатый дух черемухи. Залился, запел в лесу дрозд. Писклявый голосок улара позвал самочку. Тепло, чисто, красота великая. Трудно воевать весной: уж очень хочется жить. Просто жить.

Дождались Телеусова и Кожевникова. Приехали отдохнувшие, веселые. И сразу похвастались подарками: у обоих на поясе болтались тяжелые кольты. И нам с Шапошниковым привезли.

Пошли мы, как и положено, с разведкой: один впереди, трое россыпью. Спустились в узкий каньон Киши, пробрались через густой пихтарник и, поднявшись на перевал, разделяющий эту реку с Уруштеном, стали за укрытием на отдых. Отсюда далеко виделись лесные распадки, черные скалы, волнами уходящее нагорье. Правее сверкала снегами Псеашхо, такая отчетливая, что мы пересчитали на одном отроге семнадцать оленей.

— Куда выйдем? — спросил я у Алексея Власовича.

— На Лабёнок, тольки по другую сторону долины. С тылу.

Он говорил, но не отрывался от бинокля, все смотрел в одну точку. И я стал смотреть. Сквозь нежно-зеленую пену молодых дубовых крон вроде бы прорывался парок. А может, и дым.

— Зубров на Молчепе не встретил? — спросил я Кожевникова.

Не глядя на меня, Василий Васильевич ответил:

— Два шкилета нашел. Дырки в черепе от пуль.

На заре Телеусов потянул нас на тот подозрительный дымок, что в стороне от маршрута. Часа через три он сполз с седла и позвал меня с собой.

Крались по молодому папоротнику, в тени. Останавливались, слушали, спугнули двух веселых барсуков. Лес поредел. Захрустел под ногами щебень. Мы стояли перед площадкой из голого камня, она выпирала из лесу и обрывалась. Дальше белело небо. Над обрывом повис шалашик, из него торчали сапоги. Остатки костра серым пятном темнели в стороне между скал. Мы стояли под соснами и ждали.

Сапоги скрылись, из шалаша негромко сказали:

— Васька, пора! Затекли ноги.

Из-за скал вышел заспанный Василий Никотин с биноклем. Он хмуро улегся в шалаше лицом к обрыву и вытянул ноги. Саша, покачиваясь, поплелся в скалы.

Не сговариваясь, мы обошли поляну краем леса и отыскали пещеру. Она выглядела обустроенной: шкура медведя висела вместо двери, поверх нее тянуло дымом, для воды протянули желобок из бересты. Словом, жилье. Телеусов заглянул поверх шкуры: Саша укладывался спать.

— Час добрый,— сказал Телеусов шипящим голосом.

— Что?! — Сашу подбросило. Он схватил винтовку

— Ти-ха! Сиди, коли попался...— И от души рассмеялся.— Так вот где вы отсиживаетесь, пока другие-прочие войну ведут!

От шалаша прискакал Василий, подошли наши двое. Костер разгорелся. Мы выложили из седельных сум диковинные закуски — копченый бекон, белые сухари в обертке, сахар из запасов тайника.

— Ну, докладайте,— потребовал Телеусов.

— Находимся в разведке,— сказал Саша.— Следим за движением неприятеля, в бой не вступаем из-за неравенства сил.

— Человеков пять того неприятеля? — Телеусов беззлобно подсмеивался.

— Если бы пять! Насчитали восемьдесят три бойца. Мечутся по обе стороны Поперечного хребта, то в одном месте встанут, то в другом. Землянки строют, на зиму вроде окапываются. Или ждут кого? Бело-зеленые, одним словом.

— Стреляют?

— Случается. Видели, как медведя приволокли, трех или четырех оленей. За зубрами гонялись.

Перед нами была сотня Чебурнова. Без командира. Идти на поиск сотника они не решались. Уходить на Лабу

тоже не могли: сотник велел ждать. Вот и топчутся в укромном месте. Укрыты надежно. Дать им бой в этом районе не могли бы и два батальона. Но что-то надо предпринять.

Дотемна мы наблюдали за сотней. Сверху все ущелья и тропы, идущие на север, просматривались довольно хорошо. Бандиты мыкались из стороны в сторону. Нет командира — и уже не сотня, а толпа, головы полны страхом.

Решение пришло неожиданно. Я глянул на Шапошникова. Он — на меня. Мы поняли друг друга. Наш долг — сделать все возможное, чтобы избавить заповедник от опасных гостей. Нет, не стрелять. Перед опасностью белые вновь станут силой. Страх заставит быть храбрыми. Кто знает, что тогда будет.

— Пойдем мы с Андреем Михайловичем,— решительно сказал Шапошников.— А вы, ребятки, будете нашим заслоном, надежной поддержкой.

— К волкам в логово? — Саша Никотин встал.— Да они вас!..

— Они напуганы и растеряны. Алексей и Василий спустятся по Уруштену, закроют тропу на Умпырь. Ни в коем случае не пропустить гонцов! Хотя бы на время переговоров. Понятно? Двое — страховать нас.

Да, мы знали, на что шли. В сотне разные люди — и случайные, и отпетые мерзавцы. Разобщить их, заставить уйти — единственная возможность, если мы решили спасти зверя в заповеднике. Останутся бандиты зимовать — перебьют всех и вся. И мы пошли. С белой тряпицей на винтовках. Как парламентеры. Пошли к ночи, когда сотня собралась у костров. Обходной тропой спустились с площадки, миновали лес, перебрались через ущелье. Тут Никотины заняли позицию. Мы направились к кострам.

На виду лагеря дали выстрел. Ух, как переполошились, как забегали лесные люди! Сперва думали — свои, но вскоре разглядели чужих, белый флаг и отрядили пятерых навстречу.

— Кто такие? — закричали издали.

— Директор заповедника! — Низкий голос Шапошникова эхом отдался в ущельях.

— Положите винтовки!

Мы повиновались. Нас повели к кострам. Банда встретила молчанием. Я разглядывал бандитов. Какое скопище

разных лиц, разной одежды! Тут и казаки, и матросы-анархисты в тельняшках под бушлатами, какие-то в штатском, офицеры, которым некуда деваться. Здесь и убийцы моих родителей... Эта мысль жгла сердце.

— Я директор Кавказского заповедника,— громко повторил Шапошников.— Вместе со своим заместителем пришел с требованием, да, с требованием...— он повысил голос,— немедленно покинуть заповедник. Идите куда угодно. Здесь оставаться не разрешаю.

Что-то такое почувствовали бандиты в голосе Шапошникова, выслушали молча, ждали.

— Ваш сотник в тюрьме,— сурово продолжал он.— Ваши базы открыты чекистами и опустошены. Вас замкнут в кольцо, как уже замкнули отряды Шкуро и Козликина. Там,— он бросил руку в стороны Умпыря,— стоит чоновский отряд. Туда,— он повернулся к северу,— вам хода нет. Лишь дорога за пределы заповедника, на запад, откуда пришли. А лучше — по домам, ребята, воспользуйтесь амнистией, вернитесь к семьям. Сутки вам на размышление.

Что тут поднялось! Какие-то сорвиголовы кинулись к нам с пистолетами, размахивали перед лицом винтовками. Кричали все сразу. Базар, сходка. Мы молчали. Из лесу, где остались Никотины, прозвучали отрезвляющие выстрелы.

— Эго егерский отряд,— сказал Шапошников.— Наша охрана.

Успокоились, забросали вопросами. Христиан Георгиевич спокойно и точно рассказал о пленении сотника, назвал фамилии остальных, показал кольт из тайника, чтобы не оставалось сомнений.

— Послать вестовых до полковника,— закричали в толпе.

— Поздно,— сказал Шапошников.— Путь отрезан. Егеря не хотят воевать с вами, желают одного: спокойствия в заповеднике. Не подчинитесь — никто не уйдет отсюда живым!

Его угроза сделала свое дело. Но еще часа три в темноте, едва раздвинутой пламенем костров, продолжался спор и пререкания. Наконец банда приняла решение: уходить. Сказали еще:

— Вы поедете с нами. Заложниками. И если нарвемся на засаду, пощады не будет.

— Нет. Мы не заложники, мы у себя дома. И с вами не поедем. Решение окончательное.

— А чекистов не наведете?

— У нас свои дела. Но если вы не уберетесь... Каждый егерь сто́ит десятерых. Зарубите себе на носу!

Нас не отпустили. Ночь мы не сомкнули глаз. А утром — о, радость! — увидели, как три десятка всадников, не простившись с остальными, вскочили в седла и повернули коней на запад.

Выдержка Шапошникова была поразительной. Мне кусок не лез в горло, а он с аппетитом позавтракал, вытер усы и сказал:

— Мы уходим, господа. Я все сказал. Верните наши винтовки.

И опять замешательство, крики, но тут из лесу еще раз хлопнули выстрелы. Винтовки нам принесли. Мы поднялись, пошли, и я весь напрягся, ожидая выстрела в спину.

— Не оглядывайся,— приказал Шапошников.

Силы почти оставили меня. Едва поднялся в седло. Дрожали руки, колени, противная слабость владела телом. И тут я увидел, что Христиан Георгиевич вытирает обильный пот на побелевшем лице. Все, что произошло, лишь сейчас потрясло его организм. В гостях у смерти побывали.

Мы вернулись на верхнюю площадку. Весь день наблюдали. Банда рассеивалась. Куда они исчезали, мы не знаем. Но как боевая единица сотня бело-зеленых существовать перестала.

В первых числах июня мы прошли около перевала Псеашхо и спустились к Умпырской долине.

Телеусов и Кожевников, видимо, все еще стояли в ущелье, перекрывая тропу, ведущую на Балканы.

Запись седьмая

Путь Улагая. Пятьдесят зубров. Гибель Саши и Кати. Возвращение Задорова. Девять зубров... Декрет Совнаркома в 1924 году. Конец бело-зеленых. Трагедия на Алоусе

1

Жизнь не один раз убеждала: человек, сделавший зло или великую несправедливость, в конце концов сам попадает в беду еще бо́льшую, нежели он сотворил для других.

Была какая-то фатальная неизбежность в судьбе Керима Улагая, чья жизнь насквозь пропиталась злом, дьявольским стремлением к возвышению, пусть и за счет несчастья других людей.

Пишу эти строчки уже после событий, в которых участвовал с того утра, когда мы с Никотиными и Шапошниковым осторожно спускались в Умпырскую долину, имея все основания полагать, что на этом кордоне белозеленые. Им ли не знать, как удобна и скрытна долина за двумя перевалами, откуда можно совершать набеги на предгорные станицы! И охота здесь обильна, ведь Умпырь всегда был приютом для зверя.

Каково же было наше удивление, когда мы не обнаружили здесь ни одного лесного человека!

Кордон с побитыми окнами и разваленной печью попрежнему стоял пустой и заброшенный. Правда, мы отыскали следы бандитов или браконьеров: кострища, куски оленьих кож, полоски недовяленного зубриного мяса.

Тишина не обманула нас. Мы обосновались не на кордоне, а ближе к реке. Там стояла хатка, уже почерневшая от времени. Она обросла лещиной и березой, скрылась с глаз. От хаты можно незаметно отступить в густой ольховник, а через брод — на ту сторону Лабёнка, в тенистый грушевый лес.

В непрестанной разведке мы провели двое суток, затем послали Сашу и Василия к перевалу и далее к Уруштену, где могли быть наши егеря, чтобы узнать у них, не явился ли отряд Сурена.

Надо же такому случиться: едва они уехали, как в долину с востока пожаловал отряд числом в двадцать всадников. Я обнаружил их с помоста, устроенного высоко на дубе.

Отряд довольно смело подошел к кордону и расположился там. Похоже, не первый раз в этом месте. Ночью мы подкрались ближе. Горел костер. А у костра сидели казаки и... Улагай. Худое и дерзкое лицо его застыло в надменности. Серый бешмет полковника резко выделялся среди черных казачьих тужурок. Царек...

Похоже, они пришли в надежде найти тут сотню Чебурнова и под ее прикрытием двинуться дальше. Может быть, Улагай шел в свой поход, о котором мы уже знали?..

Утром половина отряда снялась и пошла на перевал:

искать сотню. Остались Улагай и десять охранников. Они прочесали лес, выставили караулы. Мы ушли за реку.

Двое суток не принесли перемен. Разведка не вернулась. Улагаевцы забеспокоились. А перед нами вдруг появились Саша и Василий. Еще через минуту — Телеусов, возбужденный, нетерпеливый.

— Схватили! — сказал он, даже не поздоровавшись.

— Кого, где?

— Ну, тех, что пришли отсюдова. От Улагая. Мы дали им перейти по мосту, тут и взяли. Как раз чоновцы подошли. Пленные рассказали про Улагая. Тогда мы сюда, правым, значит, берегом, чтобы вместе с вами. Их десять, нас шестеро. Одолеем.

Под утро мы окружили кордон. Керим Улагай и казаки седлали коней. Двух разведчиков выслали вперед, по той же дороге. И сами заторопились. Отлично! Прямо на чоновский отряд.

Конечно, мы пошли следом. На первый перевал улагаевцы шли цепочкой, иной раз хорошо видные. Тогда-то Саша и сказал:

— Казак в башлыке прилип к полковнику. Ни на шаг. А на груди и на спине у него две сумы, он их все щупает, боится потерять. Не иначе — ценности или документы.

Улагай часто оборачивался, чувствовалось, что беспокоится за груз. Уж не к берегу ли морскому пробирается полковник, не за рубеж ли нацелился?

Телеусов сказал, что Кожевников сегодня должен подвести чоновцев поближе к перевалу, чтобы зажать белых в самом узком месте — на спуске. Потому мы не беспокоили противника, не подгоняли.

По всем скалам на Балканах буйно разросся жасмин. Он как раз зацвел. Такой дух по горам!.. А у нас война. Вот последний казак скрылся за вершиной перевала. Теперь ходу. Один поворот, второй. Наконец вершина с одинокой сосной. Далеко внизу в страшном каньоне гремела река, саженей двести до нее. А впереди на тропе мелькали казачьи фигуры в черном, изредка скрываясь в кустах жасмина.

Стукнул далекий выстрел. Передовой из улагаевского отряда сполз с седла. Всадники схватились за винтовки. Кто-то повернул было назад. Шапошников тоже выстрелил. Или сдаваться, или смерть, они поняли. И бой начался.

Я следил за Улагаем, мог легко убить его, однако знал, что живой полковник куда важнее для мира на Кавказе и для сохранения зубров, чем мертвый. Видимо, и чоновцы по этой причине щадили полковника. Его люди падали один за другим. Когда свалился казак с сумами поверх бешмета, Улагай подскочил к нему, сорвал сумы и взвалил на себя. Еще думал уйти. К удивлению, он тотчас поднял руки и пошел в сторону чоновцев. Стрельба прекратилась. Мы покатились вниз. И тут произошло непредвиденное.

Улагай скорым шагом, руки над головой, дошел по тропе до висячего мостика через Лабёнок, с ловкостью рыси ухватился за перильца и побежал на ту сторону реки. Чоновцы, шагавшие навстречу ему, мы, спешившие с горы,— все опешили и с опозданием схватились за винтовки. Кто-то успел все же выстрелить. Улагай упал вперед, но пуля не убила его, видно, попала в туго набитую суму на спине и только толкнула. Полковник упал и на четвереньках пополз по гнилым доскам. Еще две сажени — и он скроется в кустарнике.

Но судьба распорядилась по-другому.

Вниз беззвучно полетели прогнившие куски настила. Улагай успел схватиться за толстый канат и... повис над страшной рекой. Мы замерли. Он еще пытался забросить ноги на мостик, но сил у него уже не оставалось, к тому же мешали тяжелые сумы. Руки разжались. Может быть, он и кричал, но за грохотом реки голос не слышен. Еще секунда-другая, и тело в светлом бешмете сорвалось вниз. Река сомкнулась над неожиданной добычей. Конец Улагая...

— Что творится, что творится! — зашептал Алексей Власович. Краем глаза я увидел, как мелко и торопливо крестится он. Лицо егеря выражало ужас.

2

На несколько минут все остолбенели. Вот судьба! Очнувшись, мы все разом заговорили, высказывая разные мнения. Сошлись на том, что Улагай нес на себе драгоценности, награбленные за годы войны. Как бы там ни было, судьба освободила Кавказ от злейшего врага.

Командир чоновцев отозвал Шапошникова и сказал:

— У нас приказ — пройти отсюда на Большую Лабу. Проводника надо.

Директор посмотрел на Сашу Никотина. Тот согласно кивнул.

— Тогда так. Идите с Василием. И возвращайтесь на Умпырь. Здесь поживут Зарецкий и Телеусов. А мы с Василием Васильевичем пойдем на Кишу. Займемся своим делом, посмотрим, как зубры.

Я сел писать письмо. Хотелось сообщить Кухаревичам о последних событиях, передать весточку Данутe. Письмо вручил старшему в группе, которая направлялась с ранеными через Псебай в Лабинск.

Закончив писать, сел в седло и вдруг почувствовал такое облегчение, какого не знал уже многие годы.

Самое тяжелое, кажется, позади.

Оставим на некоторое время записки егеря Зарецкого и попробуем, сопоставив исторические факты, глянуть на положение зубров пошире. И не только на Кавказе.

Лишь одну страницу из записей необходимо привести сейчас. Эта страница, вернее, две отдельные записи помечены октябрем — ноябрем двадцать первого года и апрелем — маем двадцать второго.

«Сразу же после листопада,— писал Андрей Михайлович,— мы обследовали весь район Умпыря, Мастакана, Большой Лабы, Алоуса и могли назвать количество зубров: здесь оставалось 28—29 голов. В те же месяцы Кожевников и Шапошников тщательно просмотрели район Киши и Бамбака до Белой. Они обнаружили 10—12 голов. Пастухи, приходившие с юга, клялись, что в верховьях Сочинки видели трех зубров. Неподтвержденное свидетельство я записал со слов жителей станицы Баговской: там видели двух зубров за пределами заповедника.

К таким заявлениям мы относимся с недоверием. Записываем только тех зверей, которых видели сами. Общее количество зубров в заповеднике, таким образом, определяется в 40—50 голов. Горько признаваться, но их продолжают бить. Братья Никотины нашли на Большой Лабе четыре зубровых скелета, потом в другом месте — еще два.

После того как армейские части потрепали бело-зеленых в трех боях кряду, отряды Козликина и еще одного полковника, Орлова, избрали новую тактику ведения войны: разошлись мелкими группами по глухим урочищам и тревожили станицы, хутора и дороги кровавыми набегами.

Продовольствие они пополняли охотой на всякого зверя.

Надежды на сохранение последних пятидесяти зубров кавказского подвида связаны с окончанием войны в горах».

Вот так. К 1922 году кавказский ареал зубров уменьшился до площади в пятьсот —семьсот квадратных верст. Но и в этом когда-то недоступном месте гремели выстрелы. Умный, понятливый зверь окончательно потерял покой, а вместе с покоем и способность к размножению. Зубры не были в безопасности даже зимой, в самых глухих ущельях, куда уходили, опасаясь человека с винтовкой. Потеряв обжитые пастбища, звери выходили за пределы заповедника. И там нарывались на пули браконьеров. Привыкшие к постоянному местообитанию зубры сделались бродягами. Рассыпались стада. Все меньше оставалось зубрят. Все более неспокойными стали взрослые.

Ни Шапошников, ни Зарецкий еще не знали, что в Беловежской пуще зубров уже нет. Последний был застрелен бывшим егерем пущи Бартоломеусом Шпаковичем 2 февраля 1921 года.

Вряд ли этот человек знал, что убитая им зубрица была последней во всей пуще, которая к тому времени отошла от РСФСР к Польше.

Правда, на юге Польского государства в это время жили в неволе, в имении Пилявино, четыре полуручных зубра, когда-то купленные в Беловежском заказнике князем Плесс, владельцем имения. Перед войной там было семьдесят четыре зубра.

В том же 1921 году очень тяжелое время переживала наша славная Аскания-Нова, уже получившая по решению Украинского Совнаркома статут Государственного заповедника.

Почти два десятилетия в Аскании-Нова на Украине занимались гибридизацией американских бизонов с местным серым украинским скотом и с зубрами. Ценнейшие межвидовые гибриды зубробизонов и зубро-бизоно-коров удалось сохранить только частично, и в помещениях под охраной, а не в степи. Стадо в десять голов... Эти гибриды имели очень небольшую долю зубриной крови. Ученые понимали, что надо как можно скорее прилить свежую кровь зубра уцелевшим гибридам, но в обстановке разрухи, всеобщей нехватки самого насущного трудно было надеяться получить откуда-нибудь новых животных. К чести ученых Аска-

нии-Нова, они не теряли этой надежды и сохраняли гибриды до лучших времен.

В Крыму до 1917 года была царская охота. И зубры. Их не осталось.

В Гатчинской охоте зубров истребили в начале 1918 года.

А что с теми зубрами, которых немцы вывезли из Беловежской пущи в 1915 году? Жив ли единственный горный зубр Кавказ, который до войны оказался в Гамбургском зверинце Гагенбека?

Беловежские зубры, отправленные в Восточную Пруссию, прожили до 1919 года. После этого и для них настали тяжелые времена. К 1921 году из семидесяти голов здесь оставалось менее десяти.

Семь зубров из Берлина вывезли в Ганновер. Они сохранились.

Около десятка зубров приобрела и выходила ни с кем не воевавшая Швеция. Она первая из стран Европы создала у себя зубровый национальный парк.

Несколько одиночных зубров находилось в зоопарках Лондона, Вены, Амстердама, Мюнхена, Стокгольма, Будапешта.

В 1921 году «крестник» Алексея Власовича Телеусова — бык Кавказ — уже имел в зверинце Гагенбека трех сыновей и двух дочерей. Владельцы зоопарка удержали «золотого зубра» до конца года. Далее он оказался в Бойценбурге у графа Арнима, с помощью которого покойный Карл Гагенбек приобрел Кавказа в России. Кавказ вместе с зубрицей Гарде прибыл в лесной парк Арнима, где проживали три или четыре зубра-беловежца. Здесь у Кавказа родился еще сын Гаген — последний из его потомства.

Таким образом, кровь кавказского зубра сохранилась в помесях с беловежскими зубрами. Факт обнадеживающий. Он давал основание полагать, что и в случае гибели последних зубров на Кавказе признаки подвида не пропадут на земле.

После этого отступления мы снова возвращаемся к записям Зарецкого.

3

Домой, теперь уже в Майкоп, я попал по первому снегу. Данута и Мишанька, истосковавшиеся, похудевшие, такие родные, со слезами на глазах встретили меня у порога.

Они прожили трудное лето. Вдвоем обрабатывали огород, содержали Куницу, корову, которые требовали много труда, но много и давали. Данута работала в школе через три дома от нас, а сын учился в той же школе.

Когда я вымылся в бане и в первый раз прошелся по комнатам, половицы подо мной заскрипели.

— Не привыкли к тяжелому шагу мужчины,— это произнесла Данута, не спускавшая с меня озабоченного, любящего взгляда.

Она подвела меня к зеркалу. Я смотрел на себя и видел худощавого, несколько сурового человека с какой-то печалью во взгляде, с большими руками, которые не знал куда девать — так они привыкли к работе, к винтовке... И жену видел рядом как бы немного осевшую, но с лицом девически свежим и румяным, на котором светились милые голубые глаза. Она держала меня под руку и горько улыбалась; протянув руку, дотронулась до моих висков. До белых висков. Ничего я не сказал по этому поводу. Слишком много пришлось бы говорить.

Зато в Мишаньке мы оба видели приметы своей молодости. Он вытянулся, похудел, но сколько же энергии, живости и разумения было в его глазах, пробивалось в порывистых жестах, скором шаге, в нескончаемой речи с мягким, по-детски произносимом «эр»!..

В тот вечер к нам пришли Катя и Саша.

Вот с кем время обошлось особенно беспощадно!

Сашин рост подчеркивал его теперешнюю худобу, он выглядел тощим как палка. «Жердь»,— говорил он сам про себя. Лицо его временами странно дергалось, а острые глаза быстро увлажнялись, едва мы затрагивали чувствительные темы. Катя пожелтела, осунулась, хотя и не утратила ничего от прежней быстроты движений и внутренней силы. Годы и события взвалили на них непомерный груз.

— Идет время, идет,— глуховато сказал Саша и притянул к себе Мишаньку. Достал из кармана леденцы-ландрин, сущую редкость по нашим временам, и вручил ему.

Женщины пошли готовить чай. Саша тем же глуховатым, непривычным для меня голосом потребовал:

— Рассказывай еще раз, как и что там произошло. Письмо твое было сумбурным.

Снова, уже с деталями, я поведал о пленении Чебурнова, описал последние часы Улагая. Саша сжал пальцы, похрустел ими, сказал:

— Он того заслужил.

Помолчав, спросил:

— Сколько у тебя зубров?

— Сорок — пятьдесят голов. И все в опасности.

— Нужны бойцы, чтобы одолеть упорных, фанатичных бело-зеленых. Нет у нас бойцов,— сказал он.— Колчак и Врангель исчезли, но контрреволюция действует не только на Кавказе. А тут еще ведомственные неполадки.

Оказывается, есть центральные учреждения, которые не признали декрета о Кавказском заповеднике. Местная инициатива, не более. Ну что такое Кубанский ревком? Вот если бы декрет из Москвы... И учреждения эти разрешают охоту, заготовку пушнины на Кавказе. Пушнина на экспорт. Очень важно для молодой Республики!.. Так открываются границы заповедника для охотников.

— Они и до зубра доберутся,— сказал я.— Мало нам бандитов...

— Уже есть факты. Трех оленей убил охотник Шевченко, еще одного некто Логвин. На караулке у Немецкой дачи устроили картыжку[1] ремней, ну и все в таком духе. На поляне Алоус есть зубры? Ну вот. Там же пасется домашний скот. Тоже по разрешению свыше. Межведомственная неразбериха.

Наверное, я выглядел очень расстроенным, потому что Саша умолк и, похлопав меня по колену, добавил:

— Сейчас положением заинтересовалась рабоче-крестьянская инспекция. Я побывал в Краснодаре, внес предложение запретить всякую охоту, ввести крупный штраф за отстрел оленей, зубров. Соображения эти посланы в Москву. Оповестили ученых — друзей заповедника.

И, помолчав, добавил:

— Но как можно выкурить из горных убежищ белые банды, остатки контрреволюции?..

— Только силой, Саша.

— То-то и оно. Облавы в горах теми силами, которые у нас имеются, не приносят успеха. Ваши с Суреном опе-

[1] Картыжка *(местн.)* — процесс изготовления ремней из шкуры убитого зверя.

рации — самые удачные. Но и они не решили проблему.

— Много их? — Я имел в виду белых.

— Трудно сказать. От Теберды до Лабёнка — как сурепки в пшеничном поле. У них связь с Турцией, оттуда оружие, снаряжение, там командование, все на широкую ногу. А пока... Поезжай-ка ты, Андрей, в Москву, чтобы узаконить заповедник в Совнаркоме!

— Если посылать, то лучше Шапошникова. У него старые знакомые в академических кругах.

— Ну что ж, резонно. Пошлем Шапошникова.

В тот вечер мы засиделись допоздна. Мишанька уснул. В печи потрескивали дрова, уютный свет разливался по столу. Пили чай, Данута вспомнила нашу женитьбу, петербургские встречи. На час-другой мы позабыли заботы, не ворошили драматических событий последних лет. Мы отдыхали. Расстались за полночь.

Через неделю проводили Кухаревичей в дальнюю инспекторскую поездку по предгорным станицам. Саша проверял школы, уговаривал старых учителей вернуться на работу, создавал детские дома для сирот и беспризорных. Катя занималась больницами, фельдшерскими пунктами, гасила тифозные вспышки.

А еще дней через десять страшное известие потрясло нас и весь город: на дороге между станицами Каладжинской и Ахметовской банда бело-зеленых подкараулила и зверски убила наших друзей и четырех бойцов их охраны.

Вот когда мы с Данутой почувствовали, как одиноко вдруг стало на земле.

4

...Посыльный пришел в середине дня, когда я только что закончил инструкцию для наблюдателей заповедника и перечитывал ее. У нас было полтора десятка егерей, были деньги на оплату их труда. Все это появилось после возвращения Христиана Георгиевича из Москвы. Поездка его, встречи с давними друзьями Кавказа, с работниками отдела по охране памятников старины и природы Наркомпроса не прошли даром. Мы стали сильней.

Я взял у посыльного бумагу. Шапошников писал: «Как можно скорей приходи в управление. Есть новость».

Шла весна. Подувал резкий ветер, но солнце грело уже

хорошо. В такие дни зубры выбирают укрытые от ветра места и лежат на припеке, блаженно прикрыв глаза. Греются. Уже отправился на Кишу Кожевников. Собирались на свои кордоны остальные егеря.

Еще издали я заметил у дома Шапошникова красноармейца с непокрытой головой. Он сидел на крыльце и вроде бы ждал меня. Вскочил, одернул гимнастерку и пошел навстречу. Мы сошлись, и я не поверил глазам своим.

— Боже мой, Задоров! Ты ли это?

— Эт-точно я, Андрей Михайлович.

Мы обнялись. Отстранившись, я продолжал рассматривать его. Да, Борис Артамонович, наголо стриженный, круглоголовый, похудевший, во фронтовой гимнастерке.

Открылась дверь, Шапошников вышел и спросил:

— Берем этого егеря?

— Еще бы! Вот не думал не гадал!.. Где пропадал?

— Все очень просто, Андрей Михайлович. Тифозный обоз, больница в Пятигорске, а как поднялся и винтовку смог держать, так с первым эшелоном красных — в Царицын, оттуда в Самару, по Сибири, то за Колчаком, то за атаманом Семеновым. Воевал, был ранен, опять воевал. Из Иркутска теперь. По чистой — после второго ранения. Где Василий Васильевич, как остальные наши?

— Скоро увидишь своего Василия Васильевича, зубров, Кишу. Поедешь со мной. Ну, ты молодец!

Задоров прожил у нас до вторника. С согласия Дануты я подарил ему Кунака, а сам решил вновь поездить на Кунице. Под шепот весеннего дождя мы поехали в горы.

Кишинский кордон стоял пустой, но с теплой печью.

Уже разместившись для отдыха, я обратил внимание на свежие отщепы с внутренней стороны двери. Такие отметины делает только пуля. Внимательно осмотрев стены, я и там нашел до десятка таких же примет.

Борис Артамонович враз утерял наивную восторженность, в которой пребывал эти дни. Вот она, суровая обстановка. Он вышел, смотрю, вывел коней из сарая и пустил неспутанными на луг: не очень-то дадутся чужим. Огня мы не зажигали, на ночь устроились в сараюшке, откуда был выход прямо в лес.

Утром мы сделали круговой обход, ничего опасного не заметили. И тогда поехали наверх, к зубровым пастбищам.

Задоров весь ушел в созерцание близких хребтов и зеленого леса. Как чисто и светло сияли его глаза! Какую

радость излучал он, даже дышал так, словно пил целебный воздух. Не будь опасности, которая требует тишины, запел бы в полный голос.

— Все время Кавказ во сне видел. Такая тоска, хоть беги без разрешения! Мечтал. И вот...— Он привстал на стременах, руки разбросал, будто обнять хотел эти тихие поляны и светлые хребты над ними.

Когда и как пристроился нам в хвост Кожевников, как выследил — мы не заметили. Обернулись — и ахнули! Бородач улыбался колдовской улыбкой. А уж обрадовался Задорову!.. Подвел коня бок о бок, и так, не сходя с седел, обнялись, словно отец с сыном встретились, плачут оба и слез своих не стесняются.

Дальше мы не поехали. Поставили костер,и пошел, пошел бесконечный разговор.

— Нашел себе благость — тишину, а? — Кожевников любовно смотрел на Задорова.

— Когда идет революция, о тишине и покое говорить смешно,— быстро сказал Борис Артамонович.— Чистейший идеализм.

— Смотри, как заговорил! Агитатор!

— Здесь ведь тоже покоя нет,— сказал Борис.— Эт-я усвоил. И пулевые отметины на кордоне разглядел.

— Было, было,— коротко отозвался Кожевников.

— Давно? — спросил я.

— Не-е... Три ночи кряду обстреливали. Ну, и я не молчал. То с одного места стрельну, то с другого. Чтобы думали, будто нас много. Кажись, подстрелил кого-то, крик слышал. Убрались.

— Кто, как думаешь?

— Эти самые. Бело-зеленые. Похоже, заблудились. Пуганые. Они с востока приходили, вряд ли близко живут А все же за зверя боязно.

— Видел зубров?

— Трех видал. Да еще волками обглоданного подранка нашел. Мартовской погибели. Выходит, и зимой охотились за ими. Но надоть еще посмотреть, думается, на Пшекише, на Сенной поляне и повыше должны быть другие.

Говорил и все на Задорова посматривал, хотел понять, каков он теперь, его крестник. Боялся, уж не другим ли стал за трудные годы. Спросил вдруг:

— Рука твоя тверда али как? Жизня у нас опасливая.

— Винтовку держать могу, огни и воды прошел — не

убоялся. Так что по-старому, плечом к плечу с тобой воевать за Кавказ... И за зубров.

И так они друг на друга посмотрели, что и тени не осталось в их давней мужской дружбе.

Четыре дня мы лазили по хребтам и ущельям, высматривая зверя на полянах и опушках, благо верхний лес еще не закрылся зеленым листом. И за четыре этих дня обнаружили семь зубров. Только взрослые особи. Согнутые, с неряшливой шкурой, они от любого шороха вскидывали хвост и бежали сломя голову. Даже издали можно было почувствовать их болезненную возбудимость. Так долго зубры не проживут. Эти звери нуждаются в покое.

Задоров легко узнавал некоторых старых знакомцев. Разглядывая зубров в бинокль, он весело говорил:

— А вот и мой Рыжий. Левей его Бойкая. Ишь как линяет, вся в клочьях. Постарела... Неужто у нее бычка или телочки не было?..

Так, с остановками, мы добрались до устья реки Шиши. Здесь я хотел оставить друзей и пробраться на Умпырь. А их попросил поехать западнее, на Молчепу. Но егеря не пустили меня одного. Еще три дня мы путешествовали по высокогорью, прежде чем спуститься к Умпырю. Долго высматривали с горы: спокойно ли там? К радости своей, обнаружили на склоне горы трех зубров, а над избушкой вскоре увидели дымок. Уже на заходе солнца опознали Телеусова. Снова встреча, неторопливый разговор у печурки, ощущение братства.

— Сколько? — спросил я у Алексея Власовича.

— Покамест семерых отыскали. Ребята Никотины на Алоус отправились, вернутся к завтрему. А эти зубры — на Мастакане.

— Банды не беспокоили?

— Не было. Зато волков развелось, Михайлыч!.. Прямо до избы являются, такие храбрые.

Рано утром Кожевников и Задоров перешли на тропу, что вела к перевалам. Я остался с Алексеем Власовичем.

5

Осень двадцать второго года.

Мы оставили Умпырь. В начале октября от Большой Лабы сюда проникло более сотни бело-зеленых. Приходили

они группами по десять — пятнадцать человек, хорошо вооруженные, даже при пулеметах на вьюках. Наши отпугивающие выстрелы вызвали шквал ответного огня. Мы потребовали из Лабинка воинскую часть, но кто-то предупредил банду, начались стычки. Были немалые потери, и бойцы, опасаясь зимы, отошли к Псебаю. Бандам отступать было некуда, остались в Умпыре.

Одиннадцать зубров очутились в опасном соседстве. Звери привыкли спускаться в долину. Что их ожидало?!

Мы ушли старой егерской тропой на верхнюю Кишу, а оттуда и на кордон. Можно представить себе, с каким настроением покидали мы долину.

Первые дни жизни на Кише мы ходили подавленные и настороженные. Удастся ли удержаться нам здесь? Правда, зима с буранами в октябре закрыла все пути-дороги, но и для нас не оставила никакого маневра.

Василий Васильевич, а потом и Задоров успели поставить несколько стожков сена да убрали десятину огорода. Голод не угрожал ни нам, ни коням. Но беспокойство за зубров не исчезло. На Кише их стало девять: двух успели пригнать к Сулиминой поляне с западного пастбища на Молчепе. Девять... Вот все, что удалось сохранить от некогда величественного кавказского стада. Умпырских я уже не рисковал числить живыми.

Как только морозы укрепили снег, Борис Артамонович навострил лыжи. Он уходил на целый день. Однажды он не показывался трое суток — следил за зубрами, среди которых знал не только Бойкую и Рыжего, но и Лабицу, и быка Чудо. Возвратившись, без конца говорил о них.

— Лежат под пихтами, а как оголодают, выходят на поляны, целые окопы роют. Носом, лбом до земли — и пошли, пошли. А вскинут головы, на рогах пучки ожины висят, ну и тянут ее, жуют. Или кору отдирают. Эт-забавно. Сгрызет понизу, схватит за конец и отходит, дерет ленту, пока не оборвется. Я десятка три осин повалил, чтобы проще им было есть...

— А зубры что же? Стояли и смотрели, как ты, значит...— не унимался Кожевников.

— Куда там! Раз стукну топором, так они бог знает где. Бегут без огляда, особенно Лабица и Бойкая. В галоп!

В последний раз я видел кишинское стадо в январе 1923 года, в ясный день обильной изморози, на опушке заснеженного леса. Мы подошли сажен на четыреста, а

они — пять темных зверей — выдвинулись из чащи и стояли, не спуская с нас настороженного взгляда. От боков их исходил легкий парок. Куница дернулась, звякнула удилами, и этот чуждый лесу звук мгновенно спугнул зверей.

Из Хамышков пришел на лыжах Василий Никотин, привез записку. Шапошников звал меня в Майкоп. Мы помогли чекистам разработать план нового наступления на бело-зеленых и пошли с отрядом проводниками.

К сожалению, и эта операция не привела к освобождению нашей заповедной территории от «лесных людей».

Более того, в феврале после долгой перестрелки и перед угрозой окружения Кожевников и Задоров покинули Кишу и появились в Хамышках. Последняя территория заповедника была утеряна...

...От прибывшего в Краснодар профессора Исаева узнали, что польские, немецкие, французские национальные комиссии по охране природы внесли на конгрессе в Париже предложение учредить Международный комитет по охране зубров и собрать оставшихся в зоопарках и охотничьих угодьях зверей в одно место с целью восстановления исчезающего вида. Московское общество охраны природы присоединилось к этому предложению.

Стали известны фамилии добровольных защитников зубра: в Германии это была зоолог Эрна Мор, в Швейцарии — братья Соразем, в Польше — Ян Жабинский, создатель первой Международной племенной книги зубров. В нашей стране — профессор Григорий Александрович Кожевников, старый наш знакомый Дмитрий Петрович Филатов, известный зоолог Федор Федорович Шеллингер, молодой ученый Владимир Георгиевич Гептнер и знаток Беловежской пущи Николай Михайлович Кулагин.

Летом 1923 года, презрев опасность, мы опять собрались все вместе и пошли на Белую, а оттуда на верхнюю Кишу, поскольку кордон, стоявший ниже, все еще находился в руках крупной банды. Подходили с двух сторон и к Умпырю, высматривая зубров. Какова же была радость Бориса Артамоновича, когда ему посчастливилось обнаружить на границе альпики у Бамбака две пары зубров! Присмотревшись, он сказал, глотая от волнения слова:

— Эт-наши... Бойкая, Рыжий, Лабица, а вон и Чудо... А эт-что? — спросил, высматривая вновь.— У них теленок! Смотрите, от Лабицы справа, вон он, вон!..

Радость для всех. Прямо праздничный день!

Не тогда ли окрепла наша старая идея — согнать оставшихся зубров в один загон и охранять их уже в полувольном состоянии? Единственный выход. Вот только удастся ли согнать? Не овцы...

В мае 1924 года Шапошников торжественно зачитал егерям декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об учреждении Кавказского зубрового заповедника». Ко всеобщему радостному чувству невольно примешивалась горечь: не было мира в заповеднике, теперь признанном в правительстве. Шапошников сказал мне позже:

— Все-таки оставили старую формулировку: зубровый. А зубров-то, кажется, уже нет...

— Есть зубры,— поправил я его.— Только бы удалось сохранить их!

— Да-а, сохранить,— молвил он очень горестно.— А знаешь ли ты, Андрей Михайлович, что бело-зеленые вновь активизировались и совершили страшное преступление?..

— Что такое?

— Только что сообщили из Загдана: банда напала на экспедицию профессора Исаева, которую сопровождали егеря нашего восточного кордона. Исаев убит. И еще трое. Доколе же будет?..

Через два месяца после преступления пришла, наконец, долгожданная весть о разгроме штаба бело-зеленых.

Произошло это благодаря смелым действиям одного человека, которому удалось внедриться в руководящую группу лесных бандитов. Он сообщил в Армавир о предстоящей встрече всех главарей бело-зеленых, полковников Козликина, Орлова и Ковалева, которые имели прямую связь с генералами Врангелем и Сергеем Улагаем, находившимися в Париже. Разведчик указал место встречи: хутор Тегинь. Дом, где собрались главари, был окружен. Смелый разведчик погиб во время этой операции, но гибель его одновременно стала и концом организованной борьбы всех бело-зеленых. Банды потеряли управление. Они таяли, исчезали. По горным селениям начались большие аресты укрывавшихся от возмездия.

В августе 1924 года в Армавире состоялся суд над 69 наиболее опасными бандитами.

В горах стало спокойнее. Но выстрелы не прекращались. По дорогам и лесам тихо крались браконьеры.

Мы решили осуществить свое намерение.

Строим на склоне горы Сосняки, в семи верстах от Кишинского кордона, большой загон, размером двести на двести сажен с крепкой оградой. Мечтаем заманить сюда четырех обнаруженных зубров с телком, если не летом, то зимой, когда с кормами будет хуже. В самом загоне у нас посеяна брюква, которую так любят зубры. Мы косим сено и ставим стожки опять же внутри ограды. Настроение приподнятое. Если эти зубры уцелеют и размножатся, то стадо начнет восстанавливаться.

В один из вечеров, когда над Главным Кавказом то и дело вспыхивала безмолвная зарница — эта усмешка неба,— до нас вдруг донесся выстрел, потом еще три кряду. Безмятежность как рукой сняло. Ужели новая банда в верховьях Киши?.. До рассвета все были в седлах. Задоров вырвался вперед.

Он и обнаружил на берегу ручья застреленного быка Чудо, а поодаль — мертвого зубренка с разбитой головой. Сел возле него, руками закрыл лицо и застонал, как от боли. Потом вскочил — и бегом по ручью, куда уходили следы убийц. Мы поспешили за ним.

«Охотники» уже взбирались по боковине распадка наверх. Их было пятеро. Двое добрались до каменного уступа, вот-вот скроются. Телеусов вскинул винтовку и выстрелил. Один на уступе споткнулся, упал. Второй залег и открыл ответный огонь. Трое остальных бросили поклажу.

Их выручила темнота.

Но преследование продолжалось.

На этом заканчиваются записи самого Андрея Зарецкого. Привычный нам почерк в старой тетради с синим переплетом больше не встречается.

Описание дальнейших событий, связанных с заповедником, сделано другим лицом, разными чернилами и, похоже, от случая к случаю.

Кто вел дневник? Прямой ответ мы находим уже в первых строках следующей страницы.

«К запискам моего мужа,— написано здесь,— никто не прикасался почти три месяца, пока жизнь Андрея оставалась под угрозой. Лишь вчера доктор сказал, что опасность удалось отвести. Я вздохнула свободней и позволила себе короткий отдых. Убедившись, что Андрей спокойно спит, отыскала его записи и прочитала вот эту последнюю строчку: «Но преследование продолжалось».

Чтобы не утерялась нить событий, позволю себе уже собственными словами передать трагедию, о которой мне подробно рассказали егеря».

Далее Данута Зарецкая пишет:

Они возобновили погоню рано утром. Прекрасные следопыты, егеря очень скоро обнаружили преступников в пихтовом лесу, тем более что те не могли уйти далеко: несли раненого. Но и сдаваться не собирались.

Началась перестрелка, тот лесной бой, где побеждает не обязательно сильнейший. Вскоре один из браконьеров поднял руки. Каково же было удивление Алексея Власовича, когда он признал в пленнике своего соседа Циркунова! Не стерпел: ударил по лицу что было силы, закричал:

— Ты что же, Матвей, душу продал?!

От него узнали, что в шайке не те, на кого думали, не бандиты, а местные, хамышковские, которых жажда охоты увела в лес, а потом и сделала едва ли не убийцами.

Пленного заставили крикнуть своим, чтобы сдавались. В ответ началась стрельба. Озверели. Браконьеры уходили, огрызаясь. Но они не могли уйти. За лесом шла открытая луговина. Ни укрыться, ни убежать.

Воистину правда: поднявший руку на зверя уже не задумается поднять руку и на человека! Стреляли, ни на что не надеясь. Был ранен Кожевников. Егеря тоже поранили еще одного. Лишь на опушке, поняв, что дальше хода нет, кто-то из негодяев крикнул: «Сдаемся!» Но когда Андрей пошел на них, хлопнули сразу два выстрела, и он упал.

Почему они так поступили, решившись на хладнокровное убийство? Акт отчаяния? Или старые счеты?..

Браконьеров повязали, заставили нести своих раненых, а моего мужа уложили на конные носилки и быстро направились в Даховскую, где был фельдшерский пункт.

Два дня они добирались оттуда до Майкопа. По-видимому, Андрей потерял много крови. Он часто впадал в бес-

памятство. И даже в больнице, куда вызвали меня, он несколько дней не приходил в себя. Пуля прошла через правый бок. Очень опасное ранение и не менее опасная перевозка.

Вместе со мной дежурили друзья Андрея. То и дело прибегал Мишанька, в эти дни он как-то сразу повзрослел.

Он поправляется.

Мы подвозим его в коляске к окну, Андрей смотрит на близкие горы уже в глубоком осеннем убранстве и горестно вздыхает. Изредка, но с каким-то нехорошим постоянством кашляет. Каждый раз это очень мучительно для него.

Доктор сказал мне:

— Прежняя жизнь с разъездами и с ночевками у костра для вашего мужа полностью исключается. Только спокойная работа в учреждении. О заповеднике придется забыть. Подготовьте его к этой перемене в жизни.

Легко сказать — подготовьте. Всякое свидание мужа с Шапошниковым, с друзьями-егерями Андрей начинает и кончает вопросами о зубрах. Задоров рисует ему только благополучные картины. Но я-то знаю: слова Бориса — ложь во спасение. Недавно нашли останки еще двух зубров. Бросили затею с устройством загона. После ранения Андрея у всех опустились руки, исчезла уверенность в сохранении последних зверей. Даже у Шапошникова.

— Поздно,— сказал он мне.— Трагедия любого вида, оставшегося в критическом меньшинстве...

Мне кажется, это понял и Андрей. Дела всей его жизни недостало для преодоления препятствий.

Когда я завела разговор о перемене места, он отнесся к моему предложению с подозрительной апатией, словно раньше меня все уже решил и на все согласился.

— И Мишаньке учиться лучше в Краснодаре,— добавила я для убедительности.

Но могла бы и не добавлять. Он согласно кивнул.

Андрею предложили место в лесном отделе. Согласился без раздумья.

Перед тем как расстаться с Майкопом, мы съездили в Псебай. Встретили нас очень тепло. Большая толпа жите-

лей сопровождала на пути к церковной ограде. Там мы положили на могильные плиты родителей бессмертники.

После этого мы уехали из Майкопа. Проводить нас собрались все егеря. Запряженная коляска стояла во дворе, мы с Мишанькой сидели в ней, Андрей все чего-то медлил.

— Подождите,— сказал он и пошел в сарай, где тревожно ржала уже проданная другому человеку Куница. Я подошла и стала у дверей. Долгих пять минут Андрей прощался со своей Куницей, что-то шептал, прислонившись щекой к конской голове.

Как она ржала и била копытом, когда мы выезжали со двора! Андрей сидел в коляске, закусив губы и глубоко вздохнув, попросил свернуть на городское кладбище. Там мы постояли у могилы Кати и Саши Кухаревичей. Простились...

Первое письмо, полученное нами уже в Краснодаре,— от Бориса Артамоновича Задорова. Не стану приводить его. Скажу только, что написано оно было в самых оптимистических тонах. «Они еще живы, за двумя я постоянно слежу,— писал Задоров.— Они зимуют на склоне горы Алоус».

Письмо датировано июнем 1925 года.

Осенью 1927 года на горе Алоус безвестные пастухи застрелили двух зубров. Об этом узнали через месяц.

Возможно, это были Бойкая и Рыжий. Во всяком случае, зубров здесь больше не видели.

Кавказский подвид зубра, пережив своих беловежских братьев на шесть лет, исчез как дикий зверь с лица земли.

Но где-то жили потомки Кавказа, в жилах которых текла кровь горного подвида.

Часть вторая

ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

Глава первая

Молчаливый Кавказ. Поиски зубров. Сын избирает профессию. Заблуждение егерей. Поездка в родные края. Вести из Москвы. Охотоведческая станция Киша

1

Зубров на Кавказе нет. Нет. Нет!

Но люди, похоже, не замечали этой потери. Мало ли кого нет после такой войны!

Все так же ходили егеря по тропам заповедника, стараясь охранить от злых людей оставшихся оленей, косуль, туров и медведей; перед ними открывались те же красочные просторы альпики, но тоска по утраченному зубру не проходила. Мир казался пустым. Знали, что зубров нет, но не мирились с этим знанием. А вдруг?.. Всякий раз, поды-

мая бинокль, Борис Задоров или Алексей Телеусов надеялись на чудо.

Пожалуй, самым деятельным искателем зубров в конце двадцатых годов был Борис Артамонович Задоров. Он верил в свою удачу. Он спал и видел зубров. Они чудились ему в густой тени пихтарника, среди скал, у солонцов — днем и ночью. Он находил старые погрызы на стволах ильма и осины, шел по едва приметным следам, видел заросшие чесальные горки, натыкался на кости зубров, черепа. Все приметы налицо!

Задоров жил в Майкопе. Молодая жена его с апреля по октябрь видела мужа едва ли две-три недели. Уходил он из дома убежденный в удаче, говорил, что на этот раз он найдет, эт-точно, потому что проникнет в самое-самое... А возвращался потерянный, с потухшим взглядом и сердился, когда кто-нибудь заговаривал о зубрах.

В такие дни он садился писать очередное письмо в Краснодар, как рапорт начальству, хотя Андрей Михайлович Зарецкий уже не был для егеря начальством.

Побыв неделю дома, Борис Артамонович скучнел и вскоре опять исчезал в горах.

Хамышки и дом Алексея Власовича Телеусова были ему по пути, разговоры егерей начинались и кончались зубрами, они усаживались на бревне у дома и молча сидели, прислушиваясь к шорохам близкого леса.

Телеусов поглаживал пепельно-серую мушкетерскую бородку и думал о своем друге Зарецком, который хоть и далеко, а все неотделим от зубров. Вспоминал он и бычка Кавказа, которого они с Зарецким давно-давно увезли в чужие края, с этого самого прибрежного лужка, что напротив дома. А вдруг у Кавказа сохранилось потомство, если самого уже нет? Конечно, нет. Ведь быку сейчас было бы больше двадцати пяти лет. Ну, а если потомки, внуки Кавказа рассеялись по белу свету? Можно выторговать пары две да привезти вот сюда, на Кишу, где бирюком проводит лето Василий Васильевич Кожевников...

С Задоровым он этими фантастическими планами не делился, поскольку и сам не очень верил в них. Был бы Андрей Михайлович при деле, тогда можно попытаться... От него редко залетает письмецо. Справится о здоровье, два слова о себе, поклон от Дануты Францевны... О зубрах не вспоминает, больно ему вспоминать. Чуть не вся жизнь им отдана.

А Борис Артамонович сидел рядом, покуривал и размышлял, какими еще тропами пройти? Он не проникал памятью в далекое прошлое, находясь во власти одного устремления — отыскать уцелевших зубров. А вдруг они перевалили через хребет и затаились в пихтовых лесах у озера Кардывача? Именно там в 1925 году браконьеры убили зубра.

Уговаривать старого егеря он воздерживался. Два раза они ходили вместе с Телеусовым. Облазили Шишу, Бамбак и Агише, а во второй — сопровождали ученых из Москвы, которые тоже приехали искать. Тогда с ними был и знакомый Филатов, потом еще один профессор, по фамилии Розанов. Вместе с заместителем Шапошникова по науке Александром Гунали они исходили заповедник вдоль и поперек. Ничего не нашли, но с десяток волков постреляли, их расплодилось так много, что людей не боялись.

— Слышь, Власович, что мне Шапошников сказывал? — Задоров щелчком отбросил цигарку.— Говорит, что к ним запрос пришел, чтобы продали за границу несколько наших зубров.

— А то не знают...— начал было Телеусов.— Кто такие?

— Есть Международное общество сохранения зубров. Всех зубров, какие есть, записали в книги и глаз не сводят. Эт-так Христофор Георгиевич сказывал. Президент того общества, по фамилии Примель, послал письмо в Москву. Ему ответили, что на Кавказе зубров нету. А я вот не верю!

Телеусов промолчал. Он опять подумал о быке Кавказе и его потомках. Если всех зубров записали, то уж и этих потомков не обошли. Как бы узнать?

И вдруг неожиданно сказал:

— А я, пожалуй, составлю тебе компанию, Борис. Вдвоях-то веселей. Куда ты надумал иттить?

— Начнем с лагеря Исаева. И до Березовой, до Сочинки.

Прежде чем лечь, Алексей Власович продиктовал Задорову письмо в Краснодар, Андрею Михайловичу Зарецкому, с просьбой узнать, что там этот Примель — или как его? — в самом деле записывает зубров по всей Европе или нет? А если записал, то не нашлось ли сыновей или внуков Кавказа, их крестника, пойманного, если Андрей Михайлович еще не забыл, в одна тысяча девятьсот девятом году на Кише...

2

Тяжелое ранение, затяжная болезнь и отлучение по этим причинам от дела, с которым Зарецкий связал лучшие годы своей жизни,— все оставило глубокие шрамы в его душе. Он не слишком замечал перемены в своей внешности, как не замечаем мы все, старея и меняясь, потому что ежедневно видим себя в зеркале, а постепенность скрашивает и не такое. Данута не имела желания говорить на эту тему.

Старели, жили тихо, оба работали и все житейские неприятности с лихвой перекрывали взаимной любовью и заботой, которая отмечает удачные семьи.

У них рос сынок, он повторял их самих в юности. Достаточное вознаграждение за старость.

Трехоконный дом их стоял недалеко от кубанского затона, длинной петлей завернувшего на городскую окраину у старого казачьего укрепления, где теперь была больница и здание бывшего городского головы.

Из двух окон дома и с террасы на западной стороне открывался хороший вид. Берег круто падал, внизу зеленели сады, а поверх их виднелся заречный простор. Когда заходило солнце, на том краю степи рельефно возникали горы.

Андрей Михайлович мог часами смотреть на голубой Кавказ, где провел счастливые годы своей жизни. Лицо его с высоким лбом, на который падала прядка белых волос, выражало в такие минуты отчаянную тоску. Он никогда не жаловался, ничего не говорил жене, но она все замечала и тоже переживала тайную печаль мужа. Город так и не заменил им лесных уголков Кавказа.

Письма Бориса Артамоновича он читал по многу раз. Как и Задоров, надеялся в душе, что зубры отыщутся.

С великой надеждой встречал у себя Шапошникова, чаще других посещающего город. Усадив гостя, он прежде всего просил: «Рассказывайте...» — и слушал, не сводя глаз с директора. Все знал, что происходило в заповеднике. К сожалению, дела там шли не блистательно. Оправдания, конечно, находились. Страна залечивала военные раны, планы развития только намечались, денег и сил не хватало. Заповедник во всем ощущал нехватку. Ну что такое для трехсот тысяч гектаров семнадцать лесных сторожей, как теперь именовались егеря? Мог ли этот «полувзвод» всерь-

ез бороться с незаконной охотой, поддерживать в порядке кордоны, тропы и дороги, учитывать дикого зверя?

Когда пришло письмо из Хамышков, в доме Зарецких как раз сидел Шапошников — старый, хмуро насупившийся и раздраженный. Отпив два глотка крепкого чая, он как-то очень резко отодвинул чашку и сердито сказал:

— Не могу спокойно говорить с ними! Доводы — как о стенку горох! Неизлечимая глухота, когда дело идет об охране природы.

Директор только что пришел из областного Совета, где «деловые люди» высказали ему очередное неудовольствие работой заповедника: почему директор сам не находит денег для охраны, не проявляет хозяйственной инициативы, не продает населению лес, дранку, сено, не сдает в аренду выпасы.

— И это твердят мне работники Главприроды! — возмущенно выкрикивал Шапошников за столом.— Я настаиваю на развитии науки в заповеднике, толкую о неприкосновенности его богатств, об охране, устройстве станций для студентов и ученых, а мне вбивают: пили лес, продавай дранку, сдавай луга для скота. Черт знает что! Уйду я, Михайлович, не могу. Согласиться, что заповедник — источник материальной выгоды? Это прежде всего эталон дикой природы, лаборатория для ученых!

— Да-да,— Зарецкий согласно кивал.— В декрете Совнаркома еще в 1921 году прямо записано: земли под заповедниками и национальными парками не могут быть обращены под обработку или разработку естественных богатств без разрешения народного комиссара просвещения...

— Знай свое твердят: власть на местах! Областной межведомственный комитет по охране природы не в силах противостоять нажиму станичных и адыгейских общин. Они требуют выпасов на заповедной территории. Станицам нужен лес, пихта, она тоже в заповеднике. Менять границы? Да сколько же можно? Уже меняли!

Шапошников крупно вышагивал из угла в угол, постариковски горбясь.

— А что зубры? — спросил Зарецкий.— Теплится надежда...

Директор как-то странно посмотрел на него. Разве не знает?

Он остановился у открытого окна. За Кубанью синели

горы, маняще-таинственные, далекие, сказочные. Постояв так и несколько успокоившись, Христофор Георгиевич сказал, не отрывая глаз от зубчатых гор:

— Уйду я. Нету моих сил. Но без борьбы сохранить заповедник для потомков нельзя. Устал я от этой борьбы. Или уже старость?..

— У меня письмо от наших егерей. Хотите, прочитаю? Интересное письмо, новая мысль.

Шапошников подвинул к себе остывший чай, большими ладонями обнял чашку и не шелохнулся, пока Зарецкий не кончил читать. Спросил:

— Телеусов сочинил?

— Писал Задоров. Но мысль Телеусова.

— А что? — Директор откинулся на спинку стула.— Идея носится в воздухе. Я напишу Григорию Александровичу Кожевникову, профессору Московского университета, думаю, сообщит о быке Кавказе и его потомстве. Если говорить о восстановлении стада, то нам нужны зубры только с кавказской кровью, потомки Кавказа. Вот проблема, а?

Он повеселел. Еще поговорили. К ним присоединилась Данута. Вспомнили Псебай, Майкоп, Кишу.

— А где же Мишанька? — спросил гость.— Давно не видел добра молодца.

— Время, время,— вздохнула Данута.— Имя Мишанька к нему уже не подходит. Теперь Миша, Михаил. Закончил десятилетку, проводили в Москву. Бредил университетом. Одно на уме: работать со зверями. Волнуемся, ждем вестей.

Данута быстро поднялась, вернулась с фотографией.

— Вот какой, гляньте! — с гордостью произнесла она.

На директора с фотографии смотрел... молодой Андрей того счастливого для него года, когда он встретил Дануту. Так походил на отца! Крепкий, белолицый, голубоглазый, со взглядом мягким и мужественным, готовый к деятельности.

— Вылитый отец,— подсказала Данута.

— Ну, и от мамы кое-что,— поправил гость.— Ласковые ваши глаза, Данута Францевна. Итак, зоолог? Пожелаем ему удачи! Вдруг продолжит наше дело, а?..

3

Экзаменовал поступающих сам Григорий Александрович Кожевников, профессор удивительно благожелательный, наделенный особенным чутьем к тем молодым людям, для кого природа — храм науки. Умел отбирать самых увлеченных, незаурядных — будущих ученых.

Перед ним предстал взволнованный Миша Зарецкий.

— Как, как вы сказали? — переспросил профессор.

Зарецкий? Уж не сын ли тому Зарецкому, с которым Кожевников еще до войны состоял в переписке? В недавнем письме директора заповедника снова упоминается Зарецкий. Профессор спросил:

— Вы из Краснодара? Ваш отец служит в заповеднике?

— Служил. После тяжелого ранения врачи запретили ему...

— Печально,— сказал Кожевников и повторил: — Печально. Я так понимаю, что вы собираетесь по стопам отца. Верно?

— Да, профессор.

— А зубров-то и нет.

Лишь недавно он сочинял ответ президенту Международного общества сохранения зубров доктору Примелю, в котором уведомил, что на Кавказе подвида Bos bonasus caucasicum больше не существует. После письма от Шапошникова он снова обратился к Примелю уже с просьбой узнать о судьбе Кавказа и сообщить, нельзя ли приобрести несколько особей этого подвида для восстановления горного стада. Ответа пока не получил.

— Ну-с, молодой человек,— начал профессор,— расскажите-ка о себе и что там на Кавказе...

Кожевников явился на заседание приемной комиссии со списком в руках. Там он сказал, что будет рад увидеть Зарецкого в числе слушателей факультета зоологии.

В Краснодар полетела телеграмма: принят!!!

Спустя неделю сын вернулся в родительский дом, чтобы вскоре отбыть в Москву уже надолго и всерьез.

Перед отъездом отец подозвал Мишу к открытому окну и сказал, показывая на далекие горы:

— Там твоя родина, сынок. Что бы ни случилось, вернись туда. Там ты будешь нужен. Твой отец не сумел завершить дело своей жизни. Попробуй ты, коли выбрал

дорогу, по которой не очень удачно прошел я. Зубры, владыки гор...

Дом опустел. Зарецкие по утрам уходили на службу, вечером гуляли, говорили о сыне, но Данута Францевна знала, о чем еще постоянно думает муж. Как и Задоров, он надеялся, что где-то сохранились зубры. А если и нет, то не отказывался от другой возможности — отыскать потомков Кавказа в европейских государствах, приобрести их и размножить в местах прежнего обитания. Молодой Зарецкий в Москве мог стать полномочным послом для разрешения этого дела. Он будет рядом с учеными крупнейшего университета, выяснит местообитание потомков Кавказа, чтобы хлопотать о приобретении их.

Однажды утром нежданно-негаданно в дверь их дома постучался Задоров.

Ему открыл хозяин. По лицу Бориса Артамоновича не трудно было понять, что в заповеднике какое-то событие. Зарецкий только успел поздороваться, а егерь уже вытащил письмо.

— Вот. Эт-срочно.

Едва вошедши в комнату, Андрей Михайлович взялся читать не очень разборчиво написанные листки, автор которых так и не смог осилить грамматики.

«Мы ходили втроях и при ружьях,— писалось там,— и верстах в пятнадцати от Баговской, где доси проживаем, и вот тама выследили у дубняка быков-зубров, которые живые здоровые, их было трое, и хотели сперва стрелить, да тута вспомнили нащот пропечатанного в газетах объявления, касаемо премии в пятьсот рублей кажному трудящему, который покажет живого зубра в горах. Пишет вам Поликарпов сын Сергей, по фамилии Фомкин, а два сподручника остались караулить тех зубров. Ежели нащот премии так и правда, присылайте комиссию, при деньгах чтобы, я поведу до зубров, как законно открытых и задержанных в лесу.

А ежели денег при вас не будет и газета пропечатала для соблазну, тех зубров мы добудем сами, потому как кожа в цене, да и мясо».

Прокашлявшись, Задоров сказал:

— Эт-письмо получил Бойко, председатель Лабинского союза охотников. В Баговскую поехали директор с заместителем, а меня послали до вас, говорят, дело важное.

Данута стояла рядом с мужем. Он передал ей письмо. Подумав, спросил Задорова:

— Когда поезд на Армавир?

— В одиннадцать. Нарочно посмотрел.

— Ты что задумал, Андрей? — спросила Данута.

— Мы поедем с тобой,— спокойно сказал ей Зарецкий.— Это прогулка. Собери все для дороги. Успеем. Борис, дорогой мой, это действительно важная весть. Ты, конечно, с нами?

— А как же! Раз такое дело... Сколько искали! А тут, пожалуйста, какие-то любители денег. Да еще с такими угрозами.

Данута не спорила, не отговаривала. Робкая и сладкая мысль вошла в ее душу: вдруг на пользу мужу?.. Родные места, встреча со старыми егерями, с лесом. В памяти оживет очень многое. Уверует в себя, и забудется его болезнь, как случается при радостных переменах.

Вокзал, пыльный вагон, давка. Андрей Михайлович сразу улегся на лавку. Но к вечеру поднялся, пришел в себя. А на другой день он и вовсе подобрался и уже не отходил с Данутой от окна.

Поезд ходил уже до Лабинска. Их там должны встретить. И в самом деле, встретили и повезли в удобной коляске по ровной, хотя и пыльной дороге, на которой ветер крутил золотую солому и ячменные остья. Шла уборка, пахло спелыми яблоками и хлебом. Светило негорячее солнце.

Шапошникова и его заместителя Гунали они нашли в Баговской. Оба выглядели уставшими, виноватыми и злыми.

— Блеф! — коротко произнес директор.— Напрасно обеспокоили. Простите меня, Данута. У этих горе-следопытов деньги глаза застили: три отбившихся от стада бычка швицкой породы дикими зубрами им показались. Идиоты!

Задоров сжал кулаки. Рухнула и эта надежда. И Зарецкий обмяк, беспомощно улыбнулся и виновато посмотрел на жену.

Шапошников торопливо сказал:

— Раз уж вы приехали, так давайте ко мне в Майкоп. Старых друзей повидаем, да и старые могилки тоже... Как вы, Данута Францевна? Отлично, я так и думал, что согласитесь.

4

Большая компания, отдохнув в саду у гостеприимного станичника, спокойно обсуждала вновь отодвинувшуюся проблему зубров.

— Двух мнений быть не может,— твердо заявил Шапошников.— Дикие зубры на Кавказе исчезли. Утрата невозвратная. Остался один путь для сохранения вида: отыскать зубров в зоопарках и привезти сюда для размножения. Ты что, Задоров? Похоже, съесть меня собираешься?

— Зубры живут на Кавказе, эт-точно. Буду искать.

— Вот когда найдешь, я сам приду к тебе с повинной, и делай со мной, что душа твоя пожелает. А пока... Я был на Первом Всероссийском съезде по охране природы. Его провела Главнаука. На съезде присутствовал Петр Гермогенович Смидович, член Президиума ВЦИК. Доклад делал Николай Михайлович Кулагин. Он упоминал и о зубрах. Потом мне удалось поговорить со Смидовичем. Он так сказал: «Раз утеряли, надо покупать в Европе».

— А деньги? — спросил Зарецкий.— Ведь это золото.

— Конечно, трудности немалые. Студенты уже создают фонд...

— Трудность не только в деньгах,— перебил его Зарецкий.— Зубра из Швеции или Германии, даже из Беловежской пущи сразу на Кавказе не выпустишь, не скажешь: «Беги, играй!» Новая среда обитания. Вопросы акклиматизации. В зоопарках они одомашнены, полуручные. А тут горы, скалы, снежные зимы, бешеные реки. Их годами придется держать в загонах. Равнинный подвид будет с трудом приживаться у нас. Только потомки Кавказа!

— Я собираюсь в Москву,— сказал Шапошников.— Попробую доказать, что надо создать на Кише научную базу, пригласить туда ученых. Вся проблема по силам только зоологам.

Скрипнула садовая калитка. Задорова так и подбросило с места. В следующую минуту он уже обнимал Василия Васильевича Кожевникова, своего приемного отца.

— Насилу нашел,— пробасил тот, растроганно облапив Бориса.— Ну, здравствуйте, господа-товарищи егеря! Здравствуй, Андрей Михайлович, сто лет не виделись. Почтение вам, Данута Францевна! Что же вы без Мишаньки? В Москве?! Эка пошел наш вьюноша!

Если кого и щадило время, так это Василия Васильевича. Он был старше всех собравшихся. Но его крупное лицо, по-прежнему заросшее по самые глаза, оставалось гладким, розовым, только седина густо пошла по голове и бороде. И голос свой рыкающий он сохранил. И стать добра молодца.

Как обрадовался этой встрече Зарецкий! При виде бравого Кожевникова все прошлое ожило с новой силой. И фронт, и походы в горах.

— Прознал через людей, что вы тута, и подумал: дай-ка пробегу да встрену. Лексея нам бы за стол — и вся старая охота в сборе.

— Где сейчас Телеусов? — спросил Зарецкий.

— В Хамышках, вот Борис ходил с им, привидениев искали.

— Зубров?

— Ну! На четвереньках от Сенной до Чугуша проползли. Нету зубра, а заповедник живет, Андрей Михайлович. В кишинской моей волости сотни две олешков бегает. А туров!.. На Слесарной, Ачишбоке, на Бамбаке все скалы ихние.

— Дорога туда как? — спросил Зарецкий.

— Коляской можно.

— Тогда я буду просить вас...— Андрей Михайлович посмотрел на Шапошникова, на Дануту. Она с признательностью тронула его руку. Быть рядом с Псебаем — и не побывать на родном пепелище...

5

Псебай удивил и огорчил Зарецких.

Поселок стал районным центром. По улицам деловито вышагивали очень занятые люди с папками в руках, из окон слышался треск конторских счетов и звонки телефона. В нижней части строили большое предприятие для переработки леса. Говорили, что начинают рубить пихту и бук за поселком Соленым, что поведут узкоколейную дорогу до Большой Лабы. О том, что вся эта деятельность рядом с границей заповедника, никто не вспоминал.

В бывшем доме Зарецких помещалась одна из контор, двор оказался разгороженным, в саду громоздились штабеля ящиков, все вокруг выглядело пыльным, неприкаян-

ным. Зелень отступила под напором людей, а сами люди были незнакомы. Жизнь началась как бы вновь, и эти перемены горько отозвались у Зарецких необъяснимой печалью.

Не сохранились и родительские могилки, как не сохранилось и само кладбище, и ограда, и вязы с липами. Плиты вросли в землю среди густого репейника, многих надгробий не оказалось на месте. Новое поколение псебайцев не жаловало историю. Для них история начиналась в день собственного приезда. Что было до этого дня — забыто.

Поклонившись месту, где прах родителей, Зарецкие уехали из родной станицы, сделавшейся незнакомой.

До Майкопа добирались долго, но, когда увидели, наконец, город, какой радостью повеяло от зеленых и чистеньких его улиц! Выходит, и при бурной стройке можно сохранить природную красу и тихую прелесть обжитого многими поколениями края! Каким солидным показался им двухэтажный дом, где находилось теперь Управление заповедника! Директор собрал здесь большую библиотеку, перетащил и многое из своих личных коллекций, даже знаменитое кресло, собственноручно сделанное целиком из рогов оленей, сброшенных по весне. На письменном столе в кабинете, как воспоминание и как завет для всех входящих, стояла бронзовая фигура зубра, выполненная несомненно способным скульптором.

Шапошникова ожидал телеграфный вызов в Краснодар. Прочитав бланк, он насупился, сказал Зарецкому:

— На крупный разговор. Боюсь, на последний. Весной я дал указание не пускать овец и молодняк из станиц на альпийские луга. Туда выходят серны, олени. Еще не хватает новой эпизоотии. Полетели жалобы. Я, видите ли, мешаю развитию скотоводства. Словом, не в ту сторону иду.

Он уехал. Зарецкие остались в его просторном доме, куда на лето приехали дочь и сын директора, студенты. Они неделями пропадали на горных тропах, оба пошли по отцовской линии.

Христиан Георгиевич отсутствовал больше недели. Зарецкие успели перебраться к старым своим знакомым, решив дождаться Шапошникова, чтобы не разминуться в дороге.

Слух об Андрее Михайловиче дошел до Телеусова. Старый егерь собрался и одолел путь до Майкопа за два дня.

Увидел — и не удержался, всплакнул. Признался, что время его прошло, работается все труднее, побаливает «в грудях», одним словом, он собирается покинуть службу. Но пока что заботится о зверях, которые мечутся ныне между двух огней — между волками и браконьерами. Когда болезнь отпускает, он винтовку за спину и на лесные тропы. О своем письме до поры не спрашивал. Ждал, что скажут сами. Но Зарецкий не говорил о зубрах.

Христиан Георгиевич ворвался к ним прямо с дороги, небритый, чего с ним никогда не случалось, с растерянными глазами, смятенный, даже испуганный. Сказал резко:

— Все! Будем прощаться с заповедником.

— Что произошло? — Зарецкий усадил его.— Пожалуйста, успокойтесь. Обсудим, подумаем.

— Старая история, Андрей Михайлович. Они хотят, чтобы я превратил заповедник в доходное предприятие. Хотят, чтобы биолог Шапошников закрыл глаза на охоту, на зверя. А он отказался! На него кричали. Но и он может прикрикнуть! Его пугали. Но он не из пугливых! Ну и сняли, как говорится, с треском. Да еще какими-то выводами пригрозили. Вот и пришлось хлопнуть дверью.

Он опустил голову и тяжело задумался. Когда гнев отошел, Шапошников увидел тихо сидевшего Алексея Власовича Телеусова.

— Ты очень кстати здесь, наш дорогой пантеист[1],— сказал он и озабоченно ощупал карманы куртки, набитые бумагами.— Где-то у меня ответ на твое письмо. От профессора Кожевникова. Прочтем? — И полез в нагрудный карман.— Значит, письмо... Могу прочесть? Начало опускаем, тут разное такое. Где это о вашем быке Кавказе? Ага, вот. «Сообщаю, что единственный чистокровный бык горного подвида Кавказ без видимой причины пал в феврале 1925 года в зубровом парке Бойтценбург. Но он успел оставить довольно большое потомство. Из шестидесяти сохранившихся зубров, которые жили и живут в Германии, Швеции, Англии и Польше, около двадцати принадлежат к кавказской линии, и почти все имеют одну вторую или одну четвертую часть крови Кавказа. Только в Гамбурге с 1911 по конец 1920 года у Кавказа и беловежской зубрицы Гарде родилось три бычка и две коровы, среди них зна-

[1] Пантеист — человек, обожествляющий природу.

менитый Гаген, отец быков Боруса и Шаляпина, ныне здравствующих.

Потомки Гагена и Шаттена через одно поколение дали теперь жизнь очень интересному зубру, который получил кличку Бодо. Этот правнук Кавказа, на мой взгляд, особенно перспективен для воссоздания новой кавказской линии. Бодо прожил два года в Бойтценбурге, сейчас его купила фирма Руэ-Альфред. У этой фирмы в 1927 году Аскания-Нова приобрела зубра Альфреда. Недавно асканийский Альфред, как сообщил профессор Фортунатов, пал. Не сумеют ли они приобрести Бодо? Кроме Альфреда, там побывало еще несколько чистокровных зубров, так что у нынешних асканийских гибридов есть и беловежская, и кавказская кровь — ценнейший материал для накопления желательных признаков.

Мы делаем все возможное для нового появления зубров на Кавказе. Восстановлением утерянного в войну равнинного зубра занимается в Польше Ян Жабинский, автор первой Международной племенной книги зубров. Пора начать эту работу и у нас. Естественно, в Аскании-Нова...»

Опустив листки, Шапошников уставился на Зарецкого.

— Тебе начинать, Андрей Михайлович,— сказал он.

— Был бы я моложе да покрепче... Вот Гунали, пожалуй?.. И вы, конечно. Без вас трудно заповеднику.

— Я уже не в счет. Отлучение состоялось, есть приказ. Еще и под суд могу угодить, как непослушный руководитель. Поеду в Главнауку отстаивать заповедность, но никак не свою должность. Директор будет новый. И я ему помогу, если он примет мою помощь. Последний, так сказать, долг перед Кавказом.

6

Зарецкий все еще медлил уезжать из Майкопа. Такое трудное время! Над заповедником нависли тучи.

Из Москвы Христиан Георгиевич прислал Андрею Михайловичу — именно ему! — телеграмму: «Принято решение создать на Кише охотоведческую станцию тчк Выезжает группа ученых тчк Сообщи Гунали для подготовки помещений тчк Оборудование получено зпт через банк перечислены деньги тчк Руководитель зоолог Насимович тчк Окажи помощь трудные дни тчк Шапошников».

Данута не знала, что и делать. Она уже настроилась на решительный разговор с мужем. Загостевались, пора и честь знать. Дом в Краснодаре пустой, они оставили работу... А тут эта телеграмма, вроде уже Зарецкий опять в заповеднике. Она просто обязана настоять... Но стоило ей понаблюдать за мужем, как ее решимость таяла. Какой волей и азартом светились глаза Андрея, как выпрямился он, каким деловым шагом заходил! О болезни — ни слова, покашляет утром, да и то, похоже, по старой привычке. Ясно, что ему здесь лучше.

Стояла ранняя осень, не такая жаркая, как в Краснодаре, из горных лесов потягивало бодрой прохладой. И все это — причастность к заповеднику, просьба о помощи, старые друзья — опять поставило Зарецкого в центр событий, вернуло в пору творческой силы; родилась вера в себя, заинтересованность в происходящем. Даже разговоры о якобы сохранившихся зубрах находили отзвук в его сердце.

По вечерам, перед сном он расхаживал из угла в угол, руки за спину, с лицом задумчивым и озабоченным. Данута только посматривала на него. И вот однажды, померяв так-то комнату, он остановился у окна и тихо сказал:

— Здесь надо работать, вот о чем я все время размышляю, Данута.

— Тебе работать? — спросила она, приподымаясь.— Почему тебе?

— Егерям! Всем порядочным людям. Прежде всего нашему Мише, как только закончит учебу.

Она не нашлась что ответить.

Встал он чем свет, сходил в местное лесничество и решил там какие-то служебные дела по своему ведомству. Завернув в Управление заповедника, он первым делом спросил у Телеусова, какая сейчас дорога на Кишу.

— Через Сохрай нельзя проехать, Михайлович, воды в низинах множество, прямо топь. Ну а ежели в Хамышки, то посуше, зато опасней в ущелье. Там и телегой можно, только у Даховской моста еще нету, брод. Сейчас-то мелко. А ну задождит?

— Гунали поехал в Кишу?

— Вчерась, как все сготовили в дорогу. И Кожевникова забрал, и плотников. На осьми вьюках повезли, чтобы строить для научников. Може, ко мне рискнешь? Поживите с Данутой на свежем воздухе. Мы коляску раздобудем,

тихо-гладко поедем. Вон какая погода солнечная. У нас благодать, как хорошо!

— Ты с Данутой потолкуй,— дипломатично ответил Зарецкий, хотя решение поехать вместе с учеными, которых ждали со дня на день, было уже неодолимым. Пусть начало подвижнического труда этих ученых не омрачится каким-нибудь опасным происшествием. Он может помочь им, передаст опыт. Ведь он так много знает о Кавказе!

Данута встретила мужа строго и отчужденно. Видимо, разговор с Алексеем Власовичем уже состоялся. Молча собрала она на стол, молча села напротив.

— Ох, Андрей,— сказала она вдруг совсем не то, что хотела сказать.— Ты так рискуешь!

— С тобой — хоть в ад! — весело отозвался он, поняв, что жена согласна.— Не одни едем. Молодежь едет, веселый народ. Нам ли с тобой бояться!

— Но не дольше недели, с таким условием. Я хочу домой. Жду писем от Миши, он тоже заждался ответа, волнуется.

— Хорошо, на неделю,— легко согласился Зарецкий.— И тогда домой. Нет, не так я выразился: в Краснодар. А там видно будет, правда?

Глава вторая

Потомок «Кавказа» в украинских степях. Владыка гибридного стада. Приезд профессора Кожевникова. В Аскании-Нова. Майкопские встречи. Кишинский кордон. Старые друзья вместе. Научная станция. Дети Бодо

1

В теплый сентябрьский день 1933 года ученые Аскании-Нова собрались у главной конторы: ждали со станции первого зубра кавказских кровей, правнука самого Кавказа, трехлетнего Бодо.

Аскания-Нова купила быка у фирмы Руэ, не постояв, как говорится, за ценой. Интересно, каков этот иностранец русского происхождения...

После гибели зубра Альфреда в заповеднике осталось более тридцати зубриц и зубробизонок и ни одного чисто-

кровного зубра! План восстановления вида, а точнее, выведения условно чистых зубров методом поглотительного скрещивания, который настойчиво проводился в жизнь Борисом Константиновичем Фортунатовым, Александром Александровичем Браунером и Сергеем Николаевичем Боголюбским,— этот план находился под угрозой. Близкородственное разведение зубробизонов неизбежно вело к вырождению.

С прибытием Бодо возникала надежда прилить свежую кровь в стадо, повысить степень чистокровности по кавказскому зубру.

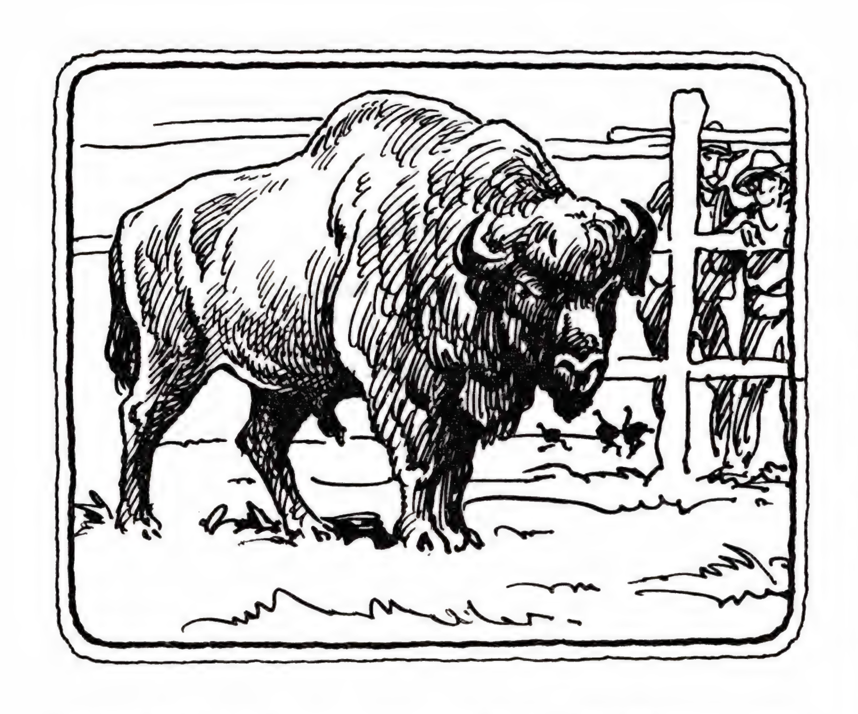
С трудом сохранив небольшое число гибридных зверей в годы гражданской войны, асканийские ученые за короткий срок увеличили это стадо во много раз. Заповедник уже продавал своих зубробизонов и бизонов в Англию, Германию, в зоопарки своей страны. Но все они были либо детьми и внуками беловежцев, либо гибридами с примесью бизонов.

И вот первый представитель горного подвида...

Подымая облака пыли, по узкому проселку прошла кузовная машина с высоким и длинным ящиком на расчалках. Из переднего люка ящика на ровную серовато-зеленую степь усталыми глазами взирал молодой зубр. Широкий лоб с курчавой шерстью был густо запылен. Особого интереса к новым местам Бодо, пожалуй, не проявлял. Людей он одарил сердитым взглядом и попятился в своей клетке.

Ящик спустили по бревнам и поставили задней стороной вплотную к узкому входу — струнке в углу загона, окруженного высокой жердевой оградой. Рабочий с ломиком забрался на ящик и отодрал всю заднюю стенку. Она упала, обнажив густо запачканную навозом внутреннюю сторону.

Бодо осторожно попятился в пролом. Никто не кричал, не понукал его. Зубру с трудом удалось развернуться в узком месте. Перед быком оказался коридор с зеленой незатоптанной травой. Нос уловил незнакомые, сухие запахи степи, полыни, ковыля, какой-то особенный воздух. Он оглянулся. Несносные люди толпились по ту сторону ограды. Щелкали затворы фотоаппаратов. Хвост у зубра поднялся. Горячее желание ринуться в атаку наполнило его. Но тут ветерок донес аромат свежей, чуть привяленной овсяницы. Гора аппетитной, только что скошенной

травы лежала в тридцати шагах от него. Зубр был голоден, голод пересилил ярость. Бодо подошел, понюхал траву и, уткнув морду в рыхлый стожок, с наслаждением захрустел травой.

Насытившись, зубр отошел от травяного стожка и, обнаружив рядом земляную пролысину, гребанул по ней передним копытом. Поднялась пыль. Он опустился на колени, потом повалился и всласть покатался с боку на бок, временами быстро вскакивая, чтобы отряхнуться, подергав всей кожей. Зуд утихал, ему захотелось размяться. Он крупной рысью помчался вдоль всех четырех сторон загона. Увидев людей, круто свернул на них и неожиданно ударил лбом и рогами по жердям. Ограда устояла, и Бодо, сорвав на ней злость, отправился к пыльной плешинке поваляться еще раз.

Еще побегал, изучая новые запахи. Почуял незнакомых зверей в степи. Нашел корыто с проточной водой, осторожно попил солоноватой, незнакомого вкуса воды и опять побежал.

Завечерело. Повеяло мягкой прохладой. Бодо остановился и надолго застыл как изваяние.

Красивый бык!

Даже когда Бодо стоял, его фигура не теряла подтянутой боевитости, он выглядел застывшим порывом, взведенной пружиной. Боец, готовый к немедленным действиям. Чуть опущенная морда и всевидящий взгляд исподлобья, широченная волосатая грудь, вздыбленный бугром загривок, черно-коричневая в заметных завитках шерсть, которая все же не скрывала железно-выпуклых мускулов, толстые, крепкие ноги — весь облик Бодо вызывал в памяти мысль об ископаемых громадах, о животных — исполинах прошлого, тех времен планетной юности, когда мощь, подвижность и воинственность являлись обязательными условиями для продолжения рода.

Налитое тело, быстрая реакция, подвижной черный нос, улавливающий самые малые запахи, чуткие уши и короткие черные рога — все выдавало в нем существо, умеющее постоять за себя. А ведь это был прирученный зубр, третье поколение выросших в неволе. До чего же сильно и неистребимо дикое начало в звере, если ни время, ни властный человеческий характер не смогли сделать из правнука Кавказа послушного домашнего животного!

Ему захотелось лечь. Он походил по загону и, облюбовав тенистую площадку под акациями, опустился, поджав под живот ноги.

Солнце село. Небо в степи темнело быстрей, чем в лесах на побережье Балтийского моря, откуда его привезли. И не холодало, как там. Все это было непривычно, но усталость брала свое. Бодо опустил морду и задремал.

Во сне он не потерял контроля за окружающим. Где-то заржали кони, звук не обеспокоил, не вывел из оцепенения. Донеслись голоса людей, смех. Пролаяла собака, достаточно далеко, чтобы не обращать на нее внимание. Сон становился более глубоким. Возникло что-то странное, обращенное внутрь, смутно осознанное. Вдруг увидел он огромные камни и лес, вздыбленный к самому небу, а то и падающий в пустоту, на дне которой гремел кипучий поток. И белые вершины увидел, откуда текла свежая прохлада. И шорох высоких, пахучих деревьев. Из каких далей памяти возникла картина природы, среди которой жили его предки?..

Но явление возникло и взволновало, потрясло уснув-

ший мозг. Бодо вскинул морду и в следующее мгновение уже стоял на ногах, вслушиваясь в ночь. Окрестность дышала черным безглазым покоем, южной негой, теплом неостывшей земли. Сильно пахли акации, горьковатый привкус увядания щекотал ноздри. Бодо постоял и лениво отправился к куче знакомой травы. Порывшись в овсянице, он начал жевать — неторопливо и без особого удовольствия, просто потому, что было часа четыре утра — время, когда зубры привыкли выходить на пастбища.

В домах за оградой стали появляться огоньки, из труб потянуло дымом. По степи недалеко от загона пробежал табунок зверей с твердыми копытами. Бодо прислушался, не понял, что там за животные.

Немного позднее ему набросали через ограду свежей травы, просунули корыто с мелко изрубленной свеклой и дробленой пшеницей. Ешь не хочу! Бодо дождался, пока рабочие отошли, и тогда еще раз хорошо поел. Ощутив избыток сил, он пробежался до своего водопоя и вокруг загона.

Так началась его жизнь на новом месте.

Менялись дни, после тепла пришли нудные дожди. Бодо с удовольствием стоял под тихими струями и только что не покряхтывал, словно в бане. Шерсть на нем отмылась, приобрела шелковистый блеск. Исчез противный запах дороги, дыма, очистились ноги. И когда вдруг сильно похолодало, он принял зиму как должное. Лежал и чаще подремывал. Карантин всегда скучен.

Вот тогда впервые Бодо увидел по ту сторону ограды коренастого, бородатого человека в железных очках, а около него пятерых людей помоложе. Потом он видел их чуть не каждый день, они подолгу наблюдали за зубром, но не дразнили близостью. Пожилой что-то говорил, юноши записывали. Приходили они и утром, и к вечеру. Иногда с ними приходил громкогласый большой человек, умеющий раскатисто смеяться. Это был директор Аскании-Нова. После ухода людей Бодо стал обнаруживать у ограды куски соленого хлеба и не без удовольствия съедал их.

У пожилого был глуховатый, добрый голос. Своим спутникам он говорил:

— Вот он, кавказец. Его не спутаешь ни с равнинным зубром, ни тем более с бизоном. Экстерьер иной.

— Цветом и статью он похож на беловежцев, Григорий

Александрович. Чучела в нашем музее точно такие,— не соглашался один из молодых.

— Зарецкий, сравните его не с чучелами, а с Жахом, со старым Васькой в Буркутах, где находится все стадо. Бодо меньше их, выше на ногах. У него нет глубокого перепада от загривка к шее. Вы не видели диких кавказцев, когда бывали с отцом в горах?

— Нет, профессор, я не видел зубров близко, хотя и порядочно жил на Кише.

— Набирайтесь впечатлений, пока потомок Кавказа Бодо перед нами. Не отсюда ли начнется новое кавказское стадо?

Профессор Кожевников приехал с молодыми аспирантами в Асканию-Нова, как только сообщили, что Бодо у них. Руководитель кафедры забрал в эту поездку и Михаила Зарецкого, который уже работал в аспирантуре. Этот юноша не скрывал своего желания посвятить жизнь Кавказскому заповеднику.

При первой встрече с Фортунатовым и Браунером Зарецкому предложили поработать в архиве заповедника, разобраться в родословной каждого зубробизона. Все понимали: с прибытием потомка горного подвида начинается новая страница в печальной судьбе зубров. Чтобы не допустить ошибок, требовалось точно знать родословную каждого гибрида.

Молодой Зарецкий начал не на пустом месте. Уже была составлена родословная многих зубров. В архиве Асканийского заповедника работал когда-то ученый Гребен, история самого Бодо была записана в Международной племенной книге, это сделали Эрна Мор и Ян Жабинский.

Зарецкий с товарищами проводил много часов у загона Бодо, а также в Буркутах, где находились гибриды, но больше внимания уделял разбору документов. Их тут целые горы. Старательности и личной заинтересованности у молодого аспиранта было предостаточно: отец сумел внушить ему глубокий интерес к зубрам. Михаил Зарецкий знал, что прадеда вот этого Бодо доставили в Санкт-Петербург еще до рождения Михаила именно отец и егерь Телесов. Этот зубр стал для него связующим звеном с прошлым, продолжением отцовских забот и устремлений.

Между тем Бодо уже готовили для перевозки в гибридное стадо. Акклиматизация и карантин прошли успешно.

Снова загнали в узкую струнку. И когда он, зажатый

дощатыми стенками, утерял способность двигаться, его замерили, взвесили, сделали ему прививку и, слегка раздвинув стенки, пропустили в точно такой же ящик, в каком он прибыл сюда с запада. Через два часа ящик сгрузили в тенистом большом загоне.

Бодо пулей вылетел из своей темницы. Глаза его сердито сверкали. Сделав десяток скачков, он неожиданно остановился. Считается, что дикий зверь не способен выразить, скажем, такое сложное чувство, как изумление. Но Бодо оказался именно во власти этого чувства. В двухстах шагах от него застыло большое стадо зубробизонов. Все звери уставились на новичка. Волна родственных запахов затопила Бодо.

От стада отделились две зубрицы, заметно старше Бодо, и пошли навстречу.

За оградой зоолог Филиппченко сказал стоявшему рядом профессору Кожевникову:

— Та, что покрупней,— это Волна, беловежских кровей, из Шенбрунна в Австрии. Три четверти зубровой крови, одна четверть бизоньей. А та, что слева,— Еруня, дочь погибшего Альфреда, почти с такой же кровностью. Вожак нашего стада. Интересно, как они примут новичка?

Бодо царственно ждал послов. Зубрицы остановились метрах в пяти, принюхались, осмотрели быка и наклонили морды, чтобы пощипать травы. Бодо последовал их примеру. Знакомство состоялось. Втроем некоторое время попаслись бок о бок. Но когда из стада в их сторону помчались еще три молодых бизонки, Волна и Еруня осердились и бросились им навстречу явно с недобрыми намерениями. Бизонки круто развернулись и спрятались в стаде.

— Уже и ревность,— Кожевников засмеялся.

В тот же вечер он написал письмо руководителю Биологического отделения Академии наук СССР, где разработали проект восстановления зубров: «Дело это становится, наконец, на твердую научную и практическую основу. Приоритет за Асканией-Нова».

2

Жизнь у Бодо приобрела особый смысл и привлекательность. Он возглавил большое стадо. Гибридные зубробизонки, включая Волну и Еруню, охотно подчинились силь-

нейшему. Правнук Кавказа имел все основания для власти над более одомашненными гибридами.

Его стадо располагало тремя большими загонами с хорошей травой. Имелся и лесок, дающий тень летом и защиту от пронзительных ветров зимой. Были навесы и родильные помещения. В стаде он чувствовал себя куда лучше, чем в одиночестве. Выглядел спокойным, хотя немного сдал в теле. И по-прежнему дружил с Волной и Еруней.

Опыт акклиматизации удался. Все стало на свое место. Москвичи собрались уезжать. Зарецкий показал профессору упакованные папки:

— Начало родословной зубров и зубробизонов с 1902 года,— сказал он.

Кожевников развязал папки, полистал бумаги.

— Пожалуй, уже вырисовывается национальная племенная книга зубров. Сотрудники заповедника будут пополнять и уточнять листы. В университете вы продолжите работу в этом плане. Так, общими усилиями, и наладим учет. Да, от Бодо записи пойдут уже о зубрах. О кавказских зубрах. И вот что еще. Даю вам три недели для поездки домой, а если удастся, и на Кавказ. Очевидец асканийских событий должен рассказать руководителям заповедника, что дело стронулось с места. Порадуйте отца. Теперь там работают зоологи из нашего и Казанского университетов. Они, я полагаю, уже на Кише. Вы расскажете им о наших планах. Вернетесь в Москву, и мы обсудим этот план во всех подробностях.

Неожиданная радость! Михаил Зарецкий едва не подпрыгнул. Вот удача! Он горячо поблагодарил профессора и в тот же вечер выехал в Мелитополь.

Через три дня Михаил прибыл в Краснодар. Дом стоял пустой.

Это не удивило его, а, напротив, обрадовало. С той первой поездки в родные края, случившейся почти четыре года назад, Зарецкие регулярно стали навещать Майкоп. Там у них появился словно бы второй дом. Этот город с давних пор был ближе им, чем Краснодар.

В последнем письме, написанном рукою мамы, но, как знал Михаил, с активной подсказкой отца, она сообщала, что на сентябрь их опять пригласил к себе Телеусов и они, кажется, рискнут проехать на Кишу, где у них теперь друзья: зоолог Насимович и его коллеги.

Научная станция, детище Шапошникова, теперь уже бывшего директора заповедника, работала на Кише. Молодой Зарецкий видел труды ученых, напечатанные в сборниках, но сам так и не сумел побывать на станции. Его коротких каникул хватало только на поездку в Краснодар.

Оставив вещи у соседей, Михаил с легким сердцем и без багажа отправился на вокзал.

Скоро он был в Майкопе.

Как и предполагал, родителей в Майкопе тоже не оказалось. Они были в горах. Просить Управление заповедника, чтобы дали коня, аспиранту не хотелось. После Шапошникова там то и дело менялись директора, и кто теперь — Михаил не знал. Зачем одалживаться?

Он пошел к Шапошникову.

Наступил вечер. Улицы затихали. Грустные нотки осени уже звучали в прозрачном воздухе. Носилась паутина, пахло молодым вином, сладким виноградным соком, сытым духом подсыхающего укропа.

Христиан Георгиевич возился в своем огороде. Увидев молодого Зарецкого, он с трудом разогнул спину.

— А, это ты! — И сунул жесткую руку.— Устал? Идем в комнаты.

Выглядел он очень старым, лицо потемнело, совсем не улыбался, словно весь ушел в себя, в свои тяжелые мысли.

— Твои уже дней двадцать на Кише. Поедешь туда?

Михаил кивнул. Поручение профессора. Кланяться велел.

— Мы вместе были в Аскания-Нова. А вы что же, Христиан Георгиевич? Как заповедник?

— Я? Никакого отношения к заповеднику. Служу в страховом обществе, только всего. Игра судьбы или... Не знаю, как и назвать. Крушение всех надежд. Так-то вот, Миша.

На эту тему больше не говорил. Только и рассказал, что родители Михаила сманивали его с собой, но ему ездить в заповедник по соображениям этики вроде бы неудобно, новый директор есть.

— Кто? — спросил Михаил.

— Какое это имеет значение! Петров, Сидоров, Иванов... Третий по счету. Берутся, не имея никакого понятия о работе. За три года дважды меняли границы заповедника. Он становится все меньше и меньше.

За вечерним чаем Зарецкий рассказал о Бодо. Шапош-

ников слушал с возрастающим интересом, лицо его порозовело. Поднялся, походил по комнате уже неузнаваемо энергичный, возбужденный. Таким он был, должно быть, когда не убоялся ради зубров с отцом Михаила пойти к вооруженным бандитам и заставить их убраться с территории заповедника.

— Тебе нужен конь,— не то спросил, не то уже решил хозяин.— Сейчас устроим, возьмем в аренду на полмесяца. Ты ездил через Блокгаузное? Нет? Тропа, скажу тебе... Не убоишься в одиночку? Что еще? Ружье? Дам свое. Ну и подберем дорожную одежонку, негоже отправляться в такой-то на зиму глядя. Там холода ранние.

Он выложил горку теплых вещей, заставил примерить полушубок, сапоги, шапку. В горы все-таки.

— Теперь отсыпайся. Я пойду за конем. Утром выпровожу чем свет. В Даховской заночуешь у моих знакомых. На другой день у Телеусова в Хамышках. Возвращайтесь все вместе. Ну, а задумали вы дело удивительное. Неужели здесь снова будут зубры?

Он разбудил гостя до свету, сам подготовил коня, проводил.

Было ли молодому Зарецкому страшно, когда в одиночку, под хмурым и низким небом он одолевал сквозняк ущелья и двигался по узкому карнизу, с опаской поглядывая в бездонную пропасть, где бесилась река Белая? Всегда страшно одному в таком месте. Однако же проехала тут мама! Тем не менее он километра три через самые опасные прижимы прошел пешком, с конем в поводу.

Долину Желобной за ущельем проскакал рысью.

У дома Телеусова стояло много коней, все чуть не по уши в грязи. Видно, только что из дальней поездки. Алексей Власович крутился меж ними, что-то увязывал, шутливо покрикивал.

Увидев Михаила, он застыл с испуганным лицом. Поморгал, поднял руку и... закрыл лицо.

— Ты,чо ли, Миша? — неуверенно спросил он. И бросился обнимать, как родного, бормоча: — Думал, примстилось мне. Больно ты похожий. Ну, чистый отец, каким он в охоту впервой заявился! У меня аж сердце зашлось. Откелева взялся? И на коне? А шапка, гляжу, Христиана? И ружье евонное. Вооружил он тебя!

— Где тут мои обретаются?

— Тама! — Он махнул рукой за Белую.— На кордоне.

Я тольки-тольки за остатними вещами спустился... Андрей Лександрович! — крикнул он во двор.— Подь-ка сюда!

Подошел молодой человек, оглядел Зарецкого, протянул руку:

— Андрей Насимович. Смотрю на вас, а думаю об Андрее Михайловиче. Сын? Часто вас вспоминают. Вы в МГУ?

— Да, во втором [1].

— Одна альма-матер. Профессор Кожевников как там?

— Мы вместе были в Аскании-Нова. Новость сообщу: сюда привезут зубров и правнука твоего Кавказа, Алексей Власович.

— Да ты чо? — Телеусов вдруг сел.— Откелева вы его добыли?

— Это долгий разговор, у нас еще будет время, расскажу.

— Постойте-ка! — Насимович потащил Михаила к бревну у ворот, усадил, сел рядом.— Давайте, дружок, по порядку и тотчас же. Что там, в Аскании? Что вы делали вместе с профессором? Он послал вас сюда? Вы остаетесь с нами? Или только осмотрите места для зубров?

Из этого небольшого и очень подвижного человека буквально рвались вопрос за вопросом, тысяча вопросов. Темные глаза Насимовича горели неуемным любопытством, умное и насмешливое лицо то и дело озарялось каким-то внутренним светом. Он не сидел на месте — так хотелось скорей все узнать. Он буквально ошеломил Зарецкого, и тот сбивчиво, но все же рассказал о событиях минувших недель, о Бодо,— в том же заразительном темпе, какой предложил Насимович.

— Вот оно что! Надо полагать, подготовка к ингабитации[2] кавказских зубров? Когда? Но в Аскании гибриды зубров с бизонами, неужели надежда на них! А поляки нам не помогут приобрести чистокровных зубров? Этот Бодо, вы сказали, от Руэ? Тогда можно верить. Кровь горного подвида и зубробизонов... Ну что ж, это все равно лучше, чем ничего...— Он вдруг вскочил и крикнул: — Кондрашов, миленький, эти тюки на гнедого, он выносливей. Да живей, братцы, надо торопиться! Власович, а что это конь нашего гостя стоит без корма? Выходим ровно в три.

---

[1] В те годы было два московских университета.

[2] Ингабитация — работа по сложному скрещиванию животных.

Ваши родители молодцы! Сегодны с утра пошли на учет землероек. Погода отличная, но дорога!..

Телеусов расторопно бегал от одного коня к другому. Лишь иногда вдруг останавливался, задумывался и покачивал головой: вспоминал о новости. Кавказ... Нашлись потомки, а?

— Видал? — Телеусов смотрел, что делает Насимович.— Во заряд! Так-то вот все дни. Все с шуткой и сам наперед. Что в дороге, что по плотницкому делу, что у плиты. А уж про зверя!.. Как по книжке чешет. Вес-селый человек! Их, то есть научников, восемь на Кише, самого-то его за пятерых посчитать можно. Трое с женами, но они тоже по зверю знатоки. Ну и по травам, деревам, по погоде. Мы там понастроили, не узнать кордона. Станция.

— Охотоведческая?

— Называют так, а чтоб стрелять — того нет. Строго. Василий Никотин стрельнул было медведя. Ну, наш Насимович чуть не съел его. Винтовку на неделю отнял. А ты... Хорошо надумал, Андрей Михайлович возрадуется. Да и мы...

Караван вышел в три. Впереди — Телеусов и Насимович. За ними Михаил. Лошадка его спотыкалась. В сумерках дошли до кордона.

Ряд домиков вытянулся вдоль опушки леса. В окнах светились огни. Пахло обжитым. Михаил смутно вспомнил единственный дом, поляну, где он катался на своей Кунице. Рай его детских лет.

Прямо с седла он упал в отцовские объятия. Данута Францевна расплакалась. Слезы текли по ее поблекшим щекам.

— Вот где встретились, сынок,— растроганно говорил Андрей Михайлович.— Не ждали, не думали. Как нашел-то? Откуда конь, ружье? А-а, понимаю!.. Ну, пойдем, о коне не беспокойся, почистят и напоят. Сейчас вернутся Борис Задоров и Василий Васильевич, они огород убирают. Рассказывай, что в большом мире, какие новости?

В научном отделе часов до двух ночи горел свет. И во всех домиках тоже. Знакомства, знакомства. Молодая пара Тепловых — Евгения и Владимир, казанские зоологи. Жарковы — тоже Евгения, просто Женя, и Игорь, и опять же из Казанского университета. Василий

Васильевич. Борис Артамонович, которых Михаил давно не видел. За столом хозяйничала жена Насимовича.

Казавшаяся такой неопределенной, проблема зубров вновь выходила на передний план. Как у Бодо подрастут дети — а они будут уже через год,— так можно говорить о переселении зубров на их давнюю родину вот сюда, на Кишу. Это ли не самая-самая из новостей! Лица старых егерей сияли. Старший Зарецкий выглядел именинником.

3

Странной, двойной жизнью жил тогда Кавказский государственный заповедник.

Уже существовал в Москве единый Комитет при Президиуме ВЦИК, он объединял все заповедники в России, направлял их работу, прежде всего по научному познанию факторов природы, изучению их взаимной связи. Руководил комитетом старый большевик, соратник Ленина Петр Гермогенович Смидович. Его заместителем и наиболее деятельным защитником заповедности стал Василий Никитович Макаров, образованный биолог, наладивший тесные связи с университетами и Академией наук страны, тоже заинтересованными в природных лабораториях.

Трудами Макарова были созданы в заповедниках отделы науки, в том числе станция на Кише, энтомологический отдел в Гузерипле и лесная станция в Красной Поляне. Макаров сам подбирал ученых-энтузиастов, которые не убоялись на много лет уйти в «медвежьи уголки». Он покупал оборудование, устанавливал связи с зарубежными охранителями природы. Приобретение зубра в Германии было делом его рук.

И все же положение в заповедниках было неустойчивым, зыбким, их постоянно лихорадило. Довольно часто местные власти, всецело поглощенные сегодняшними задачами, не хотели и не могли понять, как и зачем нужно изымать из хозяйственного оборота ценные природные территории. Экологическая[1] их неграмотность оборачивалась неприязнью к людям, которые не разрешают обычную деятельность на заповедной земле. Грубое вме-

---

[1] Экология — раздел биологии, изучающий взаимоотношения организмов с окружающей средой.

шательство хозяйственников стало обычным даже в таких крупных заповедниках, каким был Кавказский.

Здесь меняли директоров, если они не выполняли требований местной власти. Суживали территориальные границы, забирали лучшие пихтовые массивы, высокогорные луга, упрекали ученых в отрыве от сегодняшних задач.

По-прежнему не ладилось с охраной. Из старых егерей остались Телеусов, Кожевников, Задоров, братья Никотины да еще несколько человек. Они-то нашли общий язык с учеными, помогали чем только могли. А вот новые егеря... Не все они приживались. Дело это особенное, без душевной любви к природе его не исполнить. Не всякий охранник носил в своем сердце теплое, родственное чувство к зверю. Не каждый мог противиться влиятельным лицам, которые любили «сбегать на охоту». И тогда в заповеднике гремели выстрелы, как во время войны.

Но заповедник все-таки жил. Уцелели туры, обитатели скальных высот. В лесах скрывались косули. По долинам тенями носились серны и олени. В осенние месяцы на высокогорье раздавался призывный рев рогачей.

Эта скрытная, могучая жизнь была объектом глубокого изучения. Люди хотели знать законы ее развития, прежде всего для помощи всему живому, для прогноза на будущее. И первая забота заключалась в том, чтобы подсчитать зверя, сохранившегося на Западном Кавказе, изучить явления природы.

Теперь, когда стала реальной мечта о зубрах, Насимович хотел ускорить подсчет зверя, чтобы потом отдать время и труд подготовке к приему зубров. Впереди зима, а у них еще не было подробной карты. Выручил Андрей Михайлович Зарецкий. Он привез и подарил ученым столь необходимую карту, точнее которой еще не было ни у кого. И тотчас бывший хранитель зубров стал не просто гостем, а своим человеком на Кише. Он почувствовал дружбу и тепло. Он вообще хорошо себя чувствовал здесь. А теперь еще и сын рядом. Пусть и на время.

Славный сезон. Добрый для них год!

4

Бодо радовал всех.

Уже в тридцать четвертом у него появился первый сынок, этакий бородатенький бычок с глуповато-робкой

мордочкой. Все лето малыш ни на шаг не отходил от мамки. Был ужасно обидчив. Не так повернется родительница, не сразу даст уловить вымя с молоком — и он уже отвернулся, тупо уставился в землю, уронил нижнюю губу. Такой вдруг жалкий, только что слезы не капают.

Бодо, как и положено владыке стада, на своего первенца никакого внимания. Проходил мимо, словно возле неодушевленного предмета. Зубрица раздувала ноздри и загораживала собой дитятко.

Михаил Зарецкий и на другое лето приехал в степной заповедник. Тотчас отправился к загонам, походил вокруг стада за изгородью и порадовался, снова увидев крепкого и здорового Бодо. Потом уселся за бумаги в архиве. Он искал и сверял даты, сроки рождения и кончины каждого зубра и бизона, которые побывали здесь с конца прошлого века. Знать, кто есть кто, ученым нужно для подбора будущего стада, для племенной книги зубров.

— Нам удалось связаться с Яном Жабинским,— говорил он зоологу Филиппченко, который тоже занимался этой работой.— Вы Гептнера знаете, конечно? Ах, учились в одно время! Так вот что выяснилось. Владимир Георгиевич давно переписывается с Эрной Мор, той самой энтузиасткой из Гамбурга, которая после империалистической войны была одним из организаторов Международного общества сохранения зубров. Ну, а она в свою очередь встречалась с Жабинским, польским охранителем зубров. Вместе они и начинали перепись зверя по всем зоопаркам и заказникам Европы. От них с помощью Гептнера и получили родословную почти всех интересных для нас зверей. С вашего позволения я внесу новые данные в асканийский архив.

— Одним Бодо нам не обойтись,— сказал Филиппченко,— нужны еще два-три быка кавказских кровей. Непременно!

— Василий Никитич Макаров уже обращался к польскому правительству с просьбой продать нам зубрицу и быка — детей Гагена, одного из сыновей Кавказа. Сейчас эта семейка в Познани. Представляете? Отказали. Обратились к Швеции, там живут потомки Билля, он тоже от Кавказа. Вот вам ответ на вашу мысль. Будут зубры.

— Это прекрасно! Вы на все лето к нам?

— На месяц. Заеду домой повидать родителей. И на Кишу, к Насимовичу. Мы с ним переписываемся. Они

успели провести учет своих копытных. Зимой на лыжах ходили!

Приподнятое настроение молодого Зарецкого продержалось не долго. В Краснодаре, куда вскоре приехал, он нашел больную мать и обеспокоенного отца. Андрей Михайлович тоже сильно сдал. Что особенно испугало сына, так это белая, совершенно белая его голова. Осенью, на Кише, седина только серебрила голову. Теперь же отец казался незнакомым, каким-то другим. Он совсем мало говорил, задумывался, все больше находился в комнате матери. Даже рассказ Михаила о зубрах, о встрече с Гептнером, известным специалистом среди зоологов мира, даже рассказ о Бодо и маленьком его сынке поначалу как-то не очень затронул старшего Зарецкого. Лишь через несколько дней, когда Данута Францевна нашла в себе силы вставать, он немного оживился. А вечером вдруг сказал:

— У Шапошникова крупные неприятности. Вспомнили его директорство, теперь пытаются обвинить в надуманных грехах. Есть люди, которые не могут простить смелости, с которой он отстаивал наш заповедник. Непременно загляни к нему, расскажи о зубрах. Он порадуется. Зубрам он отдал много лет жизни.

— Конечно, буду у него, папа. Мы сейчас ждем от Бодо пять-шесть потомков. У них будет по три четверти зубриной крови. На второй-третий год их можно перевести на Кишу. Если удастся купить еще одного зубра в Швеции, то в горах мы можем начинать поглотительное скрещивание на кавказский подвид. Скажу и об этом. Мы ждем не дождемся молодых зубров для Киши!

— Мы?! — Отец вопросительно глядел на Михаила.

— А как же! Я перейду работать в заповедник. Надеемся на тебя, на старых егерей. Ну, и ученые-зоологи, наконец, помогут.

— Дай бог, дай бог,— тихо сказал Зарецкий.

Михаил не долго оставался с родителями. Он поехал в горы с определенным планом: подготовить, как говорил ему Гептнер, «экологическую нишу, опустевшую в двадцать седьмом году, для нового, человеком созданного поколения диких горных зубров».

Шапошникова в Майкопе найти не удалось. Соседи говорили, что выехал, а куда и надолго ли — не знали.

В заповеднике был новый, уже четвертый директор.

...В тридцать пятом и тридцать шестом годах семья Бодо сильно выросла. На белом свете гуляло восемь бычков и шесть телочек. Об этом событии писали в специальных журналах, этому радовались все, кто был причастен к истории зубров.

Проект восстановления дикого быка стал реальностью.

Группе специалистов в Москве, Аскании-Нова и на Кавказе биологическое отделение Академии наук поручило разработку проекта расселения зубров.

Комиссия по охране и восстановлению зубров при Академии наук СССР обозначила на географической карте страны две точки для первоочередного размещения асканийцев: Западный Кавказ и Крым.

Глава третья

Надежды и поиски. Новые сотрудницы. Конфликт с директором. Домашние разговоры. Зубры едут в Крым. Переписка с Лидой Шаровой. В Гузерипле. Заповедник под угрозой

1

И снова теплая общая комната в кишинском доме, жаркие разговоры за поздним ужином, когда собирались все зоологи. И новости после походов: кто-то видел седого тура, кто-то усмотрел в скалах рысь с малышом, где-то обнаружена пещера. Две маленькие косули спят в углу, за окнами гудит лес, острое ощущение отшельничества еще больше объединяет. Как одна семья.

Борис Артамонович вдруг спрашивает:

— Сколько сейчас заповедников в стране? Знаешь, Миша?

— Почти сто. Их общая площадь двенадцать миллионов гектаров.

— Не площади поражают,— подхватывает Насимович,— а размах научной работы, прирост живого на этих территориях, открытие тонких экологических связей. Вот мы установили, что здесь обитает шестьдесят три вида диких животных, сто тридцать две формы птиц, что в заповеднике около трех тысяч оленей, почти восемь тысяч туров и более десяти тысяч серн. А сколько можно

и нужно иметь, какие меж ними и растительностью связи, кормовой потенциал леса, луга?

— И как поведет себя новый зубр? — подсказал Борис Артамонович.

— Да, проблема,— подтвердил Насимович.— Горы, непривычный корм, новая среда. Нужно искать место под первый зубровый парк, изучать кормовые угодья, солонцы — словом, все, о чем нам говорил Андрей Михайлович.

— И волки,— вспомнил зоолог Теплов.— Мы еще не справились с ними, они уничтожают едва ли не половину приплода копытных.

— Ну, теперь им трудно.— Насимович засмеялся. Все знали, что Теплов застрелил за год девять хищников, Задоров — пять.

Работа удивительно скоро сдружила зоологов и егерей. Их объединяла нетерпимость ко всему, что мешало заповеднику. Они любили весь этот зеленый и строгий мир леса, лугов и скалистых хребтов. Они готовились к приему зубров.

В восьми километрах от поселка облюбовали южный склон хребта Сосняки. По этому склону к реке чуть не на каждом километре бежали ручьи, рассекая лес и луга на отдельные участки. Сосна стояла только поверху, на голых скалах. Зато какие лиственные рощи разрослись по увалистому берегу! Какие роскошные луга устилали свободные от леса места! Обилие трав и света на полянах, крупные редко стоящие дубы и липы, хорошая защита от северных ветров, наконец, два естественных солонца между скал, откуда бежала железистая вода,— словом, более подходящего места для зубров не сыскать. И от поселка близко, загон будет под присмотром.

Кожевников работал на старых, уже заросших огородах. Здесь будет картошка, брюква и свекла для подкормки зверю. Как и в далекие прошлые годы, когда еще было естественное стадо.

Его друг Телеусов прямо молодел среди добрых людей. Все время разговор о зубрах. Он начинал-то! Его Кавказ! Старый егерь бодро ходил, смеялся, то и дело вытирая слезы на глазах, и ничем не выдавал болезни, которая вцепилась в него. Грудь иной раз сдавливало, дышалось плохо, особенно по непогоде, усталость валила с ног. Но держался. Так хотелось увидеть новых зубров, снять

с души тяжесть невыполненного долга. Он понимал, что в гибели стада нет его вины или вины его друзей, что война, голод, другие обстоятельства... Но чувство горечи продолжало жить. Может, и сердечная боль отсюда? День, когда доведется ему увидеть на Кавказе зубров, будет для него днем награды за все пережитое.

Михаил Зарецкий чувствовал себя в горах преотлично. Быстро овладел полузабытым искусством верховой езды — тем высшим искусством, когда всадник и конь становятся единым целым. Постепенно учился, с помощью Телеусова и Кожевникова, читать азбуку гор: звериные следы, голоса птиц и деревьев, понимать оттенки дроздиной песни, слушать тишину альпики. Не без гордости он сказал об этом Алексею Власовичу, когда они вечером сидели у костра.

— Жизня свое знает, Миша,— Телеусов ответил бодро.— Жизня идет своим путем, а ты чувствуешь, как возвертаются картины из прошедшего и благость подступает к сердцу. Вот так же сиживали мы с твоим папаней у костра, винтовок из рук не выпускали. И тогда все было красиво до страсти. Но таилась в той красоте опасность великая, смерть, мы воевали здеся и за зубра, и за свои жизни, и за твою тоже. Дóси не потерял я охоты смотреть и радоваться. Ужель еще где есть такая красота?..

— Есть, Власович. Под самой столицей тоже красота великая, там древность русская вплелась в природу. Но есть и порушенные места. То усадьбу снесли, то парк вырубили, то речные берега истоптали. Случается, и безоглядно воюют с природой. Будто она постоялый двор, а не дом родной.

В такие часы у костра Михаил стал понимать, что его дом, его родина и призвание — здесь. Если бы еще отец и мама переехали в Майкоп, чтобы рядом, вместе!..

2

Дела позвали Михаила в дорогу. Он выехал в Майкоп.

Перед выездом он с радостью оглядел поселок ученых. Домики выглядели красочно, вокруг них все цвело. Голубые заборчики весело обозначили улицу. На днях в поселке загорелся электрический свет. Правда, робкий, желтенький, но и с такими лампочками стало веселей. Придумал

это Задоров. Он привез из Майкопа маленькую турбинку с динамо-машиной. Устроили деревянный желоб, направили в него один из ручьев, под сильную воду подставили турбинку. Проводку вели от дерева к дереву. Радовались, словно дети. Тем более что со дня на день ожидали пополнение — зоологов и ботаников. Станция называлась уже комплексной, штат ее возрастал.

С новичками Зарецкий встретился в Майкопе. Они как раз собирались в горы.

Когда Михаил пришел в управление, там стояли оседланные кони. Братья Никотины готовили грузовые вьюки. А в комнате наверху хохотали две девушки: они переоделись в дорожное и теперь рассматривали себя в зеркало — коротко стриженные, в мужских брюках, резиновых сапогах, грубых блузах с закатанными рукавами. Аборигены горной страны...

Зарецкий поговорил с егерями, они сказали, что директор хотел его видеть. И тут, гулко топоча сапогами, из дома вышли новые сотрудницы.

Впереди шла черноглазая брюнетка, такая хрупкая и тонюсенькая, что брючный ремень едва не перерезал ее. Она смело подошла к мужчинам и сказала Зарецкому:

— Я вас знаю, видела на Моховой. Помните, когда студенты объявили сбор денег для покупки зубров за границей? Я слушала, как вы говорили. Меня зовут Веля Альпер, ботаник. Приехала сюда работать. Не одна.

И сделала полшага в сторону, открывая свою подругу.

Перед Зарецким стояла скуластенькая миловидная девушка и часто моргала, словно больновато было ей смотреть на солнечный двор своими большущими и ясными глазами. Было в ее лице что-то твердое, мужское, но эти глаза, светлые волосы и милая улыбка все-таки оставляли впечатление бесконечной женственности.

— Лидия Шарова, зоолог,— сказала она, знакомясь.— Вы приехали с Киши? А мы отправляемся туда. С нами еще двое, но они поедут завтра: лошадей нет. Я вашу фамилию слышала в Ленинграде. Но это не вы.

— Это мой отец,— сказал Михаил.— Учился там. У Шимкевича, по-моему.

— У, как давно! Профессора уже нет много-много годов. Но там помнят и его и вашего отца.

С шумом распахнулось окно на первом этаже. Держась обеими руками за рамы, во все окно выставился крупно-

лицый, с необъятной грудью и плечами богатырский человек. Голосом, от которого вздрогнули кони, он сказал:

— Девочки, пора, пора. Каждый час дорог. Хлопцы, давайте... А вы — Зарецкий? Тогда ко мне на разговор.

Окно захлопнулось, Михаил удивленно посмотрел на девушек.

— Директор! — со значением сказала Шарова.— Ждать он не любит. Идите.

— Сейчас пойду. Но прежде расскажу кое-что о дороге и Кише.

И Зарецкий отправился с обозом. Шел минут двадцать, рассказывая об Аскании-Нова, Кише и сотрудниках. Лишь у окраины города остановился, тут девушки взобрались на седла и тронули коней, а он стоял и смотрел им вслед.

Они обернулись вместе и помахали ему. Тогда Зарецкий пошел назад.

Директора в кабинете уже не оказалось. Голос его гремел за домом, у сараев и конюшен. Михаил присел у стола и погладил массивного бронзового зубра. Со стены на него смотрела косматая голова другого зубра — чучело с очень выразительными стеклянными глазами. Когда-то оно украшало псебайский дом великого князя.

Директор рывком распахнул дверь. Поздоровались. Рука у него была железная. Выглядел он еще внушительней, чем в оконном проеме. Грудь, живот, щеки, глаза, губы — все у него было полнее, чем положено по норме.

— Слушай, Зарецкий,— командирским голосом спросил он,— ты, это самое, зубров хотишь в заповедник? Без моего ведома и согласия?

Он так и сказал: хотишь. Смешно. И грустно.

— Да, такое решение есть в комиссии по зубру при Академии наук. Надо вернуть их в древнее место обитания. Долг человеческий.

— Так. Долг общий, а забота моя. Кормить-то я их буду?

— Природа позаботится. Ну, на первых порах и мы тоже. Зимой.

— Это ж хлопот!.. А кто деньги даст? Может, в другой какой заповедник?

— Здесь они жили тысячи лет. Не пугайтесь. Это будет еще не скоро. Года через два, а то и через три.

— Два года — пустяки. На Кише приготовились?

Никак не выберусь туда. Хлопоты без конца. Ты в Москву? Так вот, пособи одно дело пробить. Перемены я задумал, товарищи подсказали. Придвинуть руководство ближе к производству. Вот что.

— Заповедник — не производство. Это наука.

— Шутишь! Еще какое производство! Надо иттить в ногу с народом, деньги делать на месте, а не надеяться на государство. Что на одну дотацию сделаешь? А мы сами как бы на деньгах сидим. Лес у кого? Пиловочник, дранка, дрова? Орехи тож, пушнина какая ни на есть!

— В заповеднике нельзя рубить-стрелять. За-по-ведник!

— Значит, пусть трава пропадает на лугу? Ни сам не гам, ни тебе не дам, так? Не согласный я! Просеки нужны?

Нужны. Вот и лес. В общем, так: я перевожу управление из Майкопа в Гузерипль. Поддержи там, в комитете. Объясни.

— А дорога? До Гузерипля только на вьюках. Не навозишься.

— Будет и дорога, были бы деньги. Деньги я сделаю. Какие еще возражения?

— Ученые весь сезон в горах. Но зимой приезжают в город обрабатывать материалы, писать труды. Им нужна постоянная связь с университетами, с другими учеными. А Гузерипль отрезан зимой от мира. Сложности им создаете.

— Ну, ты, это самое... В общем, решено и в крае согласовано. А вот зубры... Может, повременим с ними? Когда разбогатеем, тогда и примем. Сперва хозяйство наладить надо. Так и скажи там: директор деньги просить не будет. Мы и зубров скупим по заграницам, нечего по копейкам в народе собирать. Тут тыщи под ногами.

Зарецкий ушел. Ну, кажется, «повезло» заповеднику! Расспросил, кто он такой: руководил мельничным трестом в Ростове и что-то там не сумел. Определили на спокойную работу.

3

В Краснодар Михаил ехал расстроенный. Все вспоминал директора. Рассказывая о нем дома, постарался внести в эту историю побольше юмора. Смех, да и только!

Отец слушал серьезно, постукивал пальцами по столу. Сказал коротко:

— Вреда понаделает. Не везет заповеднику с директорами. Что он о зубрах думает?

— Спросил, нельзя ли подождать? Я, конечно, высказался. Нельзя. И так ждем более десятка лет. Ты ведь тоже дни считаешь?

— Будет кавказское стадо, можно умирать спокойно...— Отец вздохнул.— Кто отмахивается, а кто действительно ждет не дождется.

— Ты, как Телеусов, принимаешь прошлую гибель зубров на себя.— Сын рассердился.— При чем здесь ты? Война их съела! Вы сделали все, что могли. Чего терзаться?..

— Повзрослеешь, поймешь. Есть в человеке великая ответственность за все происходящее. Хочется оставить после себя мир получше, поустроенней, чем он был. Вот с этих позиций...

— Еще год или два — и Кавказ получит зубров. Все идет к тому. Помех не вижу.

Зарецкий строго посмотрел на сына.

— Ты газеты читаешь? Мир под угрозой. Этот Гитлер... Не прошло двух десятилетий, как опять пушки наготове.

— Не надо о войне...— Данута Францевна обняла их обоих.— Расскажи лучше о себе, сынок, о своих друзьях. А мы послушаем.

В теплом доме родителей ему было так хорошо, так покойно, как это бывает только в детстве. И разговор пошел добрый, смешливый, но вертелся он все-таки около зубров, отец с сыном обговорили между делом каждую деталь. Вспоминали, конечно, друзей, было радостно, что Задоров, Телеусов, Кожевников остались верны старому своему призванию, что увлеченная молодежь тоже переняла от стариков влюбленность в природу.

— Новое пополнение прибывает,— сказал Михаил.— Я встретил в Майкопе двух девушек. Не убоялись медвежьего угла! С хорошим настроением поехали.

— Дурнушки, поди,— шутливо спросила мать.— Прячутся от людей.

— Что ты! Напротив...

— Ты познакомился, надеюсь?

— А как же! Зоолог Лидия Шарова. И Веля Альпер, ботаник. Славные девушки!

Отец вышагивал по комнате, руки за спиной, что-то обдумывал. Остановившись перед Михаилом, сказал:

— Мы вот тут обсуждали с мамой... Как ты смотришь, не перебраться ли нам опять в Майкоп? Ты будешь близко, старые друзья. Мне предлагают лесничество, смогу наведываться на Кишу, в Гузерипль, вдруг и помогу чем-нибудь. Что-то мне в этом городе не по себе. Ты у нас один. Появится своя семья, дед с бабушкой и пригодятся.

— Категорически одобряю! — весело крикнул Михаил.— Меня Москва не удержит, хотя и много там для души и ума.— Он засмеялся.— Я ведь сам хотел вам предложить... Категорически одобряю!..

— Не помешают бирючьи настроения науке? — Зарец-

кий, похоже, шутил, но была в этом вопросе и озабоченность.

— Напротив! Мои руководители Мантейфель, Гептнер и Кожевников стараются привить ученикам страсть к походам, к диким уголкам природы. Успех с зубрами — дело их рук. Когда восстановим стадо, их имена будут вписаны в историю России. Не только полководцами и строителями славится государство, правда, папа?

— Видимо, так. Кажется еще Фабр говорил, что земледельцам и украшателям нашей планеты почему-то меньше везет с историей, чем воителям и королям. История помнит Кира, Чингис-хана, Македонского, Карла, названного даже Великим, но забыла тех, кто создал плужок, нашел виноградную лозу и стебли ржи, кто построил каналы в пустыне и превратил дикие места в чудную пашню или сад. Да, вот что хотел узнать: сроки намечены?

— Еще не знаю. Детали вырабатывает комиссия по зубрам. Создается наша, советская Племенная книга зубров и зубробизонов. Продолжается отбор и оценка гибридов. Очень нужен еще один чистокровный зубр!

— Вы продолжаете сбор денег в зубровый фонд? Я послал свой вклад.

— Дело идет, движется. Из копеек и рублей собралось около семи тысяч.

— Сколько стоит один зубр?

— Шведы оценивают своих по восемь тысяч золотом.

— Вот так! — Андрей Михайлович даже присвистнул.— Какую ценность мы утеряли! Пятьсот зубров. По восемь тысяч!..

— И столько же в Беловежской пуще,— поспешил добавить сын.— Правда, там сегодня уже есть двенадцать голов. Поляки приобрели в Германии Гагена и Гатчину, но они были уже в возрасте, поэтому купили Борусса, Бискайю и Бизерту. Парадокс, папа! У них в резервате, таким образом, разводятся не чистые беловежцы, а кавказско-беловежские гибриды. Вот что натворил один ваш Кавказ! Но на польской земле есть и чистые беловежцы, более десятка, уцелели в Пшине, где зубропарк князя Плесса. Плесская линия.

— Ты отсюда в Асканию-Нова?

— Нет, в Москву. Документы для Племенной книги уже в комиссии.

— Ты входишь в состав этой комиссии?

— Да, папа.— И Миша покраснел. Понимал, какая честь.

4

Летом 1937 года из Москвы в Асканию-Нова выехали сотрудники Комитета по заповедникам и ученые биологического отделения Академии наук.

Отсюда на постоянное местообитание отправляли первую партию гибридных зубробизонов. В Крым...

Эта неожиданная новость как гром обрушилась на Михаила Зарецкого. Он срочно приехал в комитет по заповедникам. Настроение у него было отчаянное.

— Почему не на Кавказ? — с обидой спрашивал он в комитете.— Ведь мы готовили стадо для Кавказского заповедника! Там основное обиталище зубра. Кто принял такое решение?

Заместитель председателя комитета Макаров, который после смерти Смидовича руководил заповедниками, вышел из-за стола, сел рядом.

— Обижен? Гневаешься, что обошли Кавказ? Послушай меня. Вот некоторые аргументы. Природные условия в Аскании схожи с крымскими больше, чем с Кавказом. Опасность неудачной акклиматизации для зверя меньшая. Ну, и письмо из местного Совета...

— Какое письмо? — Зарецкий уже догадывался.

— Директор заповедника просил отсрочить перевозку зубров на год-другой. Ссылался на условия: не готовы к приему.

— Да это же ложь! — Михаил вскочил.— Директору не хочется, как он выразился, лишней обузы! Мы готовы. И место давно выбрано. Ладно, мне можете не верить. Так почему не спросили у Насимовича, который лучше знает?

— Насимовича на Кише уже нет. Он будет работать в комитете. Ты, Михаил Андреевич, возьмешь на себя заботу о сохранности зубров. Научным сотрудником поедешь. Помощником у тебя будет зоолог Шарова. И пожалуйста, не торопи нас. Время летит быстро. Придет твой час.

— И все-таки... Мы в Аскании готовили зубров для

Кавказа, знаем их поименно. Кто-нибудь из них ушел в Крым?

— Ни одного! Вот список. Зубрицы Канна, Дора, Гроза. Все стельные. Все от Бодо. Еще бык Лев. Ну, отлегло?

— Почему Насимович ушел?

— Не сработался с директором.

— А если я не сработаюсь?

— Не будет этого. Можно уступить раз... Мы знаем, что за человек руководит заповедником. Снять его пока нельзя, директора поддерживают в крае. Насимович погорячился, у них там... Впрочем, дело прошлое. Послушай моего совета. Поезжай в Асканию, побудь при операциях перегона, перевозки. Поучись на ошибках, которые неминуемы, чтобы не повторить их потом. А оттуда — в горы. Делай свои дела без оглядки на директора. Прояви выдержку и настойчивость. Скажи отцу: заминка на старте, не более.

В Асканию-Нова Зарецкий приехал вовремя.

От племенного рассадника в Буркутах зубрицы и бык в окружении всадников довольно спокойно дошли до главной усадьбы. Тут их завели в загон и после отдыха поместили в клетки — ящики, которые уже на машинах повезли на станцию. Погрузка в вагон не отняла много времени.

До Симферополя зубры ехали всего десять часов. Выгрузили клетки ночью и вскоре доставили на место. Тут зубров выпустили в просторный загон. Словом, операция прошла более чем успешно, Зарецкий убедился в сохранности стада и вернулся в Асканию.

Как написать обо всем случившемся на Кишу?

Он сочинил письмо на имя Лиды Шаровой. Ничего не упомянул о роли директора, просто сообщил: «По решению комиссии...» И заверил, что их зубры в добром здравии, он возле них.

Не без скрытого лукавства Шарова в своем ответе поздравила Михаила «с успешной генеральной репетицией» и сообщила, что для приема зубров, вопреки всяческим домыслам, у них все готово, загон сделан, Задоров с плотниками сооружают на Сосняках помещение для наблюдателей. О Насимовиче, писала она, Михаил узнает на месте. Кстати, когда он собирается в их палестины?..

Михаил прочитал это письмо, улыбнулся и сел сочи-

нять ответное. Заметим, что именно с этого дня молодые люди стали довольно часто беспокоить почтовую службу. Конечно, речь шла о зубрах. Конечно, о других, не терпящих отлагательства делах, но случались в этих письмах и строчки, предназначенные только для одного получателя. Когда Лидия Шарова прочитывала очередное письмо своим коллегам, она пропускала некоторые фразы и при этом смущалась.

Вскоре Зарецкий вернулся на Кишу. Управление находилось уже в Гузерипле.

О дороге туда директор как-то забыл. Усложнилось сотрудничество ученых со своими коллегами из университетских городов. Управление напоминало теперь контору торгующей организации. Страсти кипели в директорском кабинете. Здесь толпились люди, договаривались о ценах и сроках поставок, пеклись о сбыте и процентах. Выше Гузерипля уже шла разработка пихты, резали и продавали дранку, доски, даже жгли известь. На счету заповедника завелись деньги, но, когда ученые просили какую-то сумму на постройку балаганов, приютов и дорожек, директор вдруг вспоминал о рачительности. У него было свое правило: вкладывать рубль туда, где получишь три. Что получишь от науки?..

Наука оттеснялась на второй план. Зарецкий при первой же встрече с директором высказал ему свое возражение.

— С голоса Насимовича запел? — огрызнулся тот.— Ну, так это не звучит. Я не потерплю самодеятельности!

— Мы можем оставить вашу контору. Все! — запальчиво сказал Михаил.— Но тогда не будет и заповедника!

И директор напугался. Понимал, что переборщил. Насимовича ему удалось убрать, но повторение хода — вещь уже опасная. Он сбавил тон. К удивлению своих друзей, Зарецкий добился чего хотел: четыре плотника начали строить мосты и приюты на кордонах.

Однако при очередном разговоре о зубрах вспыхнула ссора. Зарецкий не сдержался и наговорил всякого обидного. Директор промолчал. Некоторое время они не разговаривали.

Об этом Михаил рассказал только своей помощнице. Она свела брови.

— Заповедник уже потерял одного отличного работника. Ты тоже собираешься, да?

— Я не уйду. Это он уйдет.

— Мы все — за тебя, Миша. Все на твоей стороне. Но, пожалуйста, не обостряй отношений. Тебе еще надо привезти зубров, выходить их.

— Это главное дело моей жизни. Никакая сила не вытолкнет меня из заповедника! Я тут родился и вырос. Или через год тут будут зубры, или я не Зарецкий! Отец отвернется от меня, если я этого не добьюсь!

Лида глаз с него не сводила. Лицо ее светлело.

— Ну, ты молодец! Право, не знаю, как тебя похвалить. И все-таки очень прошу, пожалуйста, не надо шумных ссор, пореже встречайся с директором! У него свои хлопоты, у нас — свои. Время все изменит.

— Ты учишь меня смирению?

— Мудрости.

— Да откуда она у тебя?..

— Я женщина,— сказала она.— Просто женщина.

Минуту они молчали, даже не смотрели друг на друга, а потом Лида с милой нелогичностью спросила?

— Твои не переехали в Майкоп?

— Жду известия. Собирались. Мне надо будет поехать помочь им. Дом готов, я побывал там. Это наше старое-престарое жилье.

Глава четвертая

Знакомство в Майкопе. Хлопоты в Москве. Разговор у Гептнера. В дороге. Встреча на лесной поляне. Осуществленная мечта. Перегон. Беглянка. Август 1940-го: зубры снова на Кавказе!

1

Андрей Михайлович Зарецкий признавался себе: зубры, главным образом они потянули его в Майкоп. Не мог остаться в стороне. Как же можно без него?..

Не простое это дело — бросать дом, работу и возвращаться в места, память о которых уже поистерта временем. Да и возраст. Ему было близко к шестидесяти, здоровье поистрачено. В таких случаях люди стараются сидеть на месте, чтобы избежать лишних перегрузок и волнений.

Все доводы, о которых Зарецкий не один раз заводил разговор, убедительны: старые друзья, родные горы, близость к сыну и будущей его семье. Но все же окончательное решение он принял после поездки на Кишу. И связано оно было, конечно, с зубрами.

Сколько лет слышал он разговоры о возвращении зубров, столько же думал о своей причастности к проекту — и непосредственно, и через сына. Так уж случилось, что вся жизнь его, все радости и беды, даже трагическая гибель родителей связывались с заповедником и с зубрами. Наконец, возвращение их становится реальностью. Звери эти выращены для Кавказа. Они близко.

И вот подступили важные события.

В конце 1939 года Михаила Зарецкого телеграммой вызвали в Москву.

Из столицы родителям и, конечно, на Кишу полетели обстоятельные письма. Тон их был приподнятый, даже торжественный. Не обошлось без восклицательный знаков, без слов «решено», «наконец-то долгожданное», «мне приказано» и редкостное для него откровение: «Радость моя так велика, что я улыбаюсь даже когда сплю».

Старые Зарецкие были уже в Майкопе, в знакомом трехоконном домике, где когда-то принимали милых своих друзей — Катю и Сашу Кухаревичей. На их могилу они сходили в первый же день своего возвращения.

А неделю спустя возле дома зафыркали усталые кони, и Данута сквозь только что вставленные зимние рамы узнала Бориса Артамоновича Задорова. Батюшки мои! Вот радость-то!.. С другого коня сползла женская фигурка в мужской куртке и брюках.

Андрей Михайлович вышел в сенцы встречать. Данута Францевна засуетилась. Первым делом она остановилась перед зеркалом, наскоро оглядела себя, поправила волосы. И все улыбалась.

Гости вошли не раньше, чем расседлали и устроили коней.

— Я так рада,— смущенно произнесла скуластенькая, розовая от холода и волнения Лида, пожимая руку хозяйке.— Именно такими и представляла вас по рассказам Миши. Как у вас хорошо, тепло... Мы не очень стесним, если попросим побыть здесь до утра? Борису Артамоновичу надо кое-что купить в городе, он ведь счастливый отец, поздравьте его со вторым сыном. Ну, а я... Понимаете,

до сих пор не могла переслать письма Михаилу Андреевичу, нет оказии, вот и напросилась в попутчики. Наше счастье, что снегу мало и не так холодно.

Продолжая говорить, Лида помаленьку справлялась со смущением. Разделась, сняла с пояса кинжал и сделала какое-то неуловимое движение головой, от чего ее помятая башлыком короткая стрижка послушно улеглась именно так, как того хотелось.

Данута Францевна не спускала с девушки глаз. Понравилась. Хороша, умна, воспитанна.

Надо ли говорить, что Лида давно хотела этого знакомства, робела, но желала. И вот она в доме знаменитого Андрея Михайловича, егеря почти забытой Кубанской охоты.

Оставим их одних: Зарецкого с Борисом Артамоновичем, усевшихся после ужина, чтобы потолковать о близком торжестве в заповеднике. И Дануту Францевну, которая заставила гостью переодеться, для чего из комода был извлечен теплый халат, после чего они скрылись в спальне.

У них тоже было что сказать друг другу.

2

В марте — мае 1940 года Михаил Зарецкий, назначенный руководителем группы по перевозке зубров в Кавказский заповедник, совершил несколько челночных поездок по маршруту: Москва — Аскания-Нова — Хаджох — Киша — Гузерипль. Домой к своим он заехал буквально на два часа, толком ничего не рассказал и умчался.

В качестве помощников Михаил Андреевич избрал начальника охраны заповедника, по фамилии Астраханский, Бориса Задорова и охотоведа, нового человека на Кавказе — Клементьеву. Когда Астраханский со свойственной ему пылкой амбицией стал ввертывать словечки о «форсировании Белой», о «траверзе» перевала на Бамбаке и без конца «якать», Зарецкий строго прервал его:

— План перевозки продуман в деталях. Вам, как члену группы, остается изучить этот план и точно исполнять его. И поменьше громких слов.

Сам директор, занятый хозяйственными делами, не рвался участвовать в хлопотливой операции. Его вполне

устраивало, что за перевозку отвечает Зарецкий и научный отдел. Зоологов это тоже устраивало. Снова и снова они проверили загон, остолбили и осмотрели будущие выпасы, родильные стойла, а остаток времени потратили на устройство огорода, который добавит зубрам корма зимой. Уже знали, что прибудут пять зубров, и все расчеты сверяли по этой цифре.

Егеря и зоологи выезжали на дорогу, наметили вдоль просеки места охранения и ночного отдыха для зверей. За один день зубры не могли одолеть горную дорогу. Предупредили жителей Сохрая: быть начеку! Маленький лесной поселок миновать не удавалось, он находился примерно в середине пути. Близ его наметили остановку. Здесь зубры проведут еще ночь. Любопытство пресекали заранее: ни к чему выходить к зубрам с хлебом-солью, нельзя их пугать, они характером не похожи на коров и быков из домашнего стада. На ночевке заготовили траву, сечку, соль — все на виду.

В Москве хлопоты были иного порядка.

Зарецкий пришел к Макарову, доложил о готовности, сказал:

— От станции Ново-Алексеевки вагон пойдет до Запорожья. Потом — Волноваха, Донецк, Таганрог, Ростов, Армавир, Белореченская, Майкоп. И наконец, Хаджох. Я называю только железнодорожные узлы, где вагон будут перецеплять. Тысяча километров, семь или восемь разных поездов. Зубры могут провести в дороге две-три недели. Трудно для них.

— Что предлагаешь? — Василий Никитич, очень похожий добрым лицом, бородкой, даже рубашкой с пояском на Михаила Ивановича Калинина, подвинул к себе блокнот.

— Просить содействия наркома путей сообщения. Груз необычайной ценности. Чтобы без задержек.

— Так.— Макаров записал.— Еще что?

— Большой пульмановский вагон. Только в нем клетки станут свободно, найдется место для воды, кормов и для нас, кто будет сопровождать.

— Ну а звери? Здоровы, подготовлены?

— Я только что из Аскании-Нова. Зубриц и быка отбили, они в отдельном загоне. Прививки сделаны.

— Поехали, ходатай! Сперва в Академию наук.

Они попали удачно. Президент академии Владимир

Леонтьевич Комаров, ботаник с мировым именем, находился у себя.

— Знаю, наслышан,— сказал он, едва только заговорили о зубрах.— Кавказ? Под ваше начало, молодой человек? Ответственность очень велика. Но и почетна! Одно огорчает: не чистокровные зубры. Чем я могу помочь вам?

— Письмо наркому путей сообщения о срочной перевозке.

— Вы заготовили? — Он прочитал.— Сейчас перепечатают на нашем бланке. Только вы сами поговорите с путейцами. Желаю успеха. Одна из самых добрых операций, какие приходится проводить цивилизованному обществу. Воссоздание утраченного вида. Надежда на направленную селекцию. Опыт такой селекции у нас есть.

Наркома они не застали, пришлось оставить письмо. Зарецкий приехал на другой день. Его направили в Главное управление перевозок. Здесь он получил копию письма, которое пойдет начальникам трех южных дорог.

— Когда нужен пульман? — спросил начальник управления.

— Двадцатого июля. Твердо намеченный день.

— Мы проследим за подачей и продвижением. Так распорядился нарком.— И усмехнулся: — Кого мы только не возили! Даже слонов из Одесского порта. А вот зубров, кажется, не доводилось.

Зарецкий поправил: возили и зубров. В Крым. Но тогда обошлось без наркома.

Стояло зрелое лето. Улицы Москвы заполнила сизая, густо пахнущая асфальтом жара. Звенели красные трамваи. Над новенькими зданиями станции метро даже днем горели красные буквы «М». Со стороны недалекого Кремля донесся перезвон курантов. Столица жила своей обычной деловой жизнью.

Перед тем как уехать в Асканию-Нова, Михаил Андреевич зашел к своему учителю профессору Гептнеру.

— Пропуск зубрам на Кавказ! — И протянул письмо наркома.

Владимир Георгиевич бегло глянул на бумагу.

— Вы понимаете все значение происходящего? Его историзм? После жестокого преступления, когда война и разруха уничтожили еще один вид млекопитающих, общество впервые — да, впервые! — принимает меры

для восстановления этого вида. Не частные лица, не филантропы, а государство! Как хочется, чтобы это было событием не единичным! Соболь, выхухоль, полосатый тюлень, белый медведь, кавказский барс, дальневосточный тигр... Сколько больших и малых зверей в опасности! Я уж не говорю об Африке, Америке. Будьте на высоте, Зарецкий. Такое благородное предприятие!..

— Считаю за честь для себя...— начал было Михаил.

— Рано, рано! Вот когда зубры будут на месте. Плюньте через левое плечо. Вам работы и работы! Вспоминаю, как мне недавно пришлось поволноваться из-за беловежских зубров. Когда началось освобождение Западной Белоруссии, в пуще насчитывалось что-то около двух десятков зубров кавказско-беловежской линии. Война есть война. Я обратился в Наркомат обороны с просьбой взять зубров под защиту. И что бы вы думали? Сам нарком распорядился об установлении охраны в Беловежской пуще. Недавно получаю письмо от знакомого зоолога. Семнадцать зубров на вольном содержании. Уцелели!

— Выходит, мы поспешили со своими зубробизонами,— сказал Зарецкий.— Коли есть чистопородные...

— Поспешили?.. О, нет, как раз вовремя. Вспомните, что происходит сейчас в Европе! Кто может предсказать будущее? Так что, дорогой друг, торопитесь делать полезное дело. Первая партия — не последняя. Привезем и чистопородных.

3

Красавца Бодо загнали в угол. Не мешай!

Он сопротивлялся, задирал хвост и с угрожающе склоненной головой, так что бородой чуть не подметал пыль у передних копыт, набегал на изгородь, за которой творилось что-то необычное. Но всякий раз люди, вооруженные палками, отгоняли его в дальний угол и криком выражали неудовольствие, едва Бодо опять делал несколько скачков в их сторону.

Вожак асканийского стада, отец пятидесяти сыновей, дочерей, внуков и внучек, он имел основания для беспокойства. Бодо видел, как из его большой семьи отбирали и увозили зубриц и зубров. Откровенно говоря, он не

питал особо родственных чувств к потомкам. Его раздражение усиливалось по другой причине: положение владыки обязывало охранять стадо.

Проклятые перегородки! За одной из них, где еще недавно Бодо гулял со старыми своими подругами Волной и Еруней, бегали люди с палками, слышались понукающие крики, а зубры, размахивая хвостами и приоткрыв рты, носились по загону, пока не попадали в узкий проход и в струнку. Оттуда они уже не возвращались.

Сперва молодой Журавль, статью очень похожий на отца, такой же черно-коричневый, мощный, с высоким загривком, с литыми мускулами, очутился в струнке. Люди что-то сделали с Журавлем, и он исчез в темном проеме ящика. Застучали молотки, ящик откатили к машине и подняли тяжелый груз в кузов.

Бодо терпел. Но когда отбили Еруню и она также исчезла, он сорвался с места, набрал скорость и так хватанул могучим лбом по плахам, что две из них треснули и разошлись белым разломом. Пережидая звон в голове, Бодо отступил. К пролому подоспели люди с палками. Одни громко кричали, другие сноровисто вгоняли в забор свежие плахи.

Часа через два за Еруней последовала Волна, потом две молодые зубрицы — Жанка и Лира, его внучки. Загон опустел. Для Бодо открыли вход в другой загон, там его встретили с десяток зубров и зубриц, он обошел их и успокоился. Не все потеряно.

Бодо лег в густую тень под сараем и скоро задремал. И вновь ему привиделся тот странный сон, что уже был когда-то: черный лес на крутых камнях, прохладный ветер с запахом снега и воли, простор без конца и края. Бык вздохнул, как вздыхают о потерянном рае, и еще ниже склонил широколобую морду.

А машины с зубрами уже катились по дороге к станции.

Чисто вымытый пульмановский вагон стоял в тупике. Клетки грузили споро, весело, Михаил Андреевич командовал, потом побежал на станцию, а вместо него стал распоряжаться Астраханский, пока не подошел пыхтящий паровоз. Лязгнули буфера, вагон мягко дернулся. Еще через час подкатил красновагонный поезд, пульман прицепили в хвост, и состав, похрамывая на стыках, поволок зубров на северо-восток.

Далее все развивалось по сказочному сюжету. В Запо-

рожье вагон прицепили к пассажирскому поезду, без остановок промчали через Донбасс, и только уже в Ростове что-то надломилось в строгом расписании движения, за которым следили из Москвы. Но затем редкостная оперативность путейцев принесла радость: поезд прошел с курьерской скоростью до Белореченска, и вот уже специальный паровоз потащил вагон по железнодорожной ветке в Майкоп, оттуда — по долине Белой, мимо Абадзехской до знакомого Хаджоха. Здесь стальная колея кончалась, вагон поставили у наскоро сооруженной платформы. Конец пути. Всего трое суток.

Пасмурное, но теплое утро открылось взору сопровождающих, когда двери вагона откатили на всю ширь. Облака цеплялись за скалы над лесом. В безветрии резко пахло мокрой травой и горьковатым духом зрелого дуба.

Зубры глядели из клеток на зеленый чуждый мир. Глаза их блестели испуганно и настороженно.

Подошли грузовые машины. Много людей столпилось у вагона. Астраханский всяко оттеснял их. Зарецкий с удивлением осмотрел толпу: ни отца, ни старых егерей. Что такое? Ведь он телеграфировал из Ростова...

Ящики поставили в машины. Туда же забрались сопровождающие. Несколько человек поскакали вперед верхом.

На тихом ходу поехали по узкому карнизу вдоль Белой. Здесь всегда было мрачно, а в такой пасмурный день все вокруг выглядело как в сумерках.

У Даховской переправились через реку без приключений. За станцией дорога вошла в лес, стала более грязной и ухабистой. Буксовали, всем миром вытаскивали воющие машины из глубокой колеи, но с каждым километром одолевать путь становилось труднее. Выехав на поляну, окруженную грабами, остановились. Дальше шла просека. Не для машин.

Зарецкий соскочил с подножки и осмотрелся.

Метрах в двухстах дымил костер, паслись кони. От костра к ним спешили люди. Свои, родные! Все, кого он ждал.

Его отец, похудевший Алексей Власович, бородатый Кожевников, Задоров, Теплов, Жарков, их жены. Лида Шарова! И даже мать, не убоявшаяся дальнего пути ради такого давно ожидаемого события!

— С приездом! — Отец широко обнял его.— С долгожданной удачей, сынок! С радостью!

И спрятал лицо на Мишином плече.

— Мы вас ждали в Хаджохе,— говорил Михаил, обнимая егерей, ученых.— О, и Лида! Принимай командование!

— Нет уж! — Она счастливо смеялась.— Это совсем по-кавказски: все трудное — на женщину. Вот они, избалованные джигиты! Еще сорок верст тяжелой просеки. Извольте командовать сами! Кому слава, тому и труд.

Задоров полез на машину, заглянул в смотровое окошко к Журавлю. Спрыгнул — и вдруг завертелся на месте, закрутил над головой руками, исполняя не то самодеятельную лезгинку, не то ритуальный танец первобытного человека, к которому пришла удача.

— Вот и долгожданное! — кричал он, никого не слушая.— Что я говорил! Здесь зубры, здесь, глянь-ка, Василь Васильевич, убедись, такие же, нашенские!..

Между тем отпали задние стенки клеток, люди отступили в сторону. Лида осталась рядом с Михаилом. Минута ожидания.

Какие они разные, эти зубры, так и не прирученные людьми!

Журавль вышел спокойно, огляделся, прошелся туда-сюда по мягкому лугу и лег, поджав ноги.

Волна пятилась, пятилась, а очутившись на воле, кинулась в сторону, галопом пронеслась метров триста, свернула было в лес, но, заметив там человека с палкой, метнулась назад и, сделав еще полкруга, остановилась в нерешительности, готовая на все.

Еруня побегала и тоже легла, не дотронувшись до травы.

Молодые Жанка и Лира постояли рядышком, потерлись боками и пошли по лугу, срывая на ходу траву.

Рабочие сдвинули ящики в рядок, машины развернулись и ушли.

Стало удивительно тихо. Лес, поляна и на поляне зубры. Зубры! Люди и кони в стороне. У догорающего костра тележка с задранными оглоблями.

Телеусов отошел в сторонку. Он смотрел на зубров и

утирал корявыми пальцами непослушные стариковские слезы. Неужто все это наяву? Перед ним потомки того малыша, которого он словил недалеко отсюда. Лет-то сколько! Событий, потерь... Все вспомнилось. И неудачи, и болезнь, и войны. И как Андрей рассказывал им о судьбе зубров. И как боролся за них. И вот они тут. Слава те господи!..

Уже скакал вдоль опушки деятельный Астраханский, отдавая распоряжения наблюдателям. Уже потянулась по просеке подвода с корзинами свеклы, зерновой сечки и соли. Кто-то запрягал тележку Зарецких. А старые егеря все еще недвижно стояли, губы их молитвенно шептали что-то — вспоминали тяжелый и долгий путь до этого часа, которого ждали почти двадцать лет.

Данута Францевна тихонько сказала сыну:

— Мы домой, Миша. Оставим вас. Слишком много волнений для отца. Ты, пожалуйста, осторожней, чтобы ничего такого... Смотри за Лидой. Вон она, в седле, как бы не увлеклась в опасном деле.

Он поцеловал мать, прошел с отцом к угасшему костру, здесь обнял Телеусова, который уезжал с родителями.

— Вот и дождался своего дня! Теперь все будет в порядке. Глаз с них не спустим. А потом увидим малышей. Эт-уж точно, как любит говорить Борис Артамонович.

— Уж как и благодарить судьбу,— вздохнул Телеусов.— Светлый день. Прощевай, до встречи, Миша!

С высоты седла, стоя рядом с Лидой, Зарецкий помахал близким. Зубры входили в просеку. Старший Зарецкий и егеря смотрели на эту процессию. Фуражки лежали у них на руке.

Парад древних зверей.

4

Асканийские звери шли, бежали, останавливались. Шарахались от темных стен леса. Непривычная чащоба, полная загадочных шорохов и запахов, пугала их. Беспокойство рождало возбуждение. Охрана на лошадях старалась держаться в тени.

Прошли первые километры. Ведущая подвода стала. Так договорились заранее. Зубры сбились в кучу. Молодые легли. Еруня и Волна возбужденно ходили, иногда срыва-

ли пучок-другой травы, но тут же подымали морды и вздрагивали.

Зарецкий и Лида на конях топтались в арьергарде, закрывая путь к отступлению и побегу.

От лесной тишины звенело в ушах.

— Ты побледнел и похудел,— сказала Лида, всматриваясь в лицо Михаила.— Очень трудная дорога? Я все дни только об этом и думала.

Двинулась подвода, пошли зубры. Еще несколько километров. Чего-то испугавшись, зубры бросились вперед. Ездовой на подводе едва успел отвернуть в лес, чтобы защитить лошадей стволами граба. Журавль бурей пролетел рядом с телегой. Вся пятерка исчезла за поворотом.

Верховые рысью кинулись догонять. Только бы не потерять из виду! Если звери свернут в лес, их днем с огнем не отыщешь.

— Вон они! — крикнул Задоров и придержал коня.

Зубры не выдержали взятого темпа. Все-таки они устали за дорогу. Промчались километра три и остановились. Журавль и Еруня топтались на месте. Волна своевольно шла дальше, помахивая грязным хвостом.

— Там начинается редколесье. И поляна с правой стороны,— испуганно сказала Лида.— Борис Артамонович, миленький, обгоните стадо и с кем-нибудь перекройте им путь на поляну. Волна может свернуть с просеки и утянет остальных.

Три всадника юркнули в лес. Зарецкий тронулся было за ними.

— Нет-нет,— Лида удержала его.— Останься. Одна я боюсь. Вдруг пойдут назад?..

Егерь с подводы сказал:

— Этот бык, как нечистый, пролетел мимо. Глазом зыркнул, у меня аж душа в пятки. Добыли себе хлопот! Тигры лютые...

Отдохнув, четверка зубров побежала вперед. Миновали крутой спуск, поворот. Впереди мелькала бурая туша Волны. Она оборачивалась и прибавляла ходу.

Уже на виду поляны зубрица остановилась, сравнила узкую и темную просеку со светлой поляной и галопом помчалась вправо, на поляну.

— Так я и знала! — Лида досадливо прикусила губу.— Теперь работы прибавится!

На пути зубрицы из редколесья вывернулся Задоров,

замахал палкой, свистнул. Волна тараном пошла на него. Неуловимым движением повода всадник отвернул коня в сторону. Рассерженная Волна пронеслась в метре от лошадиного крупа. В лесу затрещало. Зубрица своевольно ломилась сквозь кусты лещины. Куда?.. В трех километрах от поляны отвесный берег Белой...

Кожевников с товарищем повернули за беглянкой, чтобы не потерять ее из виду.

— Только бы Задоров догадался остаться на месте! — Лида непрерывно понукала коня.— Если он поедет за Волной, вся четверка непременно потянется по ее следу. Тогда не знаю что...

Зарецкий поднялся на стременах, он вскидывал руки и с размаху опускал их. Поймет ли?..

Борис Артамонович понял, а может быть, опыт подсказал ему решение. Не ускакал, медленно продолжал двигаться с края на край поляны. Отрезал путь за беглянкой.

Зубры взяли левей, идти на человека, куда вел след Волны, не рискнули. Журавль повел их по просеке. Остальные шли за ним.

В помощь Кожевникову отрядили еще троих — искать сбежавшую Волну. Два сторожа опередили стадо и на виду лесного поселка остановили зубров.

Вид навеса у дороги, похожего на асканийские постройки, кучи травы, свеклы и моркови соблазнили зубров. Они топтались у сарая. Охрана держалась в стороне. Поселок словно вымер. Ни собачьего лая, ни куриной возни. Зубры идут. Зубры!

Ночь прошла спокойно, звери отдыхали. Люди тоже. От ушедших за Волной известий не было. Лида волновалась. Зарецкий чувствовал себя виноватым. Все с нетерпением ждали утра.

Рассвело. Сохрайские жители начали выказывать любопытство, люди появлялись во дворах. Хлопали двери. Сторожа упрашивали, чтобы не выпускали собак, да и сами поостереглись. Зубрам предстояло пройти невдалеке от домов.

Еруня поднялась и первой вышла из сарая. Просеку закрывал туман, зубрица видела плохо, но с трех сторон чувствовала людей, охрана осторожно понукала зверей идти по лесной опушке.

Пошли нехотя. Миновали поселок, где за окнами на них смотрели десятки любопытных глаз. Шли спокойно, оста-

навливались пощипать траву. И тут впереди на просеке вдруг зафыркала лошадь. Из тумана возникла телега, а в ней три женщины — гости из Новопрохладной... Ух, как вскинулась, хвост трубой, Еруня! Захрапела, нагнула морду — и на подводу! Она считала себя старшей в стаде и вела себя соответственно этому. Кто-то успел крикнуть женщинам:

— В лес, в лес, с дороги!

На телеге завизжали, задергали вожжами, лошадь уткнулась оглоблями в густой подлесок. Счастье их, что Еруне пришлось бежать на гору, это и дало лишнюю минуту встречным. С необычным проворством женщины очутились на деревьях, прямо с телеги повисли спелыми грушами — и замерли. Еруня ударила рогами по задку телеги, как тростинку, сбила перекладину, сиденье и понеслась дальше. Остальные зубры промчались мимо.

В четыре часа стадо прошло недалеко от кордона. Охрана сжимала кольцо. Еще через час с небольшим грязные, уставшие зубры зашли в большой загон на Сулимной поляне, в нескольких километрах от кордона.

Закрылись широкие ворота. Дома! Теперь за Волной...

Едва отдохнув, егеря поскакали к месту, откуда ушла навстречу неведомым опасностям своенравная зубрица.

Лес прочесывали в пределах видимости соседа. Коней вели в поводу. Вскоре наткнулись на Кожевникова. Он шел пешком, за ним ковылял раненый конь: нога лошади была порвана ударом рога.

— Вчерась сошлись,— сказал Василий Васильевич.— Я к дороге зубра тесню, а он к реке рвется, воду чует. И на меня. Раза три увернулся, а потом все ж зацепила. Вон как порвала. И со скалы на скалу, как коза. Вы уж не шибко наступайте, пущай успокоится, а то рухнет с дуру в пропасть. Вон она, около ущелья стоит: Борис ее караулит, чтобы не сиганула куда не надо.

Семь долгих дней без сна и отдыха длилось осторожное вытеснение зубрицы в сторону Киши. Разъяренная постоянным преследованием, Волна прямо-таки не выносила духа людей. Завидев всадника, бросалась в атаку. И горе тому, кто не успеет увернуться!

Ей отрезали путь к Белой, дали спокойно отдохнуть. Утром поднимали и, увертываясь от лихих набегов, перегоняли ближе к дороге.

Волна вышла на просеку уже близко от кордона.

Учуяв след своих сородичей, она без понукания прошла всю тропу до Сосняков, а увидев загон, обрадовалась: взбрыкивая и размахивая хвостом, обежала ограду, заметила открытые ворота и, не сбавляя хода, ворвалась внутрь.

Навстречу ей спокойно шли Журавль, Еруня, Лира и Жанка.

Волна улеглась в густой траве и утомленно закрыла глаза. Лежала мирно, словно деревенская корова после вечерней дойки.

Михаил Андреевич устало ввалился в домик наблюдателей, через плечо Лиды сорвал отрывной листок календаря и положил перед ней.

— Что? — Она снизу вверх посмотрела на Михаила.

— Запиши крупными буквами в летопись природы. Диктую: «Четвертого августа тысяча девятьсот сорокового года в Кишинский зубровый парк прибыло пять зубров горного подвида».

— С чем и поздравляю тебя от всего сердца,— как можно торжественней ответила она.

День выдался солнечным, теплым. Вечером, когда зоологи уходили по тропе на кордон, стало так тихо, что не шелохнулся ни один листочек на кленах. От высокой травы начинал подыматься ночной холодок. Усилился запах отцветающего подбела, буквицы, клеверов. Осевшее к самым хребтам солнце косо освещало поляны, удлиняя тени от деревьев и скал. Черные пихтовые леса дремотно стояли по склону. Кавказ баюкал вновь обретенных детей своих.

Теперь ученые и егеря могли отдохнуть. Дело сделано.

Лида и Михаил шли, взявшись за руки, посматривали друг на друга, улыбались и молчали.

У ручья, бойко катившегося к реке, перед игрушечным мостиком из тонких березовых жердей они остановились.

— Я боюсь,— сказала Лида.

— Перенести?

— А ты сумеешь? — Лида как-то странно засмеялась.

Он не ответил. Просто поднял ее и понес на руках через шаткий мостик.

И за ручьем, через луг он все еще нес ее, а она совсем не торопилась спускаться на землю. Руки девушки уютно обнимали шею Михаила.

5

В сотне километров от загона с зубрами, на северной стороне Передового хребта в этот летний вечер засыпал город Майкоп. Гасли огни в окнах. С гор веяло прохладой, слышнее шумела река, сбегавшая с последних увалов в долину.

Дольше всего светится огонь в домике Зарецких.

Данута Францевна и Андрей Михайлович уговорили Телеусова погостить. Старый егерь охотно остался. В такие-то дни ему и самому не хотелось покидать друзей.

На столе шумел самовар, окна в сад оставались открытыми. Слышно было, как в сарае пофыркивали кони, роясь в пахучей охапке клевера, брошенного им на ночь. Трещали в саду цикады. Сладкий запах душистого табака проникал в комнаты.

— Ну вот, и слава богу,— в который раз бормотал седой Алексей Власович, пододвигая горячую чашку с чаем.— И успокоились мы, сами повидавши, как возвернулись наши звери. Сколько лет-то прошло?..

— Ты Кавказа припоминаешь? — Зарецкий наклонился к другу.— Не забыл, как ловил да как мы везли его в Питер и дальше?

— Маленько помнил. А вот увидал быка, как он из клетки вылез, так враз все и прояснилось. Почудилось мне, будто он и есть наш Кавказ, тольки подросший, справный телом. Что голова, что стать, тут уж без ошибки: нашенских кровей. Погостил по заморьям — и домой прибыл. К месту рождения, значит.

— Журавль. Молодой еще. По-научному в нем пять шестых зубриной крови. И ведет он родословную от Кавказа.

— Вот ведь как! По кругу.

Время показало, что их труд во спасение дикого зверя на Кавказе не прошел бесследно. Зубры снова здесь.

— Могет быть,— сказал опять Телеусов,— что нонешние егеря счастливее нас окажутся, как ты считаешь?

— Счастливей?

— Я о Мише, сынке вашем, думаю. И об этой смелой девахе, которая с ним взялась за зубров. Говорю, счастливей нас будут. Сохранят и умножат для блага...

— Мир нужен, вот что главное, Власович. Тогда и природа не порушится, и зверь уцелеет.

— А ежели война? Разговоры всякие слышу.— Он пытливо смотрел на Зарецкого.

— Не поминайте о ней, Алексей Власович.— Данута Францевна прижала к лицу руки.— Скольких людей мы потеряли, сколько близких! Будем надеяться на лучшее.

— И то... Лучше о хорошем подумаем. Года не пройдет — зубрята появятся. Тогда их можно на волю. И мы побудем на Кише, полюбуемся, как да что, порадуемся за порядок в заповеднике.

Андрей Михайлович согласно кивал. Взгляд его скользнул по только что просмотренным газетам. И он не сдержал озабоченного вздоха.

В мире бушевала война.

Глава пятая

На своей родине. Директор знакомится с зубрами. Похороны Телеусова. Решение старого Зарецкого. В Москве, у Гептнера. Признание на вечерней поляне. Война. Бизоны из зоопарка. Трагедия

1

— Это называется пластичностью организма. Есть же у них кавказская кровь? Потому и легко прижились.

Так говорил Жарков, наблюдая за поведением зубров на новом месте.

А новое место отличалось от старого, как свет от тьмы, как море от суши.

Разреженный и прохладный воздух зубрам явно нравился, он бодрил, от него по коже пробегали мурашки, вызывали странную щекочущую возбужденность. Хотелось бегать, валяться, играть, что вовсе не подобало крупным зверям с характером более чем замкнутым.

По утрам, когда земля согревалась и начинала источать душистый свежий запах, росные травы так были сладки, так приятно хрустели на зубах, что пастьба доставляла зверям огромное удовольствие. Быстро насытившись, зубры не ложились, а вытягивались гуськом и шли цепочкой к месту, где была соль. Волна, все еще не считавшая Журавля за взрослого, шла, естественно, первой. Ерную она оттеснила.

Зубры любили стоять над солонцом, даже вдоволь нализавшись. Солнце пригревало бока, от лоснящейся шерсти исходил парок. Когда согревались, приходило озорство. Жанка и Лира подхватывались и мчались по кругу, вверх, вниз, лавируя между кленов,— только ошметки из-под копыт. Это выглядело столь заразительно, что Журавль, Еруня и Волна тоже кидались за молодыми, обгоняли их, с необыкновенной легкостью взлетали на крутые бугры, перепрыгивали ручьи — и все на скорости, с раскрытыми ртами.

Вволю набегавшись, стадо ложилось в тень. Загон утихал. Над головами редко покрикивали желны, журчал ручей. Рай...

— Они пришли сюда, как в родной дом. Эт-точно!

Задоров смотрел на зоологов с некоторым вызовом. Все верно, хотя три, а то и четыре поколения отделяли нынешних зубров от тех, кавказских и беловежских. Асканийская степь, как и восточнопрусские пески были для них пересадочными пунктами и не оставили заметного следа. Они не сделались более ручными. Они не утеряли ни диких привычек, ни волю к свободе. Нуждались ли они в человеческой поддержке теперь?

Это показала зима.

За два октябрьских дня навалило более полуметра снегу, а морозец еще и прихватил его сверху. Зубры не выходили из густого дубняка, лежали, засыпанные снегом, как под толстыми одеялами. Но голод позвал их на заснеженный луг.

Зоологи были просто в восторге, когда увидели, что зубры ловко и сноровисто взялись пропахивать снежный наст лбом, грудью, разбрасывать копытами, добираясь сперва до примятой травы, а потом и до зеленой ожины, которую все лето обходили стороной. Вспомнили первобытность!

Журавль, подцепив зубами колючую плеть ежевики, тянул ее именно туда, где она приросла, и, отряхнув, принимался жевать, переступая по мере того, как плеть укорачивалась. Еруня осторожно срывала верхушки мелкого осинника, пробовала кору на ильмах. А Волна самым старательным образом ковыряла снег под дубами в поисках желудей. И под дикими грушами старалась: любила плоды, как и Еруня. У обеих имелись особые основания искать более солидную пищу, чем старая трава.

И все-таки звери не забывали кормушек. Нуждались в помощи.

Зуброводы ходили с лицами именинников. Столько говорили, писали об акклиматизации зубров, так боялись перемены местожительства для них, а на деле все получилось иначе. Зубры не страдали от высоты, от новых кормов, от погоды. Им здесь прекрасно жилось.

После недельной вьюги, в течение которой ученые лишь раз в день приходили с кордона к загону, чтобы убедиться в сохранности и здоровье зверя, произошло событие, записанное в историю кавказского стада. На снегу у самого кордона обнаружились следы волчьей стаи. Шесть или семь голодных хищников рыскали у жилья. След уходил

к Сулиминой поляне. Возможно, учуяли зубров, но не знали, с кем имеют дело.

Схватив винтовки, Зарецкий, Жарков и Задоров стали на лыжи и пошли к загону. След уходил за жердевую ограду, к зубрам. Чуть дальше виднелся истоптанный снег, волчьи и зубриные следы вперемешку и лежал труп совершенно разорванного и растоптанного матерого волка. А в загоне не было ни одного зубра!

Озадаченные зуброводы прочесали лесные уголки в пределах изгороди, нашли пролом в ограде. В погоню или от страха?..

Распахнув ворота, люди отправились искать зубров.

След повел к горе Слесарной — месту очень опасному,

с ущельями и провалами, сплошь в зарослях жасмина, рододы и лещины, переплетенных лианой. Стало ясно, что зубры мчались за волками. Коротконогие волки застревали в твердом снегу, тогда как зубры легко взрезали сугробы. Вот еще один растерзанный хищник. Кровь на ветках барбариса, это оцарапался зубр. И наконец, картина, которая сразу сняла напряжение: их стадо...

На округлой луговине, по сторонам которой стояли сосны, лежала вся пятерка. Глаза и уши их следили за лыжниками. Вокруг желтели окопчики недолгой пастьбы, снег был сбит и со склонов, откуда свисала старая трава. Ее оборвали.

— Ближе подходить не будем,— прошептал Задоров.— Пойдем в обход, потесним к загону.

Едва они скрылись за соснами, как зубры поднялись и неторопливо, словно на прогулке, пошли в сторону дома.

Через час ворота за ними затворились.

— Ну, что вы скажете? — спросил Зарецкий, когда все население кордона собралось в большой комнате старого помещения. И посмотрел на Лиду.

— Зубры сами высказались достаточно убедительно,— живо ответила она.— Готовы к вольному житью. А мы планировали выпустить их из загона на третий год. Поправку примем к сведению. Темные милые рогатики! Так проучили волков! Это опять же в пользу их вольного содержания: могут постоять за себя.

В конце октября Лида заметила беспокойство Волны. Отел?.. Зубрицу не без труда отделили от стада и заперли в утепленном сарае с двориком. Вскоре изолировали и Еруню. Их обеих обильно кормили. Зубрицы все время проводили в темном помещении.

Лида бегала к ним по три раза на день. Подсматривая в щелочку, она говорила зубрицам из-за стены какие-то ласковые слова, бросала куски хлеба с солью, морковь, сухие груши, а вернувшись в дом, озабоченно вздыхала:

— Скорее бы! Такое время, все ближе к холодам. И в неволе...

Первой принесла телочку Волна. Когда и как это случилось — осталось тайной. Малютку увидели на третий день. Было довольно тепло, и Волна вывела ее во дворик, чистенькую, вылизанную, но еще шатающуюся на нетвердых ножках. Телочку назвали Валькирией. Волна с недоверием косилась, то и дело собиралась кинуться или стано-

вилась так, чтобы укрыть малышку от чужих глаз. Валькирия жалась к материнской косматой груди, смешно переступая, подбиралась к вымени.

— Завернуть бы ее в телогрейку, что ли, вон как дрожит,— переживала Лида.— Вдруг простудится, заболеет?

Зарецкий посмеивался. Попробуй заверни...

Еще через три недели, так же незаметно и просто отелилась Еруня. И тоже принесла телочку. Ее назвали Ельмой. Отцом обеих был Бодо.

На счастье, удерживалась оттепель, морозец схватывал снег только ночами. Зубриц кормили хорошо, но они выходили из сарая, с удовольствием грызли кору на ильмах, обгладывали изгородь и даже выпирающие из земли корни дубов.

— Неужто голодные? — удивлялся Задоров.

— Обычное явление,— успокаивал его Игорь Жарков.— Укрепляют желудок. Танин, понимаешь? Желудей им побольше, коры.

Зубрята росли быстро, вскоре у них уже чернели рожки, поступь окрепла, они тоже выходили во дворик даже без родительниц, пытались скакать и бегать, но очень неуклюже.

Наконец их выпустили в общий загон.

Звери отнеслись к матерям и телочкам с милой предупредительностью. Уступали дорогу и место у кормушек, у солонца, освобождали лежку в затишке. Впрочем, Волна и Еруня были постоянно настороже и могли проучить всякого, кто, по их мнению, угрожал маленьким. А когда дни посуровели, они принимали дочек под косматую грудь и так лежали вместе, укрытые снегом. Но в сараи заходить не любили. Спартанское воспитание.

В Майкоп родителям, в Москву Макарову и Гептнеру Михаил Зарецкий написал подробные письма. Семь. Уже семь зубров в горах!

2

Директор заповедника долго не появлялся в Кишинском зубропарке, узнавал о событиях от наезжавших в Гузерипль сотрудников. Всякий раз, выслушав такой доклад, он сильнее выпячивал толстые губы и бубнил: «Не было у бабы хлопот, купила себе порося».

Он по-прежнему занимался хозяйственными делами. Успешно торговал всякой всячиной с заповедных угодий, куда-то спешил на совещания и собрания, спорил, по-базарному хлопал ладонью о ладонь собеседника, словом, действовал, как привык действовать. Правда, в этой его деятельности обнаруживалось и полезное начало: он строил. Гузерипль становился приличным поселком, через Белую положили новый мост, подправили дорогу. Но все это относилось скорее к исправлению собственной ошибки, чем к новаторству.

Когда он, наконец, пожаловал на Кишу, шел уже 1941 год. Зима не очень свирепствовала, и поездка не выглядела обременительной.

Зубры на него особого впечатления не произвели. Бык да коровы с телками, только и всего. Есть о чем говорить! Вот если бы слоны... А таких, как эти, в любом колхозе можно видеть. Но там хоть молоко. А что от зубров?..

Заговорившись с Михаилом Зарецким, он небрежно облокотился на изгородь загона, даже руку просунул по ту сторону и, будучи в настроении, вдруг чему-то расхохотался. Метрах в сорока прохаживалась Волна с дитем. То ли этот чужой голос вывел ее из равновесия, то ли почуяла она опасность от многолюдства. И взыграла. Сорвалась с места и налетела на ограду. Удар потряс плахи, он пришелся рядом с директорской рукой. Миг — и большой тучный человек, как резиновый мячик, откатился метров на восемь от изгороди. Поднялся бледный, с вытаращенными глазами.

— А! Эт-то что ж? Убить могёт! Да как они!..

— Запросто могут,— сказал Борис Артамонович.— Дикари, эт-точно. Что с них взять, товарищ начальник?

— А где об этом самом написано у вас? — директор вдруг закричал: — Где объявление, что подходить опасно? Порядок где? Колесо на мельнице вертится, так сетка кругом поставлена. А тут образина, понимаешь,— и гуляет себе вольно! Чуть что — на рога!

— Ограда,— сказал Зарецкий.— Ничего не случилось, выдержала удар. Вот скоро выпустим их на вольное пастбище, тогда...

— Еще чего! По лесу не проедешь, выскочит такой скот — и будь здоров...

— По зубровому парку не положено ездить. Зубры

никакого соседства не любят. Киши — глубокий резерват, посторонним здесь находиться запрещено.

До самого вечера гость выглядел беспокойным, оглядывался даже в помещении, где ужинал, прислушивался. Зарецкий положил перед ним бумагу — просьбу в главк по заповедникам отловить для кавказского стада еще одного быка из сохранившихся в Беловежской пуще и пять потомков Бодо из Аскании-Нова. Таков был план ускоренного поглотительного скрещивания на зубра, чтобы вытеснить бизонью кровь у следующего поколения. Директор долго смотрел на бумагу и передергивал плечами. Переживал кошмарное видение будущего: встречу в лесу со стадом зубров... Зарецкий как раз говорил, что через два десятилетия сотни зубров освоят свою старую прародину и число их достигнет тысячи голов.

— Сколько, сколько? — переспросил директор.

— Тысяча...

— Зачем? На мясо?

— Ну что вы! — Зарецкий даже смутился.— При чем тут мясо?

— Толк, толк какой, я спрашиваю? Кожи? Не для красоты же держать этакое стадо. Сожрут все!

— Миллион лет назад они жили на всей Русской равнине и, представьте, не съели, хотя было их великое множество. В 1914 году на Кавказе жило семьсот голов. Ничего. Уцелел Кавказ.

— Ну, ты скажешь! Это ж в каменном веке было! Народ по пещерам прятался. Считать не умели, не говоря о бухгалтерии. А нынче как: задумал дело — докажи, что оно прибыльное. Не доказал — будь здоров, уходи и на глаза не показывайся.

Лида вдруг рассмеялась, да так громко, заразительно, даже голову закинула. Вот это образ мыслей! Отсмеявшись, сказала:

— Дарвин. Чарлз Дарвин. Читали?

— Ну?.. И что этот Дарвин?

— Он писал, что ни один вид животных или растений не может быть стерт с лица земли лишь потому, что в данный момент человечество не знает способов его использования. Вдруг они носят в себе какое-то особое вещество, лекарство, гормоны?

— А мы и не стираем. Вот развели же... Ходят. Ну и пусть ходят. Но разводить тысячами... Перебор!

— В далекой перспективе. Сейчас мы просим всего-навсего одного быка и пять телочек,— Зарецкий начинал раздражаться.

— Шесть? На такую цифру я согласен. А вот перспектива, как ты сказал... Туристам ходу на Кавказ не будет. Этого нельзя!

— Заповедник не для туристов.

— Ух ты! Базу для них строю. В Гузерипле, на Умпыре. Выгодное, считаю, дело.

И тогда разгорелся шумный спор. Ученые, перебивая друг друга, принялись доказывать ошибочность директорского взгляда. Заповедование — это прежде всего запрет на всякую деятельность и пользование, будь то лес, охота, туристские тропы.

Был ли это первый довоенный спор на живучую тему или он уже случался раньше, сказать трудно. Но и позже, спустя десятилетия, отголоски его зазвучали, к сожалению, не только на кордонах, но и в министерских кабинетах, да так аукнулись, что тяжелым бременем пали на многие заповедники страны.

— Ладно...— Директор прижал ладони к ушам.— Бумагу я подписываю. Но вся ответственность на тебе, Зарецкий. И на тебе, Шарова. Снабжать кормами категорически отказываюсь! Всех зверей — на самообслуживание! Рогиноги есть, пусть ходят и кору гложут, траву стригут. С меня спрос, а не с этого, извините, Дарвина.

В разговоре, в громком споре никто не услышал, как открылась дверь и в комнату тихо вошел какой-то растерянный, сутулый Андрей Михайлович Зарецкий. Он облокотился о притолоку, послушал и, уловив паузу, сказал:

— Я с плохой вестью, друзья. Только что из Хамышков. Телеусов умер...

Мгновение глубокой тишины. И общий вздох, словно большая человеческая душа охнула. Всхлипнула Лида. Все стояли опустив головы. Первый егерь заповедника...

— В одночасье помер,— сказал Зарецкий.— Приехал за мной в Майкоп, переночевал, выехали сюда, добрались до его дома. Он вошел, сел у стены, жена налила воды в умывальник, обернулась, а он и голову уронил... Вечная ему память! Одно утешение: удалось ему увидеть зубров на Кавказе.

Утром кишинские зуброводы выехали в Хамышки. Хоронили старого егеря многолюдно и торжественно. Могила

его осталась на старом солдатском кладбище через дорогу от поселка.

Не пришлось ему дожить до страшного июня сорок первого.

3

На пути в Москву Михаил Зарецкий два дня провел в Майкопе.

Его отец, еще более осунувшийся после смерти Алексея Власовича, все более озабоченный сообщениями из Европы, где широко полыхала война, как-то очень невнимательно выслушал планы, которые разворачивал перед ним Михаил. Это не означало, конечно, потерю интереса к заповедным делам и к зубрам на Кавказе. Это была реакция на тревожные и грустные события жизни. Неужели его сыну тоже суждено надеть солдатскую шинель?.. Что за век такой, что за ярость человеческая?..

А Михаил не думал о войне и ни о чем другом, связанным с войной. Он всецело продолжал жить заповедником, зубрами, ему было хорошо там, рядом с Лидой, которая на редкость умно и деятельно помогала Зарецкому в его работе. Общее дело заполнило всю их жизнь. И дело это казалось им наиважнейшим среди всех других. Еще бы — восстановить утерянный вид!

— Я хочу, папа, добиться покупки новых зубров,— говорил Михаил.— У Яна Жабинского записано, что в Польше были еще потомки Кавказа, по имени Борус, Бискайя и Бизерта, с хорошей долей кавказской крови. Целы они? Или их потомки? На будущий год у нас появятся еще зубрята от Журавля. Опять возникнет угроза близкородственного размножения, мы хотим избежать этого. Из Москвы я думаю выехать в Беловежскую пущу, чтобы ускорить дело. Надо привезти несколько зубров.

Отец посмотрел на карту. Немцы находились всего в двухстах километрах от пущи. Такая опасность!.. Понимает ли он?..

Данута Францевна смотрела на сына, на мужа, опять на мужа и сына, догадывалась, что переживает Андрей Михайлович и о чем не знает их сын. Она не хотела, чтобы отец все это высказал и испортил Мише его боевое настроение.

Андрей Михайлович подошел к карте.

— Посмотри сюда, Миша. Подумай. Вот она, пуща, а вот тут — немцы, их отмобилизованные дивизии. Их танки и штыки. Их многолетняя нацеленность на восток, дранг нах остен.

— Штыки немцев повернуты, кажется, не в нашу сторону.

— Штыки легко повернуть куда угодно. Ни один старый солдат не верит в стабильность положения на нашей западной границе. Затишье перед бурей. Фашисты — и мы. Неодолимая пропасть. Я не уверен, что успеешь отловить быков в Беловежской пуще, что вообще поедешь туда.

— О чем ты, папа?..— Михаил вдруг сел, испуганно посмотрел на отца, потом на карту. Он не был готов к подобному разговору. Война не представлялась ему чем-то очень близким и опасным. Мы достаточно сильны — это он знал, так был воспитан, с верой в победу.— Неужели ты думаешь, что они рискнут напасть?..

— Да, я так думаю. И когда настанет удобный для них момент, штыки повернутся в нашу сторону. Я не знаю, как сложится обстановка, но на душе у меня тяжело. Представь: ты наденешь шинель, все твои друзья — ученые и егеря — тоже. Кто останется в заповеднике? Директор? Это хуже всего. Так вот, если случится самое плохое, заботу о зубрах я возьму на себя. В солдаты не годен, так хоть здесь... Лиде одной не справиться. Дело сложное, без мужчин трудно. Не исключай и такого хода событий.

Михаил подавленно молчал. Ему и в голову не приходило подобное.

— Я тоже буду рядом с Лидой,— тихо сказала Данута Францевна.— Втроем будет легче.

— Могу я сказать о твоем желании в главке? — Миша стоял перед отцом.— Я имею в виду военное время.

— Да. Василию Никитичу Макарову. Он меня помнит. И поспеши-ка ты, сынок, с беловежским пополнением. Там зона опасности. Чем скорее управишься, тем лучше.

Ночью Михаил сел за письмо. Самое длинное и самое, пожалуй, серьезное письмо из всех, написанных им Лиде Шаровой. Он крупно и разборчиво написал, что любит ее. Признание для Лиды, в общем-то, не такое уж неожиданное, но так вот прямо написанное слово о любви, да еще в письме суровом, тревожном,— это слово звучало очень смело и честно. «Люблю. И если все плохое не произойдет

слишком скоро и я успею вернуться к тебе, то хочу услышать твой ответ, чтобы решить наше будущее — сегодня и навсегда».

Утром он отдал письмо маме.

— Отправь, пожалуйста, с первой оказией. Через надежные руки.

Она поняла.

4

Весенняя Москва встретила Михаила ярким солнцем, последними сильно потемневшими сугробчиками снега и бесчисленными светлыми ручьями. Река вскрылась, по ней важно плыли ноздреватые, хрупкие льдины. Веселые люди заполняли улицы.

Вид сияющей Москвы, спокойный ритм, всегда свойственный ее лику, знакомый высокий дом на Чистых прудах с машинами у подъезда, где помещался главк,— все это никак не вязалось с мрачными предсказаниями отца. Зарецкий повеселел. Мир более устойчив, чем могло казаться из далекого Майкопа. И командировка его, конечно же, увенчается успехом, он привезет зубров из пущи и Аскании, словом, без помех продолжит работу, которая так радовала его своей творческой доброй сутью.

Вспоминая о письме Лиде, он озорно краснел. Давно хотел признаться... Когда он вернется на Кишу, у них начнется другая жизнь. В тысячу раз лучше!

Он не нашел Макарова, зато побывал у знакомых зоологов, рассказал, зачем приехал, получил одобрение. Они вместе написали письмо для Совнаркома РСФСР, которому теперь подчинялся главк заповедников, с просьбой разрешить перемещение шести зубров из пущи для кавказского стада.

Вечер Михаил провел у Владимира Георгиевича Гептнера, рассказал о поведении зубров, о перспективе роста стада и не без иронии о директорских словах: «Зубры? На мясо? На кожи?»

Профессор даже не улыбнулся. Напротив, как-то поскучнел, походил по комнате, сказал:

— Ваш директор не оригинал, не он один мыслит только хозяйственными категориями. Мы постоянно ведем борьбу за научную чистоту заповедников против попыток

использовать их в качестве источника хозяйственной выгоды. Дело не только в отсутствии у людей нужных познаний или просто элементарной этики по отношению к природе и к будущему. Все сложнее. Мы со школы начинаем воспитывать в человеке потребителя, печатаем бравые книги о власти над землей, учим брать и брать. Все это порождено и великими потребностями, и поверхностным оглядом своей земли: вон какая махина, шестая часть мира! На всех хватит! На тысячи лет! А это ведь далеко не так. Совсем не так! Население растет, техника тоже. Проблема...

На другой день Зарецкий сидел в кабинете Макарова. Тот долго вертел в руках письмо директора и бумагу для Совнаркома, потом взялся разговаривать, по одному телефону, по другому и, наконец, протянул бумаги Михаилу, не подписав их.

— На память,— сказал без улыбки.— Храни до лучших времен.

— Я так понимаю, что сейчас плохие времена?

Он не ответил, встал и, как старший Зарецкий, подошел к карте.

— Вот она, Беловежская пуща. Зубры там на воле, прячутся в глухих уголках. Отловить их трудно. Да и некому. Все заняты. Чем?.. А вот тут,— палец его скользнул к Висле,— тут, понимаешь ли, стоят чужие танки. Это тебе известно?

— Отец говорил. Еще сказал, что, если я надену солдатскую шинель, сам он пойдет в заповедник.

Макаров задумчиво смотрел на Михаила.

— Вот как! Он мудрый человек! Не дай бог, конечно, войны, но кто знает... Скажи ему, что старик Макаров будет безмерно благодарен ему, если он примет на себя, в случае опасности, заботу о зубрах. На него можно положиться.

— А как же с пущей? Могу я поехать туда?

— Нет, не можешь. Военная зона. Зубров там охраняют, а вот чтобы устраивать отлов — этого не будет. Требуется согласование с самыми высокими инстанциями, а там и без нас забот... Если все обойдется, я вызову тебя. Вот такие дела, дружок. Значит, асканийцы прижились? Место им по душе? Из Крыма сообщили, там тоже зубрята пошли.

— Мне можно возвращаться, Василий Никитич?

Макаров молча пожал ему руку.

Майские праздники удержали Зарецкого в Москве. Он

не сразу сумел купить билет на юг. Только на третье число.

Он побывал у своих университетских друзей, даже на вечеринку попал и по этой причине возвращался в гостиницу далеко за полночь, пешком. Вот тогда-то он и поглядел в глаза войне: почти час стоял на Цветном бульваре, пережидая, когда пройдут танки и автомашины с красноармейцами. Они шли и шли, спускаясь по Садовому кольцу, наполняя улицу едким дымом солярки. Редкие прохожие все подходили, толпа стояла кучно, дожидаясь перехода на другую сторону, глядела на войска, грохочуще идущие через Москву. Наконец выше, у кинотеатра «Уран», между колоннами появился разрыв, толпа изготовилась, побежала. Зарецкий обернулся с тротуара. Машины шли опять, наполняя душу предчувствием неладного.

...В Белореченской он увидел, как грузились в вагоны казачьи части.

Первые слова, сказанные отцом, были:

— Тебе повестка из военкомата. Отдохни, расскажи, что там, и сегодня же явись, как положено.

Миша поцеловал его в щеку.

— Кажется, ты во всем прав, папа.

В военкомате он пробыл до позднего вечера. Двор был заполнен неунывающим молодым народом. Пели песни. Здесь он встретил Задорова.

— Всех егерей вызвали,— сказал Борис Артамонович.— Что происходит?

— То самое, о чем думаешь и ты.

— Эт-точно! — И умолк, помрачнев.

5

На Кише каждый вечер разговоры о событиях в мире.

Зоологи на все манеры комментировали известия, но сходились на одном: и вызовы в военкомат, и приказ готовиться к призыву — это меры предосторожности перед опасностью войны. Не более того.

Приехал директор. Он вел себя иначе, чем в прежний наезд. Со всеми соглашался, заискивал, его вытаращенные глаза выражали растерянность. Не спросил, что с зубрами, не поехал на Сулимину поляну. Зато пространно говорил об огромном значении проекта восстановления зубров, о роли заповедника и вдруг попросил Лидию

Шарову сочинить ему бумагу, чтобы отразить, как он выразился, место заповедника в истории и современности.

— Буду настаивать на броне для всех ученых и охраны. Война, конечно, общее дело, но бросать такую работенку нам нельзя. Садись, пиши. Возражений не будет?

— Я добровольцем пойду, если что,— сказал Задорнов.

— Да как ты можешь? — Директор сердито насупился.— Мы считаем тебя спецом по зубрам. Их охранять кто будет?

— Россию защищать — это и зубров защищать. А тут жена останется, она дело это знает.

Директор перевел глаза на Зарецкого.

— Тоже пойду на фронт,— сказал он.— Лидия Васильевна возьмет на себя заботу о зубрах.

Примерно так же высказались зоологи Жарков, Теплов, даже пожилые егеря. Директор совсем растерялся. Широкий лоб его покрылся капельками пота. И как только Лида отдала ему исписанные странички о значении заповедника, засобирался и уехал в Майкоп, конечно не отказавшись от своего намерения о броне для сотрудников. Для себя тоже...

В начале июня на Кишу приехали старый Зарецкий и Василий Васильевич Кожевников, которому уже было более семидесяти. Прямая фигура, белая борода, голубые глаза из-под мохнатых бровей делали его похожим на былинного старца Древней Руси. Чуть не со всеми зоологами они поехали в зубропарк, пробыли там и ночь. На другой день исходили вдоль и поперек склоны вокруг загона, осмотрели огороды и похвалили кишинцев за хозяйственность и благоустройство.

Возвратились на Кишу. Перед вечером Михаил сказал отцу:

— Мы с Лидой собрались погулять. Составь нам компанию.

Андрей Михайлович кивнул. Сын помог ему надеть плащ. Пошли через красивый луг не в сторону зубропарка, а вниз, к реке. Стоял тот задумчивый час, когда все в природе затихает, а шумный день уступает место мягким сумеркам, полным дневного тепла, но и близким к холодной ночи. Разноцветный ковер выстилал склон, по которому шла тропа. В кустах черемухи распевали щеглы. Глухо

гудела река. Солнце ушло, но облака над горами, освещенные снизу, бросали на землю оранжевый свет.

Они остановились.

— Папа,— сказал Михаил, заметно волнуясь.— Мы с Лидой решили пожениться. Мы давно любим друг друга. И мы просим тебя и маму...

Тут он запнулся. Старое слово «благословить» никак не выговаривалось. Лида опустила глаза.

Андрей Михайлович обнял их.

— Мир вам и счастье, дорогие. В такое время, когда будущее... Впрочем, зачем об этом вспоминать! Одного желаю: если грянут испытания, будьте дружны, крепки духом и берегите свою любовь.

— А как же мама? Как мы скажем ей?

— Положись на меня. Шепну вам по секрету: она давно ждет этого события. Я привезу ей добрую весть!

Они возвращались, когда уже стемнело. Взявши старшего Зарецкого с обеих сторон под руки, говорили обо всем на свете. Счастливые, они оттолкнули в эти часы все тревоги. Жизнь, целая жизнь впереди!

Через считанные минуты о событии узнали во всех домиках кордона. Пятнадцать человек уселись за один стол. Перед большим фамильным самоваром хозяйничала жена Бориса Артамоновича. Черные горы и лес замыкали кордон со всех сторон, охраняя его от мировой неустроенности. Здесь властвовали мир и счастье.

Этот мир просуществовал для кишинцев еще одиннадцать дней.

Воскресным днем кто-то из сидевших у маленького приемника услышал торжественно-грозные слова. Правительство Союза Советских Социалистических Республик сообщало о нападении на нашу страну фашистской Германии.

Прискакал вестовой из управления. Директор бодро сообщал, что все работники заповедника до особого распоряжения остаются на своих местах.

Он все-таки добился, чего хотел.

Броня оказалась для егерей и ученых только отсрочкой. Война быстро приобрела такой тревожный оборот, что ни о каком послаблении с мобилизацией не могло быть и речи.

Через несколько месяцев после начала войны немцы находились недалеко от Ростова-на-Дону...

6

Кордон опустел. Мужчины ушли уже в конце августа. С этого дня все заботы пали на женские плечи. Предстояло убирать огороды — картошку, морковь, докашивать траву, дежурить у загонов, готовиться к зиме.

Из Гузерипля прискакал заместитель директора по науке, сунул Лидии Васильевне телеграмму, а сам свалился, улегся на землю. Так устал, так торопился!

Она смотрела на срочный бланк и глазам не верила: «Адрес Кавказского заповедника прибывает вагон дикими зверями эвакуированными Московского зоопарка. Обеспечьте прием, выгрузку, сохранность. Полная ответственность». По бланку синим карандашом наискосок шла директорская резолюция: «Л. В. Шаровой. Выезжайте в Хаджох. Мобилизуйте народ для перегона бизонов на Кишу».

— Бизонов? — повторила она.— Каких еще бизонов?!

— Я почем знаю? — Заместитель угрюмо отвернулся.— Живых, надо полагать. Из Гузерипля выехали семь человек. Собирайте своих — и скоро-скоро...

— Да вы понимаете, какая это опасность — привезти бизонов к нашим зубрам? Это, это...— Она задохнулась от негодования.— А если они больны? Почему не в Гузерипль, не в Карапырь? Я не представляю себе, чтобы умные люди...

— Ничего не знаю. Есть приказ — исполняйте. Я отправляюсь в Хаджох. Жду вас как можно скорей.

И ускакал.

Лидия Васильевна посмотрела ему вслед и расплакалась. От обиды, от страха за своих зубров. Она поняла, что это безрассудство, глупость. Это катастрофа для заповедника! Но приказ в военное время?.. Его полагалось выполнять. Она свела брови и начала действовать. Двум пожилым лесникам приказала срочно ставить сбоку зубропарка отдельный загон для бизонов, а сама со всеми женщинами в седлах поехала навстречу неизвестному.

Девятого сентября груз прибыл на станцию. Две открытые платформы с клетками. Затурканный, грязный работяга-сопровождающий подал Шаровой документы:

— Распишитесь, что приняли. Хватит с меня!

— Сколько вы в дороге? — спросила она.

— Три недели.

— Кормили? Прививки им делали?

— Когда там! Из клетки в клетку. Последний овес вчера скормил. Сам голодный, не дождусь, пока сдам.

— Останетесь помогать. Когда выгрузим и устроим зверей, тогда получите расписку. А вы,— она глянула на замдиректора строгими глазами начальника,— вы тотчас дайте телеграмму директору, пусть постарается вернуть хоть на несколько дней наших зоологов. Они еще в Лабинске. И вызывайте ветврача с вакциной для прививок. Немедленно!

В документах значилось: «Бизон Бостон, вес 880 килограммов, зубробизон Жах, зубробизонка Зорька и гибрид бизоноскота Гедэ». Ну какой, извините, глупец послал их сюда? Почему не в Мордовию, не на Урал, не в Уфу?! Впрочем, поздно горевать, их тоже спасать надо, еле живые.

Подогнали машины. Бизоны храпели, бились в тесных клетках. С большим трудом перегрузили, повезли в сторону Даховской. Где выгрузить, как гнать?! Да и гнать-то нельзя: не выдержат. Прежде нужно дать им отдых.

Знакомый рабочий подсказал:

— Дубильный завод знаете? Там длинные штабеля двухметровых баланов. Можно за́раз переложить их на манер загонов и зверей туда. А входы клетками загородить.

Она ухватилась за эту мысль, упросила рабочего скакать вперед, собрать всех, кто может начать перекладку.

К штабелям подъехали часа через четыре. Народ вышел, работали. Поленья лежали рядами; меж рядов — метров по двадцать; оставалось заложить всего по две стенки. Успели. По каталкам сгрузили клетки, поставили отдельно у трех загонов. Выломали передние стенки клеток. Чавкая навозной кашей, вышел громадный Бостон. Прошел десяток шагов — и сразу лег. Точно так повел себя и Жах в соседнем отсеке. Шустрее выглядели бизонки, они побегали, пощипали траву, погрызли кору на дубовых стенах.

На ночь Шарова оставила сторожей. Сама ночевала на заводе.

Чем свет набросали через загородку свежей травы. Бизоны накинулись, как на лакомство. Вид их пока не внушал опасения. Но ветврача все не было. Пропал и замдиректора. Сбросили заботу.

В этом месте звери жили три дня. Очень кстати прошел сильный дождь. Бизоны отмылись. Посвежели, выглядели лучше. Решили двигаться так: сначала один бык, за ним

другой, следом бизонки — с разрывом в три-четыре часа.

Быстрый Жах, пепельно-серый гигант, как только увидел выход, рванул с места — и челноком по долине, туда-сюда, всадницы от него; кое-как все же вогнали его в просеку. Бизон мчался, словно за ним гнались, и так до старого амбара близ Сохрая. Там лег — и ни с места. Его понукали, швыряли палками, бизон рассердился, выбежал на узкую, крутосклонную дорогу, по которой вперед пустили пару волов с двухколесной волокушей, полной травы. Жах догнал волокушу и потянулся за ней, на ходу подкрепляясь овсяницей. Лишь раз отстал, когда пил из ручья.

Бостон не захотел выходить из загона. Забился в угол и дико посматривал на людей. Выгнали его не без труда, направили на дорогу, по следу Жаха. Шел осторожно, часто пил в лужах, часто ложился. Послушный. Даже какой-то удручающе скучный.

С бизонками еще проще. То ли у них нрав был общительный, то ли стремились к постоянному месту, они весь путь прошли спокойно и почти догнали Бостона на подходе к Сулиминой поляне.

Новый загон сделать успели, от основного отгородили двойной стенкой, чтобы не соприкасались с зубрами. Как только заперли, люди повалились без сил, не веря себе, что пригнали.

Лидия Васильевна никак не могла успокоиться. Чего-то она боялась. Уговорила всех ночевать у загонов.

Заснули в сторожке, как в бездну пали. Ближе к рассвету их разбудил треск, возня. Вскочили, фонари зажгли, палки в руки — и к загонам. Темно, жутко, в новом базу какая-то беготня... Ворота большого загона сломаны, у нового — тоже. Среди бизонов носится Журавль, их надежда. Не подойти! Он перегнал Жанку и Гедэ в свой загон и встал в воротах с недвусмысленным видом: мое! Оба бизона в драку с ним не вступали, даже не поднялись. Журавль только подошел и обнюхал их. Кто не сопротивляется, тех не бьют.

— Боюсь, что бизоны больны,— прошептала Шарова.— Если так, пропадет все наше стадо.

Через день Бостона нашли мертвым.

На Кишу пришел Игорь Жарков, уставший, небритый, в смешной короткой шинели. Отпустили его на три дня.

Полная тревоги, Лидия Васильевна повела зоолога к мертвому быку.

— Похоже на сентимицию,— сказал он.— Послали в лабораторию?

— Уже в третий раз.— Лида в отчаянии закрыла лицо ладонями.— Что мы можем? Словно вымерли там!

— Нужна срочная прививка всем зубрам и бизонам. Посмотрим, что Жах...

Жах пал через два дня. Сомнения исчезли. Эпизоотия...

Еще через неделю погиб Журавль. Зубры лишились вожака.

Привезли наконец вакцину. Делайте сами! Никто из зоологов никогда не делал прививок. Ведь это не коровы, а дикие звери!

— Займемся, Лида,— сказал Жарков.

Зубриц по одной направляли в струнку, зажимали дощатыми щитами. Увертываясь от разъяренных рогов, зоологи наклонялись сверху и, сжав зубы, вгоняли иглу шприца в шею, над лопаткой — куда можно.

Вечером все было кончено. Сидели как в воду опущенные. Жарков хотел что-то спросить у Лиды. Она уже спала...

Так трагически кончилась неделя. Зуброводы с грустью смотрели на свое осиротевшее стадо. Уцелеют ли остальные или их ожидает та же участь? Сыворотка действует всего две недели. Что потом? Земля в загонах уже заражена! Лида задумчиво покусывала губы.

— Надо угонять зубров,— сказала она решительно.— И как можно дальше отсюда. В лес. На волю. Здесь они неминуемо пропадут. Если уже не заразились.

— Как же смотреть за ними? — Малиновская, жена Бориса Артамоновича, думала о детях, которые все эти дни в одиночку жили на кордоне, где им и страшно и опасно.

— Другого выхода нет, Маша. Отрядим для присмотра за ребятишками нянечку. А сами по очереди будем дежурить возле зубриц.

— Разбегутся. Не боишься?

— Не разбежались, когда за волками гнались. Стадный инстинкт. Думаю,что на поляне, где у нас огороды, им будет неплохо. Сарай соорудим на зиму, оградку. Урочище Жерновое. Чистое место, чистая вода.

Кончался сентябрь, пришли морозные ночи, по утрам луга белели от изморози, на лужах появлялся ледок. В одно такое утро широко открылись ворота загона.

Зубрицы, зубрята, а за ними и две бизонки вышли на свободу. Их погнали выше по склону. Прошло двадцать или тридцать секунд, и звери исчезли из виду.

С отчаянной решимостью Лидия Васильевна махнула рукой:

— Пускай себе! На то они и звери...

Глава шестая

Три письма Зарецкому. В глухие места — к зубрам. Вести с фронта. Странные директорские заботы. За беглянкой. Бычки — дети Кавказа. Два больших боя. Парашютисты. Военная судьба Кожевникова

1

Три письма пришли на имя А. М. Зарецкого в октябре сорок первого.

Лидия Васильевна сообщала о трагических событиях, случившихся после приема бизонов из Московского зоопарка: как пали они, как погиб Журавль и о своем решении выпустить зубров на волю, подальше от зараженной зоны. Она просила Андрея Михайловича приехать до зимы на Кишу.

— Вот оно, последствие глупой акции! — старший Зарецкий не находил слов в адрес людей, которые отправили бизонов на Кавказ.— Мы заскользили вниз. Кто заменит утраченного Журавля? Где возьмешь нового быка? Лида говорит, что в будущем году родятся... А вдруг опять телочки? На годы отодвигается создание чистопородного стада!

— Хоть бы этих удалось сохранить,— вздохнула Данута Францевна.— Как подумаю о Лиде, голова кругом. В лесу, в глуши, а скоро холод, метели. Как она справится? Не пора ли нам, Андрей?..

Зарецкий выхаживал по комнате с письмами в руке. Он раскраснелся от переживаний. Первый укол войны, точнее, удар из-за угла! Первый ли? Нет сомнения, что зубры в Крыму и Аскании тоже под угрозой. Кавказское стадо снова единственное. Тем оно дороже.

— Ты права, надо ехать. Подыматься — и скорее на Кишу,— решительно произнес он.

А опасность возрастала. Не прошло и четырех месяцев,

как фашистские армии с боями, но и с огромными потерями одолели сотни и сотни километров по нашей земле, они у Брянска, Киева, в Крыму. Они вышли на междуречье Днепра и Дона, взяли Харьков, создали угрозу Ленинграду, даже Москве! Ростов под ударом. Старый воин сознавал, что это значит: враг рвался к Волге и Кавказу.

Сам он уже дважды просился на фронт. И очень переживал, получив после очередной комиссии очередной отказ: не тот возраст, не то здоровье.

— Да, надо ехать в заповедник,— повторил он и, посмотрев на два других письма, вскрыл конверт со штампом Краснодара.

Перед глазами синели четыре машинописные строки: «Прошу срочно явиться в штаб обороны Кавказа для переговоров, касающихся неотложных решений». И аккуратная подпись заместителя начальника штаба, комбрига...

Зарецкий протянул письмо жене. Данута Францевна только ахнула: все непонятное было для нее страшным.

А он уже разрывал третий конверт, московский. В письме лежал приказ Макарова о назначении А. М. Зарецкого на должность хранителя-зубровода в Кавказском заповеднике с правами заместителя директора.

В следующий час он уже собирался, надевал старую бекешу егеря, знаком попросил жену присесть, сел рядом с ней. Помолчали. Он встал, поцеловал ее и шагнул за порог.

В Краснодаре его принял дежурный командир, со второго этажа спустился военный с одной шпалой в петлицах и повел наверх.

Комбриг, человек уже не молодой, пожал руку, подвинул стул и, когда Зарецкий сел, сказал:

— Из Майкопа мне сообщали о вашем настойчивом желании идти на фронт. Но для вас есть дело не менее серьезное в самом заповеднике. Мы готовим в горах силы для отражения возможного наступления немцев, создаем базы, собираем группы, способные вести бои в сложных горных условиях, даже во вражеском тылу.

— Неужели они решатся?..

— Есть очень веские основания. Немцы нацелены на кавказскую и бакинскую нефть. Дорогу им преграждает не только Красная Армия, но и Кавказ, горы. Возможны бои в горах.

Андрей Михайлович побледнел. Мысль о сражении в

местах, где удалось поселить первых зубров, повергла его в ужас.

Они подошли к карте Западного Кавказа. Разговор длился более двух часов. Зарецкий получал особые полномочия: советовать командирам, где и как строить базы, указать им егерские тропы, побывать в отрядах, которые формировались из районных активистов. Он должен был передать этим отрядам опыт войны двадцатых годов в горах, определить и закрыть самые уязвимые пути к перевалам.

— Вот ваш район,— комбриг показал на предгорья от Хадыженска до Псебая во всю глубину меж Передовым хребтом и Главным Кавказом.— Действуйте. И пусть ни одна душа не узнает об этой вашей деятельности. Вы работник заповедника, не более.

— Не совсем понимаю, почему я должен скрывать?

— В составе немецкой южной группы армий действуют части генерала Шкуро. Старый волк собрал за рубежом немало здешних казаков, удравших после революции. Они знают горы, у них есть знакомые, родные. Зачем вам, командиру партизанских групп, подвергать себя опасности?.. И соблюдение военной тайны, конечно. Где вы думаете устроиться?

Зарецкий ответил не сразу. Майкоп? Нет. Киша, Псебай? Нет. Сказал:

— Вблизи Даховской. Там начало многих дорог в горы.

— Хорошо, товарищ Зарецкий. У вас будут связные. Информируйте обо всем, что случится. Не давайте заповедник в обиду. И ни пуха ни пера!

— Я должен съездить на Кишу. Получил приказ о назначении на должность хранителя зубров. Распоряжусь делами в заповеднике, подыщу и возьму в помощники двух-трех егерей. А по пути заеду в Майкоп к жене.

— Вы не считаете, что для нее лучше перебраться в более спокойное место? Ну, скажем, глубже в горы.

Андрей Михайлович удивился. Значит, и Майкоп может стать зоной военных действий? Но не высказал этой мысли.

— Да, пожалуй, это так. Думаю, ей лучше перебраться на кордон Киша. Правда, сейчас туда очень тяжелая дорога. Но ближе к лету...

— Желаю вам успеха! — Комбриг проводил Зарецкого до дверей.

Из Краснодара Андрей Михайлович написал жене, что

задержится, и сразу поехал в Хадыженск, Апшеронск, где имел несколько встреч с командирами будущих отрядов. Продвигаясь по реке Курджипсу, Зарецкий достиг Мезмая, а оттуда попал к Даховской. На одном из лесных кордонов он облюбовал место для связных. Тут складывалась большая партизанская группа.

Проехав до Майкопа, он встретился, наконец, с обеспокоенной Данутой Францевной. Стало очевидным, что война у их порога.

— Когда приедешь за мной? — спросила она.

— В июне — июле. Сейчас поеду на Кишу, все там подготовлю, помогу Лиде. Очень нуждаюсь в Кожевникове. Вот когда недостает мне Алексея Власовича! А ты готовься. При первой же возможности будешь со мной.

2

Шел январь сорок второго. Суровая зима выбелила горы и долины, сровняла тропы. Великого труда стоило доехать до Хамышков и кордона Лагерный, откуда можно было переправиться на правый берег Белой.

Путь до кишинского поселка Зарецкий проделал в одиночестве, Кожевникова не нашел.

Поселок ученых, заваленный сугробами, выглядел покинутым. Лишь из одной трубы ветер рвал и уносил клочья дыма. Здесь он нашел ребятишек. За ними присматривали Веля Альпер и Евгения Жаркова. Как обрадовались они гостю! Не знали, куда посадить, чем потчевать. У них еще была картошка, мука и сухие фрукты.

— Все остальные около зубров,— сказала Веля, опережая вопрос Зарецкого.— В караулке на Сулиминой. Или дежурят в землянках около стада, там новый загончик. Зима! Только сделают сюда тропу — и уже замело. Третьего дня была Лида, мы баню устроили. Худющая стала! Что там на фронте, где наши, как они?

— От Москвы немцев отогнали.— Зарецкий в первую очередь объявил эту радостную весть, она согревала и его.

— Они были у Москвы?! — Жаркова ужаснулась.— Как же так?..

— Они сейчас недалеко от Ростова-на-Дону. Очень серьезное положение. И все-таки... Кто еще с вами?

— Две недели, как здесь Кожевников. Еще егеря Па-

вел Кондрашов, Ксенофонт Тушников. Вырвались из Гузерипля, чтобы помогать зубрам. Директор держал их при своей особе.

Зарецкий огляделся. На столе лежали бумаги. Альпер работала над монографией: «Кормовые ресурсы высокогорья», Жаркова готовила гербарий, приводила в порядок рукописи мужа. Все шло своим чередом.

Переночевав на Кише, Андрей Михайлович утром поехал выше. На лугах стелилась поземка.

Из железной трубы домика наблюдателей на Сулиминой поляне вился дымок. Перед дверью, неумело размахивая топором, колола дрова жена еще одного солдата, зоолога Теплова. Бросила топор, обняла, расплакалась. И сразу — за расспросы. Где, да кто, да как.

Они вошли в караулку. Там спали два зубровода. С дежурства. Поднялись, закурили.

— Лида у загона,— сказала Теплова.— Строит с мужчинами хату. Очень тяжело бегать сюда по пять километров. Она здорова, за все берется сама, молодчина. Вы надолго?

Зарецкий чуть погрелся и начал одеваться. Коня он оставил. Пошли пешком, трое мужчин. В сгустившейся темноте тропа чуть проглядывалась. Рощи, грушовники, луга, черные ручьи. По левой стороне на хребте качались, скрипели сосны, скалы нависали над тропой. Декорация к лермонтовскому «Демону». В нынешнем положении чем глуше место, тем лучше для зубров. Не отыщут, если кто поискать захочет.

— Что в Гузерипле? — спросил он у Кондрашова.

— Кого там только нету! Набилось людей... Директор спит и видит, как бы за перевалом укрыться. Боится он — страсть! В лесах есть и которые укрылись. Из Псебая человек пять в бега ударились, дезертиры. Мы обходим леса, следы ищем. Лихие люди и зубра не пожалеют.

Зубров он увидел прежде, чем караульщиков. Стадо сбилось внизу на укрытой от ветра поляне. Их черные тела выделялись на белом фоне. Услышав скрип шагов, звери резво вскочили. Зарецкий привычно подсчитал: восемь с малышами. Восемь... И ни одного быка.

Зубры потоптались и опять легли.

Впереди открылся костер. У огня сидели люди. Заметив тени поднялись, винтовки на руки. Раздался крик:

— Кто такие?

Клацнул затвор.

— Свои, Васильич,— отозвался Кондрашов, узнав по голосу Кожевникова.

Обнимая седого егеря, Зарецкий сказал:

— Вы как в разведке, со строгостями. Ну, здравствуйте, люди добрые!

Кожевников запихнул бороду глубже в полушубок. Глаза его блестели. Обрадовался, что снова встретились.

Из-за кустов лещины вышли — полушубки на плечах — Лидия Васильевна и жена Задорова. Лида прижалась к Андрею Михайловичу, укрыла лицо.

— Ну-ну, дочка, будь крепкой. Все хорошо. Ты молодцом. Одобряю твои действия.

— Что о Мише слышно? — Она заглядывала ему в глаза.

— Никаких пока вестей. Их под Ростов отправили. А вообще на юге плохо. Зато от Москвы фашистов отогнали. Километров на двести.

Женщины переглядывались. Если плохо на фронте, то их мужьям тоже... Чай пили невесело. Положение хуже, чем они думали. Беседа расклеилась. Лидия Васильевна вдруг сказала:

— Мужчины, спать! Мы посидим, покараулим. Утром вам работать. Марш в землянки!

Землянки построили с умом, удобно. Стены забрали жердями, потолок из бревен, лавки, столик. И конечно, печурки из камней и глины, только трубы железные.

Так началась и до самой весны продолжалась служба наблюдения за восьмеркой зубров. Звери бродили вольно, далеко не уходили и к ночи непременно заявлялись в загончик, где им разбрасывали резаный топинамбур и мороженый картофель. Ночевали кучно, в глубоком снегу. Вопреки опасениям, маленькие переносили эту метельную зиму неплохо.

Раз в неделю зуброводы ходили в поселок, отогревались в бане, ласкали детишек. Киша стояла незаметной, дорог из мира сюда не топтали. Зарецкий не раз ловил себя на мысли — а не сделать ли тут военную базу, но отгонял эту мысль: рискованно для зубров. Он трижды за это время отлучался, побывал с командиром одного из отрядов в двух горных станицах, на склонах горы Тхач и выбрал удобные места для обороны — прикрытие заповедника с севера.

В конце февраля Андрей Михайлович поехал к связным — узнать новости, а уже оттуда в Майкоп. Лида напросилась с ним. Возле зубров оставались Кожевников и еще два егеря. Ей так хотелось получить весточку от Михаила, письма от других солдат, чьи жены находились вместе с ней в зубропарке.

Письма были. Их тотчас подала обрадованная, истомившаяся в одиночестве Данута Францевна, едва прибывшие переступили порог.

— Жив, жив наш дорогой, все живы, у них там затишье, хотя в перестрелках уже бывали. Вы читайте, читайте!..

Это были скупые, сдержанные солдатские весточки. Да, воюем, не отступаем, Ростов за нами, настроение, сами понимаете... И далее следовали вопросы, вопросы о здоровье близких, обращение к Лиде с любовью, с озабоченностью; конечно, о зубрах, о кордоне, приписка о Жаркове и Теплове, хотя тут же были их письма женам. Задоров? С первого дня отпросился в разведку, уже представлен к награде. Отменный воин.

Андрей Михайлович добрался до газет, послушал по радио сводку Совинформбюро и схватился за голову. Фронт нависал над всем югом.

Данута Францевна все приготовила для переезда: ящички, мешки, тюки. Она терпеливо ждала лета.

Зарецкий с невесткой решили не задерживаться в Майкопе, боялись распутицы. Но за день до выезда узнали, что в городе находится директор заповедника. Лидия Васильевна загорелась встретиться с ним. Пусть хоть о людях позаботится, если зубры его не интересуют.

Он уделил ей четверть часа. Спросил, где Зарецкий.

— С зубрами,— сказала она.— А вот вы...

— У меня задание военного значения, вот что я... Пусть ваши хлопцы приезжают в Хамышки за грузом, я оставлю для Киши соль, муку, овес и продукты по карточкам. А у меня,— тут он подозрительно огляделся,— у меня план эвакуации...

Лида вздрогнула.

— Какая еще эвакуация? Куда?..

— Не твоего ума дело, Шарова тире Зарецкая. Фронт далеко, а бдительность нужна. Если что случится, кто организует проводку войск и народа через горы?..

— Какой народ? Какие войска?

— Тебя первую, всех прочих. Районные власти. Семьи. А теперь извини. Зубры живы? Значит, старик Зарецкий уже там? Действуйте! Иди. Некогда.

3

Переход к кордону осложнился. Началась ростепель, снег потек ручьями.

Через Блокгаузное ущелье в это время года была уже не дорога, а осклизлая тропа, в иных местах по самому краю уступа; внизу смерть, над головой смерть. Лида боялась ущелья, Андрей Михайлович завязал ей глаза и вел под руку. До Хамышков добирались три дня. Грузы для кордона лежали здесь, удалось нанять лошадей. Караван пошел по глубокой грязи на Кишу. Еще день-другой, и река не пропустила бы их. Успели.

Детям на кордоне — праздник! Сахар увидели и оладий горячих поели. А Лидии Васильевне уже не сиделось, торопилась к зубрам. Поехала одна, потому что Зарецкий вдруг получил новое известие и вернулся в Даховскую другой дорогой, через Сохрай.

В хатке она нашла одну Малиновскую. Где остальные?

— Пошли искать Зорьку. Третий день в стадо не приходит. Как метель кончилась, ее будто ветром сдуло.

Ну вот, как чуяла! Молодая бизонка всю зиму рвалась куда-то, искала приключений. Однажды упала, рог сорвала. Теперь исчезла вовсе.

На ночь егеря не явились. Утром на поиск поехали и женщины.

Солнце грело, тугой ветер набегал с юга, снег тяжело оседал. Куда идти? Опыт подсказывал: под ветер, на хребет Сосняки, место скальное, с крутизнами. Углубились в редкий сосновый лес, прошли через пихтарник. Среди высокогорного березняка обнаружили кострище: егеря ночевали. С конями в поводу пошли выше, через луга.

Весь день высматривали с высот, прислушивались. Редко где падала лавина, потрясет воздух — и опять лишь ветер свистит. Лида в который уже раз оглядела ущелья в бинокль.

Несколько темных фигурок возникло в нешироком распадке. Двигались медленно, останавливались. Впереди ковыляла бизонка, сильно хромала, но, как только егеря

приближались, останавливалась и грозно опускала рога.

Группы сошлись. Кожевников сердито запихивал растрепавшуюся бороду в вырез воротника.

— И себе покоя не дает, и нам жару поддала,— бурчал он на Зорьку.

— Где нашли? — спросила Лида.

— В пропасть свалилась,— ответил Кондрашов.— Ногу поломала, мы в лубки взяли, затянули. Ну и намучились, скажу тебе! Благо лежала меж камней так, что только брыкаться и могла. Как в тисках. Выворачивали ее, на ноги ставили. Не приди мы еще час-другой, замерзла бы в недвижности.

Зорьку привели к концу второго дня. Она дичилась, даже свою матку — Гедэ — не подпускала близко. Забегая вперед, скажем, что после «прогулки» на хребет нога у нее срослась, но хромота и какой-то злобный характер остались. Никогда у нее уже не было детей. И ладно, что не было: потомство чистой бизонки могло только понизить кровность стада по зубру.

Вечером, собравшись в сторожке, зуброводы завели разговор о стаде. Что будет? Впереди тупик. Одни самки. И никакой возможности получить быка со стороны. Ну поживет их стадо сколько-то лет, постареют зубрицы — и все. На этом короткая история нового кавказского стада завершится. Чего огород городить?

— Нет,— сказала Лидия Васильевна.— Не так. Волна, Еруня и Лира стельные, скоро они дадут потомство от погибшего Журавля. И если будет хоть один бычок, через несколько лет наше стадо снова начнет прирастать. Пусть близкородственное разведение, это лучше, чем никакое. Если не всех, то этих зубриц мы выходим и сбережем.

К концу марта потеплело. Появились выгревы. Зубриц все реже закрывали в загоне. Они еще до свету толпились у ворот. Старая трава и ожина, позеленевшая кора молодых ильмов и осинок манили куда сильнее, чем залежавшееся сено и перемороженный топинамбур. Овес давали только стельным.

Вожаком стада была Еруня. В злой схватке с Волной еще в начале зимы она победила и с того времени строго следила за порядком. Даже своенравной Зорьке, которая хоть и хромала, но телом была крупней ее, от Еруни доставалось, если та дальше других отходила от стада.

Время от времени в зубропарке появлялся Андрей Ми-

хайлович, неизвестно откуда и как. Оглядев стадо, он говорил с Лидой и вновь исчезал.

Тропы стали подсыхать. Кондрашов решил наведаться в Хамышки, а оттуда в Майкоп или Гузерипль. Невмоготу без вестей. Все чаще плакала Евгения Жаркова. Видели в слезах и Малиновскую. Боялась за своего Бориса.

Кондрашов побывал только в Гузерипле.

— Народу там! — сказал удивленно.— Во всех домах как походный лагерь. Беженцы. Все тутошние, из Майкопа, Тульской. И молодые есть, чуть что — из кармана броню тянет. Обзавелись. Как и директор наш. Там других забот нету. Лишь бы бежать. Перевал рядом, туда смотрят. Не нравится мне все это!

В газетах, которые он привез, писали о крупных боях южнее Харькова и западнее Миуса. А от той реки Миус до Ростова рукой подать. Нашлось письмо и от Михаила Зарецкого — на имя директора. Требовал особого внимания зуброводам, стаду. Теперь эту бумажку читала-перечитывала Лидия Васильевна, гневаясь на директорскую резолюцию через все письмо: «Зам. по зубрам — к сведению и исполнению». Подумала: если Миша написал директору, то он не мог не написать ей, в Майкоп, конечно.

Опять откуда-то приехал Андрей Михайлович, едва с коня сполз, такой измученный и с такими горькими складками у рта, что Лида не рискнула спросить о письмах. Он догадался, что ее мучит.

— Я не из дома,— сказал.— Вот поеду за женой...

— Что в мире?

— Неладно в мире,— скупо ответил он.

Разговор этот случился в конце апреля. А вскоре зуброводы уже не спали целую ночь. Трудно телилась Волна. Зарецкий, Лида, все другие готовы были оказать помощь. Обошлось. Под утро кордон облетела весть: бычок! Ур-ра!

Его назвали Витязем. Сын Журавля и внук Шенбрунна, прямого потомка Кавказа.

Через неделю отелилась Еруня. И снова бычок. Трижды ура! Его назвали Ермышом. Сын Журавля и внук Бодо, потомка Кавказа.

— Прекрасно! — Зарецкий заулыбался.—Теперь только Лира. Ну, с ней все будет хорошо. И если третий бычок... Сама матушка-природа помогает нам.

Он собрался уезжать. Попросил Василия Васильевича поехать с ним.

— Я и сам хотел с тобой,— сказал Кожевников,— да ты вовсе бирюком со своими тайнами. Не подступиться.

В день их выезда отелилась Лира. Третий бычок! Его назвали Луганом. Сын Журавля и внук Бодо.

— Вернемся с Данутой Францевной,— сказал Зарецкий.

И молодо, с просветленным лицом вскочил на коня.

4

Зарецкий и его седобородый друг неторопливо двигались в сторону Сохрая. Кони шли, опустив головы и мотая поводьями. Андрей Михайлович сидел в седле задумавшись. Мысль его то и дело перескакивала от войны к зубрам, опять к войне и судьбе близких. Как работать, воевать, как действовать людям, чтобы выиграть войну и всем вернуться к мирной жизни? Михаилу и Лиде жизнь посулила успех. Три бычка — словно перст судьбы, загляд в будущее. Всегда есть и будет неумирающая совесть человеческая, нравственная и духовная сила для добрых дел! Для двух поколений Зарецких она связана с возрождением диких зубров, частицы нашей многоликой природы.

Двигались кони. Неспешно проходил летний день. Всадники поднялись на взлобок, окруженный лесом. Отсюда, с травяной поляны, поднятой близ слияния двух горных рек, открывался широкий обзор. Справа и чуть позади бугрилась многоголовая гора Тхач, за которой лежала станица. Там недавно побывал Зарецкий. Белые облака кучно двигались над горами. Изредка прорывалось солнце. Тихо и покойно зеленели леса, где проходила их юность, дороги их старости.

Чужой звук возник над горами. Лошади насторожили уши. Гул моторов падал с неба. В который раз за последние дни проходили немецкие самолеты. Куда? Зачем? Прерывистое гудение нарастало.

Егеря рысью подскочили к одинокому клену и укрылись в его тени.

Два самолета довольно низко шли прямо на них, с запада на восток. Неожиданно из первого, а затем и из второго, который летел чуть выше, посыпались фигурки людей. Освещенные низким солнцем, вспыхнули парашюты.

— Десант! — крикнул Зарецкий.

Кожевников скинул винтовку, словно пуля его могла достать далеких отсюда врагов. Он шевелил губами, беззвучно считая парашютистов. Зарецкий не отрывался от бинокля, наблюдал, куда опускаются десантники. Первые фигурки исчезли в лесу севернее Тхача. Последние приземлились на западных склонах горы.

Самолеты развернулись и стали набирать высоту. Все стихло. Кавказ окрасился в красноватый цвет позднего заката.

Враг уже был в заповеднике.

Кожевников смотрел на Зарецкого. Тот разворачивал карту.

«Чего они хотят? — спросил он у самого себя.— Сели в безлюдное место. Не случайно, конечно. До Ходзи отсюда километров десять. До Хаджоха все двадцать. Куда пойдут? Зачем? — Он смотрел на Кожевникова.— Единственный ответ: пойдут к дорогам, чтобы перерезать основные тропы на перевал. Значит, главные силы наступают, а в тылах устраивают панику».

— Мимо зубров ихняя дорога, вот какое дело, Михайлович. Рядом...

— Да. Диверсанты могут пройти возле Киши, чтобы попасть к Лагерной, на дорогу к Белореченскому перевалу и к Сочи. Еще где? От Тхача минуют Бамбак и выйдут между Чернореченским кордоном и Псебаем. Словом, перережут тропу на Красную Поляну через Псеашхо. Сколько их?

— Сорок три.

— У меня получилось сорок один. Ну, Васильевич, к нам война пришла.

— Командуй, хорунжий,— строго сказал Кожевников.

— Я опережу их. За ночь буду в Хамышках, подыму партизанский отряд и дам ориентиры. Пусть заслоняют Сохрай и Кишу. Потом еду в Даховскую, оповещу центр, соберу местную группу и с ней приду в район высадки, чтобы прочесать лес. Ты возвращайся в зубропарк, предупреди наших, пусть уходят из поселка. Дети, понимаешь? А дальше действуй по обстоятельствам. Перекрой им дорогу к Черноречью. Наши подойдут из Псебая.

Они обнялись, вскочили на коней. И сразу исчезли.

5

Василий Васильевич углядел немцев уже на рассвете. Двумя цепочками, медленно, как ходят в горах опытные люди, они направлялись к Лабёнку. Зарецкий не ошибся: шли, чтобы перерезать тропу на Главный Кавказ.

Старик действовал осмотрительно. Он оставил коня между скал и минут сорок шел по лесу, не теряя из виду парашютистов. Понял, что это бывалые воины. Они то и дело оставляли позади двух-трех дозорных для наблюдения. Останавливался и Кожевников. Потом эти двое-трое догоняли группу. Догонял и он. С огромными тюками за спиной, с аккуратными ящичками в руках, автоматами на груди, они шли метрах в трех друг от друга, молча и спокойно. Двадцать два человека.

Когда враги сделали привал, Кожевников вернулся за конем, обошел их стороной и, заранее угадав, где пойдут, опять поставил коня в укрытие, подпругу не ослабил, а сам стал за камень выше тропы.

Винтовку он положил на камень. Подходите...

Снизу показалась каска, худощавое лицо, плечи. И как только над тропой поднялась грудь ведущего, он выстрелил. Не промахнулся, всего-то метров полтораста. Немец упал лицом вперед. В ту же минуту лес огласился захлебывающимся треском. Егерь удивился: у них пулеметы?! Он еще не слышал автомата. Пули, как осы шипели в листве, сбивали ветки. Чуть согнувшись, он поспешно отступил к коню.

Забравшись в седло, поехал как можно скорей и дальше от треска, остановился километрах в семи от Уруштена. Придут и сюда. Но теперь будут осторожней, рассыплются по двое, по трое, чтобы прочесывать лес. Ничо... На ночь соберутся. И тогда...

Кожевников опять перехитрил их. Сделал круг и зашел сзади. Бинокль помог обнаружить цепь: то куст шевельнется, то камень скатится. Ждал, когда соберутся на отдых и выставят охранение.

Под вечер он подобрался ближе. Теперь немцы сели отдыхать в каменной нише, отрядив в охранение троих. Но недоглядели, что выше ночлега подымалась горушка. Два диверсанта уселись так, что Кожевников видел их с горки, как окуней в чистой воде. Ну как тут не выстрелить? Грянуло, один обмяк и скатился. Автоматы молчали. Немцы

поняли, что стрелять наугад — только патроны тратить. Сейчас сами выйдут на охоту.

Того он и добивался. Кружитесь на месте, а к Урුштену — ни-ни! Пока там нет наших людей.

Егерь убрался из опасной зоны, вышел к верхней Шише и часов через пять ходу оказался в зубропарке. Здесь объявили тревогу, укрыли детишек и женщин в землянках. Не выходить. Не подавать голоса. Около зубров оставили одного старого егеря.

Чуть свет Кожевников и три зубровода выехали опять к Черноречью — встречь врагу. Воевать надо не возле зубров, а как можно дальше от зверя. Тем более что диверсанты уже поняли, что обнаружены, и удвоят внимание. Скорее всего, затаятся на время.

Выполнял свой долг и Зарецкий.

В считанные часы на Сохрай и на Кишинский кордон из Хамышков выехал отряд из семнадцати всадников. Противника они не встретили, но заняли указанные им позиции, прикрыв кордон и зубропарк.

Андрей Михайлович тем временем уже скакал в Даховскую. Вот когда добрым словом помянул он предусмотрительного комбрига! Местный отряд удалось собрать быстро. Зарецкий объяснил задачу, и еще тридцать верховых пошли встречать парашютистов до выхода их на реку Белую, где проходила дорога к Гузериплю и на перевалы.

Сам он связался по рации с райкомом, сообщил о диверсантах и месте их высадки. У всех мостов появились патрули. Вдоль дороги в горы укрылись посты.

Зарецкий бросился догонять даховский отряд: он знал старую лесовозную дорогу, по которой пошли партизаны.

Два дня отряд провел в напряженном ожидании и разведке. Немцы словно провалились. Лишь на третий день совсем юный парнишка прибежал со своего поста и сказал Зарецкому, едва переведя дух:

— Тама, в сторожке!..

— Сколько их? — спросил Зарецкий.

— Они ж прячутся! В сторожке семеро. У ручья двое плескались. Ну и которые в карауле, я их не видел.

— До утра мы их окружим,— командовал Зарецкий.— Чтоб ни звука! Часовых не тревожить. Когда посты отправятся к сторожке, будем сближаться. Двадцать винтовок ударят после моего выстрела — по тем, кто будет на виду, по самой сторожке, она из досок, не защита. А десять

будут бить по тем, кто прорвется. Я стану в камнях, у ручья, оттуда хорошо видна вся вырубка.

Он не особенно надеялся на своих необстрелянных партизан. Только бы не испугались автоматного огня, трассирующих пуль, взрыва гранат!

До рассвета время прошло спокойно. Костров немцы не жгли. Мелькали какие-то бледные огоньки, пожалуй, спиртовки. Передвигались тени. Это менялись постовые. Лес молчал. Приглушенно бормотал ручей.

Засинел воздух предрассветного часа. Зарецкий увидел всю диверсионную группу. Они толпились у сторожки, видимо, слушали инструктаж. Двадцать, кажется. Половина отряда. У четверых в руках были чемоданчики. Уж не динамит ли? Больно аккуратно обращаются. И тут пришло решение: стрелять по чемоданчикам. Вдруг получится?..

Он дождался, пока один из немцев стал к нему боком, чемоданчик открылся широкой стороной. Тщательно прицелился...

Своего выстрела Зарецкий не услышал — все покрыл резкий визгливый взрыв. Группу буквально разметало. А лес уже наполнился винтовочными выстрелами. Чуть позже затрещали автоматы. Рванул автомат в бузине за сторожкой, еще два захлебывались у самого ручья. Неожиданно перед собой Зарецкий увидел две фигуры в маскировочных куртках.

— Halt! — по-немецки крикнул он.— Niederlegen![1]

Один бросил автомат и сел. Второй повел было стволом, но кто-то, опередив Зарецкого, выстрелил сзади, и пуля сшибла с немца каску, намертво уложив его.

Бой уходил вниз по ручью.

Струсивший немец послушно лежал, разбросав руки. Подбежал боец, крикнул:

— Товарищ Зарецкий, четверо ушли!

— Обыщи,— он показал на лежавшего.— И построже с ним.

Досадно, что ушли. Зарецкий забрал у пленного пистолет, документы и пошел к сторожке, чувствуя, как страшно колотится сердце.

Разбросанные мертвые тела. Клочья одежды. Взрыв уложил семерых. Бойцы деловито обыскивали мертвых.

От ручья раздался сдавленный крик. Зарецкий огля-

---

[1] Стой! Ложись! *(нем.)*

нулся. Здоровенный немец уже перепрыгнул ручей и зигзагами мчался к лесу. Боец корчился на земле. В спине у него торчала рукоять ножа. Андрей Михайлович с плеча дважды выстрелил по бегущему. Но слишком колотилось сердце...

Отряд собрался. Недосчитались пятерых. У сторожки и в лесу лежало шестнадцать диверсантов. Ушли пятеро.

Приказав собрать оружие и похоронить убитых, Зарецкий отошел в сторону и лег на землю. Он закрыл глаза, попробовал глубоко и редко дышать. С таким-то здоровьем трудно воевать...

Стало немного лучше. Зарецкий сел, осмотрелся. Листва на дубах шумела. Поднялся ветер. В зарослях лесной малины уже распевала малиновка.

Он вспомнил о бумагах, которые взял у диверсанта-убийцы. Солдатской книжки не оказалось. Только русские деньги и два письма из Винницы. Развернул одно и с каким-то страхом прочитал русские строчки: «Дорогой наш Колюшка! Вот уже два месяца от тебя нет вестей...» Что такое? Повернул конверт: «Действующая армия, 2543—87, Митиренко Н. С.». Предатель!..

Зарецкий сгреб все бумаги, начал просматривать. Немецкие буквы, опять, опять. Берлинский штамп, какая-то справка по-немецки, газета «Фёлькишер беобахтер», письмо на украинском языке из Львова, Янушу Припечко, снова немецкое. Похоже, среди диверсантов не только немцы!

6

События на Уруштене развивались иначе.

Пока в Лабинске, Псебае, Мостовской, получив известие о десанте, собирали партизан, пока дозванивались до Краснодара, чтобы дали указание, прошло немало времени.

Между тем четыре егеря из зубропарка уже прибыли к опасному месту и двинулись по лесу в сторону Псебая, чтобы отыскать след врага. Они долго шли по левому берегу Лабёнка, не обнаружили ничего подозрительного и повернули навстречу фашистам, затаившимся где-то у Бамбака.

Трудно обмануть опытных егерей, знающих не только

свой лес но и психологию человека, впервые попавшего в такой лес. Диверсанты, напуганные стреляющими горами, потерей двух, как потом выяснилось, офицеров — командира отряда и обер-лейтенанта из дивизии «Эдельвейс»[1], засели у хребта Малый Бамбак, километров за двадцать от того места, где стрелял Кожевников.

Скалы, бурелом, ущелья, дичь и глушь принесли чужакам некоторое успокоение. Оторвались... Они укрылись в небольшой пещере.

Егеря выслеживали их, как выслеживают зверя.

День, еще день. Уже вдоль дороги по Лабёнку сидели в секретах бойцы. Уже Зарецкий ехал с маленьким отрядом к Псебаю, а поиск все продолжался.

Немецкий отряд решил, что опасность миновала. Они пошли к Черноречью, взорвать мост на Уруштене. В походе их и обнаружили. Выдал запах кофе, очень стойкий чужой запах, далеко слышный в утренние часы в лесу, когда воздух стелется понизу. Егеря нашли покинутую ночевку, след рубчатых альпийских ботинок и пошли по этому следу — двое в центре, еще двое — чуть отставая, по сторонам.

Один диверсант остановился, сказал впереди идущему, чтобы не беспокоился, сел поправить сбившийся носок. Кажется, натер ногу. В этой позе, нагнувшегося над ботинком, его и стукнули по голове. Еще одним врагом меньше. Тело оттащили с тропы, а сами заняли позицию для стрельбы и отхода. Диверсанты непременно вернутся за своим...

Впереди идущий не раз оглядывался. Беспокойство его росло. Темный лес молчал. Наконец отряд остановился. Сели ждать. Десять, тридцать минут. Никого. С предосторожностями пошли по своему следу назад. Место, где сел отставший, ничем не приметили. Ощетинились автоматами, сбились, заговорили.

И тут грохнули выстрелы. Эхо размножило звук. Показалось, что стреляют со всех сторон. Трое свалились без стона. Потом еще два. Диверсанты залегли. Но их ловили на мушку и лежачих. Ползли раненые, сыпали очередями — куда, в кого? Просто по кустам можжевельника, по густым папоротникам.

Не выдержав, бросились в три стороны с гиблого места,

---

[1] «Эдельвейс» — дивизия, куда входили немецкие горные егеря, знатоки войны в условиях гор. Названа именем высокогорного цветка.

где уже лежало восемь убитых. Бегом, с автоматами у живота, как в атаку, рассыпая перед собой пулевой веер.

И вот судьба... Трое выбежали прямо на Кожевникова. Василий Васильевич понял, что ему не укрыться. Он поднялся из-за камней — большой белобородый великан — и вскинул винтовку, чтобы еще одного... Таким его увидели немцы — сверхъестественным древним богатырем, лесным кудесником, страшным чудом, но увидели. Трассы пуль с пяти метров скрестились на богатыре, прежде чем прозвучал винтовочный выстрел.

Уже мертвый, он еще стоял, прислонясь спиной к теплому стволу пихты. Пули как бы пришили его к дереву. И он стоял. С открытыми, уже не видящими голубыми глазами. Винтовка выпала. Подогнулись колени, и он рухнул.

Три немца стали над ним.

— O mein Gott! — сказал один и поднял глаза к небу.

— Wenn bei ihnen Greise zu Felde ziehen...— начал второй.

— Das ist eben so schrecklich,— хрипло закончил за него третий.— Laufen wir weg! [1]

В лесу все еще стреляли. Рванула граната, вторая. Эхо перекатилось с горы на гору, ударяясь о скалы и отскакивая, достигло дороги, где в одном из секретов Зарецкий расспрашивал бойцов, вернувшихся из разведки. Он понял, что егеря ведут бой.

— За мной, быстро!

Не таясь, потому что противник был далеко, Зарецкий вышел на дорогу, приказал пустить две сигнальные ракеты, и через несколько минут возле него уже толпились всадники.

По одной из балок к реке выходила тропа, пробитая косулями,— как раз с той стороны, где прогремели взрывы. С конями в поводу отряд начал подыматься в гору.

До ночи продирались к Бамбаку. За все это время впереди хлопнули два далеких выстрела. Бой утих. С каким результатом?..

Стали на ночевку, без огня, без громкого говора. Пять самых опытных бойцов и Андрей Михайлович ушли разведать окрестность. Но скоро вернулись. Тьма стояла, как черная стена.

---

[1] — О боже! *(нем.)*
— Если у них старцы воюют... *(нем.)*
— Это и страшно... Бежим! *(нем.)*

Утром пошли уже развернутым строем. Часов в восемь на левом фланге рванула граната. Минут десять два немца ожесточенно отстреливались, пытались уйти. Их окружили. В схватке оба были убиты. И пять партизан.

Где-то скрывались остальные, но еще ближе оказались свои.

Егеря везли Кожевникова. Он лежал на носилках между двух коней. Винтовка покоилась под его рукой.

Увидев печальное шествие и мертвого друга, Зарецкий без сил рухнул на колени и закрыл лицо руками. Бойцы срывали с головы фуражки.

— Как же это?

Рассказ вышел коротким. Неожиданность. Прямо на него выскочили. Ну и...

— Сколько их?

— Осталось пять или шесть. Остальные полегли.

Пока шел разговор, пока рассчитывали по карте, где искать скрывавшихся, и ходили к месту боя, где валялись диверсанты со значками горного эдельвейса, носилки стояли — не на земле, на камнях, так, чтобы лицо погибшего видело и небо, и горы, где прошла его жизнь. Седая борода, вымытая от крови, уже обсохла и рассыпанно укрыла грудь.

Два зубровода пошли с бойцами в дальнейший поиск. Андрей Михайлович с третьим егерем вышли на дорогу в Псебай.

Зарецкий изменился на глазах. Он еле двигался. Лицо стало серым, дышал с перехватом, часто садился, даже ложился отдохнуть. Потрясение при виде убитого Василия Васильевича согнуло его, и он почувствовал себя на последнем рубеже.

7

В Псебай пришли ночью.

Что-то здесь изменилось за те несколько суток, прошедших с того дня, когда Зарецкий проскакал через родной поселок на Уруштен. Он не сразу понял что, но когда пошел распорядиться о могиле, оставив Кожевникова уже в руках снаряжавших его в последний путь, то не мог не обратить внимания на многолюдство.

На главной улице, во дворах стояли подводы, горели

костры, ходили, сидели люди, плакали дети, женщины переговаривались высокими тревожными голосами. В горы шли и шли подводы, многие толкали ручные тележки с домашними вещами.

— Откуда? — спросил он остановившихся женщин.

— Лабинские мы. От немцев... В среду, когда уходили, народ баял, что танки в Кавказской и в Усть-Лабинской. А ноне где? Уже суббота. Небось и Лабинск взяли.

Две недели назад первая танковая и семнадцатая полевая армии немцев прорвались от Миуса к Дону и, обойдя Ростов с севера, перешли Дон возле Цимлянской и Северского Донца. А далее, почти без боев, на большой скорости двинулись к Манычу и восточнее Краснодара — через Тихорецкую и Кавказскую подошли к предгорьям. С запада, из Крыма, на Таманский полуостров вышли другие части противника. Враг угрожал Лабинску, Пятигорску и, конечно, Майкопу. Поток беженцев хлынул в горы по долинам Белой и Лабы, к тропам на перевалы.

Майкоп... А как же Данута? Неужели не удастся вывезти ее из опасного места?! И зубровый парк... Как и четверть века назад, зубры оказались в зоне боев. А все предгорье — отрезанным от фронтов.

Вот зачем десант, теперь уже не существующий! Немцы стремились блокировать дороги, закрыть выход беженцам и нашим войскам на перевалы. Стоило им взорвать несколько мостов на реках, и всякое движение в тыл стало бы невозможным.

...Василия Васильевича Кожевникова хоронил весь Псебай, все беженцы, остановившиеся здесь. Ему они были особенно признательны: подвиг егеря обезопасил путь к перевалам.

Брошена горсть земли. Умолкли голоса, священник снял облачение. Свежий желтый холмик вырос на старом кладбище, где покоились и близкие Зарецкого.

Постояв возле этих могил, Андрей Михайлович отправился в Даховскую, чтобы оттуда быстрей добраться до Майкопа.

Утром девятого августа его остановил наш патруль.

— Там немцы,— сказал командир и показал в сторону Майкопа.

Опустив голову, Зарецкий повернул коня.

Глава седьмая

Фронт проходит по заповеднику. Эвакуация. Что произошло в Гузерипле и на перевале? Думы о Дануте. Решение. Свидание с женой. Приговор. У реки в дождливый вечер

1

Андрей Михайлович вернулся на Кишинский кордон. Он старался не выдать своего отчаяния. На вопросы невестки ответил спокойно, сказал, что хотя фашисты и близко, в горы им не подняться, сопротивление здесь усилится: регулярным частям теперь помогают тысячи партизан.

Лидия Васильевна слушала и смотрела на него с тревожным ожиданием, ждала, когда заговорит о Дануте Францевне, оказавшейся в оккупированном городе. Большие глаза ее то и дело наполнялись слезами. Когда они остались вдвоем, Лида заплакала.

— Что же делать, дочка,— сказал Зарецкий.— Не успел...

Выплакавшись, она вдруг предложила:

— Я пойду в город. Мне легче пройти, скажусь беженкой, увижусь с Данутой Францевной, и мы убежим.

— Ты плохо знаешь фашистов, Лида. Они бесчеловечны, полны злобы. При первом же допросе они запутают тебя. Малейшая неточность, сомнение — и ты попадешь в гестапо, а там ужас, пытки. Твое предложение безрассудно.

— Но что-то мы должны делать? Должны!

— Не знаю. Пока не знаю.— Зарецкий сжал голову руками. Смятение, растерянность делали его не похожим на себя.— Я подумаю, Лида. Конечно, что-то делать надо, не оставлять же ее...

— Может быть, через ваших друзей партизан?

— Я свяжусь с ними. Только ты не терзай меня, не торопи. Еще не ясно, где Данута. Вдруг она успела уйти? На дороге тысячи беженцев.

— Она ждала нас. До последней минуты ждала! — И Лида снова заплакала.

— Ведь я думал... Все произошло так неожиданно.

Говоря это, он уже знал, что выручать жену будет сам. Он проберется в Майкоп и вывезет ее. Как и когда — все это выглядело пока очень смутным. Нужно подумать.

В тот день из Хамышков возвратился егерь Тушников, ездивший в разведку.

— Они в Даховской,— сказал он про немцев.— До батальона. Через Блокгаузное в горы все еще движутся беженцы. В Майкопе расстрелы. В самом ущелье у нас два-три заслона, но солдат всего сотня и один пулемет. На немцев работают предатели, они знают тропы. Словом, могут прорваться в Хамышки.

— Кого-нибудь из егерей встречали?

— Вся охрана стянута в Гузерипль. По приказу директора. Похоже, он изготовился к отступлению через перевал. Мы в окружении останемся, Михайлович,— понизив голос, добавил он.

— Мы будем там, где зубры. Придут немцы сюда, мы уйдем в глубь леса. Но вместе с зубрами. Отгородимся, разрушим переход через Белую.

Пока же зуброводы оставались на месте. В самой Кише, открытой со стороны Сохрая, затаились трое наблюдателей с собакой — следить за дорогой. Остальные собирались за Сосняки, где паслись зубры. Но им еще предстояло убрать почти вызревшую картошку, овощи на огороде, свеклу для зубров и все укрыть, закопать: вдруг придется зимовать без помощи со стороны? Спасти стадо. Спасти! Исчезнуть с ними в глухомани, коли нет сил на прямую войну.

Прошла неделя, другая. Данута Францевна вестей о себе не дала. Значит, там... Над горами чуть не каждый день летали чужие самолеты, где-то рвались бомбы. Зуброводы работали на огородах. Возле зубриного загона попеременно находились Лида, Веля Альпер и Женя Жаркова. У перехода через Белую постоянно дежурил кто-нибудь из егерей.

Мягкие облачные дни стояли на Кавказе. Зелень пышно одела горы. Война как бы затаилась. И вдруг движение на дороге к Гузериплю прекратилось. Как отрезало. Значит, враг приближался.

И тут — верховой из Гузерипля. Он пробрался правым берегом через Филимонову гору. Увидев Лидию Васильевну, хлопец сполз с коня и передал конверт. Это был приказ директора о срочной эвакуации сотрудников зубропарка.

— А звери? — спросила она.— Он о них подумал?! — И подняла на хлопца глаза, потемневшие от гнева.

— Директор собрался на перевал. Велел быстро. Сам поведет. И егеря пойдут с ним. Для безопасности.

— Бросает заповедник?

— Я почем знаю! Жгут какие-то бумаги, бегают туда-сюда.

Она помчалась к Зарецкому, который был на Кише. Андрей Михайлович прочитал приказ, лоб его покрылся крупными каплями пота. Внезапная слабость всякий раз при беде или плохой вести.

— Ну что? — Лида не спускала с него глаз.— Бросаем стадо?

— Как ты можешь так говорить? Мы никуда не уйдем. А вот Альпер, Жаркова, Теплова, дети пусть уезжают. И ты тоже.

— Мне? Уехать? — Она не верила ушам своим.— Ни за что!..

И тут Зарецкий улыбнулся. Он и не ожидал, что Лида согласится. Он порадовался ее настойчивой решительности.

В тот же день женщины и дети, сопровождаемые Тушниковым и вестовым из Гузерипля, на шести конях ушли в сторону заповедника, вернее, на высокогорное пастбище Абаго, которого беженцы из Гузерипля миновать не могли.

Ночью в зубропарк вернулся егерь, дежуривший возле перехода.

— Я сбросил мостики. Немцы шли по дороге. Красноармейцы отступили к Лагерной. Оставили Хамышки. У них патронов мало, жаловались. А у немцев минометы, даже броневик. Знаешь, где поворот за Лагерной? Там теперь фронт. Сказали, не отступят дальше и поселка не отдадут. У них комвзвода отчаянный, хоть и молоденький. И все хлопцы, как один. Положат их... Хоть бы наши из Гузерипля подмогнули.

Зарецкий промолчал. Бегут из Гузерипля. Не помогут.

2

В Управлении заповедника собралось немало мужчин с оружием. Но директору и в голову не приходило вступить в бой с немцами. Мог ведь отправить беженцев, дать им проводника, а самому с егерями идти навстречу немцам, к тем немногим воинам, что стояли насмерть у поворота и прижима на дороге.

Гузерипль был ключевой позицией на пути к перевалу и на южную сторону Кавказа — одна из целей немецких войск, наступавших от Анапы до Моздока. Говорили, что к нашим сюда идет подмога из Сочи, что надо непременно остановить немцев до того, как прорвутся они к перевалу, к горам Фишту и Оштену. Но части эти заблудились в горах, и некому было вывести их на удобные тропы. Узнав об этом, Зарецкий послал к Белореченскому перевалу двух зуброводов. Они увидели уже опустевший Гузерипль.

Немцы, посчитавшие поселок заповедника своей легкой добычей, вдруг встретили на прижиме стойкое сопротивление. Обороняющимся повезло: как раз с гор спустился боеспособный отряд с командиром и сразу окопался у дороги. Отряд имел еще один пулемет и боеприпасы. Первая атака немцев сорвалась.

Подтащив минометы, они начали методический обстрел. От мин не укроешься за камнями или стволом дерева. Появились раненые, убитые. Фронт у прижима попятился. Командир послал двух бойцов в Гузерипль с приказом для всех, кто с оружием, идти к ним на подмогу.

— Если поселок эвакуирован, догнать и вернуть всех, кто способен воевать. Ясно?

Сержант и солдат поскакали в Гузерипль, а оттуда в погоню за ушедшими.

Какова же была их радость, когда на Абаго они увидели вооруженных егерей: шли назад. Поняли, на какой поступок подтолкнул их директор, взбунтовались и повернули.

Забегая вперед, скажем, что это происшествие положило конец директорской карьере. Беженцы пошли на юг уже без него. Первую группу их — детей, женщин — повела Веля Альпер, хорошо знавшая заповедные тропы.

Спустя шесть дней эту группу — голодную, почти босоногую — встретил и приютил в Красной Поляне начальник южного отдела заповедника, заботливый, энергичный Петр Алексеевич Савельев. Он узнал об остальных беженцах и поскакал к перевалу, чтобы довести людей до поселка. Среди прибывших директора не было. Скрылся в лесах. Судьба его так и осталась неизвестной.

А тот самый прижим на дороге в трех километрах от Гузерипля для немцев был последним пунктом на их пути к перевалу.

Оборона укрепилась. Ночью немцев атаковали. Они не выдержали удара и отошли.

Это был кошмарный для врага день. Стрелял весь лес. Даже из-за Белой, где вроде бы и людей-то не было, раздавались меткие одиночные выстрелы. Зуброводы с Киши и Безымянки при первом же удобном случае выходили к реке.

Фашисты знали о зубровом заповеднике. Их самолеты фотографировали кордон и зубропарк. Но переправиться через Белую они опасались. Мостик был разрушен заранее.

Какая-то немецкая часть заняла и сожгла Сохрай. Жители успели разбежаться. Тот же отряд подошел и к пустому Кишинскому кордону, занял его, ограбил дома, сжег документы, но не остался здесь: лес стрелял, казалось, что русские за каждым деревом. Бесценное стадо зубров было надежно укрыто в долине Темной за Сосняками.

3

В эти тревожные дни и произошло событие, которое трудно объяснить законами логики или рассудка.

Мы помним переживания Андрея Михайловича Зарецкого, когда он убедился, что его жена в руках врага. Надежда отыскать ее среди беженцев не оправдалась. Днем и ночью он думал о Дануте, изобретая и тут же отвергая проекты ее освобождения. В конце концов решил, что выручить ее он может только сам.

Вечером, находясь вместе с невесткой на карауле возле зубров, он сказал ей:

— Я ухожу в Майкоп, Лида.

— На смерть? Вы понимаете, что задумали? На верную смерть! У меня больше шансов на успех. Позвольте мне...

— У тебя жизнь впереди, Лида. У меня все в прошлом. На тебе и на Мише ответственность за сохранение кавказских зубров. Мои силы на исходе. Чувствую, скоро умру. Сердце... Впрочем, ты знаешь это. Если мне суждено умереть там, дело наше не пропадет, лишь бы вы оба остались живы. Но я смею надеяться, что мое предприятие удастся. Вернемся невредимыми. Война кончится, скоро их погонят назад. И тогда начнется славная жизнь, о которой можно только мечтать. Что же ты плачешь, дочка моя?!

Она рыдала, по-детски уткнувшись лицом в его грудь. А Зарецкий смотрел поверх ее головы на темные кроны

пихт, на горы, гладил ее волосы и сам хотел верить, что все будет именно так, как он говорит.

Через день Андрей Михайлович исчез, передав егерю Кондрашову наказ: не дать в обиду Лидию Васильевну, стеречь зубров, защищать заповедник.

В Даховской, куда поздней ночью приехал Зарецкий, только ахнули, увидев посетителя. Кругом были немцы.

Через час хозяин принес ему листовку, снятую со стены. Андрей Михайлович прочитал: «Комендатура города Майкопа разыскивает следующих лиц, объявленных военными преступниками в занятых нами районах». И далее следовал список из восьми фамилий. Четвертым значился А. М. Зарецкий. И четыре страшных строки ниже: «В связи с этим задержаны заложники, члены семей указанных лиц. Последний срок явки военных преступников назначен на пятое сентября. Не позже вечера пятого сентября заложники будут казнены».

В списке одиннадцати заложников он нашел имя Дануты Францевны Зарецкой.

Хозяева молча смотрели на него. Не похоже, чтобы Зарецкий очень испугался. Что же известно немцам и много ли известно? Он даже улыбнулся. Хорошо, что пришел и узнал. Пятого сентября?.. Андрей Михайлович понимал, что ожидает жену, если он не сдастся. Знал, что надо сделать для ее освобождения, и потому не испуг, не страх овладел им, а все более острое желание спасти Дануту. Скорей в Майкоп. Освободить ее из тюрьмы! А там будь что будет.

Собственная жизнь как-то отодвинулась, заслонилась. Пусть на этом все кончится. Он свое сделал. Он больной и старый. Смерти Зарецкий не боялся. Ничего и никого он не выдаст, как бы враг ни изощрялся. Если ценой собственной жизни удастся спасти Дануту, это и станет последним и высшим его благом.

— Возвратись в горы, Михайлович! — добрые хозяева твердили в два голоса.— Они же звери, подумай, на что идешь! Виселица в городе стоит! Палачей назначили. Вчерась кого-то повесили, людей сгоняли смотреть. Не подвергай себя напасти, вернись!

Но он уже не мог представить себе, как это вернуться. Явиться в зубропарк, увидеть Лиду, друзей и сказать им, что вот он здесь, тогда как его жена... Ужаснее картины и в кошмарном сне не увидишь. Что могут знать о нем

оккупанты? История с ликвидацией десанта прошла без огласки. Господам из комендатуры трудно доказать причастность Зарецкого к партизанской войне. Ну а если и докажут? Лишь бы освободить Дануту! Иначе как можно жить?..

Переночевав в Даховской, Андрей Михайлович спокойно побрился утром, привел в порядок одежду и сердечно простился с хозяевами. Они до самого порога упрашивали его не ходить в город. И сердились, и плакали. Странное спокойствие, рожденное любовью, человечностью, вселилось в него. Все вместе они постояли в переднем углу. Надев плащ, с обнаженной седой головой, прямо и строго зашагал он к центру станицы.

У дома, где до войны находился поселковый Совет, стояла большая низкобортная немецкая машина, возле нее ходили или сидели солдаты с винтовками. Он поздоровался с ними по-немецки, спросил, где командир, и, увидев его, сказал:

— Мне надо в Майкоп. Вы не по пути?

Капрал был удивлен хорошим немецким выговором русского. Интеллигентный вид, спокойствие и открытость подействовали. Капрал даже не спросил, кто он и как очутился здесь. Ответил, что готов взять его и что поедут они через полчаса.

Когда солдаты, гомоня, уселись, командир вдруг предложил Зарецкому кабину, она вмещала троих. Так они и поехали, довольно дружески разговаривая о погоде, дороге, новостях. Нельзя было поверить, что этот седой, спокойный человек едет к собственной смерти.

— Вам куда? — спросил капрал.

— В комендатуру.

— О! Мы тоже туда. Еще минут двадцать.

Вероятно, Зарецкий мог сойти, не доезжая, мог заглянуть домой, и эта мысль приходила ему в голову, но он отогнал ее. Вдруг потом недостанет воли? Ожидание смерти хуже смерти. И что там, дома? Пустота... Так они доехали до комендатуры.

Часовые остановили его. Пропуск?

— Мне нужен герр комендант,— сказал он.— Моя фамилия Зарецкий.

Вызвали какого-то чина. Немец поднял брови, молча завел его в коридор.

Ждал он недолго. Подошли двое, в незнакомой ему

форме, с лицами жесткими, насмешливо-спесивыми, деловито обыскали.

В кабинете, куда ввели Зарецкого, за столом сидел в такой же форме худой, желтолицый человек без погон, но со знаками отличия на рукаве и воротнике.

— Вы Зарецкий? — спросил он через переводчика.

— Да, меня зовут Андрей Михайлович Зарецкий,— по-немецки ответил он.

— И явились сюда добровольно? Откуда?

— Из района Даховской.

— Что вы там делали?

— Я лесничий и егерь заповедника.

— Коммунист? Комиссар? Служите в Красной Армии?

— Нет, я беспартийный. От службы в армии освобожден по здоровью.

Эсэсовский офицер помолчал.

— Сядьте,— вдруг сказал он.— И давайте поговорим. Вы знали, что мы считаем вас партизаном, военным преступником? И тем не менее пришли. Почему?

— Чтобы выяснить это недоразумение. В чем меня обвиняют?

— Это вы скоро узнаете. Кстати, вы хорошо говорите по-немецки. Где учились?

— В Лесном институте. Кроме того, три года воевал с вами.

— Солдат?

— Командир казачьей сотни. Хорунжий.

— Русский офицер? Заодно с комиссарами, против освободителей...

— Сильно сказано.— Зарецкий чуть улыбнулся.— Могу я спросить, откуда вы родом?

— Я родился в Силезии. Местечко близ Дрездена.

— Так вот, если бы русские или кто другой напали на ваше местечко, вы дрались бы с ними?

— О да!

— Почему же вы считаете русских, которые дерутся с вами за свою землю военными преступниками?

Эсэсовец не ответил. Сощурясь, он смотрел на Зарецкого. И тот смотрел на него. Немец отвел глаза. Сказал конвоиру:

— Уведите его.

— Я хочу видеть свою жену. Она в списке заложников. У вас в тюрьме.

— Можно,— сказал немец.— Вот она и объяснит вам, какая разница между солдатом-противником и военным преступником.

4

Как он ее ждал!..

Как ходил по комнатке этого страшного дома, где на окнах были не только решетки, но еще и козырьки, чтобы ничего не видеть! Тюрьма. Но и тут Андрей Михайлович не ощущал ни страха, ни сожаления о содеянном. Он ждал, ждал.

Загремело железо. Приоткрылась дверь, втолкнули Дануту. Он с трудом подавил возглас отчаяния.

Что не могли сделать годы, то сделали за несколько дней истязатели. На пороге стояла Данута Францевна. Бледное одутловатое лицо, черные круги под глазами, свалявшиеся волосы, глаза с ожиданием беды, мучений... Она поднесла к губам дрожащие руки, такая запуганная, в бледном линялом платье.

— Что ты наделал, Андрей, что ты наделал, мой милый! — тихо произнесла она, шагнув и падая на грудь мужу так, словно только он и мог защитить ее от неминучей беды.— Зачем ты приехал сюда?

Она уже знала о его добровольной сдаче.

Минут десять ее била истерика, ноги не держали, и Зарецкий едва усадил ее на деревянный настил. Ему удалось наконец успокоить жену. И он ответил:

— Приехал, чтобы освободить тебя. Может быть, сегодня. Ты ни в чем не виновата! Впрочем, не виноват и я. Все уладится, вот увидишь.

— Ты веришь им? Ты веришь этим мерзавцам? Они устроили тебе западню. Они заманили тебя, надеясь на твою честь и доверчивость, а теперь будут поступать с нами как хотят.

— Должна же быть какая-то порядочность, совесть у людей в мундире офицера?..

— У них? — Данута оглянулась на дверь.— Они исчадие ада. Ни чести, ни совести. Нелюди. Одно на уме: убивать и убивать. Вспомни Улагая и его подручных. Вот и они такие. Как ты решился на такой шаг, Андрей? Что наделал?!

— Они освободят тебя,— повторил он.— Я пришел. Я сдался. Пусть делают со мной что хотят, а ты сегодня же отправишься домой. И это — благо, это главное.

— Зачем я пойду домой? — Она снова припала к мужу.— Что буду делать дома, если тебя... Могу ли жить, сознавая, что ты отдал за меня свою жизнь? Как ты можешь так думать, друг мой?..

— Да что они знают обо мне? — тихо спросил он.

— Что-то знают. Я поняла это на допросах. О десанте.

Эту весть Зарецкий принял как должное. Ну что ж. Отступать некуда. А Данута будет жить!

— Успокойся, моя славная,— сказал он.— Война не бывает без подлости, без жертв. Я все взвесил. Выход был только один. Я в их власти. Им нужно отомстить? Готов и к этому. А тебя отпустят, ты ни при чем.

— О-ох! — она выпрямилась, знакомым домашним жестом поправила волосы. Слабая улыбка осветила ее лицо.— Я понимаю тебя, Андрей. Видно, у нас одна судьба. Мы и умрем вместе. Как умерли твои отец и мать. Неизбежность. Пусть свершится. И довольно об этом. Расскажи, что Лида, как в горах? Есть ли что о Мише, где он, что твои друзья? У нас есть немного времени.

Времени у них было совсем немного. Оккупанты что-то нервничали, торопились.

Андрей Михайлович рассказывал коротко и неотрывно смотрел на жену, ощущая все ту же успокоенность. Но тут открылась дверь, вошли охранники, взяли Зарецкого под руки и увели, оставив Дануту Францевну в камере.

Тот же худой, желтолицый штурмбанфюрер расхаживал по кабинету. Он напоминал голодную рысь, которая помышляет об охоте. И предвкушал наслаждение от охоты.

Немец молча показал на стул, обошел письменный стол и долгую минуту смотрел на спокойное лицо Зарецкого. Сказал без выражения, словно читал готовый текст:

— Вы командовали партизанами, которые истребили наш воздушный десант в горах. Так?

— У вас есть доказательства?

— Я не хочу играть с вами в кошки-мышки. Есть.

Немец подошел к двери, что-то сказал дежурному офицеру. И сел, уткнувшись в бумаги.

Вошел солдат, нет — фельдфебель, вытянулся у двери.

— Вы встречали этого человека? — спросил его комендант. И показал на Зарецкого.

Тот коротко глянул в лицо Андрея Михайловича.

— Так точно! Это Зарецкий.— Фельдфебель мешал русские и немецкие слова.— Он руководил боем с нашим отрядом после приземления в горах. Он лично взял мои документы и оружие, когда меня сбили с ног в рукопашной схватке. Он хотел убить меня, но оставил для допроса. Тогда я убил караульного и сбежал.

...Картина июльского боя у лесной опушки встала перед глазами Зарецкого: два парашютиста набегали на него, он крикнул «Halt!», вот, этот, передний, упал, испугавшись, и отбросил автомат. Второго застрелили. Хлопец из его отряда обыскивал упавшего, в эту минуту позвали Зарецкого по фамилии, и он пошел к сторожке. Сзади раздался стон, он оглянулся. Хлопец падал с ножом в спине, а немец убегал зигзагами в кусты. Зарецкий дважды выстрелил в него, но промахнулся. Потом смотрел бумаги пленного. Там было письмо на имя Митиренко.

Этот самый детина стоял сейчас в трех шагах от него, рыжеватый, «дорогой наш Колюшка», как писали в письме. Предатель...

— Не ошибаетесь, Митиренко? — спросил немец.

— Никак нет! Фамилию назвал другой русский партизан, я запомнил и, как вышел из гор, написал об этом в донесении. Тот самый Зарецкий.

Эсэсовец удовлетворенно вздохнул.

— Что скажете, Зарецкий? Или этого достаточно?

— Вполне. Я руководил тем боем.

— Не являясь офицером Красной Армии? Без мундира.

— Достаточно того, что на мне был мундир егеря заповедника. Когда люди с оружием появляются в заповеднике, я воюю с ними.

— Уловка, Зарецкий. Человек без мундира, но с оружием — это партизан, военный преступник. Для него одно наказание: виселица.

Эти жуткие слова не напугали Андрея Михайловича. Смерть одинакова, как ее ни называй. Его смерть — это жизнь для Дануты.

Он сидел опустошенный, а немец писал, отрывался, посматривал в окно. Для него все это было привычно, даже скучно, поскольку не требовало ни пыток, ни тщания. Признание есть. Только оформить приговор.

— Прочтите и распишитесь,— сказал он.— Вы даже не читаете? Впрочем, я вас понимаю. Знали, на что идете,

вот и подписываете себе смертный приговор. Что это? Жалость к супруге?

— Вы обязаны освободить ее. Я сдался, чтобы жила она. Я еще верю слову и чести...

— Слушайте, Зарецкий. Вы даруете жене свою жизнь. Очень хорошо. А если я и вам предложу жизнь?

— За подлость, конечно?

— Лучше сказать, за услугу, которую вы могли бы оказать немецкой армии. Вы русский офицер. Не коммунист. Не еврей. Протяните руку помощи нашей армии. Крах Совдепии — дело недолгого времени. Тогда и вы, и ваша жена останетесь живы. Мы умеем ценить друзей.

— Что у вас на уме?

— Локальная операция. Вам, знатоку гор, даем батальон горных стрелков, вы проводите его тайными тропами на Белореченский перевал, минуя, конечно, позиции Красной Армии. Вот и все. Почему это важно? Мы непростительно задержались как раз в этом месте. Не вышли на перевал. Не торопитесь с ответом. Подумайте о себе и о своей жене.

— Нет,— сказал Андрей Михайлович и поднялся.— Я не предатель. Не надо строить иллюзий. Услуги от меня не дождетесь. Честь имею!..

— Тогда вместе с женой! — эсэсовец почему-то крикнул. Его выводил из себя этот бесстрашный человек.— Умрете оба!

Зарецкий не ответил. Он шел к двери.

Два дня их продержали в тюрьме. Водили еще на допрос — сперва его, потом Дануту Францевну. Один день прошел без допросов. Они находились вместе.

Голодные, измученные, они все сказали друг другу. Примирились с неизбежностью. Сидели рядом, Данута склонилась на его плечо. Сжимали руки, молчали. Слез не было. За окном о железный козырек целые сутки стучал дождь. Безрадостный кусок неба, видимый из камеры, выглядел то серым, то черным. Тогда сверкало, гремело, потоки воды заливали подоконник и пол. Жуткая погода, под стать их положению.

Под вечер за дверью раздались крики, брань. Зарецкие встали. Обнялись, поцеловались сухими губами. Пора. Дверь распахнулась. Вышли с достоинством. Зарецкий поддерживал жену под руку.

В группе смертников было человек пятнадцать, из

них три женщины. Дождь сразу промочил всех до нитки. Конвоиров не спасали плащи, ветер срывал с их голов капюшоны. Ругались они по-русски, по-немецки, кляли погоду, арестованных.

По городу вели долго, прошли мимо виселицы, которая стояла на базарной площади. Гестаповский механизм что-то не сработал, а может быть, поняли, что устрашающего представления в такую погоду сделать не удастся. Вывели за окраину, где река Курджипс сливается с Белой.

— Я знаю это место, тут крутой обрыв,— сказал Андрей Михайлович, словно речь шла о простой прогулке.

Им не приказывали раздеться, даже не стали связывать. Спешили. Велели стать стенкой, плотнее друг к другу и к самому берегу.

— Лицом к реке! — Закричал кто-то из палачей.

Зарецкий не повернулся. На него снова крикнули, наставили винтовку. Он коротко ответил:

— Стреляйте! Не привык отворачиваться.

И, нащупав руку жены, сдвинулся с места, хорошо загородив ее телом.

Треска винтовок и автоматов он уже не слышал. Почувствовал резкий толчок в грудь и, падая, навалился спиной на Дануту. В следующую секунду они покатились вниз. И все кончилось.

Палачи подошли к обрыву. Добили двух, упавших наверху, столкнули вниз. Дождь вдруг припустился сильней. Галечный берег осыпался, покрывая тела. Река переполнилась, черная вода гудела. Вот она подхватила и понесла одно тело, второе...

Скоро все стихло. Солдаты ушли. Берег опустел, изредка шумно сваливались размытые выступы, да шелестел о траву не перестающий дождь.

Данута Францевна очнулась, как только вода коснулась ее лица. Рука продолжала сжимать холодную, вялую руку мужа. Скорей инстинктивно, чем осознанно она отодвинулась от воды, стряхнув с себя и с мертвого мужа песок и галечник. И поняла, что жива, поняла, что сделал Андрей перед казнью.

Дождь все шел, дождь-спаситель. Она села, отодвинулась от воды и положила омытую голову Андрея на свои колени. Некоторое время смотрела, как мертвые один за другим уплывают вдоль узкой закрайки. Вода подбиралась и к ним. Ну нет, она не отдаст мужа.

Убедившись, что ноги держат ее, Данута Францевна взяла Андрея под руки и потащила вдоль обрыва, высматривая, где пониже. Каждый шаг давался ей с большим трудом, она садилась, снова тащила, пока не нашла места, где можно подняться наверх. Здесь оставила тело и пошла, то и дело останавливаясь, к предместью.

Уже под утро, с помощью незнакомых, но сострадательных людей, удалось перенести Зарецкого в заброшенный сарай. Его подготовили к погребению. Обсушилась и переоделась сама. Хоронить решили на другую ночь.

Весь день, пасмурный, сырой и очень неуютный, Данута Францевна не отходила от убитого мужа, не выходила из сарайчика, куда их поместили. Ощущение нереальности происходившего делало ее похожей на сомнамбулу. Ничего не болело, она все слышала, отвечала, но есть отказалась, только пила воду. Что-то в ней надорвалось. Сперва редко, потом чаще стала накатывать слабость, мир куда-то исчезал, и она словно парила между небом и землей. Очнувшись, видела себя лежащей там, где раньше сидела. Удивлялась происшедшему и вновь теряла сознание.

В одно из таких мгновений слабости она и умерла, опустив голову на холодную грудь Зарецкого.

Хоронили их крадучись, на пустыре за огородами, где утром успели вырыть неглубокую могилу. Ее только пришлось расширить для двоих.

Снова пошел дождь. И шел почти всю неделю. Песчаный холмик в окружении редкой травы оседал и вскоре сделался едва приметным на этом безлюдном месте.

А так хотелось, чтобы именно здесь вечно горел огонь!..

Глава восьмая

Трудная зима на Кише. Письмо от погибших. Болезнь Лидии Васильевны. Война отходит от Кавказа. Возвращение Михаила Зарецкого. Беседа в главке. Пополнение стада зубров. Киша. Умпырь. Питомники. Общенародная проблема

1

Война, подобно темной ночи, оказалась самой страшной для Кавказа осенью и зимой 1942 года. Фронт прошел через зубровый парк.

Оккупанты так и не продвинулись к Гузериплю, они бесчинствовали в Хамышках, Даховской, Тульской, Майкопе. Они все знали о зубрах. В одной из немецких газет того времени особый интерес у офицеров армии фон Клейста вызвала фотография: поверженный зубр и человек с ружьем, наступивший ногой на зубра. По выдающемуся животу, перепоясанному широким поясом, по шляпе с пером, по лицу, излучающему блаженство, все узнавали Геринга. Это его личная охота в Восточной Пруссии. Почему бы не организовать такой охоты на Кавказе? Но для этого надо было еще прогнать русских за перевал...

Глубокий снег, метели и выстрелы из-за каждого куста — вот что не давало нацистам поближе познакомиться с кавказскими зубрами. Нарваться на пулю никому не хотелось.

А пули здесь летели из-за деревьев, со скал — отовсюду. Битва у реки Белой не слабела. Защитники Кавказа вскоре предприняли второе смелое наступление и выбили врага из Хамышков.

Потеряв этот опорный пункт, немцы откатились назад сразу на двадцать километров, к Даховской. В зубропарке вздохнули с облегчением.

Однако на Кише люди и звери все более страдали от голода. У зуброводов не осталось ни хлеба, ни картошки. Снег мешал зубрам находить пищу. Лидия Васильевна, истаявшая от постоянной тревоги о своих близких — никаких сведений о судьбе Зарецких сюда не поступило,— вскоре и вовсе стала как ходячая тень, одни скулы да огромные глаза. Она плохо спала, раздражалась по любому поводу или замыкалась в себе, и лишь когда дело касалось зубров — вскидывалась, чтобы с горячностью защитить их. Она настояла на обязательном дежурстве. В горах бродили дезертиры, кое-где в глуши осели беженцы, егеря видели следы неизвестных. Угроза для зверя не исчезла. Голод...

Один за другим уходили егеря зубропарка проводниками с армейскими частями, которые подходили через перевалы с юга. Около зубров, кроме трех женщин, остались Павел Кондрашов с тремя товарищами и с овчаром Черкесом, который помогал распутывать чужие следы и отгонять от стада неизвестных людей.

Привыкшие к подкормке, зубры все чаще стояли у загона, дожидаясь свеклы или картофеля. Но экономные

порции только дразнили аппетит. А тут еще бомбежки, бессмысленная забава немецких летчиков, пытавшихся угодить в зубров. Звери уже не уходили далеко от людей, они видели в наблюдателях защиту. Лидия Васильевна сама кормила бычков — Ермыша, Лугана и Витязя.

— Надежда наша,— с нескрываемой нежностью говорила она.— Только бы дожить вам до весны!

Старая бизонка Гедэ, недовольная малым пайком, несколько раз в одиночку уходила дальше положенного. Крупная телом, она голодала сильнее всех. Но и приманкой для браконьеров была тоже желанной. Однажды она забрела так далеко, что найти ее не удавалось несколько дней. А когда обнаружили, было поздно. От бизонки остались куски шкуры да ободранный череп.

Отсутствие вестей о Дануте и Андрее Михайловиче Зарецких и это происшествие доконали Лидию Васильевну. Нервная болезнь захватила ее. Стало трудно ходить, даже говорить. Кружилась голова. Совсем не спала. С великим трудом Кондрашов упросил ее съездить на Кишу, отдохнуть там несколько дней. Все-таки теплый дом, удобства, не то что тесная караулка и землянки.

— Хорошо, поеду на два дня,— согласилась она.— Ответственность на вас, Павел Борисович.

— Вы о нас не думайте, зубра сохраним. О себе позаботьтесь, а то приедет муженек, не узнает. Отвлекитесь малость, ну и письма там сочините, может, что об Андрее Михайловиче узнаете.

Едва собралась, как прибежала, запыхавшись, жена наблюдателя, которая оставалась на Кишинском кордоне.

— Человек из Майкопа добрался,— сказала она, не отдышавшись.— К тебе, Лидушка, весть у него...

— Кто такой? — Она всего боялась. И вестей, и вестника.

— Мальчик, вьюноша годов пятнадцати. Сказывал, его в Германию хотели отправить, там многих забирают, а он в лес бежал. И к нам вот, родители посоветовали, с письмом.

Она бежала на Кишу, падала, оступаясь с твердой тропы, вскакивала, что-то бормотала. Предчувствие непоправимости не покидало ее.

Женщина с кордона пошла следом, но отстала. Садилась от слабости.

Задыхаясь от усталости, Лидия Васильевна вошла в

дом. Паренек спал, прислонившись спиной к теплой печке. Худой, синие жилки на лбу и руках, в чем душа держится. Жалость остро кольнула сердце. И хотя вся дрожала от нетерпения, все-таки успела поставить на горячие угли чай, достала из карманов сухарики, кусок сахара. Тогда тронула мальчика за плечо.

— Проснись-ка, садись к столу.

Он открыл глаза, с испугом оглядел комнату. Кажется, вот-вот закричит. Лидия Васильевна обняла его.

— Садись, выпей чаю. Вот сахар. Вот кусочек мяса.

А сама села напротив. Мальчик не спускал с нее глаз. Сделал глоток, другой и поперхнулся, когда она спросила:

— Зарецкие живы?

Мальчик замотал головой и застыл: лицо женщины стало белым, губы задрожали.

— Уже давно,— сказал он, словно за давностью не так страшно.

— Как, что?! — Все во рту у нее высохло, насилу проговорила.

Он не сразу рассказал, знал со слов других. Те люди, что хоронили Зарецких, жили через два дома от парнишки, вот и шепнули про ночные похороны, а потом про бумажку, которую нашли у Дануты Францевны.

— Ты привез?..

— Ага. Мать просила передать, если найду вас.

Листок из тетради, перегнутый в восемь раз, потертый, намокший и снова высохший. А на нем карандашные строчки Дануты Францевны, едва заметные: «Дорогие мои, Миша и Лида. Мы с отцом в тюрьме, сейчас поведут на смерть. Прощайте, и храни вас бог. Мы примем конец спокойно и с достоинством. Судьбе неугодно, чтобы мы увидели и приласкали внуков. Прощайте, да будет мир с вами».

Парнишка просто не знал, что делать, когда Лида упала на пол. Он тормошил ее, звал: «Тетя, вставайте, ну вставайте же, я еще не все рассказал, пожалуйста, не плачьте, воды выпейте, вот она, вода...» Он даже прыскал ее изо рта, поил, залил всю, но привел в чувство. Она поднялась и сама села, потом легла на кровать.

В этой позе безысходности ее и застала женщина, которая шла за ней из зубропарка. Они поплакали вместе, потом в два голоса стали требовать от хлопца подробностей, и он сказал, что мертвого Зарецкого от реки тащила

жена, ее даже не ранили, потому что при расстреле ее загородил муж. А умерла перед самыми похоронами мужа. И в одной могиле...

Что-то трудно поправимое произошло в этот недобрый час с Лидой. Она слегла. На кордон приехал Кондрашов, посидел возле нее, повздыхал и уехал. Вскоре привели коней, егеря устроили носилки. И хотя Лидия Васильевна уже могла ходить и даже сердито кричала, что здорова, ее не послушали, уложили в носилки и повезли сперва в Гузерипль, а оттуда через заснеженный перевал на южную сторону, в Сочи.

2

Весь мир облетела весть о крупных боях между Волгой и Доном, об окружении немцев и, наконец, о полном разгроме армии Паулюса. Этим поражением военная кампания сорок третьего года не кончилась. Оккупанты попятились, затем побежали на запад.

Их войска, действующие на Кавказе, оказались под угрозой окружения. Танковую армию фон Клейста вышибли из Моздока. В наших газетах тогда появилась карикатура с хлестким двустишьем Маршака:

Сказал фон Клейст про наш Моздок:
«Сюда я больше не ездок».

Вражеские дивизии со всего Кавказа поспешно покатились на северо-запад.

Впереди Россию ожидали два года жестоких боев, но победа уже виделась. Люди вздохнули свободней. Вот очищен Пятигорск, Нальчик, Невинномысская, Армавир. Вот последние оккупанты оставили Майкоп, разграбленный и оскверненный.

Сюда приехали егеря из заповедника.

Тех добрых людей, что хоронили Зарецких, уже не оказалось, как и их домов. На окраине стояли закопченные трубы да валялись битые кирпичи. Ровное место у реки за военное лихолетье поросло дикой травой. Напрасно парнишка, проживший на Кише несколько месяцев, два дня вместе с егерями искал дорогую могилу. Найти заветное место им не удалось.

Опечаленные вернулись зуброводы домой.

На другой день у загона, где сбились зубры, Павел Борисович Кондрашов сказал:

— Вот она, память об Андрее Михайловиче и его супруге.

Зубры, уже отъевшиеся за весну и успевшие вылинять, спокойно стояли в дальнем углу загона, похожие на изваяния из темного благородного металла, такие чистые, упитанные, словно и не было в их жизни трудной военной поры. Жизнь и покой им обеспечили люди — своим трудом и кровью своей, невозвратимыми потерями.

В середине лета на Кишу доставили пачку писем с фронта: писали молодой Зарецкий, Задоров, Жарков, Теплов. Все живы, все воюют. Были также письма из Москвы от Насимовича, Гептнера, из Аскании-Нова. Спрашивали о зубрах, беспокоились, удалось ли сохранить зверей, что с людьми, с заповедником?..

Из южного отдела в Гузерипль и на Кишу приехал энергичный, не знающий покоя Петр Алексеевич Савельев, который водил воинов и партизан через перевалы. Его усилиями путь в заповедник для браконьеров с юга удалось перекрыть. Пока в заповеднике не было директора, он вместе с зуброводами писал ответы ученым. Живы-здоровы зубры! И единственно, о чем просят нынче зуброводы — прислать быка для кавказского стада. Может, что сохранилось в Беловежской пуще? Может, по пути к Берлину удастся найти?

Ну и конечно, писал о трагедии Зарецких. Самой своей смертью Андрей Михайлович заслонил кишинское стадо.

Из главка приехал Василий Никитич Макаров, руководитель заповедников страны. Видно, перепало лиха и на его долю. Постарел, сгорбился. Он поездил по Кише, Умпырю, поговорил с кандидатом на пост директора Лаврентьевым и сказал зуброводам:

— А что, мужики, не пустить ли нам зверя побегать. Соскучились, поди, в загородке. Вон какая благодать вокруг!

— Разбегутся,— сказал осторожный Лаврентьев.

— В грозные дни не разбежались. Походят окрест и вернутся. Да и куда уходить? А вы досматривайте за блистательной десяткой. Скоро, думаю, наши ученые вернутся. Лидию Васильевну мы уже отыскали, она собирается сюда. Хлопочем о Михаиле Андреевиче, чтобы не заигрался там на фронте со смертью.

Бычки, родившиеся более года назад, стали крепенькие, рослые. Особенно выделялся Ермыш — богатырь!

Как они носились, когда распахнули ворота! Бычки прежде всех галопом, с открытыми ртами. Мигом пересекли поляну и в лес! За ними понеслись и взрослые.

До вечерней зари зубров не тревожили, на закате всадники поехали высматривать их. Стадо мирно паслось на одной из дальних полян, километра четыре от загона.

Макаров облегченно вздохнул: в такую злую пору — и сохранили! Правда, невероятно высокой ценой...

Сторожили до утра, увидели, как спокойно вышло стадо, рассыпалось по лугу. Насытившись, молодь стала играть, бодаться — силушку испытывать. Наигравшись, Ермыш обошел всех сородичей и улегся возле Лиры.

— Неужели ухаживает? — спросил себя Кондрашов.— Ежели так, то еще через год ждем приплода.

3

В июле 1944 года наши войска очистили от немцев район Беловежской пущи.

Из сорока четырех зубров, какие находились здесь перед войной, советские и польские наблюдатели обнаружили семнадцать голов. Они укрывались в самых глухих уголках леса.

В это же лето на Кише отелились Еруня и Ельма. Обе принесли мертвый плод. Потом отелилась Жанка, телочку назвали Желанной, но малышка оказалась очень слабой и вскоре пала. Только зубрица Лира порадовала веселенькой телочкой, которая всем своим видом показала, что намерена жить. Эту первую дочку молодого Ермыша назвали Лаурой. Одиннадцатая в кавказском стаде.

— Война и до́си показывает себя,— с горечью сказал Кондрашов.— А то было бы стадо почти как в пуще.

Прошел слух, что Лидия Васильевна уже в Гузерипле. Встречать ее поехал Кондрашов.

Он увидел Лиду в молодом саду, что вырос перед домами. Ходила от дерева к дереву, к одной ветке щекой прижмется, другую погладит, а у самой лицо, как у именинницы. Так соскучилась по Кавказу!

— Славу богу! — Егерь обнял ее, как родную дочь.— С приездом вас в родные края!

И полез во внутренний карман за письмами.

Она села тут же, под деревом, крепко закусила губы, чтобы не расплакаться. Кондрашов отошел.

Лидия Васильевна выглядела строже и старше. Худоба оттеняла скулы, загар скрывал бледность. Но когда Кондрашов снова подошел, глаза Лиды были полны тихой радостью. Ожила! Жив Миша, воюет! Скоро будет!

— А у меня своя лошадка,— похвасталась она.— Я на ней через перевал ехала. Варнак по кличке, Савельев подарил. Будем собираться? Я мигом!

Сказать, что Лидия Васильевна осталась довольна состоянием зубров,— значит, ничего не сказать. Увидев стадо на воле, полюбовавшись малюткой Лаурой и могучим Ермышом, она просто не нашла слов, чтобы выразить свою радость. Вот оно, счастье!

Первые дни она со своим Варнаком не отходила от стада. Высматривала, записывала каждое происшествие в стаде, повадки бычков, проделки Лауры. А вернувшись в сторожку, садилась писать письма. Всем-всем. Знайте, добрые люди, что живут на Кавказе зубры, что все плохое

для них позади! Человеческий подвиг, такой незаметный на фоне великих военных потрясений и побед, совершен в лесах заповедного Кавказа. Это тоже победа над злом. Сохранено ядро благородного дела, начало которому положил и отец и сын Зарецкие. Восстановлен почти утерянный вид животного!

Предваряя слова выдающегося биолога Бернгарда Гржимека, которые он скажет позже, Лидия Зарецкая писала мужу на фронт, что «зубры, как и все другие звери, это краса нашей планеты и неоценимое богатство наше, являют собой самую высшую форму общей собственности человечества, с чем я тебя и поздравляю, мой дорогой! И жду, жду, чтобы поделиться этой радостью здесь».

А старший лейтенант Михаил Андреевич Зарецкий уже ехал в Москву из района военных действий в Восточной Пруссии. Весть о трагической смерти родителей Михаил Андреевич получил более полугода назад, боль успела притупиться, хотя именно в те дни он заметил, как у него побелели виски. В неполные тридцать три года.

В Москве он пришел к Макарову. Старик обнял его.

— Что уцелели семнадцать беловежцев,— сказал Макаров,— это приятная неожиданность. Спасибо польским зоологам. Но вот что парадоксально: почти все зубры не чисто равнинные, а беловежско-кавказские, поскольку ведут свой род от тех зубров, которых Польша купила в Германии. Потомки Кавказа! Только что мы узнали и о чистых беловежцах. В Пшине на Верхней Силезии живут семь или восемь чистых беловежцев, реальная надежда на возрождение равнинного зубра. Думаю, что польские зоологи не упустят этой возможности. Ну, а те, что в Беловежской пуще... Со временем их придется оттуда убрать. Куда?..

— На Кавказ, естественно,— не задумываясь, ответил Зарецкий.

— Да, конечно. Кровь горного подвида. Но они — собственность Польского государства. Уже идут переговоры с новой Польшей. Скорее всего, пуща окажется на польской стороне. Можно договориться...— Он потер свой лоб.— О чем мы толковали с тобой перед войной?..

— Мы говорили о покупке быка для кавказского стада. Быка-кавказца и пяти зубриц.

— Вот-вот. После долгой отсрочки вернемся и к этому. Говорить с польскими коллегами будут Гептнер, Демен-

тьев, у них давнее знакомство с Жабинским. Как только кончится война...

— Теперь недолго,— сказал Зарецкий.

— Итак, ты едешь домой, к жене, и вместе начнете работу в заповеднике. При первой необходимости я вызову тебя в Москву.

— Просьба, Василий Никитич. Хорошо бы отозвать с фронта Задорова, Теплова и Жаркова. Они очень нужны в заповеднике.

— Попробуем,— не очень уверенно отозвался Макаров.— Ты видишь наши пустые комнаты? Некоторые из ученых сюда уже не вернутся. Скажу откровенно: ты не долго задержишься на Кавказе. Проблема зубров выходит за пределы Кавказа. Она приобретает всероссийский характер. Главк не обойдется без твоей помощи. Вот так. Ну а прежде всего прошу тебя поклониться и от меня праху твоих родителей... Ах, Андрей Михайлович, Андрей Михайлович!..

4

Молодой Зарецкий приехал в разрушенный, неузнаваемый Майкоп.

С чувством глубокого горя шел он к дому родителей. К тому, что осталось от их усадьбы.

Половина дома сгорела. Вторая — с оголенной, черной от копоти печью — выставляла напоказ оклеенную рваными обоями стену. Ветер громыхал остатками железа на крыше. Дверей и рам не было, пол выломан. В саду стояли изломанные полусухие яблони.

Зарецкий постоял, поправил на спине тяжелый рюкзак и пошел к тому месту, где Курджипс впадает в Белую. Без устали ходил и ходил он по дикому полю до самой ночи. Густой кустарник и трава заслонили землю. Никто не может показать...

Опечаленный, добрался он до переезда, остановил грузовик. Шофер подбросил его до Хаджоха. Дальше — пешком.

На кордоне он нашел женщин — Задорову, Дубровскую, еще двух незнакомых. Со слезами, причитаниями кинулись они к Зарецкому и только узнавши, что мужья их живы-здоровы, осушили слезы, забегали, чтобы как лучше приветить дорогого человека.

— Где Лида? — спросил он.

— В Гузерипле. Вчера все туда уехали. На общее собрание.

— Зубры близко?

— Там же, в Сосняках, пасутся. Целехоньки и здоровы. С ними Кондрашов и старший Никотин. Ну а сейчас давайка в баню, все готово. Отмоешься, отдохнешь, а на утренней заре в седло. Она ждет не дождется!

Когда перед зуброводами предстал всадник в плаще поверх стираной-перестираной гимнастерки, егерь Александр Никотин испуганно поднялся и попятился: уж больно похож на отца в дни гражданской войны...

Зарецкий соскочил. Обнялись, расцеловались. И пошли разговоры, расспросы о войне, которая шла к победному концу, о делах в заповеднике, о зубрах, конечно.

— Они на воле? — спросил Зарецкий.

— Дикарями заделались, нас вовсе не признают,— сказал Кондрашов с одобрением.— Ермыш в стаде вожакует. Кажись, в будущем году опять телятами обзаведемся. Поедем, глянешь.

Как застучало сердце у Зарецкого, едва бинокль приблизил спокойно лежавшее стадо! Время вдруг перебежало назад и остановилось на дате 1940. На той дате, когда здесь приживались первые асканийцы. Опытным глазом Зарецкий определил, что зубры здоровы, спокойно живут на новой — или на старой? — своей родине.

К загону он не вернулся. Уже к вечеру от Сосняков благополучно спустился в Гузерипль.

Шло собрание. Говорила Лидия Васильевна — не о зубрах, а о людях, которые сохранили их, совершив, как она выразилась, «подвиг, достойный нашего героического поколения». Михаил Андреевич остановился в сенцах. Двери были открыты, он ухитрился схватить взглядом ее лицо. Сердце скакало, в глазах пощипывало — такая нежность и жалость к жене, худенькой, бледной, охватила его!

Кто-то крикнул:

— Гляньте, Зарецкий! Вот он стоит, мужики!

Лида как осеклась. И руки к груди прижала. Все оглядывались, вставали, громыхали стульями, заговорили сразу в тридцать голосов. Зарецкий оказался в комнате, и вот они близко, лицом к лицу... Как бросилась она, совсем без памяти! У всех глаза туманом застлало. Какое

там собрание! Высыпали на холодный лужок перед домом и так, окружив счастливых, проводили, то и дело останавливаясь, до дома.

5

В сорок пятом вернулся Задоров, с медалями и орденами, в капитанских погонах. А спустя три месяца после Дня Победы встречали Теплова и Жаркова.

Едва вырвавшись из объятий жены, Борис Артамонович крикнул Никотину, стоявшему в стороне:

— Сколько?

— Двенадцать! — донеслось в ответ.

— Все мои награды — ваши, хлопцы! — закричал капитан.

Всю войну он помнил о своих зубрах. Война — это заразная болезнь человечества. А забота о таком звере, о природной целости — это сама жизнь. Потому и бежал он в день приезда от несколько обиженной супруги своей в Сосняки, чтобы увидеть, убедиться. Вернулся домой уже к ночи, сказал умиротворенно: «Порядок, эт-точно» — и ласково взглянул на дорогую женщину.

Весь научный отдел собрался, как и до войны. Лидия Васильевна уже составляла план научных работ. Жарков готовился в первый поход на Бамбак, где ботаник Альпер обнаружила несколько новых растений-эндемиков и звала понаблюдать туров и серн. Но тут пришел приказ о переводе двух ученых в Воронежский заповедник, где война не пощадила никого из сотрудников. Зарецкого тем же приказом вызывали в Москву.

Договорились, что Лидия Васильевна пока останется в Гузерипле. Она вызвалась проводить мужа до Майкопа.

...Шел второй мирный год. Израненную землю уже затягивала молодая зелень. В предгорных селениях стучали топоры, пахло свежей щепой. Бывшие солдаты строили новые дома, ставили заборы. С особенной жадностью пахали или вскапывали лопатами огороды, удивляясь, что земля эта не пахнет окопным духом, радуясь ее материнской силе. Во дворах голосили молодые петушки.

В святом для Зарецких междуречье, куда пришли они, не сговариваясь, тоже появились строители, огородники. Новые хозяева селились на бросовых землях.

Зарецкие обошли всех, сказали, кто здесь похоронен, дали адрес, чтобы написали, если обнаружится захоронение, и молча, рука об руку, постояли над крутым, все так же осыпающимся берегом.

Проводив мужа, Лидия Васильевна верхом возвратилась на Кишу.

В конце апреля — начале мая стадо зубров пополнилось сразу четырьмя малышами от Ермыша. Лишь пятый оказался неспособным к жизни. Через три недели зубрята резвились, оглядывая мир удивленными большими глазами.

Стадо уходило на три, на пять километров от загона. За зверей уже не беспокоились. Только Борис Артамонович часами не слезал с коня, издали наблюдая зубров. Он и увидел, как погиб один из малышей. Зубренок разбежался и хотел перескочить через валежину на лугу, но зацепился ножками, перевернулся и упал, сломав себе шею.

Зубрица два дня не отходила от него и никого близко не подпускала, а Задоров бил себя по голове и обзывал последними словами. А что он мог? Жизнь диктовала извечные законы отбора.

Стадо все прибавлялось. В сорок восьмом зубров уже насчитывалось восемнадцать. В следующем — двадцать одна голова. Теперь все быки во главе со старым Ермышом ходили отдельно, тогда как зубрицы с малышами составили собственное самостоятельное сообщество.

В Москву к мужу уехала и Лидия Васильевна. Уже с дочкой.

Перемены шли чередом. И вот на Кавказ привезли зубра Пущанина с хорошей долей кавказской крови. А с ним и пять зубриц. План восстановления вида, прерванный, но не перечеркнутый войной, действовал.

Ему предшествовали события, которые Макаров называл «проблемой всероссийского масштаба».

6

Новая граница между дружественными Советским Союзом и Польской Народной Республикой пролегла через Беловежскую пущу, разделив ее на две почти равные части.

Зубровый питомник с семнадцатью уцелевшими зубрами оказался на территории Польши. Вскоре и в советской

части пущи удалось организовать второй зубровый питомник. Польские зоологи передали сюда пять кавказско-беловежских зубров, среди них Пурпуру, Пулю, Пуфа — потомков быка Боруса, правнука самого Кавказа.

Так на территории нашей страны возник третий после Кавказского и Аскании-Нова очаг разведения зубров.

На первых порах, чтобы спасти от вымирания этот вид зверя, ученые ставили перед собой простую цель: как можно скорее размножить зубров, увеличить количество особей, пусть и гибридных, тем более что кавказско-беловежские зубры оказались на редкость красивыми, жизнестойкими.

С этой задачей зоологи Европы справились. К середине двадцатого века, точнее, в 1951 году число зубров достигло ста пятидесяти, из них третья часть в СССР, более всего на Кавказе.

Когда в Кишинский зубропарк прибыло пополнение, а в Беловежской пуще появились чистокровные зубры из Пшинского питомника, можно было начать селекцию на чистого зубра путем поглотительного скрещивания. Роль носителя кавказской крови на Кише принадлежала Пущанину и другому быку — Пухару, привезенному двумя годами позже из Центрального питомника. Этот питомник был создан главком заповедников и Комиссией по охране и восстановлению зубра Академии наук СССР. Он расположился на Оке, недалеко от Москвы. Всю организационную работу в нем проделали Михаил Андреевич и Лидия Васильевна Зарецкие.

И вот на Кавказе уже двадцать четыре зубра. Вожак Ермыш и новичок Пущанин никак не поделят между собой стадо. Борис Артамонович Задоров с егерями Татарковым и Никотиным не решаются выпустить из загона неспокойных зверей.

Написали письмо Михаилу Андреевичу Зарецкому: что делать?

Неожиданно на Кишу приехала Лидия Васильевна. Радостно и добро встретили ее старые сотрудники. Она осмотрела стадо и сказала своим друзьям:

— А не проехать ли нам на Умпырь?

Задоров и Кондрашов переглянулись: неужто и она подумала о переводе зубров в эту глухую долину? Зуброводы хотели сами предложить такой ход. Но постеснялись, тем более что был тут и новый человек, который приехал

на должность главного зубровода. Фамилию его знали — Калугин, по имени-отчеству Сергей Гаврилович. Зарецкая то и дело заговаривала с ним, видно, хотела составить для себя более полное представление о человеке, которому вручается судьба многострадального кавказского стада.

На Умпырь поехали через Бамбак и Черноречье.

Долина Умпыря в этот солнечный июнь благоухала запахами черемухи и цветущего луга. От красок рябило в глазах. Дрозды состязались в мастерстве пения. В кустах мелькали непуганые серны и олени. Журчали чистые ручьи. Свежий ветер с ледников остужал горячее сердце.

Вечером, после ужина, сели на порожках вновь отстроенного кордона, где жил егерь Василий Терлецкий, и вспомнили о грозных годах войны, не обошедших эту долину и в двадцатых, и в сороковых годах.

— Нравится вам здесь? — Лидия Васильевна обернулась к Калугину и широким жестом обвела горы.

— Красиво и знакомо,— отозвался он.— Я учился в Орджоникидзе, в Горском институте. Там тоже Кавказ, но зеленого цвета меньше — все скалы да камень. Здесь для зубров совсем хорошо. Райское место.

Засмеялась. Прошлое военное ему пока неведомо. Спросила:

— Ну а старый Ермыш? Он вас не беспокоит?

— Вожак свое сделал. Ни на Кише, ни тут места ему нет. Надо выбраковывать. Ермыш уменьшает кровность стада по зубру.

Слово «выбраковка» здесь еще не произносили. Пока знали другое слово: «размножать». Решимость Калугина понравилась Лидии Васильевне. Она глянула на Задорова:

— Что, если вам, Борис Артамонович, поручат застрелить Ермыша? Да, Ермыша.

— Эт-почему ж? — От испуга он даже стал заикаться.— Как то есть застрелить? Шуткуете?

— Мы договоримся об этом сами,— сказал Калугин. Спокойный, покладистый и вдумчивый человек. Потому так просто и естественно вошел в старый кишинский коллектив. Правда, на коне выглядел пока мешковато, но ездил не уставая. И все вокруг замечал, записывал. Любил свое дело.

В тот вечер они решили разделить стадо. Половину перегнать сюда, на вольный выпас, возродив полноценную жизнь и на этой прародине зубров.

Годы надежды были и годами трудностей.

На заповедники неожиданно обрушилась волна необдуманных реформ. Василий Никитич Макаров покинул свой пост. Новые люди не все понимали, что такое заповедность для природы нынешней и будущей. Чуть не треть заповедников в стране успели закрыть, много раздали по разным ведомствам. Площадь Кавказского уменьшилась почти вдвое. Стройная система заповедования пошатнулась, ученые оказались в стороне. Об этом говорили, возмущались в тот вечер и на Умпырском кордоне.

— А как обстоят дела у зубровода Корочкиной в Беловежской пуще? — спросил Калугин Лидию Васильевну.

— Те же трудности, те же заботы. Скоро вы встретитесь. Намечены совместные совещания раз в три года. Вместе с польскими учеными. Тогда и потолкуете обо всем.

Время, время... Не очень-то согласуется оно с нашими планами, бежит, торопится. Вот и еще десяти лет как не бывало.

На очередном совещании с польскими коллегами в Беловежской пуще — кажется, в 1960 году — Калугина спросили, сколько у него зубров в Кавказском государственном заповеднике. Он ответил по памяти:

— Чистокровных двенадцать, чистопородных сто восемь и гибридов восемьдесят два. Всего двести два.

— Не тесно им? — поинтересовалась Корочкина. У нее в пуще проживало чуть более шестидесяти голов — и то они объели весь подрост.

— Наши стада освоили пока сорок тысяч гектаров пастбищ. С пятьдесят шестого на вольном содержании. Пять голов на тысячу гектаров. Кормами обеспечены.

Потом он сказал, что за десять лет зуброводы выбраковали почти три десятка быков, слишком напоминающих бизона. Поглотительное скрещивание на зубра продолжалось. Кишинское и умпырское стада почти не отличались от своих уничтоженных предков. Этому способствовала не только наследственность, но в какой-то мере и среда обитания. Горы определяли повадки, характер, даже внешний вид животных.

В 1970 году в Кавказском заповеднике насчитывали почти семьсот зубров.

Когда Калугин назвал эту цифру в Кише, Борис Артамонович Задоров и Александр Васильевич Никотин удовлетворенно переглянулись. Вздохнул, погружаясь в прошлое, и Кондрашов. Старики вспомнили, что столько же зубров было на Кавказе перед мировой войной 1914 года, когда молодой егерь Андрей Михайлович Зарецкий с Телеусовым и Кожевниковым оберегали стадо от злых охотников и опасностей.

Вспомним и мы еще раз первого директора Кавказского заповедника Шапошникова, героев нашего повествования — живых и павших,— вспомним и скажем: да воздастся им должное за человеческий подвиг, который одолел суровые войны, оказался сильнее подлости временщиков, уничтоживших в свое время древнейшего зверя Кавказа. Доброе победило.

Если б не так, зачем тогда жить?..

Глава девятая,

самая короткая в романе. Старинное слово «эпилог». Обращение к Красной книге

Автору показалось, что эпилог, иначе говоря, заключительное сообщение о событиях, здесь просто необходим. Дело в том, что в тексте романа читатель не найдет слов, хотя бы приблизительно оправдывающих название книги. Что это за «Зеленые листы из Красной книги»? А ведь так уж принято: название означает суть дела, замысел повествования, идею.

Да простит меня снисходительный читатель за столь позднее возвращение к заглавному листу!

Человечество давно проявляет беспокойство о живой природе. Давление цивилизации на нее все возрастает.

Вырубка лесов, этого зеленого плаща биосферы[1], широкое осушение болот, обмеление рек; прямое уничтожение диких зверей, птиц, растений, овраги на лугах и полях; губительное дыхание индустрии городов — словом, все, что изменяет естественную среду и называется антропогенным наступлением на природу,— все это привело к

[1] Биосфера — область активной жизни на планете, куда входит и такой фактор преобразований, как человеческий разум.

уменьшению числа видов зверя и растений на земле, а во многих районах мира и к полному уничтожению их.

Есть о чем задуматься.

Биологи передовых стран мира не могли остаться равнодушными зрителями этого негативного процесса. Они постарались выяснить, как велика опасность. Началась запись — по письменным документам прошлого, по памяти, по наблюдениям — исчезающих животных и растений. Так возникли горестные списки — точный масштаб и скорость уничтожения живой жизни на земле.

В 1948 году Международный союз охраны природы и ресурсов земли, цель которого — «исследовать, осведомлять и указывать возможные пути защиты природы», создал Комиссию службы выживания. В СССР она называется Комиссией по редким и исчезающим видам.

Было установлено, что с начала семнадцатого века на планете уже исчезло шестьдесят три вида и пятьдесят пять подвидов млекопитающих и около ста видов птиц. Третья часть урона — за последние пятьдесят лет.

Процесс истощения природы идет с мрачным ускорением. Погибшие виды зверя, птицы, растений восстановить невозможно. Это потеря навсегда. И кто знает, не теряет ли человечество вместе с погибшими часть самого себя, частицу самого необходимого для будущих поколений?

Уже в середине нашего столетия вся собранная комиссией информация дала возможность составить «черный список» безвозвратно исчезнувшего и подготовить Красную книгу, куда стали записывать редкие, исчезающие или находящиеся под угрозой гибели виды животных, птиц, растений.

На начало 1972 года в Красной книге фактов оказалось 236 видов млекопитающих, 287 видов птиц, 36 видов земноводных, 119 видов пресмыкающихся, много рыб и, конечно, растений.

Четыре тома Красной книги к этому времени приобрели вид довольно толстых перекидных календарей, листы в которых можно изымать и заменять другими, поскольку процесс изменений в природе продолжается, и пока еще со знаком минус.

Все исчезающие виды записываются на листах красного цвета. Отсюда и название — Красная книга. Пожар!

Все виды, число которых заметно сокращается, записаны на желтых листах. Предостережение!

Редкие виды — на белых листах. Осторожность!

Подобная книга — это «документ совести человека. Каждая нация перед лицом мира несет ответственность за сокровища своей природы».

В Красную книгу, изданную в СССР, с 1974 года занесено 62 вида и подвида млекопитающих и 63 вида птиц.

В Международной Красной книге сведения о европейском зубре на красных листах. Исчезающий вид...

Вот тут мы и заметим, что специалисты, работающие над совершенствованием Красной книги фактов — этим документом опасности, сигналом к спасению погибающих животных, недавно внесли предложение о новой категории восстановленных видов.

Отныне все виды, записанные на красных или желтых листах, но разумом и трудом человеческим спасенные от вымирания и размноженные до уровня устойчивой популяции, будут записываться на листах зеленого цвета — цвета надежды,— так что в Красной книге могут появляться и зеленые листы.

Нетрудно догадаться, что европейский зубр в нашей стране скоро будет записан не на красных, а на зеленых листах: к началу 1975 года в СССР имелось 1375 зубров. Они расселены — кроме Кавказского заповедника и Беловежской пущи — в одиннадцати разных местах страны, от Латвии до Средней Азии.

Очень обнадеживающее событие, отрадное явление в богатой жизни советского общества.

Этот факт мне и захотелось вынести на заглавный лист романа.

1968—1982 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для старшего возраста

Вячеслав Иванович Пальман

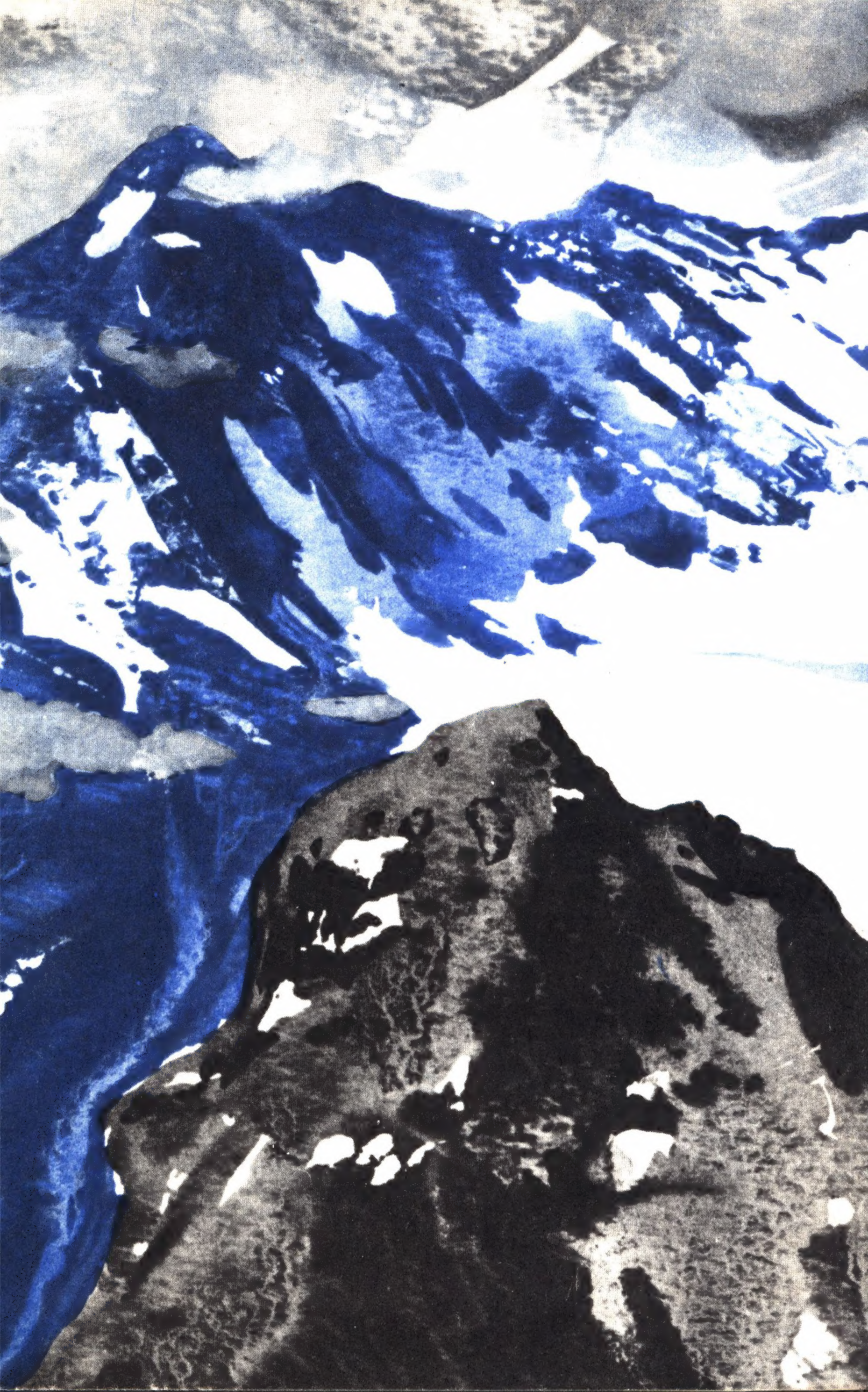
ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

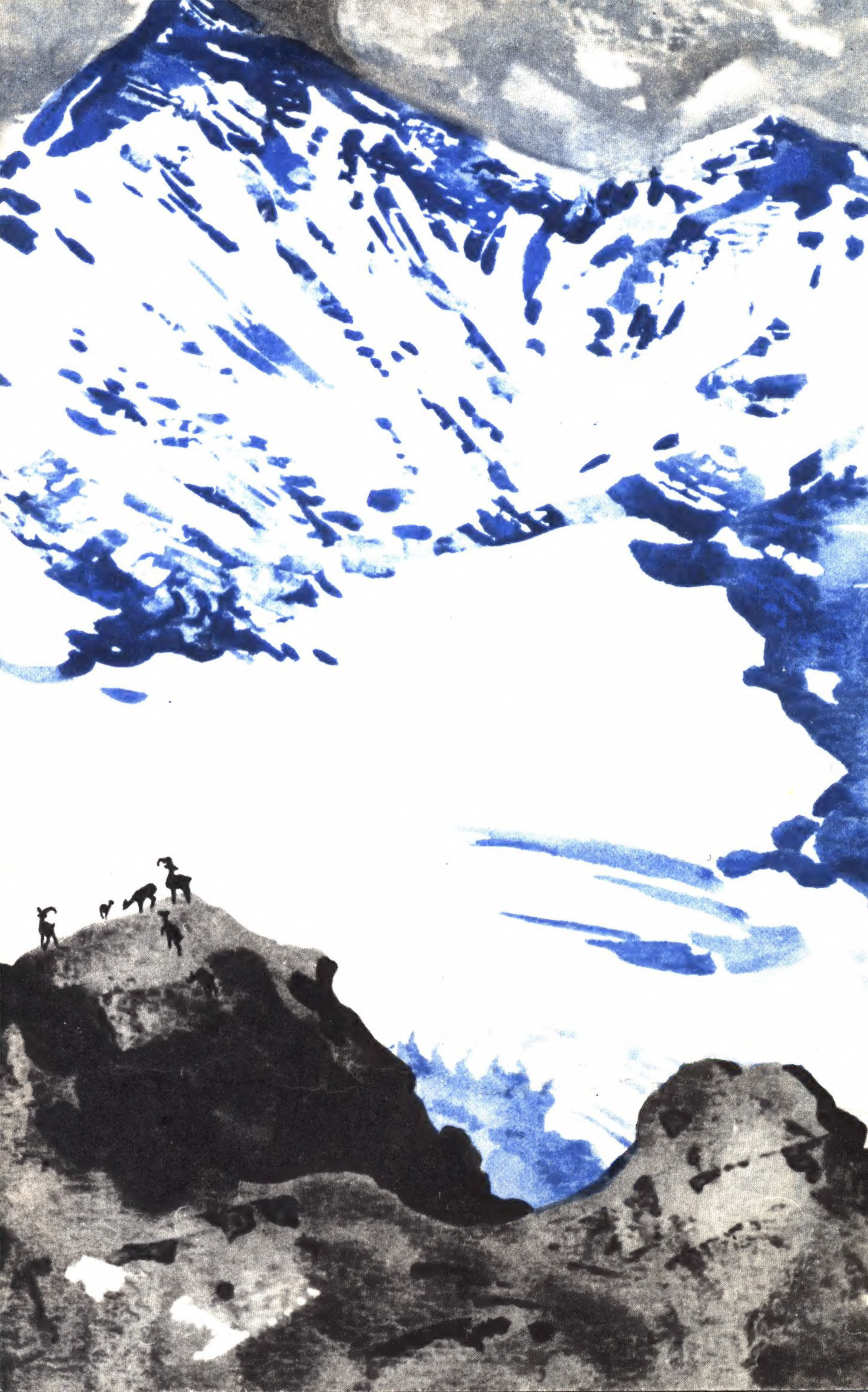
ИБ № 5613

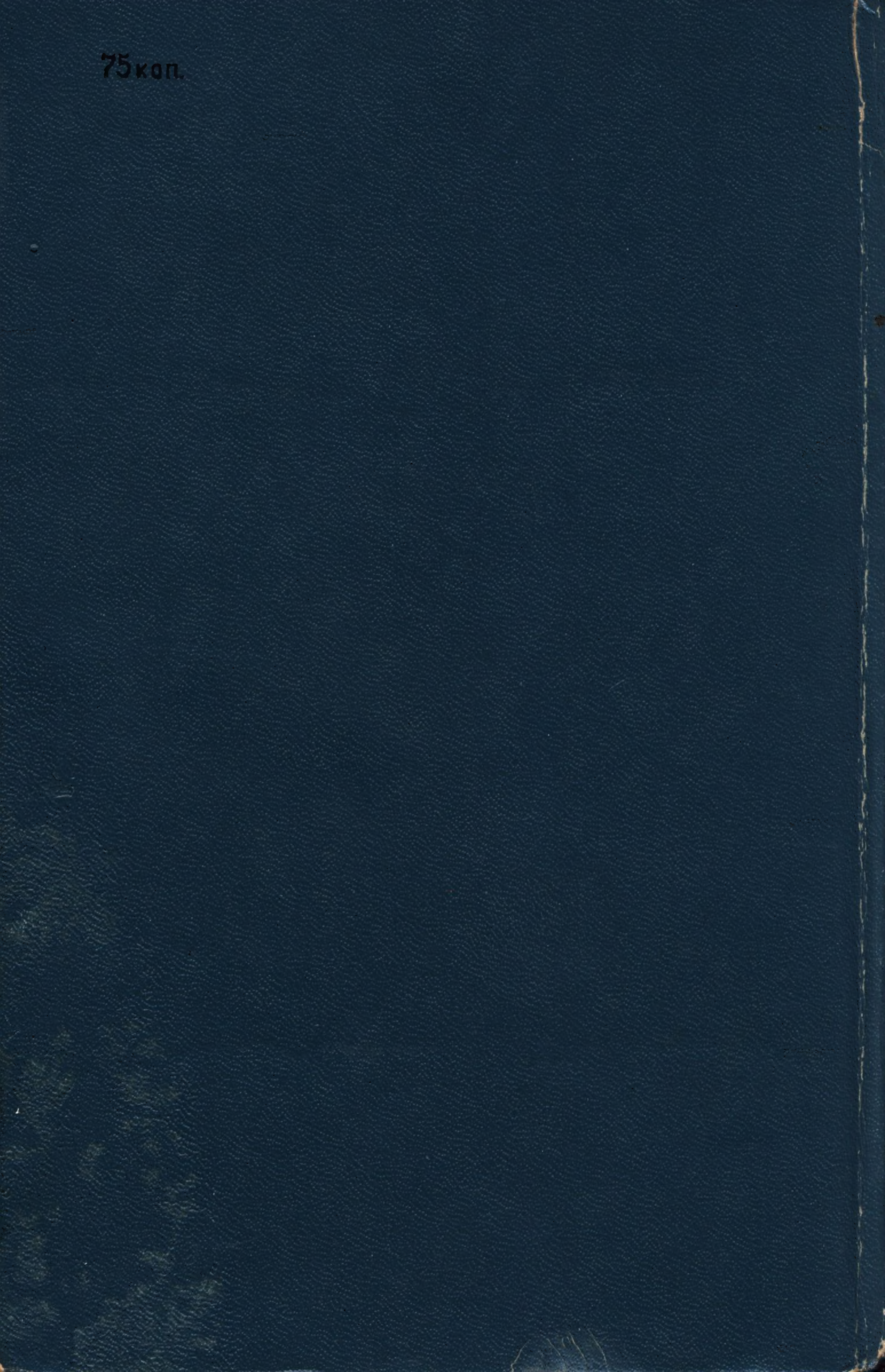
Ответственный редактор В. С. Мальт. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Г. Г. Рыжкова. Корректоры А. Ю. Березутская и Л. Г. Петроченко. Сдано в набор 30.12.81. Подписано к печати 07.06.82. А03689. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 17,24. Тираж 75 000 экз. Заказ № 174. Цена 75 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

75 коп.

ВЯЧЕСЛАВ
ПАЛЬМАН
ЗЕЛЕНЫЕ
ЛИСТЫ
ИЗ
КРАСНОЙ
КНИГИ